

Зарубежная



фантастика

ДЕНЬ
НА КАЛЛИСТО

ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО

Сборник научно-фантастических
произведений



Издательство «Мир» Москва

Зарубежная



фантастика



Зарубежная



фантастика

ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО

Сборник научно-фантастических
произведений

Перевод с чешского и словацкого

Составители

А. Машкова и Г. Матвеева-Мунипова

Предисловие Кира Булычева

МОСКВА «МИР» 1986

ББК 84.4 Че
Д34

Д34 День на Каллисто: Сб. научно-фантаст. произведений; Пер. с чешск. и словацк./Сост. А. Машкова и Г. Матвеева-Мунипова; Предисл. К. Булычева. — М.: Мир, 1986. — 445 с. (Зарубежная фантастика).

В сборник включены произведения современных (70-е — 80-е гг.) чешских и словацких писателей-фантастов — как уже хорошо известных, и не только в Чехословакии, но и в других странах (Й. Несвадба, Л. Соучек, З. Вольный), так и молодых, пробующих свои силы в этом увлекательном виде литературы.

Книга адресована любителям фантастики.

Д 4703000000—439 без объявл.
041(01)—86

ББК 84.4 Че

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© Состав, предисловие и
перевод на русский язык,
«Мир», 1986

Наследники Чапека

Чуть более полувека назад в Москве вышла удивительная книга. Создали ее Максим Горький и Михаил Кольцов. Помогали им сотни журналистов, писателей, художников. Называлась книга «День Мира». В одном громадном томе были собраны репортажи, вырезки из газет и журналов, сообщения телеграфных агентств, фотографии, карикатуры, письма, относящиеся к событиям одного дня: 27 сентября 1935 года.

В этой книге рассказано обо всех странах мира. В том числе и о Чехословакии.

...Близился к концу 1935 год. Завершалась недолгая передышка между мировыми войнами. Уже собирались в Абиссинию дивизии итальянских фашистов, происходили погромы в Германии, Испанская республика стояла на пороге франкистского мятежа, в Маньчжурии хозяйничали японцы, готовясь к наступлению в Китае. Тревожно было и в Чехословакии.

27 сентября 1935 г. газета «Словацкий выход» писала об отказе министра внутренних дел д-ра Черни принять главаря судетских фашистов Гейнлена. Газета «Вечерний народ» возмущалась попыткой немецкого консула в Либерце устроить собрание проживающих там немцев. Два деятеля гейнленовской партии бежали в Германию, опасаясь обвинений в шпионаже... Специальная парламентская комиссия разрабатывала меры по борьбе с кризисом. В Теплице состоялась конференция горняков по

борьбе с безработицей, а на Староместской площади при стечении огромной толпы любопытных состоялась свадьба боксера Эди Грабака и актрисы Любы Герман...

Знаменитый чешский писатель Карел Чапек получил письмо из Москвы от Максима Горького с просьбой ответить, как у него прошел день 27 сентября 1935 года. Вечером того же дня он ответил: «Сегодня я кончил последнюю главу своего утопического романа. Герой этой книги — национализм. Действие весьма просто: гибель мира и людей. Это отвратительная глава, основанная только на логике. Да, это должно так кончиться: «Ничуть не космическая катастрофа, а только соображения государственные, экономические, престижные и т. д. Против этого нельзя ничего сделать» (то есть поскольку эти соображения пользуются признанием). Сатира — самое плохое, что человек может сказать людям, — это значит не обвинять их, а только делать выводы из актуальной действительности и мышления».*

Последняя глава «Войны с саламандрами» (а именно этот роман Чапек завершил в 1935 году) не только перекликается с картиной мира, обрисованной в книге Горького и Кольцова, но и продолжает повествование в трагическое будущее. Книга пророчески актуальна. И осталась актуальной по сей день.

Существует широко распространенное заблуждение, будто научная фантастика — это как бы отрасль научно-популярной литературы с креном в прогностику. Писатель-фантаст должен вроде бы изобретать на бумаге новые машины или технологические процессы, подсказывая инженерам, чем им следует заниматься. Мне приходилось видеть списки «открытий» Жюль Верна и Герберта Уэллса. Но я глубоко убежден в том, что ни один фантаст ничего не изобрел. Потому что это — не его

* Цитируется по изд.: Чапек К. Собр. соч. в 5-ти томах. М.: Худ. лит., 1959, т. 5, с. 486.

дело. Даже в конце прошлого века научная деятельность и изобретательство требовали специальной подготовки. Сегодня претензии на открывательство звучат совсем уже несерьезно. Разумеется, возможны ситуации, когда писатель имеет вторую профессию и в рамках ее может прогнозировать определенные тенденции прогресса. Например, Иван Ефремов в одном из рассказов описал открытие кимберлитовых трубок в Якутии. А через несколько лет там и в самом деле были найдены месторождения алмазов. Ничего удивительного: Ефремов был профессионалом-геологом, он работал в Якутии и знал, что вероятность нахождения алмазов диктуется геоморфологической структурой района. Но писателя Ефремова интересовали проблемы иные — человеческие. Как и Жюль Верна.

Если говорить об изобретениях, то, как принято считать, наиболее известное из них принадлежит тому же Карелу Чапеку — он изобрел роботов. В действительности же роботов изобрели инженеры. Чапек создал образ.

Ни один человек не смог бы достичь Марса способом, который предложил Алексей Толстой. Хотя бы потому, что ни читатель, ни сам Алексей Толстой не знали, каков состав топлива, доставившего на Марс инженера Лося. Никто не смог бы построить механического робота по описанию Чапека. К счастью, писателей это не интересовало. Им важно было рассказать о своих современниках, о проблемах, которые занимали и мучили их самих. Роман Алексея Толстого «Аэлита» — это отражение проблем, вставших перед людьми, совершившими революцию и преодолевшими годы гражданской войны, когда вдруг обнаружилось, что надо внутренне перестраиваться, что всемирная революция пролетариата откладывается на неопределенный срок. Потерпели поражения революции в Баварии и Венгрии. Потерпела поражение и революция на Марсе. Но остались люди, остались их идеа-

лы, остались надежды. Роман Алексея Толстого был современен, реалистичен, каким бы фантастическим ни казался его антураж. И дожил он до наших дней только потому, что это роман о людях, о чувствах, что не устарели, и стремлении к мечте, которая осталась с нами.

Возвращаясь к Чапеку, человеку, определившему развитие современной чехословацкой и во многом мировой фантастики XX века, следует повторить, что он был истинным фантастом — то есть писателем, посредством фантастических образов рассказывающим всегда и только о проблемах окружающего его общества. Вот что сам Чапек писал о романе «Война с саламандрами»: «Критика сочла мою книгу утопическим романом, против чего я решительно возражаю. Это не утопия, а современность. Это не умозрительная картина некоего отдаленного будущего, но зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гуще чего мы живем. Тут дело не в моем стремлении фантазировать... мне важно было показать реальную действительность. Ничего не могу с собой поделаться, но литература, не интересующаяся действительностью и тем, что действительно происходит на свете, литература, которая не желает реагировать на окружающее с той силой, какая только дана слову и мысли, — такая литература чужда мне».*

Творческая эволюция Чапека так неразрывно связана с судьбой Чехословакии, да и всей буржуазной Европы в межвоенные годы, что понимаешь — ни один писатель-реалист не смог бы так точно и драматично отразить перипетии эпохи. Изумительный, бурный, порой озорной «Кракатит» полон споров и сомнений о смысле власти и относительности всемогущества науки. «Война с саламандрами» — осознание того, что грозит миру, и предупреждение, вызванное пониманием беспомощности Че-

* Цитируется по изд.: Чапек К. Собр. соч. в 5-ти томах. М.: Худ. лит., 1959, т. 5, с. 483.

хословакии перед витающей в воздухе угрозой фашистской агрессии. «Белая болезнь» — это уже попытка борьбы с фашизмом, который встал у дверей. Чапек ненавидел фашизм и сам был ненавистен фашистам. Смерть спасла его от концлагеря и казни: фантаст-гражданин — опасный враг для фашизма и тоталитаризма. В его руках могучее и острое оружие — гипербола. Он может показать мир под увеличительным стеклом воображения, когда микроб, еще не вызвавший смертельную эпидемию, ничтожный на вид, становится страшным и очевидным. Чапек может образно доказать, как наши сегодняшние отношения, увиденные в свете отношений с этой угрозой, ведут к беде.

В ранних своих романах Чапек предупреждал, предостерегал, но не был трагичен. В последних он нарисовал трагические картины.

Фантастика — это не жанр, как порой принято говорить. Фантастика включает в себя любые жанры, от бурлеска и сатиры до детектива, психологической драмы и высокой трагедии. Фантастика — это способ видения мира под тем особым углом зрения, что превращает неочевидное в явное, муху в слона. Но только при условии, что эта муха и в самом деле таит в себе слона.

Трагизм Чапека был вызван трагизмом эпохи. Вместе с тем он сохранял надежду на окончательную победу добра. Карел Чапек неповторим, как неповторимо его время.

Сегодня времена иные. Нет фашизма, он — вчерашний день Земли. Но есть его последыши, которые, сменив этикетку, благоденствуют. Есть угроза миру, о масштабах которой даже такой фантаст, как Чапек, догадаться не мог. Но есть и иные силы на планете, которые противостоят угрозе войны. Изменилась и Чехословакия. Пришли иные писатели.

Что же представляют собой наследники Чапека?

Для любого зарубежного читателя чехословацкая

фантастика неизбежно связана с именем Карела Чапека. Как польская с именами Ежи Жулавского и Станислава Лема. На самом же деле, это, разумеется, упрощение. В литературе Чехословакии можно отыскать и иных авторов, которым не чужд своеобразный, фантастический взгляд на мир. В конце концов и Ярослав Гашек — во многом фантаст. Его Швейк существует в мире гиперболизированном, уродства которого доведены до гротеска, и борется с этим миром своими, фантастическими способами.

Но стереотипы существуют — от них никуда не денешься. Вряд ли сейчас кому-нибудь придет в голову мерить советскую фантастику только по Алексею Толстому или только по Михаилу Булгакову, ибо много было у нас больших писателей и очень разных. Чапек уникален. Не только в чешской, но и в мировой литературе он знаменует собой особое направление. При этом он остается писателем национальным, существование его вне Чехословакии немыслимо. Неудивительно, что фантастика ЧССР мерится по Чапеку, а современных фантастов Чехословакии можно считать наследниками писателя. И, право же, это неплохое наследство, стыдиться его не следует.

Но сейчас нам интересно не признание этого феномена, а реальное выражение в новой исторической обстановке принципов Карела Чапека: злободневности, гражданственности и человечности.

Первый и очевидный вывод, к которому приходишь, познакомившись со сборником, предлагаемым издательством «Мир», заключается в следующем: фантастика в современной Чехословакии не только существует, но и популярна, издается сравнительно широко, и в этой области работают десятки писателей, живущих не только в Праге и Братиславе, но и в других городах страны. Учитывая интерес к фантастике, книги этого рода издают многие центральные издательства, и тиражи их весьма солидны. Для фантастической книги

в ЧССР обыкновенен тираж в 30—50 тысяч экземпляров. Для сравнения скажем, что, если увеличить эту цифру пропорционально населению нашей страны, это означает тиражи порядка миллиона и более экземпляров. И книги эти на полках не залеживаются. В последние годы произведения фантастов Чехословакии вышли за пределы страны. Теперь уже и в других странах переводятся не только произведения Чапека, но и книги Йозефа Несвады, Ярослава Вейса, коллективные сборники.

Очевидно, этот возросший интерес к фантастике ЧССР объясняется тем, что к группе давно уже известных и по сей день работающих авторов за последнее десятилетие присоединился новый отряд писателей, как чешских, так и словацких. Более того, к фантастике обратились и некоторые известные писатели реалистического направления.

Явление это повсеместное и объяснимое. Мир меняется столь быстро, усложняется столь интенсивно, что реалистическая литература порой не дает возможности писателю наиболее полно выразить свое отношение к жгучим проблемам современности, к быстрым переменам в человеческих отношениях и экономическим сдвигам в обществе. В Советском Союзе и до войны к фантастике обращались крупные писатели-реалисты, среди которых Алексей Толстой, Леонид Леонов, Андрей Платонов и Михаил Булгаков. За последние же годы фантастика привлекала Владимира Тендрякова, Чингиза Айтматова, Владимира Орлова и др.

Среди авторов сборника «День на Каллисто» к категории известных писателей-реалистов следует отнести словацкого писателя Ивана Изаковича, автора нескольких романов, в том числе исторического, действие которого происходит в последние годы царского режима в России. Широко известно в Чехословакии творчество Яна Ленчо и Яны Моравцовой, также отдающих предпочтение реалистическим средствам изображения.

Но в основном в сборнике представлены писатели, которые полностью посвятили себя фантастике и вне ее не работают. Их можно довольно четко разделить на два поколения. Так, Йозеф Несвадба, Вацлав Кайдош, Ярослав Зика и Людвик Соучек — ветераны фантастики. Их писательский стаж насчитывает десятилетия, они выпустили немало книг, и их произведения — по сборникам, по публикациям в журналах — известны советским любителям фантастики. Все упомянутые писатели начали печататься уже после войны — на годы войны и немецкой оккупации пришлось их юность. Подросками они не только читали в газетах рассказы, а в театре видели премьеры пьес Карела Чапека, но и могли встретить его на улице. Их по праву можно считать прямыми наследниками великого фантаста.

Другая часть авторов нашего сборника — в основном люди, родившиеся после войны. Они выросли и сформировались в мире, который уже вышел в космос. Для них Чапек — история, часть духовного национального наследия.

Говоря об авторах сборника, хотелось бы упомянуть об одной черте, их объединяющей, черте, весьма важной для понимания особенностей современной фантастики ЧССР. Многие из них, став писателями, не расстались со своей прежней профессией. Даже добившись известности, напечатав несколько книг, они чаще всего остаются учеными, причем в своей основной специальности добиваются не меньших успехов, чем в фантастике. Так, Вацлав Кайдош — отличный профессионал-хирург, специалист в области иглотерапии, Ярослав Вейс — популяризатор науки и техники, Ярослав Зика — химик, профессор знаменитого Карлова Университета в Праге, Людвик Соучек (ныне покойный) — врач, Иржи Чигарж — биолог и т. д.

Аналогии этому явлению можно найти в советской фантастике и в фантастике западных стран. Достаточно

вспомнить советских ученых И. Ефремова, В. Обручева, Н. Амосова, американца А. Азимова, англичанина Ф. Хойла. Вряд ли этот феномен объясняется соображениями материальными — и Ефремов, и Азимов, и Хойл издавались достаточно широко. Но вместе с тем не стоит, пожалуй, сводить проблему к другой крайности, а именно: фантастику-де пишут ученые, потому что она рассказывает о науке. Далеко не всегда. Лучшие из писателей-ученых самые значительные произведения создавали вне сферы своих профессиональных интересов. Например, геолог Иван Ефремов профессионально не имел отношения ни к античной истории, ни к космонавтике, а астрофизик Фредерик Хойл не занимался ботаникой. Скорее, на мой взгляд, научная деятельность писателей-фантастов позволяет им полнее ощущать пульс современной жизни, определяемой в значительной степени состоянием научного прогресса. И здесь не столь важно, какой именно науке посвятил себя писатель. Любая из них неизбежно расширяет его кругозор как творческой личности.

Познакомившись вкратце с чешскими и словацкими писателями-фантастами, перейдем к разговору о тех произведениях, которые были отобраны — и, по-моему, удачно — составителями этого сборника с тем, чтобы советские любители фантастики могли познакомиться с наследниками Карела Чапека и получить представление, пусть неполное, о том, что интересует писателей ЧССР и, соответственно, что интересно чехословацким читателям.

Пожалуй, самый важный вывод, к которому приходишь после чтения помещенных в сборнике произведений, заключается в том, что главный завет Чапека — писать о современности и современных проблемах — сегодняшними писателями-фантастами Чехословакии выполняется последовательно и твердо. Практически в центре любого рассказа та или иная человеческая проблема, решенная парадоксально, порой полемично, увиденная под неожиданным углом и высвеченная ярким огнем воображения.

По моему глубокому убеждению, некорректно по отношению к читателю, которому предстоит самому оценить сборник, излагать, как порой это делается в предисловиях, сюжеты публикуемых рассказов. Ведь зачастую именно преждевременно раскрытый сюжетный ход способен убить свежесть восприятия от прочитанного произведения. Памятуя об этом, я позволю себе остановиться лишь на темах некоторых рассказов именно с точки зрения соотнесения их с проблемами наших дней.

Старейшина цеха чешских фантастов Йозеф Несвадба — пожалуй, один из самых известных писателей-фантастов за пределами Чехословакии — представлен в сборнике небольшой, довольно традиционной повестью «Голем-2000». Под традиционностью я имею в виду, что «Голем-2000» — новая интерпретация извечной проблемы двуликого Януса, доктора Джекила и мистера Хайда. Добра и зла в человеке. Обращаясь к этой проблеме, многие писатели, от Оскара Уайльда до Достоевского, по-своему строили сюжет и по-разному акцентировали внимание на различных аспектах этой извечной проблемы. Йозеф Несвадба избрал приключенческий жанр, сделав своего «Франкенштейна» андроидом.

Говоря о литературных аналогиях, о предшественниках Несвадбы, о разработке известной темы, я отнюдь не хочу поставить это в упрек маститому чешскому фантасту. Любую тему в литературе, и в фантастике в частности, писатель вправе поднять, независимо от того, решалась ли она уже его предшественником. Главное, чтобы ему было что привнести в нее личного и нужного для читателя.

Можно продолжить тематический разбор рассказов сборника, находя в большинстве из них обращение именно к современным проблемам. В «Клятве Гиппократа» Людвик Соучек размышляет об ответственности современного ученого перед миром, развивая, к сожалению, ставшую типичной, ситуацию, когда видимая обыден-

ность научного труда скрывает под собой возможность катастрофического влияния на судьбы человечества. Равнодушие оборачивается безответственностью, безответственность ведет к трагедии. Большой рассказ Людмилы Фрейвой «Невидимые преступники» — размышление о роли и месте искусства в жизни людей, изящная миниатюра Ондржея Неффа «Запах предков» — неожиданный взгляд на проблему экологии и т. д. Далеко не всегда актуальность темы очевидна с первого взгляда и аналогии прозрачны, ибо литераторы пишут о людях, преломляя проблемы сквозь их характеры и судьбы.

Рассказ Вацлава Кайдоша «Курупир» — совмещение экзотической приключенческой истории с политическим памфлетом. Это — предупреждение, ставящее читателя перед проблемой живучести зла и его силы. Сила эта заключается в том, что преграды, стоящие на пути ко злу у честного человека, преграды моральные — совесть, честь, понимание ответственности перед другими людьми — ничто для преступника, стремящегося к своей цели, в данном случае для престарелого фашиста, пережившего вскормившую его систему, но сохранившего в сердце ненависть и подлость. Казалось бы, старый профессор не может представить собой угрозу для наших дней. Но, предупреждает писатель, не надо успокаивать себя: зло изобретательно и живуче. Выход один — бороться с ним прежде, чем оно наберет силу.

Иван Изакович пишет о контакте. О контакте между одиноким, исчезнувшим при загадочных обстоятельствах яхтсменом и инопланетной цивилизацией. Мы много говорим и пишем о гипотетических возможностях контакта с иной цивилизацией, забывая порой о том, что если такой контакт случится, он не означает автоматически галактического братства и взаимопомощи, как нам того хотелось бы. Увы, даже на нашей планете мы далеко не всегда можем достичь взаимопонимания. Поэтому любой фантастический рассказ о контакте, если это

настоящая литература, а не поделка на популярную тему, должен вести к раздумью о смысле контакта и его возможностях. Именно такой путь избрал Иван Изакович в рассказе «Одиночество». Он дает нам возможность заглянуть во внутренний мир героя, которому предстоит одному, без помощи извне, решить для себя проблему, найти выход из одиночества индивидуума и тем самым — из одиночества человечества во Вселенной.

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о рассказе, который снова возвращает нас к теме человеческого одиночества, отношения человека с себе подобными, чтобы показать, насколько по-разному можно подойти к решению этой проблемы. Я имею в виду рассказ Мартина Петишки «Дерево», написанный по законам и на уровне большой прозы. Человек стал деревом. И для нас неважно, как это случилось. Он был одинок до того, он стал одинок еще более, так как врос корнями в землю, потерял способность двигаться, утратил голос. Конечно, он может найти, вернее, постараться найти смысл в «яблонево́м существовании», в заботе о зреющих на его ветвях яблоках. В этом ирония автора, ибо, пока профессор Кесслер был человеком, вопросы потомства его не беспокоили. Но абсолютное, идеальное одиночество дерева, как отражение абсолютного человеческого эгоцентризма заставляет человека расплачиваться... Сделал ли он вывод из возвращения к людям? Мне кажется — да.

Те примеры, которыми я позволю себе ограничиться, позволяют утверждать, что в сегодняшней Чехословакии у Карела Чапека есть наследники, разные и многочисленные. Продолжение традиций Чапека не означает копирования его произведений или подражания стилю. В чехословацкой фантастике радует ее многообразие. Если говорить о направлении, а не заимствовании, то юморески Збинека Черника о профессоре Холме ближе других к чапековскому восприятию парадокса, к чапековской ин-

тонации. Другие писатели в поисках адекватности современной теме ищут иные пути выражения. И пусть мастерством и талантом они еще не во всем сравнялись с человеком, столь много давшим мировой литературе и столь возвысившим в глазах читателей всего мира чехословацкую литературу, но в сумме своей писатели-фантасты ЧССР представляют заметный отряд во всемирном сотовариществе фантастов. Главное — они создают, повторяя слова Чапека, «не умозрительную картину отдаленного будущего, а зеркальное отражение того, что есть в настоящий момент и в гуще чего мы живем».

Кир Булычев

Ярослав Вейс

День на Каллисто*

Если бы поручик Верт и сержант Луснок не были роботами, служба на Каллисто — спутнике Юпитера — показалась бы им незаслуженным наказанием. И не потому, что служба эта была опасной или отнимала слишком много времени. Скорее наоборот. Человек умер бы от скуки на этой глыбе скал и льда, усеянной круглыми кратерами, как оспинками на теле больного, и перемещающейся вместе с огромным Юпитером по Солнечной системе. Особенно, если бы он был полицейским. Но, сказать правду, люди наведывались сюда с удовольствием, более того — с радостью. Первая же группа исследователей пришла к выводу, что Каллисто вовсе не столь мрачен, не столь холоден и не столь изъеден метеоритами, как считалось после начальных полетов землян. Этот спутник Юпитера, размерами почти не уступающий Меркурию, мог быть и на редкость привлекательным. Если верить знатокам мифологии, ничего удивительного в этом нет: ведь спутник назван в честь дочери Ликаона Каллисто, девушки настолько прекрасной, что сам Зевс потерял голову, добиваясь ее близости.

Теперь вместо Зевса на Каллисто наступали туристы. Они слетались сюда в огромном количестве, не желая

* Пер. изд.: Veis J. Den na Kallistó vydá za rok na Zemi: в сб. *Železo přichází z hvězd*. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

оставить Каллисто в покое, не налюбовавшись вдоволь ее особым миром. Находясь на поверхности спутника, человек чувствовал себя как бы внутри гигантского калейдоскопа. Солнечный свет отражался от скал и сверкающих ледников и, преломляясь, создавал безбрежное море оттенков, переливающихся всеми цветами радуги. Многие даже утверждали, будто от света веет каким-то особым ароматом. Эта удивительная игра света так благотворно действовала на настроение людей, как ни одно, самое приятное лекарство двадцать первого века.

Затем стало известно еще об одном открытии: на Каллисто существовало особое радиационное поле, обладающее уникальными целебными свойствами. Медики в один голос твердили, что курс лечения на планете полезен каждому. Нигде в Солнечной системе не восстанавливаются с такой быстротой силы человека, будь то жители Земли, Марса или иных планет.

Надо ли говорить, что ни одно бюро путешествий не могло позволить себе пройти мимо столь удивительного феномена. Но острая борьба конкурентов ни к чему не привела. Каллисто был объявлен природным заповедником, посещение этого спутника Юпитера разрешалось только тщательно подготовленным экспедициям, проводимым в рамках туристической организации при ЮНЕСКО. Именно эта организация субсидировала постройку уютного городка с множеством отелей возле самых живописных кратеров, а вокруг городка проложила сеть туристских маршрутов. Специалисты создали на Каллисто искусственную атмосферу, значительно более разреженную, чем на Земле, зато насыщенную полезными веществами.

Земной шар заполнили рекламы: **«ДЕНЬ ОТДЫХА НА КАЛЛИСТО ВОСПОЛНИТ ЗЕМЛЯНАМ СИЛЫ НА ВЕСЬ ГОД»**. Не удивительно, что после таких объявлений путевки на трехнедельный отдых на Каллисто распределялись почти на год вперед. За это время планета

совершала один оборот вокруг Юпитера (что составляло почти 17 земных суток), а оставшиеся дни требовались на дорогу: Земля—Каллисто (Марс — Каллисто) и обратно. Тем самым каждый человек получал возможность полноценно отдохнуть три месяца, да еще от отпуска у него оставалась целая неделя — поезжай куда хочешь. Космодромом служил кратер ныне безжизненно-го вулкана, находящегося в нескольких километрах от городка. Полицейский пост, где несли службу роботы — поручик Верт и сержант Луснок, — был установлен ровно на полпути от космодрома до городка.

Это были андройды — биологические роботы серии «Н-Т». От людей их мог бы отличить разве что специалист-роботопсихолог, и то после внимательного наблюдения: в их речи нет-нет да проскользнет монотонность, иногда они допускают неточность в ударении, что вызвано колебаниями напряжения в энергосистеме, порой звучат непривычные человеческому уху словообразования, что является результатом формального, а не смыслового понимания человеческого языка. Но это понятно, ибо всю важную информацию роботы этого типа получали по иным, своим, каналам.

Общение между поручиком Вертом и сержантом Лусноком происходило посредством прямой передачи лучей, ответственных за деятельность вычислительного устройства, управляющего работой мозга. Беседовать с людьми у них не было необходимости: большую часть информации, которую люди предполагали передать или, напротив, о которой хотели умолчать, роботы умели распознавать.

У полицейских роботов имелись и другие преимущества. Они неподкупны, бесстрастны, их нельзя использовать в личных целях, они объективны и справедливы, им неведомы корыстные умыслы и цели. У них нет семьи, которую надо кормить, поэтому вознаграждения за свой труд они не получают. Кроме того, они не нуж-

даются в сне по восемь часов в сутки, превосходно обходятся без кухни, туалета и ванной. Неизменно свежие, работоспособные, они в любой момент готовы выполнять приказания. И хотя роботам приходится встречаться с нарушителями закона, в худшем случае после потасовок их ждет ремонт.

Полицейские-роботы сидели на верхнем этаже прозрачного дома, напоминающего перевернутую вазочку для варенья. В этом доме находился их пост; там они занимались делом, каждый по своей программе. Поручик Верт заполнял бланк ежедневного рапорта (через полчаса удивительный мир Каллисто поглотит густо-фиолетовая тьма), а сержант Луснок немигающими глазами следил за телевизионными экранами, на которых медленно, сантиметр за сантиметром, проходила картина отдельных секторов поверхности Каллисто.

— Шеф, взгляните-ка сюда! Мне что-то здесь не нравится, — беззвучно произнес Луснок. В комнате, где пощелкивали индукционные катушки запросников, не прозвучало ни слова: информацию сержант передал невидимым излучением.

Поручик принял сообщение, подтвердив его своим сигналом.

— Там находится какой-то предмет, он движется, — продолжал сержант.

Верт поднялся со стула и направился к экрану. Особые линзы в его глазах, такие же, как у Луснока, увеличили телесигнал и сфокусировали его, позволяя изучать детали. Одновременно включились детекторы, действующие вне спектра видимого света.

В секторе ЕРТ-45, что в пяти километрах от перевернутой вазочки, в стороне от установленных туристских маршрутов, где сейчас должны были просматриваться лишь неподвижные горы кристаллов льда, что-то шевели

лось. Чем внимательнее всматривались роботы, тем яснее для них становилось, что перед ними человек. Вычислительное устройство в их головах автоматически собирало, оценивало и анализировало получаемые данные: рост 163,2 см, вес, включая одежду, 56,34 кг, температура тела 36,4°С. Существо мужского пола, со светло-голубыми глазами, каштановыми волнистыми волосами и слегка курносый носом.

— Черт возьми, что он там делает? — сигнализировал поручик.

От сержанта, принявшего сигнал, не поступило ответа, значит, вопрос понят, повторять не требуется.

— Нет ли сообщений из отелей о пропаже кого-нибудь из туристов? — уточнил поручик.

Сержант взглянул на панель, которая осуществляла контроль за состоянием дел в отелях. Мирно светящиеся зеленые огоньки свидетельствовали о том, что все в порядке, все зарегистрированные постояльцы находятся в помещениях, наступившие сумерки никого не застали врасплох.

На Каллисто администрация лично отвечала за то, чтобы гости не оставались на ночь вне помещения, поскольку, несмотря на искусственную атмосферу, отмечалась значительная разница между дневной и ночной температурой. Мороз ночью достигал —198°С. Не удивительно, что пребывание ночью вне теплых стен отеля грозило человеку неприятными последствиями: он мог превратиться в сосульку, а размораживание и оживление — не только болезненная, но и дорогостоящая операция, к тому же никто не поручится за ее полный успех. И что немаловажно, обычно такого рода мероприятия влекут за собой бесконечные тяжбы между потерпевшим и туристическим агентством, а это на руку разве только адвокатам.

Но у космической стужи была и положительная сторона: она помогала стерилизовать искусственную

атмосферу спутника, препятствуя проникновению на Каллисто опасных микробов с Земли или Марса.

— Никакой информации не поступало, — докладывал сержант.

— Проверь, нормально ли функционируют информационные системы, — приказал поручик. — В целях перепроверки еще раз опроси все отели. А я приведу в готовность транспорт. Надо полагать, кто-то отправился на Каллисто «зайцем».

Та же мысль промелькнула в голове сержанта. Для проведения операции «заяц» у них была разработана весьма эффективная программа, но до сих пор им не приходилось ее применять. Судя по всему, сейчас такой случай представился. Роботы, проанализировав ситуацию, приняли решение действовать согласно этой программе

Уже через двадцать минут «заяц» стоял перед полицейскими. В комнате было по обыкновению тихо. Сержант подсел к автоматам, фиксирующим содержание беседы. Поручик придвинул стул поближе к столу и предложил задержанному сесть.

Роботы молча взирали на человека, общаясь между собой посредством излучаемых сигналов.

— Я тоже подумал, что это ребенок, шеф, — сигнализировал сержант. — Он объяснил, как там очутился?

— Нет, — с сожалением ответил поручик. — Изображает из себя героя и общаться со мной не желает. Не будь я роботом, врезал бы ему пару раз по мягкому месту, у него бы всю спесь как рукой сняло. Только я не могу так поступить, хотя этот паршивец и заслужил наказание. Стоило нам замешкаться на четверть часа, и от него ничего бы не осталось.

— Отшлепать непоседу не мешало бы, — согласился сержант. — Ведь его отец...

— Помехи в каналах, — констатировал поручик. —

Не забывай — это человек, а мы роботы.

— Сколько ему лет? — Сержант устранил помехи.

— Лет десять-двенадцать. У людей трудно точно определить: стандарт роста у них — фактор не постоянный. Какие сообщения из отелей?

— Всюду туристы на месте. Специально о детях я не запрашивал, ясно и так, иначе они бы меня информировали. За детьми следят особенно внимательно. Безбилетнику сегодня проникнуть на Каллисто невозможно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я еще раз сделал запрос на космодром. Ракета, совершившая сегодня посадку, вылетела не с Земли. В ракете находится особая группа. Обслуживание по классу люкс: за дополнительную плату перед ними разыгрывают космическую катастрофу. Подобные глупости приводят людей в восторг, не понимаю почему? Может, чтобы пощекотать нервы, сбросить лишний вес? На сей раз им устроили «столкновение с астероидом». Пассажирам пришлось перейти на другой корабль. Одновременно имитировали взрыв защитного поля реактора, так что люди переправлялись по аварийному переходу поочередно, один за другим. В таких условиях трудно остаться незамеченным.

— На корабле, который потерпел «аварию», никого не осталось?

— Там мог бы кто-нибудь остаться, но в таком случае ему пришлось бы три месяца просидеть в пустом корабле, управляемом автопилотом в криогенном режиме на орбите Ганимеда.

— Перестань шутить, сержант, — пролетела искра-депеша.

— Есть, поручик!

— Продолжай.

— Остается единственная возможность. Хотя это кажется невероятным, ребенок мог отстать от предыдущей туристской группы. Но неужели о нем забыли роди-

тели? Или, по-вашему, его оставили нарочно?

— Нарочно? Сомневаюсь, взрослого еще куда ни шло, но ребенка... Сам знаешь, люди так дорожат своими детьми.

Поручик взглянул на парнишку. Тот сидел с весьма независимым видом на краешке стула и, казалось, не обращал никакого внимания на полицейских-роботов. Или делал вид, будто их не замечает.

— Но ребенка... — повторил поручик.

Сервомеханизм, управляющий его лицевыми мускулами, сократился и помог скопировать идеальную, слегка снисходительную улыбку.

— Кто здесь ребенок? — спросил парнишка с обидой в голосе. — Случайная промашка, не то бы вам меня век не поймать.

— Он хотел удрать, шеф? — беззвучно спросил Луснок, кивая в сторону «зайца».

— Да. Когда я догнал его в узкой трубе между двумя ледниками, он пытался укусить мой локоть.

Верт отогнул рукав. На бледной, но почти не отличающейся от человеческой коже (при попадании ультрафиолетовых лучей она даже темнела — внутри ее пронизывали каналы с автоматической подачей самых лучших средств для загара) отпечатались ясно видимые следы зубов, которые непременно прокусили бы телесную ткань, будь это ткань человеческого тела.

— Было больно, шеф? — спросил сержант, как полагось спросить человеку в подобной ситуации.

— Еще как. — Поручик обернулся к пленнику. — Ладно, если ты не ребенок, веди себя как мужчина. Отвечай откровенно: как тебя зовут, где живешь, как сюда попал, сколько тебе лет и где сейчас твой отец.

Парнишка завертел головой.

— Ничего вам не скажу. Не скажу, даже если примените пытки.

Поручик вздохнул.

— Тогда мы вынуждены будем узнать по официальным каналам. Лично я думал, что мы узнаем все от тебя тут, на месте, так будет быстрее, и ты сможешь идти спать.

— Я не хочу спать, — сказал мальчик и принял позу гордого вождя индейцев, от которого бледнолицым больше не вырвать ни слова.

— Вызови Центральную, Луснок, — сигналом приказал поручик. — Да быстрее.

— Но такой способ связи в пять раз дороже, шеф. Придется писать объяснительную.

— Причина уважительная. Мой компьютер не запрограммирован на подобный случай. У тебя, кстати, тоже такая программа не предусмотрена.

— Будет исполнено, шеф.

Не прошло и тридцати секунд, как Луснок связался с Центральной Земли, за тридцать секунд передал подробный отчет о происходящем. Центральная за три секунды проверила все рапорты и ответила на Каллисто, что на борту корабля, направляющегося от Юпитера к Земле, все пассажиры на своих местах.

На Каллисто роботы ждали дальнейших инструкций. Центральная молчала тридцать минут, после чего соединилась на три секунды непосредственно с поручиком Вертом.

— Держу пари, шеф, — просигналил Луснок, — что на связь с вами вышел начальник, а завтра он примчится сюда на первом же транспорте.

Начальником отдела был педантичный, малоразговорчивый человек, которого многие считали роботом.

— Ты проиграл, — ответил поручик, — начальник не придет. Никаких происшествий. Вот этот красавец, — Верт кивнул в сторону мальчика и произнес вслух: — не человек, а робот.

— Робот? — взволнованно переспросил сержант.

— Неправда! — крикнул мальчишка, вскочив со стула.

— Правда! — поручик перешел на человеческую речь. — Ты робот-игрушка. Ты ведь видел рекламу по телевидению? «Пластиковый Братик — купите своему ребенку приятеля! Полностью автоматизированный, безупречно работающий двойник! Пришлите голограмму вашего ребенка — сына или дочери — и через дней пять получите близнеца. Ручаемся, вы не отличите его от собственного ребенка, с той лишь разницей, что двойник меньше бедокурит! Пластиковый Братик — радость для каждого!» Обыкновенный робот-игрушка, принадлежность любой детской комнаты, — закончил Верт.

— Это неправда! — опять выкрикнул Пластиковый Братик.

— На борту стартовавшего отсюда на Землю корабля пропала одна вещь — игрушка пассажира, вернее, его сына. Пластиковый Братик; рост 163,2 см, вес 56,34 кг, термостат установлен на температуру 36,4°C. Настроен на имя Петр — так зовут самого мальчика. Игрушку забыли в гостинице. Сын боялся признаться отцу, заверил, что положил ее в чемодан. Бедный мальчуган, достанется ему от отца. Ясное дело, парнишку ждет порка. А наш Пластиковый Петр, вероятно, утром удрал из отеля в надежде затеряться. Думаю, он испытал шок от того, что потерял своего хозяина, — ведь программа в компьютере игрушки-робота примитивная, вот бедняга в результате и попал в кризисную ситуацию, с которой не может справиться.

— Только повреждение в твоей схеме может служить оправданием такого необычного поведения, — обратился Луснок к Пластиковому Братiku.

— Это же примитивный робот, — ответил вместо него поручик. — Он поддерживает коммуникацию как люди. Общайся с ним обычной звуковой связью. Говори как люди.

— А мы с ним вели себя как с человеком, — перешел сержант на человеческую речь. — Вам он чуть не

откусил руку, я поднял на ноги почти всю Солнечную систему, а, оказывается, у нас тут самый что ни есть заурядный робот. Лучше бы оставить его на льду, ничего бы с ним не случилось, заржавел бы — и все.

— Не заржавел, — выкрикнул парнишка, — я ведь человек, я не игрушка. Я — Петр.

— Ясно, Пластиковый Петр.

— Петр!

Поручик снова включил сервомеханизм, управляющий улыбкой.

— Петр! Знай твердит свое. Мне нравятся молодые люди, умеющие настоять на своем. Но твои утверждения лишены логики. Если бы ты был человек, то сейчас сидел бы в корабле вместе со своими родителями и направлялся бы к Земле. Ты бы знал, что прятаться вечером в скалах бессмысленно: за это можно поплатиться жизнью. Тебе, конечно, было бы известно, какие здесь ночью морозы и чем это может грозить. Но ты же лишен жизни, поэтому тебе и мороз нипочем. Признайся, разве твои выдумки правдоподобны?

Пластиковый Братик бросил взгляд в угол комнаты, где висел небольшой брезентовый рюкзак.

— У меня был с собой спальный мешок. С обогревом.

— В мешке человеку гарантировано существование при температуре не выше -60°C . А потом ты бы все равно замерз.

Игрушка молчала.

— И еще один аргумент: Пластиковый Братик не имеет права оставлять человека в опасности.

— Никакой опасности мне не грозило.

— Сейчас не грозит. Впрочем, тебе и раньше ничего не угрожало: ты же Пластиковый Братик-робот, хотя перед нами и выдаешь себя за человека. Шоковое состояние, видимо, осталось.

— Петр обещал, что не выдаст меня. Он клялся на пупке.

— На чем?

— На пупке. Вот так.

Пластиковый Братик задрал свитер. И приложил указательный и средний пальцы к небольшому углублению примерно посередине живота.

— Все как у человека, — подал сигнал удивленный сержант.

— Их наверняка напичкали и атавизмами, — про-сигнализировал в ответ поручик. — Клясться на пупке. С таким ритуалом я еще не встречался. Братик, пойми, защитные блоки ты при помощи своих штучек все равно не отключишь, — произнес он вслух. — Блоки специальной конструкции, так что можешь и не пытаться,

— А я ничего не отключал. Все блоки у Петра в порядке. Только я его убедил, что со мной ничего не случится, если он оставит меня здесь. Я предложил ему поменяться со мной.

Поручик удивился:

— Не обманывай нас. Кто же из людей решится на такой шаг? Да разве что получится!

Пластиковый Братик опустил глаза:

— У нас получается. Каждый это умеет. В нашем классе. Надо только...

Он смутился.

— Я не знаю, как сказать. Это надо показать.

Сержант Луснок откинулся на стуле и с независимым видом, гораздо свободнее человека, покачивался на двух задних ножках. При этом он удовлетворенно улыбался. Поручику не нужно было и принимать сигналы мозга Пластикового Братика; ведь у него на лице было написано: «Мы, ребята, горазды на выдумки». Сержант перестал раскачиваться. Стул под ним твердо стоял на всех четырех ножках.

— Хватит над нами потешаться, — строго сказал он. — Роботу трудно выдавать себя за человека, для этого требуются усилия, так что тебе скоро наскучит это за-

нятие. Конечно, в твоём блоке памяти содержится набор смешных и бессмысленных поступков, что характерно и для людей. Люди даже не представляют себе, как неудобно быть человеком.

На минуту в помещении воцарилась тишина.

— Не завидуй им, Братик, — успокаивающе сказал сержант. — Нечему. Жизнь прекрасна не только для тех, кто рожден. Быть роботом лучше. Хотя ты, разумеется, не живой, зато бессмертный. Что же касается того, что роботы обязаны выполнять приказания людей... Поверь, люди тоже выполняют приказания, хотя не признаются в этом.

— Да, но я человек, — упрямо твердил парнишка. Он уже не производил впечатления бойкого мальчугана, как в первые минуты, когда поручик Верт привел его в полицейский участок. — Я живой человек. Спросите у кого угодно.

— Не будем спорить. Еще один вопрос, Братик, — начал Луснок. — Допустим, ты — человек. Зачем же ты остался здесь? Почему не улетел с мамой и папой домой? Пожалуйста, объясни.

Пластиковая игрушка суперкласса широко открыла рот, но не сказала ничего.

— Не знаешь?

— Я... я просто... я хотел попробовать, как...

— Что бы хотел попробовать?

— Как здесь...

— Правильно изъясняться не может, выдает отдельные слова, — послал сигнал сержант.

— Полагаю, вопрос слишком сложен для его программы, — передал в ответ поручик.

— Ну, Братик, — сказал сержант, — до утра останешься у нас, а потом я отвезу тебя на космодром. Через три воскресенья твой хозяин тебя получит. Если хочешь, можешь отключить органы восприятия и активизировать их уже на Земле.

Парнишка поднял голову и умоляюще посмотрел на поручика, судорожно сжав руки.

— Позвоните отцу, пан сержант. Прошу вас. Скажите ему, что я больше не буду. Честное слово.

— Мы уже звонили, Братик. И все, что надо, теперь знаем. Твой хозяин признался, что забыл тебя в отеле. К чему продолжать комедию? Не вижу смысла.

— Хватит с ним возиться, — передал излучением поручик, — У нас и так работы полно, пусть сам позаботится о себе: ведь он же робот.

В тишине снова зашуршала лента автомата-сводки.

— Страшно хочется есть, — нарушил молчание Пластиковый Братик. — Не найдется ли у вас чего-нибудь съедобного?

Поручику надоел этот пустой разговор.

— Нет, — отрезал он. — Мы с сержантом тоже роботы, хотя и выглядим как люди. А роботы обходятся без еды.

Он повернулся к мальчику, и, чтобы нагнать страху, глаза его полыхнули оранжевым светом.

Игрушка расплакалась — получилось убедительно, видно, программа хорошо отлажена.

Ночь шла к концу, часы над главным пультом отсчитывали минуты. Поручик склонился над сводкой, внося в нее информацию о прошедшем дне. Сержант Луснок проверял работу основной и резервной энергосистем. Полицейским на Каллисто приходилось выполнять различные поручения, в конце концов они были роботами.

Пластиковый Братик неподвижно сидел на стуле. Голова опущена на стол, рука повисла вдоль тела, рот полуоткрыт. Будь он и в самом деле человек, можно было подумать, что он ооченел от холода. А ведь спать-то в такой позе неудобно.

— Такое впечатление, что он спит, — передал лучом сержант.

— Этим нас не проведешь. У него слишком простая программа. Если надо, можно заставить спать и утюг.

— А если он и в самом деле спит?

— Глупости, Луснок. Что тебе пришло в голову?

— Не могу забыть одну вещь, поручик. В его ответах что-то не так.

— Он — примитивный робот, сержант. Нечего ждать от него каких-то премудростей.

— Я не об этом. Меня удивила его речь. Роботы так не говорят. И еще: вы обратили внимание, как он строит свои ответы? Нелогично. Кроме того, уровень информации у него крайне низок, наблюдается даже тенденция к ее сокращению. Так говорят люди, а не роботы.

— Это шоковое состояние. Его создали, чтобы он существовал рядом с человеком, а сейчас он оказался один. К тому же на его систему наложилась человеческая психика.

— Не знаю, поручик. Я не уверен.

— А я уверен.

— Докажите.

— Послушай, Луснок...

— Попробуйте сломать ему руку. Если он робот, с ним ничего не произойдет. Вот тут-то он и выдаст себя.

— Брось глупости, сержант. Данные по атмосфере готовы?

— Сейчас подготовлю, поручик.

Слева от полицейского участка горизонт начал светлеть, в небе появились темно-фиолетовые оттенки. На Каллисто занимался новый день.

Вдруг поручик Верт поднял голову от сводки.

— Свяжись-ка еще разок с Центральной, — передал он световым кодом. — Пусть нас соединят с этой ракетой.

— Выходит, я все-таки убедил вас? — торжествовал сержант.

— Ты — нет. Он меня убедил. — Поручик посмотрел на спящего мальчика.

— Только что вы твердили, что спать может и утюг, достаточно составить программу.

— Ты прав. Но разве можно запрограммировать урчание в животе от голода?

Сержант прислушался. Потом, совсем по-человечески, покачал головой и вздохнул.

— А теперь вы отдадите приказ достать в любом отеле молоко и пару булочек с маслом?

— Приказываю, сержант. Только тихо, не разбуди его. Ведь у людей такой чуткий сон.

В разгорающемся солнце ледники вокруг полицейского поста засверкали, образуя многоцветные узоры, как в гигантском калейдоскопе.

Ярослав Вейс

Сердце*

Столб за окном вагона сначала качнулся, а потом начал медленно двигаться. Поезд бесшумно набирал скорость. За привокзальным крытым перроном мелькнула серая каменная стена, а затем снова все окутала тьма туннеля под Виноградами, одного из районов Праги. Глаза Бочек полоснули лучи низкого осеннего солнца; он отвернулся в другую сторону, где в окне вагона под широкими, словно висящими в воздухе железнодорожными путями показались, мгновенно исчезнув, расплывчатые очертания близлежащих домов. Бочек встал и повернул у двери ручку запора. Он был счастлив, что оказался в купе один; хоть теперь не надо никому учтиво улыбаться — это всегда давалось ему с таким трудом.

Бочек протянул руку к ящику для газет, прибитому под окном: там можно было найти всю информацию, уже известную ему о случае со Зденом Румзаком. Он с трудом удержался, чтобы не заскрежетать зубами.

Уж кого Бочек не переносил, так это чемпионов. Спорт, дорогие мои, — своего рода монашество, отрешение от всего земного. Жесточайший режим, каторжный труд и никаких компромиссов. Марек это подтвердит в любой момент. Какое твое заветное желание, Марек?

* Пер. изд.: Veis J. Srdce: в сб. Veis J. Experiment pro třetí planetu. Mladá fronta, Praha, 1976.

© J. Veis, 1976.

Выиграть олимпийское золото. Да, да, уважаемые болельщики, я уверен, у наших скромных парней одно желание — защитить честь и славу отечественного спорта. Выиграть. Добыть золото. Давно минули времена, когда четвертую программу телевидения никто не смотрел, а спортивные новости занимали скромное место на последних страничках газет. «От этого теперь в выигрыше только спортивные комментаторы, — подумал Бочек. — Будь моя воля, я бы заставил их всех лет пять непременно прочитывать или прослушивать всю свою чепуху — одно вранье и трепотня...»

Дед с коробкой из-под печенья явился к Бочеку в канцелярию вчера в шесть утра. Его привел вахтер. Старик, поспешно выложив коробку на стол, затараторил:

— Это вам из государственной больницы, сказали — неотложно. Так что извольте мне, значит, подписать, что вы получили в собственные руки.

— Из больницы? Что же это за штука? — Бочек взглянул на коробку. Но дед, видно, был не в духе, даром что пришел так рано.

— Вестимо, из больницы. Мне подробности не докладывали. Мое дело — получить подтверждение, что вам доставлено в собственные руки.

Бочек расписался. Разорвав коричневую клейкую ленту, он открыл коробку. Внутри, завернутый в стерильный гигиенический пакет, оказался какой-то прибор. Несколько трубочек из мягкого, эластичного материала соединялись в замысловатый сосуд. Бочек сунул руку в пакет, но тотчас же отдернул ее: штуковина-то пульсировала, он ясно ощущал ритмичные толчки.

— Вот ведь выдумщики в этой больнице, — произнес он вслух, развертывая исписанный лист бумаги, вложенный в коробку.

Здену Румзака доставили в больницу почти сразу

после аварии, надо полагать, не более чем через полчаса. Несчастный случай, нередкий среди знаменитых спортсменов. Румзак, конечно, считал себя и за баранкой таким же королем, как на футбольном поле. Ведь он, как трубила пресса, лучший в стране тренер по футболу.

Морозящий ледяной дождь почти сразу же примерзал к земле, покрывая ее корочкой льда, а Румзак мчался со скоростью свыше ста семидесяти километров в час. Он уже миновал Хлумец, как вдруг на дороге очутился старик-пенсионер, который по старой привычке возвращался из пивной домой напрямик, через автостраду. Румзак совершил непоправимое: резко нажал на тормоза. Изящная малолитражка «Рено-36» наскочила на бортик посреди автострады и, перепрыгнув через него, угодила на противоположную сторону шоссе, а оттуда в кювет. На металлический корпус машины опрокинулся бензобак. Машина загорелась. Через несколько минут на место происшествия прибыла аварийная служба. Пожарники сбили огонь и вытащили водителя, вернее, то, что называлось его телом. В тот же миг приземлился санитарный вертолет, а уже спустя четверть часа Румзак лежал на операционном столе хирургической клиники в городе Градец. Диагноз гласил: скрытый перелом черепа; височная кость пробита; кровоизлияние в мозг; сломано девять ребер; необратимая деформация таза; обе тазобедренные кости раздроблены; ожог второй и третьей степеней почти на одной трети поверхности тела.

Слепому было видно, что Румзак безнадежен, но врачи сделали все возможное, чтобы его спасти. Спустя несколько часов энцефалограф, который до сих пор регистрировал слабую деятельность мозга, стал чертить прямую линию. Дыхание остановилось. Лишь сердце, на удивление всех, продолжало ритмично работать.

Не в силах объяснить столь беспрецедентный случай — бесперебойное пульсирование сердца — врачи мучились с больным еще не меньше часа, пока, наконец,

решившись, не вскрыли грудную полость. Там, внутри, оказался прибор, сокращавший сердечную мышцу. Когда прибор осторожно извлекли из тела, врачей ожидал еще один сюрприз: искусственное сердце продолжало биться. В ту же ночь оно, упакованное в гигиенический пакет, попало в государственную больницу, а оттуда в шесть утра было доставлено Бочеку.

«Пусть решает шеф», — мудро рассудил Бочек, вложив прибор обратно в коробку из-под печенья. Еще через минуту он, заикаясь, объяснял майору причину своего появления в столь ранний час. Попробуйте-ка растолковать, кто, разумеется, собственными глазами не видел эту трепыхающуюся вещичку, что существует искусственное сердце, с которым еще вчера живой человек бродил по свету!

— Только этого нам не доставало, — недовольно пробасил майор, окончательно проснувшись.

Днем им удалось созвать достаточно компетентный совет, который, разумеется, состоялся за закрытыми дверями. Ни один из четырех присутствовавших на нем академиков и профессоров университета до сих пор не слышал о практическом применении искусственного сердца. И хотя кардиохирургический центр в клинике американского профессора Шамуэя достиг определенных успехов в этой области, больной с их аппаратом никак не мог покинуть здание больницы. Прибор был ненадежным, к тому же источник энергии находился вне человеческого организма.

— Нас интересуют прежде всего два вопроса, — резюмировал шеф Бочека в конце совещания, которое не пришло к определенному выводу, — на каком принципе основано действие аппарата и откуда он вообще появился? На первый вопрос мы ждем ответа от Академии наук, решение второго берем на себя. Я настоя-

тельно просил бы вас не придавать гласности данный случай, пока не выяснятся все обстоятельства. С прибором могут ознакомиться лишь надежные люди. Мы, со своей стороны, постараемся вести расследование осторожно, квалифицируя его как обыкновенный дорожный несчастный случай.

Он остановил взгляд на Бочеке, словно решившись наконец подарить ему к рождеству игрушку, о которой тот мечтал уже с марта. Поручику стало ясно: свои пять дней отгула он не получит. Задвигались стулья. Ученые столпились вокруг прибора.

— Отправьте сообщение в Чехословацкое агентство печати,— приказал шеф Бочеку.— Тренер Здена Румзак, получивший тяжелые ранения в автомобильной катастрофе, находится в пражской государственной больнице.

Вернувшись к себе, Бочек увидел на столе уже подписанный приказ о том, что он командировается в город Т. «Узнать бы заранее,— подумал он мрачно,— сколько еще у меня прибавится отгулов. Вот что значит не уметь вовремя увильнуть!»

— Это доктор Гольман? Говорит Бочек. Я приехал из Праги по поводу... по поводу аварии с тренером Румзаком... Я разыскиваю вас с самого утра, пан доктор.

— Ничего удивительного — у меня полно работы. Если вы, любезный, разъясните конкретно, о чем идет речь, я постараюсь вас принять.

— Разговор пойдет об аварии на автостраде. Мне необходимо с вами увидеться.

— Почему именно со мной? Если вас интересует авария, в которую попал Румзак, то обратитесь лучше к людям, непосредственно связанным с этим делом. Например, в полицию. Или к автомеханику самого Рум-

зака. Позвоните в секретариат Футбольного общества, но не пытайте меня, оставьте меня в покое. Я, милейший, Румзака знал не более любого другого в нашем городе, а почему он попал в аварию, не ведаю, и посему ничем не могу вам помочь. И чем это вас заинтересовала авария?

— Простите, мне следовало сразу представиться. Я из соцстраха.

— Ах, вот что. Впрочем, этого надо было ожидать. Человек не успел умереть, а представители соцстраха тут как тут, беспокоятся о своих деньгах.

— Но ведь деньги не наши, пан доктор.

— Неважно. Вы стараетесь найти любой предлог, лишь бы не выплачивать пособие. Если вы хотите услышать от меня, что Румзак был горький пьяница, так не рассчитывайте.

— Да я и не требую ничего подобного, пан доктор. Мне бы нужно...

— Послушайте, мне действительно нечего добавить. Я слышал по радио о катастрофе, прочитал о ней в газетах — и все. Позвоните лучше в автоклуб, там вам дадут справку, в каком состоянии тормоза у его машины. Номер телефона вы найдете в телефонном справочнике.

— Но...

— До свидания. Вернее, прощайте.

Отбой, доктор положил трубку. Бочек вышел из телефонной будки.

Имя доктора Гольмана Бочек слышал еще в Праге. Когда академик Ангел, принимая от Бочека искусственное сердце, все еще пульсирующее в пустой коробке из-под печенья, ставил свою подпись в акте передачи, он призадумался.

— Я вспомнил вот о чем, — наконец сказал он, — в городе Т. практикует некий доктор Гольман. Одно время, сразу после окончания института, он работал у нас в клинике. Весьма талантливый молодой чело-

век. Но, сами знаете, каково пробиться в крупных учреждениях. В провинции способный специалист быстрее достигнет своей цели. Если память мне не изменяет, его уже тогда называли виртуозом. Но вот уже лет десять, как я о нем ничего не слышал. Поезжайте-ка к нему, кто знает — может, там вы найдете ключ к отгадке.

Вторично имя Гольмана Бочек услышал в канцелярии Футбольного общества. Поручик предстал там под видом общительного, но чуть глуповатого служащего соцстраха, ярого болельщика футбола.

— Что вам угодно? — встретил Бочек атлетического сложения мужчина в галстук с эмблемой клуба. Ему было лет сорок. — Но предупреждаю: у нас нет времени.

— Мне бы только подтвердить кое-что, — ответил Бочек самозабвенно. — Писать я о вас не собираюсь.

— Так каждый заявляет. Перед вами тут побывал корреспондент из журнала «Молодое слово». Спросите-ка у него, куда мы его послали. Чуть очки свои не потерял.

— Послушайте, я не писака, — запротестовал Бочек.

— Так чего ты здесь околачиваешься?

— Я из соцстраха, из Праги. Фамилия моя Бочек. Мне не до шуток. Приехал я по поводу...

— А ты не врешь? Эй, Тонда, — обратился атлет к мужчине, который старался, правда, безуспешно, набрать нужный телефонный номер. — Не встречал ли, случайно, этого парня? Он клянется, что не из газеты.

— Только если новенький. Но о футболе-то он не пишет, это точно. Тех болтунов я наперечет знаю. Так вы из соцстраха? По поводу несчастного случая со Зденой, да?

В комнате сразу стало тихо.

— Вот именно, — вздохнул Бочек. — Понимаете, пан Румзак — человек знаменитый, поэтому руководство

конторы соцстраха вынесло решение побыстрее выяснить обстоятельства аварии. В интересах клиента, разумеется. По этой причине я здесь: чтобы поскорее на месте оформить все надлежащим образом. Собственно, речь идет о самых пустяковых деталях.

— Как по-вашему, Румзак выберется оттуда живым?

— Разве можно угадать? Я не врач. Но соцстрах, без сомнения, сделает все, что положено. Румзак свои денежки получит. Вы ведь платили за него взносы?

— А как же. Вернее, не мы, Общество. Но он еще дополнительно страховался, лично.

— Да, да, мы в курсе. Кстати, не можете ли вы сказать: не ухудшалось ли его здоровье по сравнению с моментом заключения страхового договора? Он на что-нибудь жаловался?

— Здена-то? Он здоровее всех нас вместе взятых. Каждый день бегал с ребятами по полю. Личный пример тренера многое значит,— заметил представитель спортклуба.— Мне до него далеко.

— Так, значит, в последнее время Румзак не обращался к врачу? Или, может, он вынужден был соблюдать особую диету?

— Да вы в своем уме? Здена ест и пьет, как любой из нас. В меру, но никаких запретов. И курит, правда, иногда, не часто, но не отказывает себе в этом удовольствии. Так и пометьте в своем отчете. Разве я не прав?— обратился он к остальным.

— Прав, прав,— подтвердил Тонда, который все еще держал в руке телефонную трубку.— Если ты помнишь, Здену последний раз прихватило во время турнира по Южной Америке. Три года назад.

— На него климат подействовал, давление. Находились мы там, в Южной Америке, почти два месяца,— красавчик-атлет снова устремил взор на Бочека. — То ли адаптация трудно проходила, то ли еще бог знает что.

Тогда Здена страдал от сердечных приступов, но доктор Гольман быстро привел его в чувство.

— Доктор Гольман?

— О, это настоящий мастер своего дела. Он числится у нас в Обществе врачом. Не скажу, чтоб надрывался, но посильную помощь нам оказывает, да и мы берем его с собой, когда отправляемся в поездки по свету. За границу мы выезжаем дважды в год, зимой — на продолжительный срок: в Австралию или в Америку. Сегодня большой футбол — как перелетная птица.

— Верю, верю. Постойте-ка, вы случайно не припомните, лежал ли пан Румзак в какой-нибудь больнице, когда ему стало плохо?

— Нет, не лежал, я это точно знаю. Я бухгалтер Общества, так что счет за лечение попал бы в мои руки. Тогда — это случилось в Колумбии — доктор уложил его в постель и лечил его сам. А через несколько дней мы возвратились домой.

— Так что доктор долечивал его дома?

— Да, доктор Гольман ненадолго отправил его в госпиталь. А потом Здена взял отпуск, прямо из больницы уехал отдыхать, не заходя к нам, это я хорошо помню. Тонда, сколько он тогда отсутствовал?

Тонда наконец повесил злополучную трубку, которая издавала отчаянные гудки.

— Семь недель. Я тогда впервые тренировал нашу команду вместо него. Как ассистент. Он расписал мне все буквально по дням. Я обращал внимание главным образом на физическую подготовку. Тренировал каждого индивидуально, а после обеда давал нагрузку ого-го какую.

— Эти сведения, разумеется, не для отчета,— поспешил заверить Бочек.— Не припомните ли, кстати, с чем он в больнице лежал?

Член спортклуба пожал плечами.

— Даже не знаю, что вам сказать? Думается, он

просто хотел отдохнуть. Видите ли, доктор Гольман порой дает нам такую возможность. На пару деньков запрячет человека у себя в корпусе в одноместной палате, окна выходят в сад, тихо, приятно. Но об этом, понятно, вы не упоминайте, такие действия иногда превратно истолковываются.

Проходя мимо полуоткрытых дверей, на которых прибита табличка «Душевая», Бочек невольно прислушался к голосам, перекрывающим шум воды. Он осторожно заглянул туда. Из кабин, выложенных кафелем, валил пар.

— Если Здена не выкарабкается, нам крышка,— басил кто-то.— С Тондой первенства не выиграть, он в нашем деле мало что смыслит.

— Здена придет в норму,— раздался голос из соседней кабины.— Нынешние врачи чудеса творят. Помнишь, как скрутило Бекаларжа из «Спарты»? А сегодня он снова в сборной и выступает на чемпионате страны.

— Если бы Здена попал в руки к Гольману, тогда, конечно, можно было бы поручиться. Этот доктор и мертвых воскрешает.

Пар и сырость сделали свое дело: Бочек громко чихнул.

— Кто там еще?— из первой кабины появился загорелый парень.— Что вам здесь надо?

Бочек снова чихнул.

— Я ищу... я ищу доктора Гольмана.

— Вот как! Но его тут нет.

— Убирайтесь-ка отсюда пододру-поздорову,— заявил второй футболист.— Не глазейте понапрасну. Нет тут никакого доктора Гольмана.

Бочеку не оставалось ничего другого, как выскочить вон. В холодном коридоре он снова чихнул. «Уж эти спортсмены,— успокаивал он себя.— Чемпионы!» Но все его мысли были заняты тем, что он увидел в душевой: у того, второго футболиста, что постарше, на ле-

вой стороне груди, там, где находится сердце, явно проступал шрам.

С завидным терпением Бочек второй час кряду поджидал доктора Гольмана, сидя под дверьми его кабинета.

Больные один за другим исчезали в ординаторской. Коридор опустел.

Поручик неоднократно стучал в дверь — никакого ответа. Попробовал повернуть ручку, но та не поддавалась. Бочек пытался останавливать сестер, сновавших взад-вперед по коридору. Они отвечали охотно, но стереотипно: «Не знаю», «Он где-то тут», «У него много работы».

Стукнули дверцы лифта. Пожилой мужчина в белом халате направился к дверям кабинета Гольмана. Бочек стремглав ринулся ему наперерез, насколько, правда, позволяли сделать такой маневр огромные бесформенные больничные тапочки.

— Простите, вы, случайно, не доктор Гольман?

Мужчина с любопытством посмотрел на Бочека.

— Нет. Моя фамилия Горак, ассистент Горак. Доктор Гольман в своем кабинете, — он указал на двери. — Я как раз иду к нему, — постучав, он нажал на ручку. — Ах, его нет. Жаль, мне бы надо с ним кое-что обсудить, — пробурчал ассистент, удаляясь.

«Мне тоже», — вздохнул Бочек, вновь усаживаясь на скамейку.

— Обождите, пожалуйста, пан приматор, — раздался голос из соседнего кабинета. В дверях вырос очкастый молодежавый врач. — Мне нужно проконсультироваться с вами.

Бочек взял старт, молниеносно бросившись вперед. В пустом коридоре маячили лишь две фигуры — он, Бочек, и ассистент Горак. Поручик понял обман.

— Неуместная шутка, скажу вам. Я жду вас уже два часа, пан доктор.

— Это вовсе не шутка. И ждете вы напрасно, я уже сказал: с вами не намерен ничего обсуждать. Вы, простите, тот человек из соцстраха, что мне утром звонил? Что, собственно, вам от меня нужно?

— Мы не договорились по телефону, да и теперь впопыхах, что называется на одной ноге, тоже не договоримся. Мне нужен ваш совет. Хочу получить информацию.

— Даю вам пять минут. За это время вы должны подготовить несколько вразумительных и коротких вопросов. Пока я поговорю с коллегой в соседнем кабинете, у вас добавится еще пять минут. Предупреждаю — на большее не рассчитывайте.

В своем кабинете доктор Гольман усадил Бочека в удобное кресло, а сам занял место за массивным письменным столом. Всю стену за спиной врача занимал огромный книжный шкаф, набитый до отказа. Книги были сложены также на полу, вокруг стола, под окном.

— Так начинайте, время не ждет,— нетерпеливо сказал Гольман.

— Пан доктор, почему вы не признались, что лечили Румзака?

— А вы разве спрашивали меня об этом?

— Ваша правда — не успел. Вы умеете навязывать людям свою манеру беседы.

— Так оно и есть,— констатировал Гольман, самодовольно улыбаясь. Большими ручищами с прямыми тонкими пальцами он нетерпеливо постукивал по крышке стола, вполуха прислушиваясь к беседе. — Ну, дальше. Время не терпит, не теряйте его попусту.

— С каким диагнозом у вас лежал Румзак?

— И по такому пустяку вы меня задерживаете?

Спуститесь вниз, поройтесь в картотеке. Там вы найдете диагноз и назначения врача, всю терапию.

— Меня не интересует, что записано в истории болезни. Настоящий диагноз Румзак — вот что я хочу знать. Я слышал о существовании одиночных палат. Там покой, тишина, отдых... — Бочек напустил на себя таинственный вид.

— Пташка выпускает коготки, не так ли? Видно, в вашей конторе соцстраха вас здорово обучили, в частности, как совать нос не в свои дела.

— С чем у вас лежал Румзак?

— Я вас не понимаю.

— Возможно. Но не советую вам играть с огнем. Лучше отвечайте правду.

— Послушайте, любезный пан, не знаю, как вас величать. Я предполагаю: с конторой соцстраха у вас мало что общего. Возможно, вы журналист, допускаю даже худшее — вы из полиции. Мне кажется, в таком случае вы должны придумать более веские аргументы, дабы я мог вообще что-либо сказать. Вы же знаете: я обязан соблюдать врачебную тайну. Кстати, а как обстоят дела у Румзака?

— Плохи его дела, — покачал головой Бочек, пытаясь воспроизвести в своей памяти диагноз. — Ни одного живого места не осталось. Единственное, что еще живет...

— Вы меня интригуете, — доктор Гольман, наклонившись к столу, приставил ладонь к уху.

— Единственное, что не вышло у Румзака из строя, — раздельно произнес Бочек, — это сердце. Функционирует превосходно. Работает как машина.

— Не удивительно, ведь Румзак — бывший спортсмен. Сердце-то и выдержит, поможет ему встать на ноги.

— Трудно в это поверить. Все специалисты в один голос заявляют, что он умрет.

— Специалисты ошибаются чаще, чем вы предполагаете.— Доктор Гольман, встав, начал рассказывать по комнате.— Говорите, он умрет... Когда так заявляют наши специалисты, это вселяет надежду.

— Завидуете?— уколол его Бочек.

— Я, завидую? Вы с ума сошли! У меня есть своя работа, я уверен, что выполняю ее отлично. К тому же я не обязан никому подносить инструменты, чтоб только тогда светило соизволило любезно взглянуть на меня.

«Академик Ангел очень метко охарактеризовал Гольмана»,— отметил про себя Бочек. Поручик решил пуститься на небольшую хитрость, чуточку приврать.

— Я поясню, в чем особенность этой аварии. Главное — почему вообще она произошла? Представьте себе: широкое прямое шоссе, впереди никого, поверхность ровная, машина в полном порядке. А Румзак ни с того ни с сего вылетает с автострады. Почему? Если двигатель в порядке, значит, подвел водитель.

Доктор Гольман опешил. Повернувшись спиной к Бочеку, он уставился в окно, рассматривая сад, подернутый налетом осени. Поручик продолжал:

— Что же может так подвести человека? Мозг? Возможно, но неправдоподобно. Тогда сердце? Уже теплее. К тому же пульсирующее так невероятно ритмично.

Доктор обернулся. Уставившись на Бочека, он двинулся к креслу. «Если бы он захотел,— мелькнуло у поручика,— ему ничего не стоило ударить меня по шее и переломать шейные позвонки. А потом спокойно спихнуть в окно, свалив все на несчастный случай. Провинциальный врач должен быть мастером на все руки».

Но доктор Гольман ничего не предпринял.

— Любопытно,— признался он,— я предполагал, что наша беседа будет тоска зеленая, скучнейший разговор. Однако мы нашли общий язык. Продолжим нашу встре-

чу, но не здесь. Больницей я сыт сегодня по горло. Приглашаю вас к себе домой — на ужин.

Триумф, ликовал Бочек. Однако провинциальный врач и в самом деле оказался мастером на все руки.

После обеда у Бочека выдалось свободное время. Он попытался позвонить председателю местного футбольного клуба. К телефону подошла жена:

— Ладя на стадионе. Кстати, вы знаете, кто сегодня играет?

«Скучный городишко, этот Т», — размышлял Бочек, любуясь склонами гор, покрытыми лесом в осеннем уборе. Ну что ему остается — тащиться на стадион и протирать там штаны.

Несмотря на будний день стадион был полон. На поле местная команда атаковала ворота гостей. Откуда они? Ага, из Брно. Стадион загудел, когда мяч пролетел мимо штанги. Хозяева вели в счете: 1:0. За спиной Бочека сидела парочка преданных болельщиков; они бурно поддерживали своих игроков постоянными выкриками.

— Люди должны реагировать на происходящее не-принужденно, вы согласны? — раздался рядом чей-то голос.

Бочек с удивлением обернулся к своему соседу.

— Доктор Ракозник, — представился очкастый мужчина. — Я видел вас в больнице. Я ассистент доктора Гольмана.

От сильного удара крайнего нападающего местной команды мяч пролетел сантиметрах в двадцати от верхней планки ворот гостей. Над трибунами пронесся вздох разочарования.

— Простите, я вас не узнал, — сказал поручик. — Моя фамилия Бочек.

— Вы тоже футбольный болельщик?

— Я,— Бочек подыскивал спасительный ответ,— я, признаться, не болею за определенный клуб, мне интересна сама игра.

— Игра? Ну, сегодня вы ее не увидите. На сей раз игра похожа не на футбольную встречу, а на настоящую бойню.

— Почему же?— удивился Бочек.— Мне не показалось, что играют чересчур жестко.

— Собственно говоря, я тоже не болельщик. Но вы только посмотрите на команду из Брно. Бестолковый бег за мячом, никудышная защита,— короче, они понимают, что шансов на победу нет.

— Не рано ли вы их хороните, пан доктор? Взгляните лучше на поле,— сказал Бочек.

В самом деле, к штрафной площадке стремительно продвигался один из игроков команды Брно. Пользуясь тем, что защитники оттянулись к центру, он устремился к воротам хозяев поля.

— Не торопитесь,— процедил Ракозник.

За быстроногим нападающим гостей ринулся защитник местной команды. «Опомнился-таки»,— отметил про себя поручик. Нападающий приближался к воротам, но расстояние между ним и преследователем быстро сокращалось. Зрители повскакали с мест.

— Держи его!— заорал хриплый голос прямо над ухом Бочка.

К неопишуемому удивлению поручика, поединок на поле увлек и его. Он вскочил и громко закричал:

— Ну бей же!

Нападающий гостей, из последних сил стараясь выполнить его приказ, попытался ударить по мячу, но подоспевший защитник с непостижимой легкостью отбил мяч на другую половину поля, в зону гостей. Трибуны обезумели.

Бочек, не веря своим глазам, покачал головой.

— Ну и ну! У этого парня не сердце, а насос!

— Насос?— встрепенулся доктор Ракозник, с любопытством взглянув на поручика.— Ну, что вы, пан... пан Бочек, все дело в здоровом воздухе,— здесь дышится не так, как у вас, в Праге.

— Вот любопытно,— продолжал Бочек задумчиво,— у меня создалось впечатление, что у всех игроков вашей команды вместо сердца вставлены насосы. Или почти у всех.

Доктор Ракозник громко рассмеялся:

— От человека, которого интересует только хорошая игра, это настоящий комплимент нашим спортсменам.

Бочек, погруженный в мысли, неторопливо поднимался на вершину холма к дому доктора Гольмана. Стоит ли, рассуждал он, выложить врачу начистоту свои подозрения? «Рискованно, я же не медик, Гольман просто высмеет меня. Но попытка не пытка, спросить можно. Собственно, для этой цели я здесь».

Доктор Гольман жил в прекрасном районе. Тишина, отличный вид, огромный сад, за которым сразу тянется лес. Дом не велик, но комфорт всюду. Везде автоматика, начиная от центрального отопления, кончая свертывающимися шторами. Двери, ведущие в комнаты, снабжены фотоэлементами. Что и говорить, пан приматор и впрямь превосходный мастер, мастер на все руки.

Ужин, а он был отменный, прошел в мирной обстановке. Бочек даже с благодарностью записал несколько рецептов. Смакуя кофе с коньяком, оба собеседника словно выжидали: кто же нарушит перемирие, кто, взявшись за оружие, пойдет в атаку. Бочек решился.

— Так каково ваше мнение, пан доктор, о сердечной проблеме?

— А что вы хотите услышать? Пан Бочек, я дам вам простой совет, причем даром. Вы хотите, чтобы

с вами были откровенны, так раскройте же свои карты.

Бочек закурил сигарету.

— Я расскажу вам одну весьма фантастическую историю; думаю, в ней вы разберетесь гораздо лучше, чем я. Я ведь обыкновенный обыватель, поэтому заранее прошу не судить меня слишком строго. Представьте себе, в больницу попал человек после тяжелой аварии. Жизнь в нем едва теплится, он без сознания, к нему подключен аппарат «искусственные легкие» — самостоятельно дышать он не может. Руки, ноги, внутренние органы у него поражены, лишь сердце работает бесперебойно, ритмично, как метроном. Никто из светил медицины не в силах объяснить данный факт. Правда, нашелся один молоденький врач, фантазер, который утверждает, что сердце-то искусственное, функционирует-де искусственное сердце. Вам не терпится в этом убедиться! Вскрыть грудную полость и обнаружить сердце — акт оправданный, если есть угроза, что сердце остановится. Но в нашем случае происходит обратное. Кроме того, как на зло, у больного вся грудь изранена да еще обожжена, поэтому без толку искать шрамик на левой стороне грудной клетки. А врачи продолжают бороться за жизнь человека, хотя только его смерть может открыть тайну! Молодой же фантазер продолжает гнуть свое: если создано искусственное сердце и вшито больному, то изобретатель сумел создать для своего детища из того же искусственного материала и сердечную мышцу, пропускающую, скажем, рентгеновские лучи так же, как естественная ткань. Что вы на это скажете, доктор?

— Я склонен разделить мнение скептиков, их осторожность — в том смысле, что мир и человеческий организм подвластны законам, которые нельзя изменить одним мановением руки. А создание искусственного сердца — это в известном смысле нарушение законов природы, настоящий переворот в науке. И все же я убеж-

ден, что скоро, очень скоро мы услышим об искусственном сердце.

Доктор Гольман встал и принялся размеренно вышагивать по комнате.

— Вы, верно, знаете, что когда-то я хотел специализироваться в области сердечной хирургии? — спросил он.

Бочек утвердительно кивнул.

— Слышал. Об этом рассказал академик Ангел. Так вот, возвращаясь к этой истории, мне хотелось бы кое-что уточнить. Например, как удалось сохранить в тайне, что среди нас жил человек с искусственным сердцем? Ведь специалист, создавший такой аппарат, бесспорно, заслуживает мировой славы!

— Разумеется. Но, думается, он в ней не нуждается.

— Неужели, черт возьми?

Доктор Гольман в упор взглянул на Бочка.

— Помните Барнарда? Впрочем, вы, дорогой, тогда еще бегали в школу.

— Вы говорите о хирурге, который первым осуществил пересадку сердца?

— Да, о нем. В январе 1977 года он трансплантировал одному тяжелому больному сердце девушки, погибшей в автомобильной катастрофе. На другой же день он стал известнейшим хирургом в мире. А что последовало потом? Трансплантация сердца — эту проблему стали муссировать со всех сторон: с философской, нравственной, психологической, социологической и еще бог знает с какой. Вмешались юристы со своими постулатами: кому дозволено пересаживать сердце, а кому не рекомендовано. В конце концов нашлись врачи, которые пересадки Барнарда отнесли к разряду экспериментальных. Естественно, среди них были завистники, но в их рассуждениях имеется доля правды.

Продолжая расхаживать по столовой, доктор Гольман курил одну сигарету за другой, делая короткие, но частые затяжки. Он явно нервничал.

— Допустим, ваш фантазер сам сконструировал искусственное сердце. Оно готово, оно проверено, испытано на животных. В результате врач получит разрешение и проведет эксперимент на человеке. Об этом разнюхают газетчики. Что тут поднимется! Переворот в науке, величайшее открытие! Завтра у всех будут биться в груди искусственные сердца доктора Х! Конец сердечным недугам! Обезумевшие сердечники осаждают несчастного изобретателя — никто не хочет верить, что идет эксперимент, который необходимо опробовать. Несчастного доктора обвинят в жестокости: столько людей страдает, а он отказывает им в помощи! А вскоре найдутся коллеги доктора Х, которым удастся сконструировать подобное или почти подобное искусственное сердце. Они будут торопиться, а некоторые, более безответственные, возможно, пустятся в широкомасштабную авантюру. В один прекрасный день окажется, что на Земле появились десятки тысяч людей с искусственными сердцами. Более нечего опасаться, что возникнут трудности с трансплантатами, искусственные сердца можно наштамповать вволю. И вдруг, представьте себе, в каком-то аппарате не срабатывает клапан — ведь судьба такого сердца зависит от одной-единственной крохотной, плохо пригнанной детальки. Такая ошибка, рассудят все — конец чуду. Каждый, кто решился вживить себе искусственное сердце, в один миг поймет, что должен умереть. А бедный доктор Х? Человечество быстро забудет его заслуги. Из спасителя он превратится в убийцу.

— Выходит, по-вашему, экспериментировать следует тайком?

Доктор, пододвинув стул к креслу, подсел к Бочке поближе.

— А теперь, пан Бочек, послушайте другую фантастическую небылицу. Представьте, что в одной больнице работает хирург. Талантливый хирург — по край-

ней мере так он о себе думает. В больнице он встречается с инженером-электриком, в обязанности которого входит обеспечение бесперебойной работы всей медицинской аппаратуры. И вот оба специалиста на протяжении нескольких лет самоотверженно трудятся день изо дня, каждый вечер, не считаясь со временем, принося на алтарь науки деньги, отпуск и даже семью. Наконец они своего добились: создали искусственное сердце, которое организм не отторгает. У их детища есть собственный источник энергии, его хватит не на один десяток лет. Определяет и направляет деятельность сердца мозг; частота биения и интенсивность наполнения камер искусственного сердца меняется в зависимости от потребности организма. Кроме того, механизм подсоединен к внешнему источнику энергии — на случай, если возникнут перебои в собственном энергоснабжении или прервется контакт с центральной нервной системой. Для питания такого внешнего источника достаточно малого количества энергии, поступающей регулярно от генератора на расстоянии нескольких тысяч километров. Такой аппарат существует, он — явь, остается только его испытать. Однако эксперимент должен длиться не один год, ибо прежде необходимо хорошенько убедиться, что искусственное сердце приспособляется к потребностям организма, а мозг полностью освоил науку руководства им. Но каким образом все это практически осуществить? Изобретатели собирают вокруг себя коллектив молодых, одаренных людей. Известно ли вам, пан Бочек, сколько больных поступает каждую неделю с тяжелым инфарктом даже в нашу захолустную больницу? Именно они могут решиться на вживление искусственного сердца. Не беспокойтесь, это происходит на добровольных началах, никто их не принуждает. Они обязаны подписать заявление, что предупреждены о возможных последствиях, а также дать письменное обещание не разглашать о происходя-

щем до окончания эксперимента. Уже через месяц после операции больные чувствовали себя значительно лучше, чем до госпитализации. Они спокойно переносили перегрузки — новое сердце оказалось более работоспособным, чем собственное. И, что самое главное, они обрели счастье, поэтому их даже не волнует одно-единственное условие, которое необходимо выполнить: район их местожительства всегда должен находиться в радиусе действия энергопередатчика.

Эксперимент постоянно охватывает все большее число людей. Наступит день, когда с уверенностью можно будет сказать: искусственное сердце позволит обходиться без внешнего источника энергии, оно будет питаться исключительно за счет собственных ресурсов — биотоков.

Доктор Гольман наклонился к Бочеку:

— Ну-с, пан Бочек, как вам понравилась моя сказка?

— Я скептик по профессии, пан доктор.

— Иного я и не ожидал.

«А сказку-то вы рассказали не до конца, пан доктор, — добавил про себя Бочек. — Незвестный хирург Х рьяно охраняет свою тайну».

Поручик протянул руку за сигаретами — коробка оказалась пустой.

— У вас кончилось курево? Подождите, сейчас принесу, — и доктор Гольман исчез в соседней комнате.

Бочек двинулся за ним. Это был рабочий кабинет, почти точная копия кабинета в больнице: огромный письменный стол, набитый до отказа книжный шкаф. И книги, книги всюду! Лишь стена возле книжного шкафа показалась Бочеку необычной: она сплошь состояла из панелей с ячейками, в которых светилось множество контрольных лампочек и четко выделялись выключатели.

Доктор Гольман вынул из ящика письменного стола коробку сигарет.

— Пожалуйста, угощайтесь. Нравится вам мой домашний пульт управления? Отсюда я даю указания моим автоматам. У меня под рукой все: центральное отопление, кухня, электричество, конденсатор. Кстати, я хотел вас спросить: как чувствует себя Румзак? Он еще жив?

— Он умер сегодня, — ответил Бочек. — Прибор, что он носил вместо сердца, я видел собственными глазами. Он до сих пор исправно работает.

Гольман промолчал.

— А ваша сказка оказалась намного интереснее, чем моя, — продолжал Бочек. — Я с удовольствием повторю ее в Праге академику Ангелу и остальным членам совета.

— Я должен следовать за вами? Вы наденете на меня наручники и отвезете в Прагу?

— Напрасно обиделись, пан доктор.

Гольман подошел к панели и нажал одну из кнопок.

— Здесь слишком жарко, — пояснил он. — Я включил кондиционер.

Уже в прихожей Бочек решился:

— На стадионе я обратил внимание на одного футболиста из вашей местной команды. У него на груди заметен шрам — как после операции.

— Что за чушь! Где это видано, чтобы футболист после инфаркта выступал в составе сборной команды клуба на первенство страны? — ухмыльнулся доктор Гольман.

Фотозлемент замигал, двери за поручиком автоматически затворились.

Не прошло и получаса, как Бочек добрался до

почты, а еще через тридцать секунд его соединили с Прагой. Трубку поднял майор.

— Ты возвращаешься? Надеюсь, привезешь что-нибудь интересенькое. Выходит, только мы вдвоем будем продолжать игру. Полчаса назад позвонил академик Ангел. Загадочная вещица перестала пульсировать.

Ярослав Вейс

Да, кстати,
на чем же я остановился?..*

Ладно, ладно, барышня, не ворчите на меня, как-никак, а зимой-то мне стукнуло сто двадцать два, сами знаете, в эти годы память сдает, не то, что в пятьдесят, но я, уверяю вас, все помню, только вот перепуталось малость в голове, за последовательность не ручаюсь: что сначала, а что потом... Да, кстати, подождите, на чем же я остановился?..

...Ага, вспомнил, речь шла о Нобелевской премии. Ну, в то время я только начинал у Кораны. Такая фамилия, наверно, вам неизвестна, но в конце двадцатого века Корана, прямо скажем, блистал среди генетиков. Он первым расшифровал генетический код, да, да, именно Корана решился на синтез генов, а потом его стали повсюду внедрять на полную катушку. Ему-то и доверили новый гигантский институт, разумеется, с огромнейшими возможностями, финансовыми фондами, реквизитами и персоналом, среди которого очутился и я прямехонько с институтской скамьи. Не скажу, что я был какой-то там прощелыга или верхогляд, нет, могу поклясться, скорее, старательный, добросовестный труженик-пчелка. Ну, а в целом, — это лишь удача, случай. Да и доказывать вам не надо, случай — весьма важная

* Пер. изд.: Veis J. ...počkejte, kde jsem to skončil: в сб. Veis J. Moře času. Mladá fronta, Praha, 1985.

© J. Veis, 1985.

вещь как в науке, так и везде, хотя, с другой стороны, мало существенная. И все же, признаться, не будь и этой мизерной доли случайности, кому нужны всем известные 99% прилежания (да добавьте сюда оставшийся процент таланта), все пошло бы прахом. Если бы спросить об этом, к примеру, у старика Флеминга, он бы, бесспорно, подтвердил мою правоту. Впрочем, это не из той уже оперы. Да, кстати, на чем же я остановился?..

Ах, да, вспомнил, мне все-таки удалось кое-как закончить кандидатскую диссертацию. Писал я ее три года, исследуя какую-то уже теперь и не помню, какую именно, стадию превращения головастика в лягушек, и всякий раз, стоило мне, наконец, составить четкий план работы, у моих прелестных головастика отваливались хвосты, а я должен был ожидать следующей весны, когда появится новый подопытный материал. Одним словом, зачислили меня в тот самый институт, и только я огляделся, что к чему, как однажды подъезжает ко мне будто невзначай один такой усатый (он, оказалось, возглавлял лабораторию, в которой я значился в штате) да и говорит: «Послушайте, молодой человек, у меня к вам деловое предложение: есть одно прибыльное дельце, пустячок, но пару десятков в карман положить можете. Если повезет вам, то, надеюсь, десять процентов мне подбросите за посредничество, дело есть дело. Ну, что на это скажете?» А потом он, этот усач, давай выкладывать мне про своего шурина, что владел крохотной бензоколонкой, где и служащих-то с гулькин нос — каких-нибудь двенадцать механиков и две уборщицы. Значит так, у него, у этого шурина, всегда куча неприятностей с экологическим надзором, потому что, понятное дело, после заправки машин на асфальте остаются лужицы бензина и масляные полосы от машин, разумеется, и масло иногда накапает, расплескивается же порой при перевозке. Так вот, не возьмусь, дескать, я вывести какой-нибудь штамм бактерий, которые есте-

ственным образом ликвидировали бы весь этот мусор. А, к слову сказать, женский персонал из экологического надзора — настоящие ведьмы, сушая правда, меня прямо-таки в дрожь бросало от одного лишь упоминания о них. И я клюнул на это предложение, даже и не по той причине, что был молод и деньжата бы мне не помешали: я ведь в ту пору как раз женился. Главное — у меня будет шанс хорошенько расквитаться с этими злючками, особенно с собственной тещей, настоящим дьяволом в юбке, которая, будучи экологом, работала в той самой конторе. Но, собственно, это к делу не относится. Да, кстати, на чем же я остановился?...

Ах, да. Ну, значит, впрягся я в работу, собственно, какие там сложности, просто нужно было чуточку видоизменить штамм бактерий, на которых я собирался экспериментировать и придумать новый метод создания этого штамма. Они-то, новые бактерии, должны были выделять определенные химические вещества, ферменты, которые, как назло, упорно ускользали от меня. Тогда я начал культивировать клон бактерий, колию (так в то время их называли). Фактически-то это мутации бактерии *Escherichia coli*. Принялся я прививать их на бензине и масле. Да стоит ли об этом распространяться, дело пустяковое. Получился, как говорится, превосходный пирожочек: по виду походили эти бактерии на жидкое желе. Короче, радость для меня была неопишуемая, опыт удался, а уже через два месяца я имел новую, прехорошенькую разновидность бактерий, жадно пожирающую все нефтепродукты. Наполнил я этой желе-жидкостью (а чтобы вам понятнее было, жидкость-то эта — вершина и гордость моего творчества) ампулы, обернул их тончайшей шелковистой бумагой, словно куколки, да после обеда и заскочил, захватив одного такого кукленка, на бензоколонку, к хозяину. Он взял ампулу, погладил ее, будто дитятко малое, и, не проронив ни слова, шмыгнул в каморку, что пристроена к заднему входу, а оттуда

тотчас вышел с... бутылочкой, вернее, с целой бутылищей. «Вы, — говорит, — мне сосуд, и я вам сосуд. Не могу поручиться, что содержимое его вам знакомо, как, впрочем, и остальным, заверяю вас». «А почему бы не рискнуть, — подумал я, — чем черт не шутит, действительно, такого напитка я еще не пробовал». Начать с того, что приготавлился он из настоящих слив, ну тех, которые в сушеном виде черносливом называли. Ах, пардон, барышня, вряд ли вы знаете, что такое настоящие сортовые сливы, они как синие куриные яйца на дереве висят, особенно осенью, глаз не оторвешь, а на вкус чуток на «Повидлин» похожи, только, может быть, послаще. Ой, снова я увлекся, отклонился от темы, пождите. Да, кстати, на чем же я остановился?..

Ах, да, понятно, вернемся к теме. Спустя недели две сижу я, как сейчас помню, у телевизора и смотрю местные новости. Вдруг вижу на экране парня, который вытягивает, словно тянучку, из бензобака автомобиля какую-то расплзающуюся желеобразную массу. Тут меня осенило — ведь это же мои колии! Диктор нудит что-то о шарлатанах и пройдохах. Они, мол, за последнее время, используя какие-то неизвестные средства и творя гнусные дела, нанесли ущерб многим владельцам личных автомашин в нашем городе. Меня это известие сразило как гром средь ясного неба, и я подался прямехонько на бензоколонку, к ее хозяину. Он, как завидел меня, сразу затараторил, я не успел и рта открыть: да, да, признался тот мошенник, спустя пару дней после того, как я оставил ему ампулы, он отлил из одной своему соседу-конкуренту, ну, тому, что содержал бензоколонку через три улицы, почти рядом, закапал прямо в цистерну (а как на грех, привезли новый запас бензина). «Мне хотелось, — твердил хозяин, — насолить чуток этому негодяю. Разве я, вот грех-то какой, мог предположить, что случится такое несчастье». А теперь мое драгоценное желе в автомобильных баках почти у половины

владельцев машин всего города! И, что досаднее всего, как раз в эту минуту ему прислали штраф из экологического надзора, так как улица вокруг бензоколонки грязная, вся в золотистой слизи, будто ее опрыскали из пульверизатора золотой суспензией. Размер штрафа ерундовый, подсчитал я, но, если бактерии размножатся и распространятся (а что они размножатся и распространятся, в этом не приходилось сомневаться), то все-таки кто-нибудь и дознается, откуда все это взялось, выйдут, разумеется, на этого негодяя, владельца бензоколонки. Конечно, человечество его отблагодарит, каменную плиту у изголовья он схлопочет, отдубасят его хорошенько насосами от автомашин, ставших ненужными, и шлангами с металлическими гайками на концах, что крепятся на бензобаках. Сами посудите, это же варварство! Тут этот хозяин бензоколонки (на лице — сама мировая скорбы!) приносит из своих закровов еще одну бутылку той проклятой настойки, что стояла у него с дедовских времен. Ну, и раздавили мы ее вместе всю, откровенно признаюсь, подчистую. С тех пор я спиртного в рот не беру, хотя, право же, питье то было божественное. Но, сознаюсь, здорово от него голова у меня на другой день раскалывалась, гораздо ощутимее, нежели от всей этой истории с золотым желе. Одно скажу: с этанолом (постойте-ка, барышня, вы, верно, и не представляете, что это такое!) я завязал, выходит, какой-то выигрыш от этой кутерьмы налицо. Но, не сердитесь на меня, снова я отклоняюсь от темы. Да, кстати, на чем же я остановился?..

Ага, на той сумятице с бензином. Уже через неделю пресловутое желе — результат злосчастного преобразования бензина — разошлось по городам и весям. Злополучная золотистая желеобразная жидкость расплзлась чуть ли не на половину материка. Вскоре наступил период, известный как «Лето золотой чумы» (это-то вы должны знать из истории). Из бензина, мазута, машинного масла

и керосина — короче, из всех нефтепродуктов, а также из природного газа на свет появлялось только золотое желе. Оно было всюду. Любого бросало в дрожь, стоило лишь взглянуть на эти залежи. Их, к несчастью, и припрятать некуда было да и отвезти не удавалось — ведь транспорт бездействовал, а те электромобили, что развозили молоко, использовались в качестве санитарных машин и машин скорой помощи. Правительства, одно за другим подавали в отставку. Арабские шейхи, приняв чрезвычайные меры, развернули экстраординарную кампанию: в зоологических парках их представители приобретали верблюдов. Сам директор Лувра дал согласие устроить тематическую выставку «История развития керосиновых ламп (документы и экспонаты)» именно в том зале, где демонстрируются античные амфоры. В Англии все население ходило пешком. Только наследник трона заявил, что для него престижнее ездить на шотландском пони, и он, не вникая в запреты, обменял его на корону. Впрочем, это к делу не относится. Да, кстати, на чем же я остановился?..

...Ах да, вспомнил. Так вот, началось настоящее светопредставление, можете представить, как меня прошибал холодный пот от страха, что все раскроется и все нити аферы приведут ко мне, а меня, беднягу, сошлют на Луну или еще куда-нибудь подальше. Больше же всего злился я на того типа, усатого, что подбил меня на эту аферу и уговорил: он, поганец, делал вид будто знать ничего не знает. Я, разумеется, тоже не слишком распространялся, что меня с ним или с его шурином что-то связывало. Я постарался поскорее ретироваться в лабораторию и с головой окунулся в свои эксперименты, только пар от меня валил, честно скажу. Мудровал я над новыми мутациями, словно одержимый, хотя ставил опыты один, самостоятельно, и все думал, думал, так что голова порой совсем раскалывалась. А, может, все это я делал, движимый страхом?

Однако в начале осени меня вдруг озарило. Как-то раз, совершенно случайно я наткнулся на неизвестную мне разновидность бактерий, на иной клон зеленого цвета; они легко осуществляли химическое разложение воды на водород и кислород. А именно такую цель я поставил перед собой, барышня: ведь в бак автомобиля, того самого, который сейчас стоял как вкопанный и не мог сдвинуться с места, заливалась обыкновенная вода. Что, если в нее добавить несколько капель суспензии с моими бактериями? За полдня они образуют зеленую желеобразную массу, которая впитает в себя, словно губка, воду, и автомобиль помчится как угорелый! Так и произошло. Кстати, и мощность машин возросла на треть! Поэтому потребовалось заново отрегулировать тормозное устройство на всех автомашинах: поставить новые протекторы, значительно прочнее прежних, чтобы суметь затормозить «сигары», последние модели автомашин, которые с тихим шелестом, нежа слух, неслись по шоссе. Впрочем, это же к делу не относится. Да, кстати, на чем же я остановился?..

Ага, ну так вот. Я двинулся прямо к шефу лаборатории (после нашей эпопеи с бензином мы с ним, как сами понимаете, были в натянутых отношениях, избегали друг друга), разложил ему все по полочкам, объясняя, вернее, громохая, как двенадцатицилиндровый двигатель с залатанной выхлопной трубой. А он в ответ лишь усмехнулся, не возражая и не задавая вопросов, лишь велел еще раз все членораздельно повторить. Потом собрал все пробы и громогласно заявил: вся, мол, проблема в целом разрешена и без меня. И объявил об открытии, которое позже называли «Великим водяным чудом» (за что, между прочим, ему присудили Нобелевскую премию), о чем вы, барышня, конечно, знаете из истории. В том году только одна Нобелевская и присуждалась — общая по химии и по физике. Правда, потом рассуждали, не стоит ли добавить еще одну, ну,

скажем, по разделу работ в области экономики. А я-то за всей этой суматохой следил, сидя у экрана телевизора, как настоящий пенсионер, подумать только! И конечно, помалкивал, но твердо знал, что не должен и голоса подать, ибо тотчас же мне пришьют то дельце с бензином: ведь от золотого желе до сих пор не избавились, оно было везде, куда бы ни направить взор. Вот и оставалось мне только руками разводиться, по правде говоря, я был рад, что так все вышло. Может, я бы приступил к следующей серии опытов, снова что-нибудь бы выдумал полезное, если бы однажды в нашей лаборатории не объявился тот усатый. К этому времени он, естественно, стал шефом и над Кораной. Зашел он как-то ко мне, остановился у косяка двери и процедил сквозь зубы своим противным голосом: «Молодой человек, я хочу, чтобы вы знали: я джентльмен и свои обещания всегда выполняю. Так вот, со следующего месяца я вам повышаю жалованье на две десятки». Тут я, барышня, не выдержал и сорвался, просто нервы мне отказали, я схватил первое, что подвернулось мне под руку — а это было блюдо с остатками золотого желе из бактерий-пожирателей бензина, — и запустил этим блюдцем в усатого мерзавца. Он попытался увернуться, но где там: жидкость живописно растекалась по его светлому плащу и по широкому галстуку из полигела с люрексом (тогда такие галстуки только входили в моду). Не успел он и глазом моргнуть и стряхнуть с себя студенистую массу, как бактерии впились в галстук и в один миг превратили мягкий, эластичный полигел в непробиваемый панцирь. К этому могу лишь добавить, барышня, что именно данный результат эксперимента, поставленного в таких необычных условиях, послужил основой для создания суперстабила, самого стойкого, не поддающегося никаким внешним воздействиям вещества. Надеюсь, вы об этом помните из истории. Кончилась эра металлов, наступил век суперстабила. Естественно, тот усатый

получил вторую Нобелевскую премию, чуть ли не через год, к тому же еще уйму разных премий, так что стоит ему нацепить на себя все свои медали, такой звон стоит, словно генеральный штаб кружится на детских каруселях. Ну, а я, как вы понимаете, снова в рот воды набрал, никому не посмел даже на ушко шепнуть, что, мол, все это я придумал. Да разве я решусь на такой шаг! Впрочем, это к делу не относится. Подождите. Да, кстати, на чем же я остановился?..

Ага, знаю. Ну, короче, вы с удивлением смотрите на меня, барышня. Почему, мол, я порвал с наукой и устроился сюда в музей экскурсоводом? Что ж, так оно и есть. А выставка «Пути развития современной генетики», о которой вы спрашивали, находится на третьем этаже, дорогая.

Ярослав Велинский

Эпидемия*

Автобус занесло на повороте. Водитель негромко выругался.

— А вот раньше всю машинерию в лошадиных силах меряли, — ни с того ни с сего сказал широкоплечий мужчина со значком «Космосервис» на лацкане и засмеялся.

— Ну и что? — сердито отозвался водитель.

— Ничего! Лошадиные силы! Как вспомню, так вздрогну...

— Кое-кто уже и не вспомнит и не вздрогнет, — криво улыбнувшись, сказал водитель.

Сидящий на заднем сиденье старик потер сухие ладони, кашлянул и произнес:

— Моя невестка... — и замолчал.

К нему обернулись.

— Моя невестка, — наконец продолжил он, — каждый год машины меняла, так теперь места себе не находит, ножками ей неохота ходить.

Снова замолчал, а потом радостно, на весь автобус гаркнул:

— Доездилаasy

И захихикал.

Рядом со стариком сидел мужчина с бесцветными,

* Пер. изд.: Velinský J. Epidemie: в сб. Železo přichází z hvězd. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

навыкاته глазами, в очках и с портфелем в руках. Одним словом — интеллигент. Он раскрыл было рот, желая вступить в разговор, но передумал, протяжно вздохнул и снова уткнулся в стекло.

— Значок не продадите? — спросил водитель широкоплечего.

— Нет.

— Ну, обменяемся!

— Нет, — односложно повторил тот.

— Где достал? Стащил, что ли?

— Ну да! — обиделся широкоплечий. — Вчера с Марса на «Титанике» вернулся!

— А-а, — протянул водитель и тут же встрепенулся: — Кто ж это додумался так вашу посудину назвать? Был, помнится, такой дизель, сто лет назад в океане булькнул.

— Не было тогда дизеля, — вмешался старик. — тогда пар был.

— Да что хочешь, а только три тысячи человек — бульк! — заключил водитель и крутанул баранку.

Пассажир с портфелем наконец подал голос:

— Тысяча пятьсот семнадцать. А спаслось тысяча семьсот одиннадцать человек.

— Да? — вежливо удивился широкоплечий. — А у нас на «Титанике» тридцать семь душ, и все живы, правда, связь отказала, три месяца болтались глухо. Вернулись, а здесь...

— Не знали, что у нас творится?

— На Луне первым делом об этом сообщили. Новость номер один.

— Хорошо вам, в космосе, — закрихтел старик. — А здесь столько людей угробилось, на сто «Титаников» наберешь! С другой стороны, и хорошего было мало, детского лица неделями не увидишь, все в противогазах! Выхлоп стены разъедал! — он махнул рукой и умолк.

В автобусе стало темно. Сильный ветер поднимал бурые тучи ржавчины над остовами автомобилей, гудел и выл, раскачивая искореженные металлические клочья, гнал по бетонному полотну стеклянную крошку...

— Как там, на Марсе? — спросил водитель.

— Солнца маловато.

Некоторое время все молчали. Автобус преодолевал спуски и подъемы, осторожно объезжая груды лома, грязные, маслянисто блестящие пятна и белесые полосы битого стекла.

Когда проезжали мимо горы покрышек, старик засопел, пересел вперед и, обернувшись к сидевшим в салоне, заявил:

— А ведь я в эпицентре был! Правда, до меня тогда ничего не дошло, мне уж потом объяснили.

— Что вы говорите? — привстал интеллигент с портфелем и тут же от толчка снова упал на сиденье.

— А то! У меня бензоколонка на тридцать пятом шоссе была. Неплохо зарабатывал, сейчас столько на овощах черта с два выжмешь, хотя, конечно, для здоровья овощи полезнее бензина.

— Так что же там у вас произошло? — блестя очками, спросил интеллигент.

— Славный был денек, — вздохнул старик. — Погода хорошая, машины одна за другой ко мне на колонку заворачивали. Тут подъезжает Боулдер на своем «мицубиси»...

— Хорошая была машина, — подхватил водитель, — теперь таких не увидишь.

— Почему не увидишь? — ответил широкоплечий. — У меня в гараже, например, стоит.

— ...а тут появляется красотка, — продолжал старик, — из этих, что на автостопе промышляют. Сумка белая, глаза голубые. Ну, а Боулдер мимо юбки проехать не может. Я помощнику говорю, смотри, сейчас Боулдер подцепит ее, а потом всю неделю будет байки рассказы-

вать. Боулдер вроде уж и тормозить начал, но тут его машина вдруг на поле въехала, кувыркнулась и ба-бах! Участок рапса дотла выгорел... и Боулдер, бедняга, теперь никому ничего не расскажет.

Пассажир с портфелем молча слушал старика.

— А потом на меня с помощником как понесло старую машину техпомощи! Мы еле увернулись, а ее юзом развернуло — и в стену! За ней ехала цистерна с молоком, так она прямо в старый каштан врезалась. Водителя ну просто выстрелило из кабины на дорогу...

— А что еще вы заметили? — нервно спросил интеллигент.

— Море молока!

— Да нет, что-нибудь такое...

— Какого еще «такого» вам надо, когда из машины Боулдера пламя бьет как из паяльной лампы, красотку, что он не успел посадить, наизнанку выворачивает, а шофер молоковоза кровью на бетоне истекает! Пока до полиции дозвонились да пока там раскачались, к нам уже не подобраться — битых машин на несколько миль — какие столкнулись, а какие и сами по себе развалились... Раненые кричат, ругаются, неразбериха!..

— Да-да, — грустно покачал головой интеллигент, — вот так или почти так везде и было, один за другим, одна за другой...

— Ух ты! — вдруг воскликнул широкоплечий. — Так ведь вы же профессор Уилэби! Я вас на Луне в новостях видел. Вы этот, как его... председатель комиссии по расследованию! Точно!

— Бывший председатель, — тихо сказал профессор. — Комиссия по расследованию закончила свою работу из-за отсутствия предмета расследования.

— Как это отсутствия? — проворчал старик, делая широкий жест рукой. — А это все? Что они там все с ума посходили? Вы, ученые, придумайте, что полагается, даром что ли учились! Трамвай, может, пустите. Помню, трамвай давно были, в мое время... на электричестве. А?

Профессор Уилэби мрачно покачал головой.

— Ничего не выйдет. Эпидемия поражает любое транспортное средство. Механическое, с мотором. Проводились исследования...

— Доисследовались! — со злостью сказал старик.

Пассажиры неодобрительно посмотрели на него, затем перевели взгляды на профессора. Женщина в парике кашлянула и спросила:

— Так чего же они... взбесились?

— Я же говорю — эпидемия! Ну, если откровенно, до сих пор удовлетворительного объяснения нет, поэтому я считаю мое достаточно правдоподобным. Хотя с другой стороны...

— Ближе к делу, профессор! — перебил его водитель.

— Да, да, извините! — Профессор снял очки, подышал, протер стекла чистым носовым платком и продолжал: — Я не автоконструктор, не металлург и не социолог. Я биолог, точнее — ратуссолог...

— Как? — удивился широкоплечий.

— Специалист по крысам.

— Хе! — хмыкнул старик. — Хе-хе! Крысовед!

— Вот именно! — профессор и не думал обижаться. — У крыс, да и у некоторых других животных наблюдается странное, до конца не изученное явление. Как только их численность на единицу площади достигает критической величины, они словно сходят с ума и начинают уничтожать друг друга. Вот и машин сейчас расплодилось больше, чем людей! Выхлопные газы отравили атмосферу! Шагу ступить нельзя, чтоб не попасть под колеса. А что животные, что машины — законы природы едины. Началось в одном месте и пошло! Безумие заразительно... Вот потому-то я и говорю, что это похоже на эпидемию.

Несколько минут в автобусе было тихо, только гудел мотор, и ветер тонко выл в неплотно задвинутом стекле.

— А что у ваших крыс, — осторожно начал широкоплечий, — они что, пока друг друга не уничтожат, не успокоятся?

— Ну что вы! — воскликнул профессор. — Крысы — очень интересный объект исследования. Как только численность популяции... ну, количество их придет в норму, они сразу теряют агрессивность. Очень толковые существа, — явно гордясь крысами, закончил профессор.

— Допустим, — снова сказал широкоплечий, — чего же тогда машины не остановились?

— Превосходный вопрос, — обрадовался профессор и, подняв палец, продолжал: — Разве можно сравнивать тупые железяки с биологическими объектами! Если крысы — порождение и конечный продукт эволюции, длившейся миллионы лет, то машины — это незаконнорожденные исчадия движка и телеги, ублюдочные порождения человеческой лени и бензина! Пока они все не истребят друг друга, не успокоятся! Потому-то двум машинам на любом шоссе не разъехаться, теперь уже за сотни метров перекидывается эпидемия, и двум машинам становится тесно на таком расстоянии. И так будет!

— Амины! — проникновенно заключил старик.

Мотор автобуса нутжно зарычал, машина, огибая скалу, шла на подъем.

— Ну и...! — сказал водитель и выругался. — Никогда я этот поворот не любил!

Сидящий рядом с ним широкоплечий, побледнев, уставился в ветровое стекло, а старик приподнялся с места и с идиотским ликованием воскликнул:

— Вот и съездили за хлебушком!

Зденек Вольный

Огонь из чистого золота*

Наступила неестественная, звенящая тишина. Потом по телу разлилось тепло: напряжение отпустило. Радость заполняла тесную кабину модуля, стремилась выплеснуться, словно гейзер целебного источника.

«Жаль, что у человека нет крыльев», — подумал Миллер, слегка поднимаясь в кресле специальной конструкции, частично гасящей перегрузки при космических полетах.

— Наклон семь градусов, — объявил пилот.

— Мне всегда везло на семерки, — ответил капитан. — Годится.

— Результаты анализа атмосферы практически совпадают с теми, что мы получили на орбите, — докладывал пилот. — Чудеса, ни следа двуокиси серы, хлороводорода...

— А города или промышленные агломераты ты не видишь? — засмеялся Миллер.

— Пока ничего не вижу, — пожал плечами пилот. — Только бесконечный лес — от полюса до полюса.

— Ты уверен, что это лес? — Капитан поудобнее устроился в кресле.

Пилот метнул на него взгляд, и, словно пристыжен-

Пер. изд.: Volný Z. Oheň celý ze zlata: в сб. Volný Z. Zlatá past plná času. Práce, Praha, 1983.

© Z. Volný, 1983

Перевод с сокращениями.

ный, капитан тихонько вздохнул, не желая спорить с собеседником.

— А что ж это, по-твоему?

— Скорее всего, лес.

— Не делай из меня дурака... — приготовился защищаться пилот.

Миллер уставился в потолок; глаза у него голубые, как здешнее небо.

— Не понимаешь ты меня, — сказал он.

— Те, что летали сюда до нас, сели, как и мы, да и видели то же. А потом, видно, допустили какую-то ошибку в расчетах. Если мы повторим ошибку, нас постигнет их судьба.

— Каков процент кислорода в здешней атмосфере? — спросил Миллер после минуты напряженной тишины. — Двадцать семь?

— Двадцать семь и три десятых процента.

— Давай-ка взглянем на наши фотоснимки, — предложил капитан. — Пора приступать к работе.

Миллер молча присел к небольшому ящичку — портативной ЭВМ, вмонтированной в заднюю стену модуля. Экран дисплея засветился, и по нему побежали искрящиеся линии-паутинки помех, сменившиеся зеленой завесой густой и непроницаемой. Кто-то тяжело вздохнул.

— Переключи на инфракрасный канал, — спокойно сказал капитан, поглаживая бороду. — Иначе не различить деталей.

Цвет на экране сменился: он стал вначале желтым, потом оранжевым и наконец бирюзово-голубым. Смена цвета свидетельствовала об изменении температуры на планете.

Они заканчивали первый облет планеты, шли на малой скорости, постепенно снижаясь, кружа и петляя над зеленым массивом.

Модуль опускался, приближаясь к пересекавшему

экватор огромному горному хребту протяженностью в несколько сотен километров. Цвета на экране снова изменились.

— Настрой на обычный спектр, — попросил капитан.

Вершины гор засверкали стальным блеском.

— Смотри, как высоко забрался лес, — удивленно прошептал Миллер. — А это что?

— Пожар, — ответил пилот.

Они с интересом всматривались в открывшуюся внизу картину.

— Мне как-то доводилось просматривать аэрофотоснимки лесного пожара. Они напоминают то, что мы видим сейчас, — пилот решил дать свое заключение.

— Да? — засомневался капитан. — А что об этом думает ЭВМ?

Миллер нажал кнопку, и запись информации на экране прервалась. Почти в центре дисплея выделялось серое пятно, на инфракрасном канале оно приобрело ярко-оранжевую окраску. Миллер притронулся к кнопке, изображение на экране стало очень четким. Они зажмурились, не веря своим глазам: внизу стоял модуль, тот самый, что не вернулся с задания. Машина была наклонена, всем своим видом напоминая птицу со сломанными, опаленными огнем крыльями.

— Теперь понятно, что с ними случилось, — хрипло пробормотал пилот, отводя глаза.

— Ничего не понятно, — возразил капитан, — пока не выясним причину гибели экипажа.

— Может, воспользуемся вертолетом?

— Конечно, Том, — согласился капитан. — Но солнце уже садится, а нам необходимо прежде, чем выйти из модуля, сделать микробиологические анализы.

Утро встретило их приветливо — золотыми лучами солнца и свежестью голубоватой зелени. Первым из кабины вышел Миллер, оставшиеся в модуле члены эки-

пажа, затаив дыхание, напряженно следили за тем, как он совершает первые шаги по неизвестной планете. Вот Миллер уже бежит в своем белом, отливающим золотом комбинезоне. Трава достает ему до колен, орошает его росой. Какое блаженство! Только тут Миллер в полной мере оценил, как точно посадил машину пилот. Том выбрал превосходное место — на травянистом берегу реки. Узкую полоску суши окаймляли редкие деревья; одному из них при посадке модуля срезало макушку.

Капитан внимательно разглядывал аэрофотоснимки, выданные ЭВМ. Из окна кабины он какое-то время наблюдал за сборкой вертолета, но затем решил присоединиться к остальным членам экипажа, чтобы принять участие в сборке.

Как только он вступил на почву, в нос ему ударил резкий запах бензина.

— Что тут происходит? — закричал он пилоту, который, направляясь к нему, шлепал по мелким лужам.

— Ничего особенного. — Том махнул рукой и отвернулся. — Заполнял баки бензином и забыл включить автомат.

— Ты с ума сошел! — не сдержался капитан, но тут же взял себя в руки. Он вспомнил картину пожара, запечатленную на снимках, и почувствовал, как его охватывает страх. — Немедленно отсасывай бензин!

— Уже, командир, — буркнул Том. Он укрепил шланг и ждал, когда заработает насос. Но насос не включался.

— Бог мой! — выдохнул капитан и с силой нажал на рычаг.

Над горизонтом поднималось оранжевое, как апельсин, немилосердно палящее солнце. Вдруг раздался крик Миллера.

— Что случилось? — крикнул в ответ капитан.

— У Тома не заводится двигатель!

Капитан прыгнул в кабину вертолета. Том нервничал: его пальцы с молниеносной быстротой перемещались по пульту управления, но запустить двигатель не удавалось.

— Черт возьми, не могу понять, в чем дело, — недоумевал пилот.

— Послушай, — обратился к капитану Миллер, — давай установим электродвигатель. Мы ведь, кажется, прихватили один с собой.

— Двигатель-то есть, — сказал Том, — а где взять аккумуляторы?

— Подключим солнечные батареи, — предложил Миллер.

— Но мы не дотянем до места гибели первого модуля.

— Предлагаю отправиться туда пешком, — не унимался Миллер. — Если через час выйти, к вечеру будем у цели. Идти-то каких-нибудь пятьдесят километров. Так или иначе, надо снаряжать экспедицию.

— Хорошо, — согласился капитан. — Пойдем мы с Миллером, а с тобой, Том, будем поддерживать постоянную связь. В случае необходимости ты немедленно прилетишь к нам.

Решили идти берегом вверх по течению.

— Ты обратил внимание, какая здесь чистая вода? — спросил Миллер. Они не могли оторвать взгляда от зеленовато-серебристых волн. — Как в сказке. Каждый камушек на дне виден.

— А рыбу заметил?

— Конечно!

Луг кончился, и теперь на поверхности воды отражались кроны деревьев. На пути космонавтов вырос лес, казалось, ему нет конца и края. Стройные высокие широкоствольные деревья с мясистыми листьями тесно прижимались друг к другу, преграждая дорогу незваным гостям. В лесу было тихо.

Вдруг капитан остановился, почувствовав как Миллер, идущий следом за ним, схватил его за руку. Оба застыли, тщетно пытаясь разглядеть что-нибудь в сумраке леса, но их глаза неизменно упирались в переплетенные ветви и замысловатые корни, выступающие наружу. Но вот капитан ощутил какое-то едва заметное движение и схватился за оружие.

— Не стреляй, — прошептал Миллер.

Но капитан и не собирался этого делать, его движение было чисто механическим. Прямо над ними, извиваясь, склонилась чешуйчатая ветка.

— Закрой глаза, — услышал он голос Миллера.

Что их ждало — укус змеи или чьи-то железные объятия? Но ничего не произошло. Капитан открыл глаза.

— Убралась восвояси, — облегченно вздохнул Миллер. — Ты ведь знаешь, некоторые тропические змеи убивают жертву, выплевывая яд на расстояние несколько метров прямо ей в глаза.

— Вот мы и познакомились с планетой, — попытался пошутить капитан.

— В этих джунглях кого угодно встретишь, — ответил Миллер. — Но нам не страшно, комбинезоны у нас прочные, ни одному зверю их не прокусить.

Сквозь чащу деревьев робко пробился солнечный лучик. Они попытались двинуться вперед, но корни, обвивая ноги, их не пускали.

— Видно, нам с ними не справиться, — капитан, обессилев, остановился под огромным деревом, напоминающим платан.

— Работенка предстоит немалая, — согласился Миллер, — а потому можно и отдохнуть. — И он улегся прямо среди корней, пытаясь принять удобную позу.

Капитан решил последовать его примеру. Он расчистил небольшую площадку, утрамбовав почву, после чего улегся рядом с Миллером и мгновенно заснул. Ночью ему снилась змея с чешуйчатой спиной. Утром, любуясь

солнечным зайчиком на листьях, капитан пытался вспомнить, о чем он беседовал во сне со змеей.

Он приподнялся, прислушиваясь. Казалось, лес дышал.

— Реши-ка задачку, друг, — проговорил Миллер, все еще лежа с закрытыми глазами. — Три дровосека вырубает за неделю восемьдесят четыре кубометра деревьев. Сколько вырубят два дровосека за три дня?

Капитан на минуту задумался.

— Двадцать четыре кубометра.

— И я так думаю, — Миллер облегченно вздохнул.

— Но при условии, что дровосеки трудились одинаково всю неделю. И если в их неделе было семь дней, — добавил капитан.

Миллер с интересом взглянул на него, словно желая узнать, что у него на уме. Потом молча встал, выдал в рот тубу с куриным паштетом и тубу со сладким творогом. Пустые тубы Миллер сунул в сумку.

— Как по-твоему, мы идем в нужном направлении? — спросил он, когда они вновь отправились в путь.

— В нужном, в нужном — пробурчал капитан.

И в самом деле через несколько минут они вышли на поляну и наткнулись на почерневшие ветки и обугленные стволы, из которых пробивались молодые побеги с нежными зелеными листочками. Космонавты остановились, пораженные открывшимся перед ними видом.

Кругом торчали обгорелые пни, почерневшие обрубки ветвей валялись вперемешку с трухлявыми стволами деревьев. В центре заросшей травой поляны беспомощно наклонившись возвышалась конусообразная башня из потрескавшегося обгорелого металла — все, что осталось от модуля.

Капитан и Миллер осторожно приблизились к космическому кораблю. Возле открытой двери в переходную камеру лежало почерневшее тело человека.

Капитан отвернулся.

— Нужно войти внутрь, — тихо сказал Миллер.

Они подошли почти вплотную к модулю, пытаясь подняться по лестнице, но едва коснулись двери кабины, как тело мертвого человека рассыпалось, превратилось в прах. Космонавты, подавленные страшным концом своих товарищей, молча постояли несколько минут, словно отдавая погибшим последний долг.

Потом капитан вскарабкался в кабину, добрался до пульта управления и вытащил черный ящик, где находилась документация. На стенках ящика виднелись следы пожара. Капитан, набрав код, попытался открыть крышку ящика, но замок не поддавался. Им ничего не оставалось, как, забрав ящик, двинуться с ним в обратный путь.

Уставшие и грустные, все еще под впечатлением увиденного, вернулись они к месту стоянки своего модуля.

— Дайте-ка мне взглянуть на замок, — сказал Том.

— Ты до сих пор не откачал бензин из почвы? — возмутился капитан.

— Я откачивал, — оправдывался пилот, — но много успело просочиться. К твоему сведению, я ни минуты не загорал, — он указал на двигатель, лежащий на траве около вертолета. — Он у меня все-таки завелся!

— Том, счетчик пистолета показывает, что ты стрелял, — удивленно сказал Миллер. — А ты молчишь!

— Об этом и говорить не стоит, — резко ответил пилот. Ему явно не хотелось касаться этой темы. — Мне почудилось, что на меня набрасывается огромная змея.

Капитан и Миллер переглянулись.

— А это оказалась всего-навсего ветка. Не представляю, откуда она могла здесь взяться.

— И что ты с ней сделал? — поинтересовался Миллер.

— Где лежала, там и лежит, что с веткой делают? — проворчал пилот.

— Ну и свинарник ты тут устроил! — Миллер огляделся. — Разлил масло, там банка валяется, возле модуля набросаны тубы с пищей.

— Что тебе от меня надо? — Том надулся. — Попробуй в два дня собрать вертолет! А банку эту я ищу уже битый час, в ней наша последняя изоляционная краска.

Миллер нагнулся, поднял несколько кусков проводов и засунул их в карман скафандра.

— И чего ты нервничаешь? — спросил пилот, беря в руки черный ящик.

Через полчаса он с торжественным видом вручил его командиру: ящик был открыт. Внутри находился бортовой журнал; бумага побурела от высокой температуры.

Капитан нетерпеливо перелистывал журнал, отыскивая последние записи. Найдя их, начал читать вслух.

«19 января в 3.12 всемирного времени начинаем спускаться с орбиты. Приземлились в 6.54 неподалеку от реки, берущей начало в горах. Отклонение от расчетной точки посадки 20 километров к востоку».

— Мы приземлились точнее, — с удовлетворением пробормотал пилот.

«Произвели химические, геохимические, метеорологические и микробиологические замеры. Результаты в памяти АКСО 193. Закат солнца в 19.20.

20 января. Здесь огромные леса. Наверное, такие же когда-то покрывали Землю. Все заняты уборкой деревьев, поврежденных при посадке модуля. Расчистили стартовую площадку для вертолета, использовали дефолианты. Эффект колоссальный: листья опадают мгновенно, а деревья можно «косить» лазером малой мощности. Обед из туб. После обеда занимались выгрузкой вертолета. Первая авария: заглох двигатель. Ищем причину неполадки.

Встреча со змеей. Применили оружие. Змея похожа на чешуйчатую ветку.

21 января. Здешняя почва пахнет чем-то необычным. Лазером вырубili деревья, расчистили место для лаборатории. В 22.06 объявили пожарную тревогу. Огонь распространяется с огромной скоростью даже во влажном лесу. Он облегчит нам работу...»

— Здесь постоянно чувствуется запах бензина, — капитан закрыл бортовой журнал и огляделся.

— В самом деле, — отозвался Миллер. — Как будто сидим на бочке с бензином.

— Глупости! — огрызнулся пилот. — Клянусь, я его полностью откачал.

— Если не считать того, что впитала почва, — возразил Миллер.

— Разумеется! — воскликнул Том. — Даже твоя мудрая голова не сообразит, как собрать бензин, впитавшийся в почву.

— А наш высокооктановый бензин?! — вдруг вспомнил Миллер.

Капитан не успел ему ответить, как раздался взрыв, и к небу взвился столб золотистого пламени. Вертолет рвануло. Ветер разметал куски его металлической обшивки во все стороны. Космонавты, как зачарованные, не сводили глаз с танцующего пламени.

Том рванулся к модулю, но золотой огонь настиг его у входа в переходную камеру, победно врываясь внутрь корабля.

Капитан чувствовал за собой жгучее дыхание огня; оно догоняло его. Он все-таки успел добежать до реки и бросился в прохладную воду. Сразу стало легче.

Выбравшись на противоположный берег, обессиленный капитан рухнул на песок, морщинистый от набегавших волн. Все еще тяжело дыша, он обернулся и посмотрел туда, где бушевал огонь.

Неожиданно заскрипел песок, оповещая о чем-то приближении. Капитан с трудом перевернулся на правый бок, пытаясь вытащить оружие, но успел приоткрыть

глаза. Прямо на него двигался мужчина с обгоревшими волосами, в разодранном, некогда щегольски белом комбинезоне, в мокрых ботинках хлюпала вода.

Это был Миллер. Он молча лег рядом с капитаном.

Пожар на противоположном берегу утихал, кое-где еще слышался треск от падающих деревьев, но вот и он прекратился. Стало совсем тихо.

— Как по-твоему, даст нам планета еще один шанс поработать здесь? — Миллер задумчиво обрывал обгоревшие манжеты рукавов.

Капитан с сомнением пожал плечами.

Ветка, свисавшая с ближайшего дерева, казалось, смотрела на него холодным немигающим взглядом.

Зденек Вольный

Жена и анкета*

Комиссии Национального комитета
по вопросам репродукции и народонаселения г. Праги,
Народная площадь, 36, 11199, Прага-1

Заявление

Уважаемая комиссия!

Прошу репродуцировать мою жену Милославу Червенкову, девичья фамилия Кралова, погибшую при аварии туристического ротобуса 28 июня прошлого года. Просьбу мотивирую тем, что данная авария не планировалась, а неблагоприятный исход не был запрограммирован Центральным мозгом. Все пассажиры, в том числе и я, были репродуцированы вскоре после того, как появились свободные мощности, что я проверил при беседе с сотрудником Госстраха д-ром Йозефом Скоумалом, который и выплатил мне страховой полис. Что же касается моей жены, то она не получила никакой денежной компенсации, поскольку до сих пор не может лично подписать акт о несчастном случае у страхователя.

В силу указанных причин прошу воспроизвести об-

* Пер. изд.: Volný Z. Žena z dotazníku: в сб. Volný Z. Zlatá past plná času. Práce, Praha, 1983.

© Z. Volný, 1983.

стоятельства, имевшие место до 28 июня прошлого года. Надеюсь на положительное решение.

С уважением,
Франтишек Червенка,
ул. Мелоунова, 12287
14900, Прага-4
21 сентября 2279 года

Франтишеку Червенке,
ул. Мелоунова, 12287, Прага-4
№ 113 667

Уважаемый заявитель!

С сожалением вынужден сообщить, что Комиссия Национального комитета по вопросам репродукции и народонаселения г. Праги отказала в удовлетворении Вашего заявления от 21 сентября с. г., поскольку к нему не были приложены марки гербового сбора. Вы можете в течение 14 дней обжаловать настоящее решение, в противном случае оно вступит в законную силу.

Одновременно обращаем Ваше внимание на то, что число беспочвенных заявок на омоложение одного из супругов постоянно растет. Подобные заявки мы не можем удовлетворить по моральным соображениям, а также ввиду отсутствия мощностей. Плата за одно омоложение, установленная Комиссией, составляет 140 000 крон.

С уважением,
Рудольф Интеллигентный,
Минимикроотдел
12 декабря 2279 года

Внимание: При ответе ссылайтесь на наш номер.
Макулатура — ценное сырье. Сдавайте макулатуру.

Комиссии Национального комитета по вопросам
репродукции и народонаселения г. Праги
Народная площадь, 36, 11199, Прага-1

Уважаемая комиссия!

Вношу протест против решения от 12 декабря с. г.,
направленного мне под № 113 667. Причины, изложен-
ные мною в заявлении от 21 сентября с. г., заставляют
меня вновь обратиться с просьбой репродуцировать мою
жену Милославу Червенкову, девичья фамилия Крало-
ва, сгоревшую при авиакатастрофе. Марку гербового сбо-
ра прилагаю.

С уважением,
Франтишек Червенка,
Мелоунова, 12287, Прага-4

Франтишеку Червенке,
Мелоунова, 12287, Прага-4
№ 113 667

Уважаемый заявитель!

Ваша просьба от 12 декабря с. г. была рассмотрена
Комиссией Национального комитета по вопросам ре-
продукции и народонаселения. Удовлетворить ее не пред-
ставляется возможным. Просьба не соответствует — и
Вам, как гражданину нашей страны, это известно —
моральному кодексу современного человека, поскольку
вместо принятого и обоснованного термина «Дезинтегра-
ция структур» Вы употребляете вызывающие сожаление
вульгаризмы типа «погибнуть» и «сгореть».

Настоящее решение Вы можете обжаловать в тече-
ние 14 дней, в противном случае оно вступит в закон-
ную силу.

С уважением,
Рудольф Интеллигентный,
Минимикроотдел

Внимание: При ответе ссылайтесь на наш номер.
Макулатура — ценное сырье. Сдавайте ма-
кулатуру.

Комиссии Национального комитета по вопросам
репродукции и народонаселения г. Праги,
Народная площадь, 36, Прага-1

Уважаемая комиссия!

Протестую против решения, врученного мне под
№ 113 667. Дезинтеграция структуры моей жены про-
изошла внепланово и стихийно, поэтому я решительно
настаиваю на ее репродукции.

С уважением,
Франтишек Червенка,
Мелоунова, 12287, Прага-4

Франтишеку Червенке,
ул. Мелоунова, 12287, Прага-4
№ 113 667

Уважаемый заявитель!

Ваша просьба была рассмотрена Комиссией Нацио-
нального комитета по вопросам репродукции и народона-
селения г. Праги и удовлетворена. Поздравляем Вас.

Вместе с тем при тщательном разборе обстоятельств
выяснилось, что Вы лично были репродуцированы не-
законно, поскольку, согласно распоряжению ВНО-33409
и/2254, лица, родившиеся позднее 1 января 2200 г., не
имеют право на репродукцию, за исключением особых
случаев, решение по которым возложено на районный
суд.

Если Вы не намерены обращаться в районный суд,
то будьте готовы к приходу Комиссии по дезинтегра-
ции, которая в силу перегруженности работой сможет
посетить Вас только 11 мая с. г. с 8.00 до 12.00.

Это письмо в соответствии с Законом о труде служит оправдательным документом Вашего отсутствия на работе.

С уважением,
Рудольф Интеллигентный,
Минимикроотдел

Внимание: При ответе ссылайтесь на наш номер.
Макулатура — ценное сырье. Сдавайте макулатуру.

Комиссии Национального комитета по вопросам
репродукции и народонаселения г. Праги
Народная площадь, 36, Прага-1

Уважаемая комиссия!

В Приложении направляю копию своего заявления, с которым я обращаюсь в районный суд по поводу дезинтеграции.

С уважением,
Франтишек Червенка,
Мелоунова, 12287, Прага-4

Приложение: 1.

Франтишкеку Червенке,
Мелоунова, 12287, Прага-4

Уважаемый заявитель!

Принимаем к сведению Ваше письмо от 3 мая с. г. Посещение Комиссией по дезинтеграции откладывается до решения суда.

В Приложении направляем Вам анкету в четырех экземплярах, которую необходимо внимательно заполнить и вернуть в наш адрес до конца текущего года. Не-

выполнение этого требования ставит под угрозу успешную репродукцию Вашей супруги.

С уважением,
Рудольф Интеллигентный,
Минимикроотдел

Приложение: 4.

Внимание: При ответе ссылайтесь на наш номер.

Макулатура — ценное сырье. Сдавайте макулатуру.

Комиссии Национального комитета по вопросам
репродукции и народонаселения г. Праги,
Народная площадь, 36, Прага-1

Уважаемая комиссия!

После долгих размышлений я пришел к выводу, что формулировки некоторых вопросов анкеты исключают возможность правильного ее заполнения. Это относится, например, к п. 12 «Знакомства», который позволяет только:

- 1) планировать в соответствии с Программой комплексного развития рабочей силы до 2500 года;
- 2) использовать на основании специальных инструкций
 - а) электронную машину 2075, центр
 - б) электронную машину 2085, центр.

При кодовом ответе «нет» (0 баллов), «да» (1 балл).

В связи с этим считаю своим долгом добавить, что еще в начале века люди знакомились в основном случайно и, хотя сейчас в это трудно поверить, такое положение создавало некоторые социальные проблемы. Так, при случайном выборе немало женщин с высшим образованием не могло найти для себя соответствующего партнера и потому не выходило замуж, что наносило обществу большой, в частности генетический, ущерб.

Но вернемся к делу. Со своей женой я познакомился именно таким архаическим способом. Она, начинающий врач, работала в Первой хирургической клинике в Остраве, куда меня привезли прямо с футбольного матча между «Баником» и «Спартой». Произошло данное событие, уточняю, за пять лет до того, как так называемая высшая футбольная лига перестала существовать ввиду полного отсутствия интереса со стороны болельщиков. Однако это обстоятельство травмировало меня в гораздо меньшей степени, чем боль в лодыжке. Сами понимаете, с металлическим стержнем, точнее, с гвоздем в ноге человеку уже никогда не стать классным игроком средней линии нападения. И даже после того, как моя суженая вытащила этот злосчастный гвоздь.

Поскольку подобных пунктов в анкете немало, а для меня, в течение 50 лет жившего в атмосфере счастливой супружеской жизни, подобные вопросы являются принципиальными, направляю в Приложении замечания к упомянутым пунктам (12, 13, 15, 18, 19, 22—25).

С уважением,
Франтишек Червенка,
Мелоунова, 12287, Прага-4

Франтишеку Урвенкову,
Мелоунова, Прага
№ 113 667

Уважаемый заявитель!

Комиссию не интересуют подробности Вашей личной жизни. Для качественной репродукции Вашей жены с высокой точностью по отношению к оригиналу нам необходима достоверная информация.

Возвращаем Вам анкету для заполнения тех пунктов, которые Вы самовольно выпустили.

С уважением,
Рудольф Интеллигентный,
Минимикроотдел

Приложение: 4

Внимание: При ответе ссылайтесь на наш номер.
Макулатура — ценное сырье. Сдавайте макулатуру.

Комиссии по народонаселению Народная площадь,
Прага

Вы — шайка невежд и жуликов, и я не перестаю удивляться тому, что позволил водить себя за нос почти четыре года. Меня даже не оправдывает старческое слабоумие. Требую незамедлительно принять меры к исполнению, в противном случае я передам нашу переписку для публикации в рубрике «Барахло года 2283».

Франтишек Червенка

Комиссии Национального комитета по вопросам
репродукции и народонаселения г. Праги
Народная площадь, 36, 11199, Прага-1

Уважаемая комиссия!

Возвращаю Вам письмо, адресованное моему мужу, Франтишеку Червенке, поскольку 11 ноября с. г. у него, к сожалению, произошла естественная дезинтеграция структуры.

Я же чувствую себя новорожденной. Не сочтите за труд сообщить, где бы я могла получить анкету для знакомства. Может быть, ее направляет Ваша комиссия? Для меня представляет интерес знакомство по специальной инструкции «Б» (электронная машина 2085, центр).

С сердечным приветом,
Милослава Червенкова-Крало-
ва,
ул. Мелоунова, 12287, 149000
Прага-4

Ярослав Зика

Решение

Прокурор Классен с любопытством оглядел посетителя, почти утонувшего в огромном кожаном кресле. Потом не спеша вынул из кармана плоский портсигар, открыл его и протянул гостю. Тот вежливо покачал головой. Слегка улынувшись в ответ, прокурор неторопливо вытащил из портсигара длинную темно-коричневую сигару, умело раскурил ее и вновь испытующе уставился на мужчину, сидевшего напротив.

— Мой милый доктор Бергсон,— начал он слегка иронически,— вы ведь не обидитесь, если я стану обращаться к вам именно так? Конечно, до сих пор мы не были знакомы, однако, смею вас заверить, вы мне действительно милы, прежде всего своей естественностью, раскованностью, я бы даже сказал больше — отсутствием всяческих запретов. А такие вещи всегда импонируют мне в людях.

Прокурор сделал глубокую затяжку и, округлив губы, выпустил к потолку несколько колечек синеватого дыма. Вытянув руку, он как бы попытался надеть одно из колечек себе на палец. Потом мягкими движениями кисти разогнал дым перед собой и усмехнулся.

— Итак, милый доктор Бергсон,— повторил он,— мы решили явиться сюда без всякого предупреждения,

* Пер. изд.: Zýka J. Rozhodování: в сб. Něviditelní zlodeji. Albatros, Praha, 1980.

© J. Zýka, 1980.

буквально как снег на голову. Конечно, это не имеет особого значения, ведь у меня часто бывают непредвиденные встречи. Но, если говорить честно, складывается впечатление, что вы это сделали умышленно, чтобы заставить меня здесь же, на месте прийти к определенному решению. По-моему, я не очень ошибаюсь, а? Объясняется же это прежде всего тем, что я должен выступать в качестве прокурора на судебном процессе по обвинению вашего коллеги-врача, с которым вы вместе работаете, вернее, работали в одном научно-исследовательском институте. Насколько мне известно, ваш коллега явился с повинной, признавшись в убийстве, точнее, в умышленном убийстве сотрудника вашего института.

Человек в кожаном кресле с достоинством выпрямился и слегка подвинулся вперед, на краешек кресла, как бы пытаясь подсесть поближе к прокурору Классену. Потом несколько раз потер друг о друга сухие, чисто вымытые руки с тщательно ухоженными ногтями.

— Понимаете, я пришел к вам не просто как к прокурору, а как к самому знаменитому прокурору в нашей стране. Дело в том, что процесс, который вот-вот начнется, не совсем обычный. Поэтому, если вы откажетесь участвовать в нем, люди сразу поймут, что, по всей видимости, здесь что-то не так. А при современных возможностях средств массовой информации, вы понимаете, не составит ни малейшего труда, чтобы об этом мгновенно узнал весь мир.

Доктор Бергсон выжидательно замолк и еще больше съежился в своем кресле.

— Интересный вы человек,— добродушно удивился прокурор.— Начали с комплиментов, причем, по-моему, явно переусердствовали, а о сути дела даже не заикнулись. Хотя помочь вам я, наверное, ни в чем не смогу. Видите ли, право есть право, а закон есть закон, с какой бы точки зрения вы на них ни взглянули. И пока суще-

ствуется человеческое общество, оно будет управляться по вполне определенным законам и предписаниям. В рамках этих законов люди всегда оценивают и будут оценивать поступки своих собратьев. Причем те, кому это будет поручено, естественно, либо станут исходить из указанных законов, принимая, конечно, во внимание этические или, скажем, морально-этические аспекты жизни людей, либо же, опираясь на собственные убеждения и взгляды, будут действовать в соответствии со своим кодексом морали. Однако, при этом они всегда должны руководствоваться прежде всего законами и отстаивать справедливость именно с точки зрения права.

— Вы прекрасно все объяснили, господин прокурор,— кивнул головой мужчина в кожаном кресле.— Теперь мне непонятно лишь одно: почему символом законности служат весы, а символом этой вашей справедливости является фигура с завязанными глазами.

— Видите ли, господин доктор,— довольно улыбнулся прокурор Классен,— все это рассуждения столь же древние, как и сами понятия права и справедливости. Одно могу сказать вам совершенно точно — никогда и никто из живущих на земле людей, на любом этапе развития человечества, при любом общественном строе не признаёт официально или публично законность убийства или, скажем, умышленного убийства — смотря по тому, что решат в данном случае присяжные заседатели или какой приговор вынесет суд.

— Понимаю,— кивнул доктор Бергсон,— только в нашей ситуации мы имеем дело не с убийством, а тем более умышленным. Это было именно решение. Не буду называть его приговором, потому что понятие приговора относится скорее к компетенции суда или жюри присяжных. Давайте лучше скажем, что это было решение специальной комиссии. Или соглашение. Если же вы все-таки настаиваете на слове «приговор», то это был

приговор, вынесенный дилетантами, которые оказались одновременно и судьями, и присяжными заседателями, и истцами. И даже прокурорами.

— Вот как?— удивился Классен.— Значит, вы хотите сказать, что кроме судов, жюри присяжных и остального юридического аппарата существуют еще какие-то иные правовые организации, созданные нашими гражданами?

— Видите ли,— осторожно заметил посетитель,— в данном случае речь шла о вещах, которые касаются всего человечества.

— Так что же, по вашему мнению, милый доктор Бергсон, мы уже вовсе никому не нужны? Если я, конечно, правильно вас понял?

— Не совсем,— несколько смешавшись, заерзал в кресле Бергсон.— Конечно, я не разбираюсь ни в юриспруденции, ни в ваших законах и статьях... Я просто врач. Но, знаете, у каждого человека существует свой кодекс поведения, которому он обычно следует. Поскольку все на свете должно иметь свой порядок. И лишь иногда это попадает на ваши весы. При этом, когда приходится взвешивать, нужно еще, чтобы стрелка весов отклонялась в правильном направлении.

— В деле, о котором вы просите, нет нужды слишком много взвешивать или обдумывать. Ваш сослуживец убил или, выражаясь деликатнее, устранил своего коллегу, сумевшего получить уникальные в своем роде сведения, которые могли бы оказать большую пользу человечеству, а ему самому приобрести огромный научный авторитет. Да ведь вы сами прекрасно понимаете, господин доктор,— прокурор Классен выпустил облачко дыма,— что, рассуждая о терминах, весах и справедливости, мы могли бы полемизировать до бесконечности.

— Совершенно верно, господин прокурор,— согласился доктор Бергсон.— Однако к чему вам весы, если под рукой у вас нет подходящих гирек? Ведь вы со-

бирзаетесь взвешивать с помощью лишь тех гирь, которые имелись у вас раньше. А я хотел бы предоставить вам новые возможности, или, если угодно, гири. Ведь вы считаете, что наш сотрудник Хольцман просто позавидовал результатам, полученным его коллегой, и совершил убийство, так сказать, из научной ревности.

— Но ведь он сам признался в содеянном.

— Если не возражаете, я хотел бы вам напомнить, что, согласно законам, в которых я, по правде говоря, не слишком-то разбираюсь, признание в совершении уголовного преступления вовсе не является решающим обстоятельством для суда. Вы же прекрасно знаете, что установить чью-либо вину можно только с помощью доказательств. Что же касается нашего института, господин прокурор,— тут доктор Бергсон гордо выпрямился в кресле,— то могу вам твердо сказать, что после обстоятельного обсуждения мы решили скрыть все, что могло бы повредить нашему сотруднику Хольцману, причем руководствуясь лишь стремлением к справедливости. Мы даже обзавелись адвокатом, хотя на процессе он выступать не будет: просто он научит нас, как вести себя в суде и какие давать показания. К сожалению, мы не обладаем той популярностью, какой пользуетесь вы, господин прокурор, и потому я здесь.

— Стало быть, вы пришли сюда от имени доктора Хольцмана и остальных ваших сотрудников?— с легкой улыбкой осведомился хозяин кабинета.

— Я тут, собственно говоря,— распрямился в кресле посетитель,— от имени всех людей на свете, а тем самым и от своего имени и от имени моих коллег. Кстати, это означает также и от вашего имени, господин прокурор, хотя в данный момент вы думаете совсем по-другому.

— Погодите,— возразил прокурор Классен,— давайте не будем обобщать. Но раз уж вы сюда явились,

изложите мне коротко суть вашего дела. Иначе вам просто нет смысла здесь оставаться.

— Хорошо,— согласился Бергсон.— Слышали вы когда-нибудь название антиментон? Уверен, что нет. Так вот, антиментон — это и есть тот препарат, который создал мой коллега Траммер. А вы, господин прокурор, прекрасно знаете,— тут доктор Бергсон многозначительно поднял палец,— что наш институт является общепризнанным лидером на международной арене в области получения новых психофармацевтических средств. Сейчас мы подошли к самым границам человеческого сознания, что позволяет с помощью разработанных нами химических препаратов существенно изменять психическое состояние человека.

— Вообще-то, обо всем этом я уже слышал прежде,— прервал его прокурор Классен.— В свое время об этих вещах много писали в газетах.

— Знаете, в наших газетах часто пишут о том, что врачи или ученые еще только собираются сделать, причем даже раньше, чем об этом заговорят на страницах медицинских журналов,— заметил Бергсон.

— Тогда почему же вы сами не выступили в прессе?— поинтересовался прокурор Классен.

— Иногда этого просто не следует делать,— чуть помедлив, произнес Бергсон,— ведь исследования продолжаются обычно несколько лет. Но не это главное — так всегда было и будет. Правда, об антиментоне начали шуметь в печати еще тогда, когда наша группа была где-то на полпути к успеху.

— Что касается моей точки зрения на это дело,— прокурор впервые взглянул на своего посетителя без тени иронии,— то, насколько я понимаю, сотрудник вашего исследовательского отдела по фамилии Траммер обнаружил, что одно из химических соединений, анализом которых вы занимались, при определенных обстоятельствах может оказывать на человека весьма своеобраз-

ное транквилизирующее действие. Траммер решил назвать препарат антиментоном. Состав вещества был известен ему одному, точно так же как и условия, при которых оно действует наиболее эффективно. По существу это означало для него признание научных заслуг, громкую известность и, разумеется, весьма приличное вознаграждение. При этом он склонялся к тому, чтобы широко разрекламировать свое открытие и, насколько мне известно, собирался выступить с подробным докладом об антиментоне на заседании соответствующей секции медицинского общества, куда были приглашены также журналисты. Однако утром этого дня его нашли мертвым в своей лаборатории. Причиной смерти, согласно заключению судебного эксперта, явилось отравление чрезмерной дозой сильнодействующего снотворного, которое он выпил вместе с кофе. В конце того же дня в компетентные органы обратился другой ваш сотрудник Хольцман, который сообщил, будто бы именно он подменил снотворное Траммеру, сделав это единственно из чувства зависти к его возможному успеху, связанному с антиментоном.

— К сожалению, все было совсем не так,— недовольно вздохнул доктор Бергсон.— Хольцман просто вынужден был пойти на это, потому что на него пал жребий. О том, что это не был несчастный случай, никто бы и не догадался. Траммер был человеком нервным, с расшатанной психикой, помногу пил кофе, в лаборатории у него хранился целый ряд опасных веществ. Кроме того, перед докладом он сильно волновался — видимо, под впечатлением наших споров. Поэтому все должно было пройти гладко. Однако Хольцман, проделав все, о чем мы заранее договорились, вдруг решил, что как человек и особенно как врач он не имеет права безнаказанно лишать жизни другого человека, даже если речь идет о восстановлении справедливости. Поэтому он решил явиться с повинной. А чтобы не подвести нас, он и придумал

мал всю эту глупость о научной зависти. Смею вас заверить, господин прокурор, что на суде мы будем показывать совершенно другое, а именно, что Хольцман, находясь под впечатлением неожиданной смерти Траммера, впал в глубокую депрессию и что его сообщение или, если вам будет угодно, признание, является всего лишь результатом внезапного помутнения рассудка, а все, что он там наговорил — сплошной вымысел. Поэтому на суде, господин прокурор, мы постараемся сделать все, чтобы спасти нашего коллегу Хольцмана от тяжкого наказания.

— Даже ценой нарушения закона? — поинтересовался прокурор.

— Мы поступим так в интересах всего человечества.

— Послушайте, господин доктор, — перебил его прокурор Классен, закуривая еще одну сигару, — это ваше — как бы его назвать? — научное жюри, или консилиум, вероятно, имело определенные причины поступить именно так. А мне эти причины до сих пор не ясны. Ведь, насколько я понял, антиментон представлял собой препарат, который успокаивал душевные страдания, то есть, по существу, позволял как бы ускорить все то, что человек должен был переживать в себе в течение достаточно долгого времени, пока он в конце концов не успокоится. Так?

Доктор Бергсон утвердительно кивнул головой.

— Так. Вернее, почти так, и в этом «почти» кроется вся суть проблемы. Представьте себе, господин Классен, что у вас умирает кто-либо из близких или случается какое-нибудь несчастье, или, например, вас бросил кто-то, к кому вы были сильно привязаны. Ясно, что должно пройти довольно много времени, пока у вас внутри все переболит и успокоится. Иногда, кстати, это чувство совсем не проходит. Вместе с тем в подобной ситуации человек как бы набирается жизненного опыта, становится

более умудренным — таковы, вероятно, извечные законы природы.

Если бы с помощью такого средства как антиментон человек оказался в состоянии мгновенно все забывать, либо резко ускорить процесс своих внутренних переживаний, который я назвал бы созреванием, а, может, накоплением опыта, то, поверьте, это не стало бы для людей таким уж благом. Некая боль всегда должна сопутствовать человеку в жизни. В том числе и физическая. Если бы на свете вдруг пропала физическая боль, то, вероятно, это существенно сказалось бы на человеческой природе. Конечно, не та кратковременная боль, от которой мы стараемся избавиться в медицинской практике, а вообще всякая боль — ведь тогда у человека просто не осталось бы в жизни никаких радостей.

— Стало быть,— прервал рассуждения Бергсона прокурор,— обвиняемый Хольцман лишил жизни вашего коллегу Траммера, действуя в соответствии с принятым коллегиально решением? Господин доктор, я не врач и не хотел бы предаваться сейчас размышлениям по поводу физической или душевной боли, но в данный момент я могу обсуждать имеющиеся у нас факты только с точки зрения закона. Правда, должен вам сказать, что кроме уголовных статей и параграфов существует еще человеческая совесть, и то, почему ваш коллега пришел к нам с повинной было продиктовано ему его совестью. Если хотите услышать мое твердое мнение — он убийца. Это было совершенно обычное, хладнокровно задуманное убийство, причем сам Хольцман оказался в данном случае лишь орудием, а вы и все остальные соотрудники — его соучастники.

— Я понимаю, господин прокурор, что вы имеете в виду,— согласился доктор Бергсон,— но это было задумано лишь для того, чтобы предотвратить другое убийство — утрату совести, исчезновение душевных мук, той тени, которая всегда рядом с человеком, которая всегда

следует за ним, если он совершил нечто недозволенное, пусть даже об этом знает только он один. Представьте себе, — впервые за весь разговор доктор Бергсон немного оживился,— что антиментон позволял бы мгновенно забывать что-либо или существенно ускорять сам процесс забвения. Особенно в тех случаях, когда человек совершал какое-нибудь преступление так умело, что закон и юстиция были бы бессильны его найти. Тогда стоило бы ему, совершив преступление или, скажем, нечестный поступок, принять соответствующую дозу антиментона — и человек перед самым собой был бы чист как стеклышко.

— А разве нельзя было поставить дело так, чтобы держать эти средства под строгим контролем? — поинтересовался прокурор Классен.

— Господин прокурор, — усмехнулся в ответ посетитель, — наркотики давно уже находятся под строгим контролем. В то же время, сколько проблем у нас сразу возникло? А сколько осложнений мы имеем постоянно с ядерным оружием? К тому же, как вы, несомненно, знаете, в настоящее время заключен международный договор о запрещении экспериментов, в результате которых могут произойти нарушения генетического кода или появиться разного рода мутанты...

— Погодите, погодите, — выпустил струйку сигарного дыма прокурор Классен. — Все это мне понятно. Но почему нельзя было, например, заключить такое же соглашение об использовании антиментона?

— Это оказалось невозможным. Из-за славы. Перед доктором Траммером гораздо четче вырисовывались будущая известность и слава, чем какие-то там печальные последствия. Причем, когда он начинал говорить о последствиях, — а ведь мы, как могли, старались убедить его в их неизбежности, — то видел лишь одни плюсы своего открытия. Мы же видели и все минусы. Представьте себе, господин прокурор, что означало бы

для людей, если бы вдруг оказалось, что любой человек с помощью обычной таблетки или порошка может гарантировать себе необходимую потерю памяти? Или же быстрое и эффективное очищение совести, когда ему это вздумается? Коллега Траммер не хотел этого понять. Поэтому, раз он оказался не в состоянии правильно оценить последствия своего открытия, он ни в коем случае не должен был им воспользоваться. Вот мы и предъявили ему ультиматум накануне доклада.

— А может,— задумался Классен,— Траммер был идеалистом, который полагал возможным использовать лишь положительные стороны своего открытия?

— Господин прокурор,— с горечью усмехнулся доктор Бергсон,— идеалисты тоже должны нести ответственность за свои поступки. Нельзя смотреть на вещи так односторонне. К тому же мы не один раз все обсудили, прежде чем прийти к определенному решению. Поймите, мы стремились к тому, чтобы у людей никогда не возникла возможность жить без совести.

— Однако,— пожал плечами прокурор Классен,— ваше решение противоречило тому факту, что люди не могут жить без законов.

— А без справедливости?— возразил ему Бергсон.

— Если каждый будет придерживаться своего собственного понятия о справедливости, то на свете окажется много разных справедливостей — по существу это означало бы, что справедливости нет вообще, а в человеческом обществе это невозможно,— закончил свою мысль прокурор Классен.

— Так вот,— посерьезнел вдруг доктор Бергсон, как бы вознамерившись завершить затянувшуюся дискуссию,— до начала процесса остается примерно двенадцать часов. И вам следует решиться, господин прокурор. Отказавшись принять участие в процессе, вы дадите понять всем, где правда...

— Послушайте, дорогой Бергсон,— прервал своего

гостя прокурор Классен,— в чем заключается правда, вы не узнаете никогда, поскольку у нас речь шла о некоей абсолютной правде. Отказываясь от участия в процессе, я тем самым даю понять, что нахожусь на вашей стороне, а это в свою очередь означает полную вашу правоту. Если же я стану участвовать в процессе, то каким окажется приговор, будет зависеть от присяжных заседателей и от суда. Но даже если бы они оказались на вашей стороне, все равно ваш коллега Хольцман должен понести наказание в соответствии с существующими законами. Надеюсь, хоть это вам ясно, господин доктор?

— Нет,— убежденно возразил посетитель,— Хольцман не будет осужден, поскольку у вас на руках нет достаточно веских доказательств. К тому же, если вы хотите быть справедливым до конца, то должны потребовать наказания и для всех нас — ведь Хольцман действовал от нашего имени.

— Мы не можем осудить всех, если снотворное в кофе вашему сослуживцу Траммеру подсыпал только один из вас.

— Итак, господин прокурор,— решился наконец доктор Бергсон,— вы, видимо, склоняетесь к тому, чтобы антиментон начали производить уже сегодня и чтобы этот препарат, законным или незаконным способом, мог достать каждый, кто хотел бы забыть что-либо, в том числе и вашу пресловутую справедливость.

Последовало молчание.

— Позвольте мне спросить вас кое о чем, господин доктор,— обратился вдруг к своему гостю хозяин кабинета.— Решившись осуществить это свое, скажем так, намерение, вы сами не запаслись хорошей порцией антиментона?

— Господин прокурор, — серьезно ответил доктор Бергсон, — смею вас заверить, что практически весь изготовленный в институте препарат был уничтожен, уничтожены также все лабораторные журналы с запи-

сами опытов и сами мы не приняли никакой дозы антиментона. Да и зачем нам нужно было это делать — ведь мы действовали в полной уверенности, что угрызения совести нас мучить не будут.

— Ну и как, не мучают? — испытующе глянул на посетителя прокурор Классен.

— А вы мучились бы угрызениями совести, господин прокурор, будучи убеждены, что действуете в интересах человечества?

— Милый доктор Бергсон, — усмехнулся прокурор, — хотя по некоторым вашим высказываниям сразу видно, что вы не юрист, я все же хотел бы вас кое о чем спросить. Уверены ли вы, что где-нибудь в другой стране, в какой-либо другой лаборатории в это же самое время или, допустим, в ближайшем будущем не будет создано нечто подобное антиментону?

— Думаю, что именно так оно и будет, — ответил доктор Бергсон, вялым движением рук как бы расписываясь в собственной беспомощности. — Вероятно, в научных исследованиях каждый полученный результат можно использовать как на благо человечества, так и во вред ему. Правда, как только где-нибудь произойдет нечто подобное, люди сразу должны выступить против этого.

— Но, господин доктор, — возразил прокурор Классен, — как можно с самого начала знать, принесет данное открытие пользу или вред? Или что из них окажется более важным? Это все равно, как если бы мы рассуждали об атомной энергии, имея в виду лишь атомную бомбу, а не, к примеру, радиоактивные материалы, используемые для облучения опухолей. Где тут граница? Если позволите, то как юрист я бы сказал, что фактически у нас с вами достаточно близкие взгляды на вещи, хотя в целом ряде вопросов мы несколько расходимся. Итак, вы пришли сообщить мне, что у меня остается двенадцать часов на размышление, чему от-

дать предпочтение, причем, как я понимаю, передо мной стоит выбор: либо присоединиться к вашей точке зрения, которая, вообще говоря, не является достаточно общим решением вопроса, и забыть о том, что на свете существуют право, законность и все остальное, либо действовать сообразно духу своей профессии и начисто забыть о мотивах, которые вы мне здесь привели.

Доктор Бергсон поднялся с кресла и с достоинством поклонился.

— По-моему, все сформулировано абсолютно точно. У вас действительно есть двенадцать часов на размышление. Простите, господин прокурор, что отнял у вас слишком много времени.

— Мне было интересно выслушать вас, господин Бергсон, — сказал прокурор. — Поверьте, я вполне допускаю вашу точку зрения и рад, что вы меня тоже поняли. Уверяю вас, что постараюсь продумать создавшуюся ситуацию до конца. Хотя, конечно, любое решение выдвинет перед нами новые проблемы.

— Понимаю, господин прокурор, — сказал доктор Бергсон уже у самой двери. Потом полез в карман и вынул оттуда маленькую пробирку. — Понимаю, — повторил он, — принять правильное решение всегда трудно, особенно в таком деле. А на вас падает огромная ответственность. Видите ли, пока мы здесь рассуждали, все было более или менее ясно, поскольку нам вовсе не приходило в голову, что можно что-нибудь забыть. Ведь для нас очевидной казалась только наша правда. А теперь, если позволите, я хотел бы вручить вам единственную оставшуюся у нас порцию антимагонина. Он действует вполне надежно и, кроме того, совершенно безвреден. С вашего разрешения, через двенадцать часов я позвоню вам, чтобы узнать, воспользовались вы им или нет. До свидания, господин прокурор.

Он поклонился еще раз. Потом приоткрыл дверь и,

прежде чем покинуть кабинет, обернулся и проговорил слегка извиняющимся тоном:

— А теперь, представьте себе, господин прокурор, что в этой пробирке вовсе не антиментон, а всего лишь «плацебо» — не оказывающий никакого действия, полностью безвредный препарат, и что я вам солгал. Естественно, я не утверждаю, будто это именно так. Однако, если бы это было так, вам пришлось бы очень трудно... Не правда ли, господин прокурор? — и доктор Бергсон тихонько притворил за собой дверь.

Иван Изакович

Одиночество*

Одиночество равносильно смерти...

Э. А. По

— Алло? «Санди таймс»? Дайте шефа, дорогуша. Его нет? Кто? Это Смит, ну да, Джолион Смит. Первая полоса готова? Еще нет? Тогда слушайте: у меня сенсационный материал. Бенст, ну, тот самый мореплаватель нашелся. Вернее, наоборот, его уже нет. Официально подтверждено... Алло, алло, вы дадите мне секретаршу? Это Уинфред? Диктую. Заголовок: «Трагедия или несчастный случай?» Вопросительный знак. Текст: «Вчера вблизи Азорских островов французский корабль «Бордо» обнаружил парусное судно, которое не отвечало на сигналы. Точка. Как выяснилось, это судно принадлежало английскому мореплавателю Дональду Бенсту. Точка. Обнаруженных на борту запасов продовольствия могло бы хватить еще на добрых пятьдесят дней, питьевой воды — на сорок. Точка. Последние слова Бенста в судовом журнале, который он вел на протяжении двухсот сорока дней, были, кавычки: «Я знаю, что ровно в одиннадцать часов двадцать минут должен кончить эту игру». Кавычки. Конец... Написали? Все. Пока. Дайте мне старика...

Газеты уже не раз писали об английском мореплавателе Дональде Бенсте. Да и сам Смит совсем недав-

* Пер. изд.: Isakovič I. Samota: в сб. Indický kl'úč. Šport, Bratislava, 1977.

© Šport, 1977.

но опубликовал о нем статью, полную всяческих догадок. Однако на сей раз он узнал о судьбе Бенста из официальных источников. И первый! Ему помог друг детства, майор Герон, морской летчик, который недавно оставил службу, найдя себе приличное место в Министерстве морского флота.

Последняя запись в дневнике Бенста не нравилась Смигу. Снова и снова возвращался он к мысли о том, что же могло приключиться с Бенстом. «Я должен кончить эту игру». Какую игру? И что означает столь точное время? Одно было ясно: на Джеймса Герона он, Смит, мог положиться.

Не желая говорить о подробностях по телефону, Герон намекнул на некое загадочное обстоятельство. Оно, мол, в судовом журнале Бенста, который Герон на одну ночь «позаимствовал». Позже, сидя рядом со Смитом, Герон листал страницы журнала и негромко комментировал их.

Вначале Смит не обнаружил в дневнике ничего особенного. Обычные аккуратные записи, иногда краткие, порой более подробные. В них Бенст сообщал о мелких неполадках, которые мучили его с первых же дней пути, указывал местонахождение судна, отмечал неисправности в приборах собственной конструкции. Когда отказал генератор, Бенст остался без электричества, без радиосвязи, без метеосводок. Он стал подумывать о возвращении. К тому же судно дало течь...

— Он начал строить свою посудину слишком поздно, — вслух размышлял Смит. — Он был упрям, как все одиночки.

— Разумеется, ведь речь шла о его престиже... Читай дальше.

«Сегодня мне опять пришлось черпать воду и конопатить днище. Кошмар. Все ненадежно. Сплю урывками. Судно разваливается. И все должен я сам...»

Последнюю фразу Смит невольно прочитал вслух.

— Почему же он продолжал плавание? — недоумевал Герон.

— И это спрашиваешь ты, витязь «Бостонской регаты»? — удивился Смит.

— Да, но ведь со мной все было совсем иначе, — задумчиво произнес Герон. — Он отлично знал, что два его соперника перевернулись, что лишь благодаря счастливой случайности им удалось спастись. Неужели он не понимал, что с такой развалюхой его затея обречена на провал?!

Смит ткнул пальцем в последнюю строчку и испытующе посмотрел на приятеля.

«А что, если бы я вот так, вдруг, появился в Англии?.. Нет, необходимо продолжать плавание. Если я сейчас смалодушничая, десять лет каторжного труда пойдут насмарку. Я докажу! Уж если какой-то чех, который видел Атлантику только в кино, сумел переплыть океан в одиночку, то я...»

На этом запись обрывалась.

— Бенст был убежден, что, если он победит в состязаниях, к нему придет не только спортивная слава, это будет отличной рекламой его приборам.

— Да, это был умелый человек и прекрасный инженер.

Смит положил дневник на стол и характерным для него движением руки потер уголки глаз. Герон взял дневник и, машинально перелистывая его, промолвил:

— Не хотел бы я быть в его шкуре. Записи в дневнике свидетельствуют об опасениях, страхе перед надвигающейся катастрофой. Всегда больно признавать свое поражение...

— Почему же ему не сообщили, что все его соперники сдались?

— Не знаю. Наверное, это стало известно как раз в тот момент, когда с Бенстом прервалась связь. Целый

месяц от него не было никаких известий. Ничего, что могло бы пролить свет на его местонахождение...

— Имеет ли смысл читать дальше? — засомневался Смит.

— Тут-то и начинается самое интересное, — сказал Герон. — Бенст утверждает, что перехватил сигналы какой-то загадочной станции. Подтвердил прием и все. Кто это был — неизвестно, так как затем связь опять прервалась. В этой истории вообще было немало загадочного. Когда судно обнаружили, выяснилось, что передатчик разобран. Но ведь Бенст по профессии был инженер-электрик и при желании ему ничего не стоило привести его в порядок.

Прятели молча разлили остатки виски и задумчиво уставились на тающие кусочки льда в бокалах. Оба думали об одном и том же.

— Как по-твоему, он был нормальный? — нарушил Смит тягостную тишину.

— Откуда мне знать... Ты бы прыгнул в море, где полно акул? Но я не исключаю и несчастного случая... Попробуем-ка восстановить последний этап этого загадочного путешествия. Хочешь, я нарисую его на карте?

В Героне заговорил специалист. Сначала сплошной линией, затем пунктиром он обозначил последнюю часть пути Бенста.

— Двадцать второго марта он достиг Фолклендских островов. Это был самый южный пункт его путешествия. Здесь он внезапно изменил курс и медленно, как бы колеблясь, порой делая зигзаги, повернул судно на север. В течение нескольких недель — кто знает почему? — он бродил неподалеку от берегов Бразилии и наконец направился к Карвуэйрским островам. Как раз к этому времени относятся самые странные записи в его дневнике: это обрывки каких-то предложений, непонятные нагромождения чисел. Возможно, это шифр. Я пытался их разгадать, но не сумел. Вот тогда-то я

впервые и задумался, все ли у него было в порядке с психикой... Вероятно, что-то с ним случилось, может статься, болезнь, жара, перенапряжение, результат длительного одиночества... Трудно гадать. Где-то вблизи Гаити связь с внешним миром возобновилась. Это был поток сообщений, из которых ничего нельзя было узнать ни о пути следования судна, ни о состоянии самого Бенста, ни о его настроении, самочувствии. Записи в судовом журнале заканчиваются двадцать четвертого июня... За две недели до того, как французский корабль обнаружил пустое судно.

Телефонный звонок заставил майора Герона снять трубку. Он молча передал ее Смит.

Звонила Джуна, супруга Бенста. Смит терпеливо заверял ее, что она ничуть не помешала, они как раз сидят над судовым журналом Дональда и он сам собирался ей звонить. В ответ он услышал новость, которая его взволновала: сегодня после обеда ей принесли личные вещи мужа, которые оставались на палубе судна. Среди них были какие-то магнитофонные пленки...

Большого Смит и желать не мог.

В тот же вечер в доме Бенста встретились трое: Смит, Герон и доктор Флеминг, их бывший одноклассник, ныне известный психолог, который взял на себя труд изучить судовой журнал Бенста.

— Господин доктор, правда, в дневнике Дональда нет ничего такого, что могло бы пролить свет на его... словом, на то, что произошло? — нерешительно обратилась к нему Джуна.

— По правде говоря, я как психолог с волнением читал его дневник, — задумчиво произнес доктор Флеминг. — Записи весьма разнообразны: там есть любопытные рассуждения, афоризмы, размышления по поводу возникшей опасности и длительного одиночества. Иногда они занимают целую страницу, порой это всего лишь одно-два предложения; нередко они носят сум-

бурный характер, в них трудно найти смысл, иногда загадочны. Но как раз в них-то, я полагаю, и следует искать ответ на вопрос: «Что случилось с Дональдом Бенстом?» Взгляните, он начал записи цитатой из Сенеки, точнее парафразом: «На многое мы не решаемся не потому, что это трудно осуществимо, но потому, что нам не хватает смелости». Не правда ли, весьма симптоматично? Видимо, для большей наглядности Бенст на полях каждой страницы обозначил тему. Первую он сформулировал просто: «Плавание». Прочитать вам несколько строк?

Все кивнули.

«Это — страсть, страсть, от которой мне уже не избавиться. Тот, кто еще не испробовал этого коктейля наслаждения и горечи, блаженства и каторжного труда, тот не поймет, что значит извечное, неодолимое желание человека проявить себя, доказать свою силу, бороться и одержать победу над собой, над другими, над стихией. В каждом из нас дремлет потенциальный герой... Или это всего лишь обыкновенная жажда перемен — образа жизни, обстановки, страстная мечта о свободе, желание попробовать свои силы? И бегство, бегство от проторенных путей повседневной жизни, от привычек, доходящих до автоматизма, бегство от будней и неспособности отыскать в жизненном однообразии что-то новое?!

Добровольное уединение. Да, мне не нужны зрители, я не страдаю от отсутствия аплодисментов, лавровых венков, медалей...

Вам будет очень не хватать меня, дети, если я не вернусь?»

При этих словах Джуна приглушенно зарыдала, спрятав лицо в ладони. Герон жестом попытался остановить Флеминга, но тот, не обращая на него внимания, продолжал:

«Одиночество... Я начал борьбу в одиночку, потому что хотел одержать победу над самим собой, над слабостью, над покорностью судьбе. Каждый человек хотя бы раз в жизни должен попытаться совершить невозможное... Нас одолевает столько вопросов, которые в суете жизни мы не имеем возможности осмыслить. Здесь я сам распоряжаюсь своим временем. Разве это не прекрасно?

Нет, нет, я не создан для одиночества, я лишь внушил себе это... Одиночество ничего не разрешит. Ибсен заблуждался, утверждая, что самый сильный человек — тот, кто чаще всего бывает один... Может быть, он не думал так, как я понимаю это сегодня... Я принимаю действительность. Но должен ли я расценивать свое смирение как покорность судьбе? Каждый человек по-своему одинок, и все же нет более одинокого одиночества, чем добровольная душевная изоляция мореплавателя...»

Флеминг помолчал, затем, торопливо перевернув несколько страниц, воскликнул:

— Ага, вот, здесь начинаются строчки, над которыми стоит призадуматься.

«Я вновь собрал рацию. Ловлю странные сигналы... Мне удалось разгадать их код...

Они ужасно любопытны. Их все интересует. Почему они выбрали меня? Потому ли, что я один?

Когда, наконец, вы оставите меня в покое?..»

— Или вот это место, — настаивал Флеминг.

«Страдаю от безлюдья; это страшные мгновенья, когда человек сознает, что вокруг никого нет и не будет. Вот почему я рад возможности поговорить с ними, хотя, признаюсь, это довольно своеобразный диалог. У меня такое чувство, будто они лишь проверяют

определенные факты, словно давно все знают о нас...»

— Продолжать? — доктор Флеминг окинул взглядом присутствующих. Все кивнули. — А что вы скажете на это?

«Сегодня ночью мне показалось, будто я, пережив какую-то катастрофу, а может, эпидемию, проникшую из космоса, или разрушительную термоядерную войну, остался один на свете... Континентов более нет, большая часть земной поверхности покрыта океаном, как когда-то, в незапамятные времена; мне некуда плыть, и если когда-нибудь я увижу берег, то он будет безжизнен, пуст, как мое нутро...

Я должен сотворить свой собственный мир. Его у меня не отнимут.

...Нет, они не такие. Речь идет не только обо мне... Люди, вы — будущее этой планеты, и вы за нее в ответе. Стоя на краю пропасти, вы не смеете равнодушно взирать вниз; не надейтесь на других, не придумывайте отговорок, что вы тут ни при чем, что вы ничего не можете, что вам это не под силу...

От нечего делать я перечитываю свои записи. Может, лучше их уничтожить?.. У меня так мало времени. Как сообщить самое главное? Почему они не хотят и слушать о моем возвращении? Ведь меня ждет Джуна! Как им это объяснить?..»

При этих словах супруга Бенста, сидевшая все это время с закрытыми глазами, вдруг встрепенулась и тихо спросила:

— Не понимаю, о ком он говорит?

Ей никто не ответил. Лишь доктор Флеминг, откашлявшись, попросил:

— Если позволите, Джуна, я покажу эти тексты коллегам. Я не хотел бы быть опрометчивым, но, вероят-

но, одиночество, физическое и душевное перенапряжение — вот, где нужно искать причины трагического конца Бенста. Он сам дает нам доказательства того, что его мучили галлюцинации... Жаль... В противном случае мы должны допустить...

— Что ты хочешь сказать? — в воздухе повис отрывистый, недоверчиво-вопрошающий возглас Смита.

Но Флеминг не захотел говорить о своей догадке. Тогда Смит взял инициативу в свои руки.

— Извините, но я должен вам кое-что сказать. Сегодня во второй половине дня в редакцию поступило сообщение из Аргентины, в котором говорится, что в марте Дональд бросил якорь вблизи аргентинских берегов. Прибрежная стража вела с ним переговоры где-то в окрестностях Рио-Саладо. Они даже помогли достать ему доски для ремонта днища... И что весьма прискорбно, судейское жюри может квалифицировать это как оказание помощи.

— Другими словами, если бы его плавание завершилось успешно, он был бы дисквалифицирован, — вздохнув констатировал Герон.

— Но это было бы несправедливо! — запротестовала Джуна.

— К сожалению, инструкции на этот счет вполне определенные.

— Значит, все было напрасно. — Она вздохнула и немного погодя призналась. — Я смертельно устала.

— В самом деле, уже поздно, — извиняющимся голосом сказал Герон.

— Нет, прошу вас, останьтесь. Осталось совсем немного, не правда ли, доктор?

Флеминг кивнул.

— Он все время пишет о конце, о своем намерении совершить нечто такое, что будет воспринято нами как безумие. Вот, послушайте.

«Уйти? Но как? Пока я отвергаю это, пока сам

понимаю безрассудность этой мысли, все хорошо. Но что, если я поддамся искушению? Они не настаивают, нет, но...»

Флеминг оторвался от дневника.

— Я не понимаю, что означают его дальнейшие слова... «я должен». Нет, взгляните-ка на эти строки, миссис Бенст. Мне кажется, он писал их в страшном волнении...

— Вы позволите? — Джуна принялась читать записи мужа, которые становились все более загадочными.

«...Не заставляют. Но что, если я подчинюсь им? Возможно, это выход. Надеюсь, вы меня поймете, хотя я и не могу об этом писать открыто... Да, я сделаю это. Нет, это не жертва, я делаю это не ради себя... Но если они все-таки повлияли на мое решение, я им этого не прошу. Боже, что-то сдавливает мне голову... Понимаю. Я должен подготовиться. Одиннадцать двадцать, точно. Хорошо, я буду готов... Итак, игра окончена. Я ухожу... Ищущий да обрящет!»

— Ищущий да обрящет, — в отчаянии повторила Джуна.

Первым опомнился Флеминг.

— «Ищущий да обрящет». Вряд ли за этими словами что-то кроется. По-моему, это скорее завещание. Или предостережение.

— О чем он боялся писать? Не понимаю, — покачал головой Смит.

— Пленка! — вдруг вспомнила Джуна. — Все ясно! Он имел в виду магнитофонную пленку, которую нашли в трюме.

— Пленка! Как мы могли о ней забыть? — недоумевал Смит.

Послышался тихий шелест крутящейся кассеты. Смит разочарованно вздохнул.

— Ничего... ничего нет.

И вдруг до них отчетливо донеслось завывание ветра, затем прерывистое возбужденное дыхание и нервное откашливание, и, наконец, они услышали хриплый голос Бенста:

— Вероятно, я еще успею. Во всяком случае, попытаюсь. Бумаге я не доверяю. Я знаю, что не должен был оставлять все на последнюю минуту, но... Итак, знайте же, что произошло. Прибыв из космических далей, Они вошли со мной в контакт с помощью космического зонда-ретранслятора. Специалистам, наверное, больше скажет следующее: их родина — шестая планета системы Эпсилон Бета. Теперь нас не должно страшить, что мы одиноки в космическом пространстве! «Существует бесчисленное множество солнц и планет, подобных Земле. Эти миры населяют разумные существа». Эти слова принадлежат не мне. Джордано Бруно утверждал это еще до того, как мы, люди, послали его на смерть. Он знал это, знали это до него и после него. И не надо их бояться. Да, чтобы не забыть: наши органы чувств их не воспринимают. Мы можем вступить с ними в контакт, только находясь в определенном душевном состоянии и в определенной среде. Для этого необходим лишь интерес, сосредоточенность, тишина и желание сотрудничать. Вы, верно, спросите, почему же до сих пор мы не обнаружили их присутствия? Впрочем, присутствие — не то слово. Я отвечу: они осторожны. Пока они наблюдают за нами. Но первые контакты с людьми они пытались установить еще 13 000 лет назад. Это плохо кончилось. Как они утверждают, не по их вине... Почему они выбрали именно меня? Трудно сказать, быть может, в океане существуют наиболее благоприятные условия для исследований. Знаете, что они вчера заявили? Что, мол, наши представления о них смехотворны. Кто знает, может, они сумеют воспользоваться моими знаниями за пределами Галактики. Здесь им

плохо работается. Их вытесняет биополе нашей цивилизации. Но, вероятно, и этот барьер, существующий между нашей и их цивилизациями, они сумеют преодолеть... Доверяйте им... Хватит опустошать собственное тело, душу, окружающую среду. Мы находимся на пороге великих открытий. Остаются последние секунды... Я не могу их подвести... Дети, не забудьте, самое прекрасное в этом мире — познание, взаимопонимание и правда... Я еще хочу принести пользу, потому уйду... И ради вас тоже. Прощайте!..

Еще некоторое время кассета продолжала крутиться, но было слышно лишь шуршание ленты.

Смит опомнился первым.

— Но ведь это необыкновенно! Существа из космоса! Выходит, Дональд вовсе не исчез бесследно! Фантастика! Вот это сенсация! Я сейчас же позвоню в редакцию...

Майор Герон охладил его пыл.

— Не сходи с ума!

— Нет, Джолион, вы не сделаете этого, — решительно заявила Джуна. — То, что вы сейчас услышали, вы никогда и нигде не будете публиковать.

Журналист обиженно посмотрел на нее.

— Милая Джуна, что вы такое говорите? Это же умопомрачительная сенсация! Вы представляете, какую выгоду можно из этого извлечь?!

— Нет, я не позволю, — прозвучал ее сдержанный, но настойчивый ответ.

— Но ведь вам же за это заплатят. Вы что, не понимаете?!

— Это вы, вы ничего не поняли...

Флеминг встал.

— Будет лучше, друзья, если мы попрощаемся.

— Да, ступайте, ступайте! — не выдержала Джуна. — Оставьте меня... Я не хочу, я не позволю, — горько твердила она, измученно, в отчаянии.

Вацлав Кайдош

Курупиру*

1

Пьяный хриплый голос сотрясал все вокруг — ругательства сыпались как из рога изобилия.

Алан нахмурился.

— Манозли, — позвал он, поджав губы. — Манозли.

Надо бы выйти, но ему не хотелось и носа высунуть из-за москитов.

— Глупцы, недоноски, проклятые буйволы, — голос снаружи продолжал педантично перечислять черты характера проводников-гребцов.

Алан вздохнул. В самом деле, стоило бы выйти и остановить Спенсера. Черт побери, куда задевался этот туземец? Алан почувствовал, как в нем закипает раздражение — это испортило ему настроение. Брань Спенсера не прекращалась — тот не стеснялся в выражениях. Нечего сказать, хорош напарник... Алану он стал действовать на нервы. А ведь известно, что самая большая опасность, подстерегающая двух белых людей, очутившихся в никому не ведомом краю, — ни змеи, ни хищники, ни даже людоеды. Самое страшное — когда сдают нервы. Стоп, раздражаться нельзя...

— Манозли! — заревел Алан.

* Пер. изд.: Kajdoš V. Kurupiru: в сб. Lidé ze souhvězdí Lva. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

Перевод с сокращениями.

Ругань стихла. В отверстии палатки появилось улыбающееся темное лицо.

— Где тебя носит? — устало бросил Алан.

Улыбка на лице индейца расплылась еще шире.

— Сеньор Спенсер очень сердится, — потупился он. — Очень, — и добавил: — Кофе?

Алан невольно улыбнулся, кивнув в ответ — да, конечно.

— А почему он сердится?

Уже в Манаосе Спенсер пришелся ему не по душе, и будь его, Алана, воля, он ни за что не выбрал бы его себе в напарники... Но Алан только пожал плечами: что оставалось делать, коли Вебстер пристал к нему как с ножом к горлу. Не дурите, мол, Брэкфорд, канючил старик, этот парень финансирует большую часть затрат экспедиции, а кроме того, он энтомолог, в ваши дела он нос совать не собирается, об этом договорено.

Алан вздохнул. Что правда, то правда — Спенсер не лезет в его исследования по ботанике, зато вечные стычки с проводниками просто утомляют. Этот малый совершенно не воспитан, не знает элементарных норм поведения.

— Так почему сеньор сердится? — снова спросил Алан.

Манозли поднял руку к уху — в его пальцах появилась сигарета.

— Индейцы отказываются идти за холм, они хотят к реке и домой... Поэтому сеньор сердится. — Манозли подался вперед, прикрыв глаза, приложил палец к губам. — Курупиру, — прошептал он. — Они боятся курупиру...

Проводники и раньше боялись углубляться в горы, опасаясь лесных духов. А Спенсер никак не мог этого понять. Алан избрал иную тактику — он не вступал в пререкания с туземцами, а попросту выжидал. Стоило

иссякнуть запасам табака и сигарет, как исчезали и страшные лесные духи.

— Пошли-ка сюда Умару, — попросил Алан, помешивая ложечкой кофе. — После ужина, — добавил он.

Лагерь был разбит на берегу одного из многочисленных притоков Ксинга. Здесь, у подножия холма, течение воды довольно стремительное, а потому для аллигаторов и крокодилов место неподходящее. Что и говорить, Умару умеет выбирать стоянку. У самого лагеря сплошная стена леса вгрызалась в шафрановое небо; на нем отчетливо выделялись веерообразные листья пальм.

После ужина в палатку вошел Умару — широкоплечий мужчина с плоским лицом, на котором едва виднелись узкие щелочки глаз. Он сел на землю, потупив взор, молча принял предложенную сигарету и затянулся медленными глубокими затяжками.

— Умару боится холмов? — спросил Алан. Ответом ему было молчание. — Умару боится курупиру в холмах?

Индеец докурил сигарету и выплюнул окуроч в траву.

— Там, — вздохнул он свободнее, описывая рукой широкий круг, — там, вверху, плохое место... — Алан терпеливо ждал. Индеец продолжал: — Белый человек идет за смертью. Но мои люди хотят жить...

Алану припомнились без малого почти десять месяцев совместной жизни с этим человеком. Вместе они пробирались болотами среди ядовитых змей и пауков, вброд переправлялись по рекам, которые кишели пираниями и другими хищниками. И Умару ни разу его не ослушался.

— Ты и я, — Алан указал пальцем, — мы друзья. Индеец кивнул головой.

— Я знаю Умару, а Умару знает меня, — продолжал Алан. — Почему же Умару боится?

Индеец протянул ладонь. Алан вложил в нее новую сигарету и дал прикурить.

— За холмом плохая земля, там курупиру, — заговорил Умару.

— А как он выглядит?

— Это хозяин леса, — ответил индеец, — он посылает смерть... Мои люди не хотят идти за холм. — Он взглянул на Алана и добавил: — Умару пойдет, если ты пожелаешь, но мои люди не хотят...

Два месяца назад Алан, сжалившись, вскрыл на ноге проводника огромный нарыв. С той поры индеец взирал на него с благоговением как на чудотворца, избавителя от всех земных болезней.

— Умару не женщина, — торжественно произнес индеец.

Час спустя Алан рассматривал свою последнюю добычу: несколько киприпедий, две-три дендробии и один превосходный одонтогиоссум. Собственно, сбор орхидей не входил в его задачу, но эти цветы всегда были в цене, поэтому он осторожно опустил цветок в оцинкованную коробочку, выстланную ватой.

— Вы спите, дружище? — раздался голос в дверях.

— Нет еще, входите, пожалуйста, Спенсер.

В палатку ввалился рыжеволосый верзила и без околичностей уселся на низкую скамейку. Цепким взглядом он оглядел помещение, мгновенно ухватил названия на корешках нескольких книг в открытом шкафу, светящийся микроскоп в углу стола и разбросанные по столу ботанические инструменты. Ничего не ускользнуло от его внимательного взора.

— Вечный студент, как я посмотрю, — наконец изрек он.

Алана обдало сильным запахом виски. Какое счастье, что они спят в разных палатках!

— Слишком много знаете, но не всегда успешно применяете, — загоготал гость.

— А о вас такого не скажешь...

Спенсер на миг застыл, но тут же разразился громким смехом.

— К месту шуточка, не правда ли? Доктор, доктор, то ли я вам еще скажу. Да за такую шутку и выпить не грех.

— Чай для вас слабоват, а спирт я держу для других целей, — парировал Алан.

Спенсер, махнув рукой, вытащил из кармана наполовину пустую бутылку и поставил ее на стол, после чего полез в другой карман и извлек из него две маленькие рюмки.

— Знайте же, Джек Спенсер — настоящий товарищ.

— А как поживают ваши жучки? Простите, муравьи?

— Живут и размножаются. Как люди.

Спенсер, чокнувшись, поднес рюмку ко рту, скосив глаза куда-то в угол палатки.

— Напрасный труд, — он повысил голос и перевел взгляд на Алана. — Ты веришь, брат, что эти черномазые сдвинутся с места? Не хотят трогаться ни на шаг вперед, хоть режь.

— Не стоило бы вам столько пить. Сварить кофе?

Спенсер пропустил слова Алана мимо ушей.

— Они, видите ли, боятся, дурни эдакие. Именно сейчас они намерены оставить меня на бобах, сейчас, когда, кажется, стоит только рукой подать... Знаешь ли ты, Брэкфорд, каково человеку, когда у него рыбка с крючка срывается? — Спенсер покачал головой. — А вот с Джеком Спенсером с самого рожденья так: потянет улов за удочку — откуда ни возьмись, появляется расфуфыренный фрайер...

— Послушайте, Спенсер, вот ваш кофе, пейте да ложитесь-ка спать.

Гость привычным жестом опрокинул чашку в рот, а Алан, воспользовавшись моментом, швырнул недопитую бутылку в темень тропической ночи.

— А тут еще черномазые как назло подняли головы.

По утверждению Вебстера, Спенсер занимался муравьями, но сколько Алан ни ломал себе голову, на память не приходил ученый-энтомолог с такой фамилией. Муравьи... Удивительно, что в этом затерянном уголке земли водятся совершенно обычные виды муравьев. «Мне трудно найти повод отказать Спенсеру, — бурчал старик-профессор. — За него хлопотал Линдал из университета в Филадельфии, я не мог выдвинуть сколько-нибудь убедительного аргумента против такой кандидатуры. А кроме того, не забывайте, что он берет на себя бо́льшую часть наших затрат».

Ничего не скажешь, веский довод. Когда у Алана несколько месяцев назад в этих проклятых прериях пропали ценные препараты, не считая двух лодок, на сцене, словно по заказу, объявился Спенсер, черт бы его побрал.

Его размышления прервал громкий голос Спенсера.

— А что может быть? Что собрал, с тем и вернусь обратно и постараюсь позабыть обо всем на свете. — Спенсер укоризненно покачал головой. — Иными словами, Джек Спенсер сделал свое дело, Джек Спенсер может катиться к черту.

— О чем вы толкуете. Право же, я никак не пойму?

— Не о худшем в жизни, приятель. — Спенсер ухмыльнулся. — Вы достигли своей цели: плевать вам на меня. Как и этим цветным...

— Будьте любезны, коллега, объясните, что означают ваши неуместные намеки.

Спенсер, покачнувшись, встал на ноги и зевнул.

— Только не притворяйтесь овечкой. Я так понимаю: вы набьете карманы деньжатами и адью...

— Уж не спутали ли вы меня с гребцами? — Алан едва владел собой. — Какие еще деньжата?

— Я заплатил проводникам за полгода вперед, — Спенсер свирепо выпятил нижнюю челюсть, — накопил

провианта, бензина для лодок. На ваше имя в банке Манаоса переведено две тысячи долларов; насколько я знаю, Вебстер лично вам денежки перевел.

У Алана потемнело в глазах, он сжал кулаки, но предусмотрительно спрятал руки в карманы: ненароком можно угодить этому бандиту в улыбающуюся физиономию. Выходит, Вебстер его продал... Но тут же у него блеснула искорка надежды: вдруг Спенсер лжет. А если он говорит правду? Как тогда поступить? Алан же не может выступить против будущего тестя, заклеив его перед ученым советом университета... Нет, нет, этого он никогда не сделает. Видимо, Спенсер на это и рассчитывал.

— Что вам от меня надо? — Алан устало отер пот со лба.

Рыжеволосый верзила со спокойным видом раскурил трубку, поудобнее усаживаясь на скамейке.

— Ну вот, наконец-то я слышу разумную речь, — сказал он, выпуская изо рта колечки дыма. — Знаете, приятель, мне говорили, будто вы, как никто другой, умеете найти общий язык с этими бездельниками.

— Что вы хотите предложить?

— У меня с ними вышел конфликт — не хотят идти дальше, хоть убей. Ни за какие деньги.

— Прикажете взвалить багаж на спину и шагать за вами? — недоумевающе спросил Алан.

— Да нет, я надеюсь, вы их уговорите остаться с нами еще на пару деньков. Только и всего.

— О чем речь, — улыбнулся Алан, — сущие пустяки. Уговорить два десятка спятивших от страха индейцев двигаться дальше, туда, где прячется смерть?

— И вы верите этим бессмыслицам? — Спенсер поджал губы.

— Мы-то с вами не верим. Но эти люди убеждены, что за холмом живет курупиру. И даже если их осыпать деньгами...

— Вот тут в игру вступаете вы. Вы должны любыми

уговорами заставить их завтра отправиться в путь.

— Хорошо, я согласен, — Алан, в упор взглянул на Спенсера, закурил сигарету. — Видимо, у вас имеется серьезный повод стремиться вперед.

— Так по рукам? — усмехнулся Спенсер, протягивая через стол длинную руку.

— И обмоем успех? — делая вид, что он не замечает протянутой руки, предложил Алан.

— Сделал дело, гуляй смело — так говаривала моя старая бабушка, — рассмеялся Спенсер. Но тут же лицо его стало серьезным. — Посмотрите-ка внимательно, доктор, на этот лоскуток, — и он разложил на столе перед Брэкфордом карту.

— Но у меня есть такая же, — ответил Алан. — Вот здесь наш лагерь, там последняя деревня гварапов, вот брод, белые пятна, собственно, все точь-в-точь, как на моей.

Он вопрошающе взглянул на Спенсера. На губах у Спенсера играла чуть заметная улыбка.

— Поглядите-ка еще раз внимательнее.

Алан снял очки и тщательно их протер. В палатке слышалось жужжание какого-то жука, издали доносилось кваканье гигантских жаб, похожее на погребальный звон. В щели у входа в палатку виднелась полоска темно-синего неба с яркими звездами, на другой стороне реки чернел лес. Во тьме сине-белыми цветами мерцали огромные светлячки. Индейцы приглушенно разговаривали у костра.

— Интересно, откуда взялись стрелки? — недоумевал Алан.

В самом деле, по карте разбегались маленькие зеленые стрелки, такие тоненькие, что с первого взгляда их и не заметить. Алан, схватив лупу, принялся изучать карту, сантиметр за сантиметром. Рыжеволосый Спенсер устроился напротив, уютно закинув ногу за ногу.

— Послушайте, это вы начертили? — спросил Алан.

— Угадайте.

- Я серьезно спрашиваю.
- Конечно, серьезно, доктор.
- Значит, это вы сами...
- Это вовсе ничего не значит, но, если желаете, можете задавать вопросы, постараюсь на них ответить.
- Это удивительно, — нахмурился Алан, сокрушенно качая головой.
- В самом деле.
- Стрелки выходят из одной точки и направлены во все стороны, словно лучи.
- Да вы, дружище, тонкий наблюдатель, — усмехнулся Спенсер.
- А точка эта находится на холме, — не обращая внимания на его иронию, продолжал Алан.
- В яблочко, милейший. Ваше здоровье. — Спенсер поднял рюмку.
- Алан поправил очки, отодвинул стул.
- Объясните, Спенсер, что все это значит?
- Пойдемте ко мне в палатку, там все и обсудим.
- Алан нехотя согласился. Он испытывал раздражение, но вместе с тем и любопытство, а любопытство, как известно, иногда дорого обходится.
- Так вот, — пробасил Спенсер, когда они оказались в его палатке, — стрелками обозначены направления движения муравьев, зафиксированные в последние годы.

2

Алану пришлось приложить огромные усилия и пустить в ход все свои чары, чтобы уговорить гребцов плыть дальше. Он позвал на помощь Умару и только тогда добился цели. Аланом двигало возбуждение, чего давно с ним не случалось. Он не знал, можно ли положиться на Спенсера, впрочем, иллюзий на этот счет у него не было.

Первые несколько дней экспедиция плыла против течения. Три каноэ, выдолбленные из полого куска дерева, с трудом преодолевали бурную реку, несмотря на подвесные моторы. По мере приближения к горам воздух становился свежее, чем в джунглях вниз по течению реки, где все вокруг напоминало оранжерею. Река проложила себе дорогу среди отвесных склонов, выстроившихся словно сторожевые башни. Берега покрывал густой ковер пышной растительности. Сапфировые и рубиновые попугаи восседали на ветвях деревьев и на густо переплетенных лианах. Солнечные лучи, подобно острым мечам, рассекали зеленый мрак, освещали яркие невиданной формы орхидеи. Словно искры сверкающей радуги, повисали в воздухе крошечные колибри. Истинный рай земной, лучшего места для натуралиста и не сыскать. Алан более не сожалел, что принял решение участвовать в экспедиции.

Река всячески сопротивлялась продвижению лодок, но благодаря усилиям гребцов и моторам, работавшим на полную мощность, течение удавалось преодолевать. На протяжении дня индейцам приходилось по несколько раз перетаскивать груз через пороги на своих плечах, и к вечеру они буквально валились с ног от усталости, засыпая у костра. Но вот русло стало шире, взорам людей открылась долина. Река здесь круто поворачивала, выписывая замысловатую дугу в виде латинской буквы S. Тут участники экспедиции решили разбить лагерь и вытащили лодки на берег.

Стоял полдень, было душно, над долиной дрожало марево. Алан испытывал смутное, ничем не объяснимое беспокойство, хотя, казалось бы, выбранное для привала место ничем не отличалось от тех, где они останавливались прежде: те же несущиеся стремглав потоки воды, та же стена леса на противоположном берегу, та же высокая трава...

Проводников тоже что-то угнетало. Спенсер был с

ними груб, держался высокомерно. Умару избегал вопросов, отделялся лаконичными фразами. Даже обычно веселый Манозли притих и с тревогой поглядывал на реку.

— Это плохое место, — сказал он.

Алан повернул голову и заметил гребцов: обливаясь потом, они возводили палатку для Спенсера, то и дело с опаской поглядывая на лес.

И вдруг Алан понял, в чем дело. Все объясняется просто: в долине, с трех сторон окруженной водой, царила непривычная, гробовая тишина. Вот откуда гнетущее чувство неуверенности и беспокойства, овладевшее людьми. Впрочем, возразил он самому себе, только ли в этом причина? Чем вызвано внезапное безмолвие, почему оно возникло именно здесь и сейчас? Алан надеялся получить разъяснение у Спенсера, но тот, отведя глаза в сторону, пробурчал что-то невразумительное. А Умару произнес:

— Курупиру приближается, вон оттуда, — и он указал пальцем на реку.

— Курупиру? — недоуменно переспросил Алан. Он видел перед собой лишь молчаливую стену леса на противоположном берегу.

— Когда приближается хозяин леса, — ответил индеец, пожав плечами, — наступает тишина.

Большого Алан от него не добился.

После полудня тишина стала еще ощутимее. Безмолвие угнетало. Более того, в неподвижном воздухе появилось что-то неуловимо новое. Прошла минута, прежде чем Алан понял, что это раздражающий, кисловатый запах. Он расползлся по безмолвной местности, проникая всюду.

Алан заметил, что Спенсер нервно ходит взад-вперед по лагерю, не выпуская из рук карты. По его указанию проводники торопливо копали вокруг лагеря ров, молча, сосредоточенно раскидывая лопатами землю; они не давали себе передышки, словно от этого зависела их жизнь.

— До периода дождей добрых два месяца, к чему такая спешка? Разве в эту пору ожидаются ливни? — спросил Алан.

— Нас ожидает кое-что посерьезнее, — ответил Спенсер.

Два индейца устанавливали около рва канистры с бензином, другие притащили в центр лагеря огромный жбан с керосином.

— Разденьтесь, Алан, и натрите свое тело вот этими «духами», не помешает, — посоветовал Спенсер, указывая на жбан с керосином.

— Черт подери, сейчас не время для шуток! — огрызнулся Алан.

— Не упрямьтесь и приступайте к делу, да побыстрее, — холодно заметил Спенсер.

Алан от злости сжал кулаки. Туземцам не пришлось дважды повторять приказ — все они покорно натерлись керосином. Алан же направился в свою палатку и прилег. Но примерно через час, когда солнце начало клониться к закату, его разбудил какой-то шелест. Казалось, кто-то растирал сухие листья в огромном металлическом сосуде. Легкий ветерок донес до лагеря этот звук, и вместе с ветром он понесся к неподвижной стене леса, откуда вдруг исчезло все живое. Алан, накинув рубашку на плечи, выбежал из палатки. Спенсер, кивнув ему, молча указал на противоположный берег реки.

— Что случилось? — Алан с трудом говорил, горло сжал спазм.

Река в этом месте достигала двадцатиметровой ширины. Бросив взгляд на другой берег, Алан увидел, что деревья, лианы, цветы в лесу вдруг побагровели, отливая бронзой в лучах заходящего солнца. Ни малейшего дуновения, а между тем растения словно бы пригибались, корчась в судорогах. Свертывались, извиваясь, грозди алых цветов, будто под тяжким бременем клонились к воде длинные веерообразные пальмовые листья, кроваво-

красные, как кумач. Порой кисти цветов, мясистые и тяжелые как спелый плод, отрывались и падали в бурлящий поток, который тут же дробил их на кусочки, разбрасывая по поверхности воды. И отовсюду слышался приглушенный шелест, вгрызающийся в тишину...

— Муравьи, — выдохнул Алан.

Ему и прежде приходилось видеть колонии муравьев, совершавших переходы, но с таким множеством насекомых он встречался впервые. Мириады муравьев облепили стволы деревьев, ветви, лианы, листья — казалось, на растения кто-то накинул пурпурный плащ метров пятидесяти шириной. Муравьиное войско неустанно множилось, заполняя собой траву, кусты, прибрежный песок; багряные волны катились к воде, вливались в нее, и быстрое бурлящее течение реки уносило их прочь.

— Какое счастье, что мы отделены от них рекой, — облегченно вздохнул Алан.

— Вы уверены, что это нас спасет? — чуть дрогнувшим голосом спросил Спенсер.

— Но ведь через реку они не смогут...

— Я бы не стал говорить с такой уверенностью, — заявил Спенсер, выпуская колечки дыма. — Видите ли, я слышал об этой премилёй мелюзге. Рассказывают удивительные истории.

С минуту они задумчиво следили за движущейся лавиной на противоположном берегу реки, откуда доносились неумолчный шелест и едкий запах.

— Когда эти букашки пускаются в поход, им нет преграды — будь то огонь или полноводная река, — продолжал Спенсер, глядя на воду. Вдруг он повернулся и в упор посмотрел на Алана. — Вам ничего не приходит на ум?

— Не понимаю, о чем вы, — встрепнулся Алан.

Но тут же до него дошел смысл вопроса Спенсера. Муравьи группировались в определенном месте, подобно головной части армии, — точно напротив лагеря, вы-

строившись во фронт на почти пятидесятиметровую ширину. Судя по всему, они не собираются двигаться вдоль берега, что казалось естественным.

— Ни на вершок от строго выбранного направления, — вслух рассуждал Спенсер. Заглянув в карту, он помрачнел. — Ну, что ж. Если им удастся переправиться через реку, у меня для них приготовлен сюрприз — устрою настоящий фейерверк, только бы свою кожу не подпалить.

— Пустое дело! — возразил Алан.

— Если переберутся, малость захлебнутся, — невозмутимо продолжал Спенсер, будто не слыша слов Алана.

По его приказу индейцы выстроились в шеренгу вдоль берега реки у самой воды, держа в руках толстые палки, смоченные в керосине. За ними, между рекой и лагерем, чернел неглубокий ров.

— Это на случай, если муравьи приползут сюда, — пробурчал Спенсер.

Умару дрожащей рукой указал на противоположный берег. Он явно был напуган.

Набегающие волны, подобно щупальцам тысячеголового спрута, свивались в громадные клубки. То тут, то там появлялись огненно-красные полосы — это с огромной скоростью плыли муравьи, стремясь достичь середины бурлящего потока. Вода разбивала огромный пурпурный ком на мелкие бусинки. А в реку спешили все новые и новые полчища насекомых; их не пугало, что многие насекомые исчезали в бездне ненасытного потока. Поистине захватывающая борьба двух стихий!

Словно мост возводился через реку — еще одно звено положено и скреплено на водной поверхности, уже мост перевалил середину реки, а новое пополнение — огромный ком, состоящий из мириадом муравьев, неустанно трудился: муравьи соединялись в ниточки, веревки, шнуры, канаты. Река перестала быть им преградой. Да

и бурное течение не в состоянии помешать атаке: «канаты», сплетенные из тел насекомых, выдержат и напор воды. И вот уже живой мост достиг берега, точно в том месте, где находился лагерь.

Все члены экспедиции, словно замороженные, следили за небывалой переправой. Первым опомнился Умару, он с криком бросился к реке и нанес удар палкой по первому отряду, доплывшему до берега. Длинная красная веревка-мост порвалась, и все сооружение рухнуло в воду: так лопается тетива на луке, не выдержав натяжения. По водной поверхности рассыпался красный бисер. Но на подмогу спешили новые отряды насекомых, перебрасывая живые мосты на берег, к самому лагерю.

Первая армада достигла берега там, где стоял Умару, и растеклась кровавой лужей у его ног. Индеец в ужасе отскочил и вприпрыжку, петляя как заяц, помчался вверх по склону к лагерю. Но новые шары катились к песчаному берегу и лопались, оставляя на земле красные пятна.

Индейцы спешно покинули свой боевой заслон; спасаясь от полчищ насекомых, они, перепрыгивая через ров, бежали к лагерю.

— Бензин! — крикнул Спенсер.

Кто успел, схватил по канистре, и пахучая жидкость с бульканьем растеклась по рву, отделяющему лагерь от берега. И вовремя — первые отряды муравьиной армии уже появились у края рва, а сзади непрерывным потоком подкатывались свежие силы, спешили на помощь по реке, наращивая ударную мощь.

— Огоны! Поджигайте же, болван! — крикнул Спенсер обезумевшему от ужаса Алану, который пытался обеими руками смахнуть с себя насекомых. Наконец вспыхнул бензин, яркие языки пламени взметнулись ввысь словно прищипоренный конь.

Огонь осветил широко раскрытые глаза Манозли, полные ужаса и покорности. Раздался пронзительный призыв о помощи, индеец споткнулся и рухнул в пылаю-

щий ров. Едкий дым скрыл от глаз Алана мучительный конец бедняги, его стоны потонули в трескотне, напоминавшей разрывы пуль — это огонь пожирал все новые отряды насекомых, рвущихся вперед. Все новые и новые канистры бензина выливались в ров, чтобы поддержать пламя, но муравьиной армаде не было конца. Казалось, реку накрыли живым ковром, по которому продвигалось пополнение, бесстрашно бросаясь в огонь.

Бензин был на исходе, положение у людей отчаянное — отступить некуда. Лавина муравьев неумолимо продвигалась к лагерю. А кругом — ни дерева, ни кустика, укрыться негде, впрочем, это все равно было бессмысленно. Огонь во рву догорал, кое-где еще слышалась «стрельба» — это горели муравьи. От едкого смрада перехватывало горло. Казалось, еще мгновение — и наступит конец, людей постигнет участь бедняги Манозли: от них останутся лишь обглоданные кости.

Но когда погасли последние искры в защитном рву, произошло чудо. Муравьи заняли только ту половину лагеря, где разместился Спенсер. Они сметали на своем пути все, кроме металла. И кроме людей: хотя насекомые двигались от них в каких-нибудь нескольких шагах, они не проявляли к ним ни малейшего интереса. Такое безразличие к людям было настолько поразительным, что парализовало их действия.

Шеренги муравьев по-прежнему штурмовали лагерь. Они заняли выгодную позицию в извилине реки и устремились к лесу, обогнув лагерь с тыла. Живая полоса сомкнулась у самой реки, отсекая тем самым территорию, где люди могли бы укрыться.

3

Ночь была похожа на кошмарный сон, однако участникам экспедиции было не до сновидений: они спешно перетаскивали в палатку Алана вещи из той части лагеря, где еще недавно стояла палатка Спенсера — теперь там

все было разгромлено. Кое-как восстановив порядок, люди погрузились в забытие. Иногда кто-нибудь вдруг вскакивал с криком, дрожа как осиновый лист, с широко открытыми глазами, устремленными в непроглядную тьму. Счастье, что к лагерю не подобралась хищники: у них была бы легкая добыча. Но муравьи уничтожили в лесу все живое...

Наступило утро. Земля пробуждалась, сбрасывая с себя белоснежное мягкое покрывало тумана. Сквозь молочную завесу пробивался яркий лучик солнца. У реки с утра прохладно, и люди, дрожа от холода, сгруппировались возле палатки Алана. Кругом валялись пустые канистры. Возле берега виднелись две лодки. Третья, которая была привязана к колышку рядом с палаткой Спенсера, исчезла, от нее осталось только углубление в песке.

— Сожрали все дотла, — сказал Спенсер, попыхивая трубкой.

— Мне приходилось наблюдать муравьев, — вздохнул Алан, — но то, что произошло накануне, ни на что не похоже.

— Почисте водородной бомбы, — поддакнул Спенсер, — и дешевле.

Индейцы на берегу забрасывали песком скелет — все, что осталось от весельчака Манозли. Перед глазами Алана как живой возник образ его верного слуги, и спазмы сжали горло. Он заплакал.

— Прекратите, человеке, — грубовато сказал Спенсер, — хлебните-ка лучше. Эка вас проняло.

— Ваши «бешеные» денежки дорого обошлись бедняге, — огрызнулся Алан.

— Что и говорить, ему не позавидуешь, но лучше он, чем кто-либо из нас двоих, — Спенсер залпом опрокинул виски и закашлялся.

— Знаете, кто вы такой, Спенсер? — тихо проговорил Алан. — Расчетливое, бездушное животное, не способное на человеческие чувства!

Спенсер побледнел. Рука, которой он держал у рта трубку, застыла, пальцы другой руки сжались в кулак.

— Выбирайте выражения, приятель, — едва сдерживая злобу, процедил он сквозь зубы.

Алан поднялся и повернулся к собеседнику спиной. Они стояли молча. Туман понемногу редел, искрился в лучах пробуждающегося солнца, а вскоре и совсем растаял.

— Вам, дружок, следовало бы извиниться, — слышался голос за спиной Алана. — Джек Спенсер многое прощает, но не все...

— Пошли вы к черту! — отозвался Алан.

— Тем более, когда дело сделано и можно умыть руки, — весело произнес кто-то сзади.

Оба ученых вздрогнули от неожиданности. Спенсер направил пистолет на звук голоса, но не выстрелил. В сумрачном лесу мелькнула едва заметная тень, и вскоре они уже увидели, как к ним приближается человек. Квадратное загорелое лицо, добродушная улыбка. Лицо улыбалось, а глаза смотрели настороженно и холодно. Шлем, какие обычно носят в тропических странах, придавал толстяку вид заурядного миссионера. Но стекла очков увеличивали глаза, и в их взгляде можно было заметить неприязнь.

— Ну вот что, дружок, опусти-ка пушку, — сказал незнакомец, погрозив Спенсеру толстым пальцем. — Без глупостей.

Глаза сквозь толстые стекла внимательно изучали Спенсера. Толстяк лишь вскользь взглянул на Алана и индейцев, сгрудившихся возле каноэ. Индейцы, застыв от ужаса, смотрели на широкую борозду посреди лагеря, оставленную муравьиной армией, которая к этому времени перебралась на противоположный берег реки. Там сквозь клочья тумана виднелись обглоданные деревья.

— Ребятки постарались на славу, соорудили укрытие на веки веков. На веки веков. — Толстяк бросил взгляд

на невысокий холмик и рассмеялся. Голос у него был хриплый, неприятный. — И могилку уже выкопали.

Тем временем к Спенсеру вернулась привычная самоуверенность.

— Что вам надо и откуда вы взялись? — спросил он, грозно крутя пистолетом.

— Что мне здесь надо, что мне здесь надо? Только хорошего, вот что мне надо, — незнакомец снова погрозил Спенсеру пальцем и закашлялся, подавившись смехом. — Значит, он, этот невинный ягненок, спрашивает, что мне здесь надо... А что вы тут потеряли, а? Вам-то что надо здесь, во владениях бабы-яги?

Толстяк зашелся смехом так, что даже слезы на глазах выступили.

— Прекратите ваши дурацкие шуточки! — не сдержался Спенсер.

Гость поджал мясистые губы, так что они превратились в тоненькую ниточку, глаза его посерьезнели. Он перевел взгляд на Умару и проводников и посмотрел на них так, словно хлыстом стеганул.

— А ну-ка, отвечайте, что здесь делают эти двое белокожих?

Умару с причитаниями припал к земле.

— Я сказал — хватит! — повысил голос незнакомец и неожиданно несколько раз свистнул.

Из молочно-белого рва вынырнули темные фигуры. Солнце освещало высокие головные уборы из перьев всех цветов радуги, выкрашенные в белые и черные полосы лица и тела. Узкие щелочки глаз зорко следили за малейшим движением чужестранцев. На кучку людей, стоящих перед палаткой, были нацелены десятки длинных стрел.

При виде индейцев, хозяев леса, Алан глубоко вздохнул. Он и прежде не раз слышал доносившийся из глубины глухой и устрашающий звук бубна. Толстяк что-то крикнул, и стрелы с отравленными наконечниками опу-

тились к земле. На лице гостя заиграла улыбка.

— Бросьте свою хлопушку, младенец, — добродушно сказал он, направляясь к Спенсеру. Едва заметное движение руки — и пистолет оказался у него. Кинув его в траву, незнакомец облегченно вздохнул.

— Ну вот, самое трудное позади, — толстяк метнул взгляд на маленький столик перед палаткой Алана, на котором стоял завтрак. — Смотрите-ка, стол для гостей уже накрыт. Можно приступать к трапезе?

Не дожидаясь приглашения, он уселся за стол. Алан схватил бутылку и разлил в стаканы виски.

Незнакомец, зажав стакан в толстой ладони, провозгласил тост:

— За здоровье господ...

— Алан Брэкфорд.

— ...господина Алана Брэкфорда и...

— Джек Спенсер, — пробормотал рыжеволосый.

— И Джека Спенсера. Значит, Спенсер и Брэдфорд, пардон, Брэкфорд. Брэкфорд... — задумчиво произнес он и обратился к Алану: — Простите за любопытство, не родственник ли вы профессору Джеймсу Брэкфорду из Пенсильвании?

— Да, — удивился Алан, — это был мой отец.

— Был? — повторил толстяк. — Значит, Джим Брэкфорд...

— Отец умер от вирусного гриппа пять лет назад.

— Вот оно как. — Лицо толстяка выражало неподдельное сочувствие. — Бедняга старина Джим! Сколько мы вместе пережили. Он и я. Боже мой, трудно поверить, что его уже нет.

— Вы знали моего отца? — спросил Алан.

Его глаза встретились с чистыми и беззлыми серыми глазами незнакомца. Алан с удивлением заметил, что в них блеснула слезинка.

— Знал ли я его? Дорогой мой мальчик, да я знал его как родного брата. Гейни и Джимми — эти имена

были известны всему Гейдельбергу. — Толстяк, сморкнувшись, смахнул ребром ладони слезы, он и не стыдился их. — Мы вместе учились, потом долгое время переписывались, вплоть до войны...

— Так вы...

— Ох, простите, среди этих дикарей человек отвыкает от этикета, — незнакомец вскочил и поклонился, — профессор Генрих Тейфель собственной персоной.

И тут Алан вспомнил это имя. Да и можно ли было забыть о письмах на добротной толстой бумаге, которые отец получал из Германии? «Вот чудак, — говорил отец, читая очередное письмо Тейфеля. — Одаренный человек, талантливый натуралист, но какие бредовые идеи!» Близилась война, Гитлер все громче бряцал оружием, а Тейфель в своих письмах без устали твердил о непревзойденности фюрера. Дело кончилось тем, что Джеймс Брэкфорд постепенно прекратил с ним переписку. С той поры Алан ничего не слышал о Тейфеле.

— Отец о вас много рассказывал, — осторожно начал он.

— В самом деле? — толстяк оживился. — Иначе и не могло быть. Вы-то своего отца в Гейдельберге не знали. Признаться, любитель был винца: за вечер спокойно мог выпить несколько бутылок мозельского. А вот к пиву не привык, видно, оно не пришлось ему по вкусу. Мне он не верил, чудачина Джим, — с грустью произнес он. — Да, герр Брэкфорд, ваш отец был редкой души человек, выдающийся ученый, но старому другу не верил, нет. Вы тоже энтомолог, пошли по стопам отца?

— Нет, это мой коллега энтомолог, — Алан указал на Спенсера, — я занимаюсь ботаникой.

Спенсер улыбнулся и протянул Тейфелю через стол могучую ручищу.

— Простите меня, профессор, за такой прием... И забудьте о пистолете.

— Об этом больше ни слова, — Тейфель замахал

руками и снова обратился к Алану: — Собственно, а что вы тут делаете?

— Пожалуйста, я отвечу. Я занимаюсь сбором интересующих меня растений и по совместительству исполняю обязанности компаньона, — Алан кивнул в сторону Спенсера, который громко рассмеялся.

— Видите ли, я захватил Алана в качестве проводника. А он до сих пор никак не решит, не свалит ли он дурака.

Алан помрачнел. Тейфель переводил взгляд с одного на другого. Вдруг он взглянул на часы, вскрикнул и вскочил из-за стола, отдав какое-то приказание своим людям. Двое индейцев тотчас скрылись в лесу, но минуту спустя появились снова, таща за собой громоздкий ящик.

— Прошу меня извинить, — проговорил Тейфель.

Не выслушав ответа, он раскрыл ящик и с величайшей осторожностью вытащил оттуда прибор, напоминающий миниатюрный передатчик. Алан не разбирался в радиотехнике, поэтому не мог бы с уверенностью утверждать, что это передатчик. Профессор принялся крутить многочисленные ручки, передвигая стрелки, то удлинял, то укорачивал металлические прутья, торчащие из аппарата подобно иглам дикобраза.

Что же касается Спенсера, то он не спускал глаз с Тейфеля, следил за каждым его движением. Как охотничья собака, идущая по следу, Спенсер шагнул к столу, но тотчас получил от профессора увесистый тумаك. Спенсер выругался, схватился за пустую кобуру, но тотчас опустил руку, встретив неподвижный взгляд черных глаз — индейцы были на страже.

В аппарате послышался свист, невнятный шум. Нажав какую-то кнопку, профессор склонился к карте, которую принесли индейцы. Он что-то выверял по ней, делая пометки карандашом, потом, посмотрев на часы, снова принялся манипулировать ручками и кнопками. Нако-

нец он облегченно вздохнул: аппарат был настроен.

Все также ничего не объясняя, Тейфель поставил аппарат на прежнее место, сложил карту и убрал ее в ящик, который его слуги осторожно отнесли поближе к лесу. После этого он отдал какие-то приказания, и тотчас же индейцы принялись возводить палатку почти вплотную к палатке Алана.

Тейфель с наслаждением потянулся и задымил трубкой. Он завел разговор о событиях прошедшей ночи и нашествии муравьев. Профессора заинтересовали слова Алана о том, что муравьи, не тронув ничего на его половине лагеря, уничтожили палатку Спенсера.

— Выходит, герр Спенсер, насекомые не питают к вам особой симпатии, — пошутил профессор, но его шутку не поддержали. Спенсер что-то пробурчал себе под нос.

— А вам не приходило в голову, господа, что насекомые — это пришельцы с других планет?

Алан вежливо улыбнулся.

— Диву даешься, сколько различных видов животных существует в биосфере. Можно смело утверждать: одни живые организмы живут за счет других, один вид определяет жизнь другому. Взять, например, растения. Не будь у них способности преобразовывать неорганические вещества в органические соединения, на Земле не смогли бы продержаться ни позвоночные, ни насекомые, пока не появился бы иной вид, способный развиваться независимо от этих условий, — тут профессор даже слегка подпрыгнул. — Пока не начали бы пожирать друг друга. Впрочем, до известных пределов. В этом, скажу я вам, насекомые не отстают от позвоночных.

— По-моему, профессор, вы сгущаете краски, — заметил Алан.

Но, видимо, Тейфель сел на своего любимого конька.

— Представьте себе на минуту, — хихикая, продол-

жал он, — как нас оценивают насекомые, нас, венец творения живой материи. К примеру, как они относятся к нашим почти не сохранившимся инстинктам, длительному поиску и выбору самки, к созданию гнезда и борьбе за существование среди таких же убогих, обделенных особей.

— Но разве допустимо такое сравнение? — Алан был потрясен.

— А почему бы нет? С биологической точки зрения насекомые — высокоорганизованные живые существа, а некоторые их виды, например муравьи, не изменились за миллионы лет эволюции. Поэтому их смело можно считать первопроходцами нашей планеты. Разумеется, позвоночные во главе с человеком ушли от них намного вперед, но этот прогресс только кажущийся. Конечно, наша нервная система и мозг невероятно, просто-таки фантастически справляются с непредвиденными обстоятельствами в экстремальных условиях, которые порой случаются в нашем беспокойном мире. Но такое совершенство приобретается дорогой ценой в процессе продолжительного и напряженного обучения в детстве и отрочестве. Да, да, господа, мозг у нас совершеннее, чем у насекомых, но если бы не эта деталь, то не берусь предсказывать, не берусь...

Спенсер посмотрел на мертвый лес на другом берегу реки. Профессор поймал его взгляд.

— Да, наша планета на волоске от гибели, может случиться — она станет яблоком раздора между насекомыми и человеком: ведь насекомые нуждаются в растениях, а не в человеке. Человек для них — лишь *Filaria Baucrofti* или иной страшный паразит. Поэтому то они его уничтожают.

— Но у человека есть надежды, мечты, планы, а главное — способность осуществить их! Я бы никогда не смирился с уготованной мне ролью, — взорвался Алан.

— Вы в этом уверены? — спросил Тейфель, сощурил

глаза за толстыми стеклами очков. — Я — нет.

— Человеческому разуму и воле природа не может противопоставить ничего равноценного! — горячился Алан.

— Пойдите, Брэкфорд, — профессор поднял указательный палец, — а инстинкт? Это то, о чем человек давно забыл, что у него отмерло. Насекомые же не только сохранили инстинкт, но и развили его. Инстинкт — великое дело: все уметь с самого рождения, не тратить времени на обучение, особенно если иметь в виду кратковременность человеческой жизни и тот факт, что большую часть мы тратим на сбор информации. И едва человек научится использовать свое богатство, разум, как отправляется в загробное путешествие, разве не так? — Тейфель испытующе посмотрел на присутствующих. — Затраты не окупаются, они неэкономичны. Само собой, — глаза профессора как буравчики сверлили слушателей, — насекомые должны были чем-то поступиться, коль скоро хотели выжить. И вот вам результат: они отказались от длительного процесса обучения, предпочтя ему простой и целесообразный инстинкт. Руководствуясь инстинктом, они победили в суровой борьбе за существование.

— К черту ваши бредовые рассказы! — взорвался Спенсер. — Объясните мне лучше, почему эти букашки не в состоянии справиться с нами, почему они не объедят нашу несчастную планету?

— Всеу свой час, — профессор смерил его холодным взглядом. — Вы же прекрасно знаете, Спенсер, не хуже меня, что инстинкт нельзя пустить в ход в любой момент, так сказать, оперативно. Вот почему насекомые, несмотря на свою огромную плодовитость и инстинкт, который по совершенству можно сравнить разве что с разумом человека, до сих пор представляют собой убогую разновидность животных низшего класса. Вместо того чтобы самим научиться управлять своими

инстинктами, они позволяют именно с их помощью поработить себя.

— Вы противоречите самому себе, профессор, — возразил ему Алан. — С одной стороны, вы ставите насекомых на один уровень с человеком, с другой — уготовили им второстепенную роль.

— Ну и что? — Тейфель встал в позу. — Взгляните на меня: бывший уважаемый профессор Гейдельбергского университета, светило биологической науки Германии, а ныне... — он скривил губы, — ныне скиталец, нашедший пристанище в джунглях среди дикарей. — Он помолчал. — С насекомыми происходит подобное же. В них дремлет безудержная сила. Как бы вам это объяснить: они напоминают вулкан, который вот-вот пробудится. — Он задумчиво уставился в пустоту. — И тот, кто его пробудит...

Алан перебил его.

— Вы здесь с экспедицией?

— Я, с экспедицией? — Тейфель громогласно захохотал. — Впрочем, это допустимо. Да, милейший, с экспедицией, причем я торчу здесь весьма долго, так что все мне опротивело. Я здесь с того момента, когда фюрер... — Тут он осекся и подозрительно уставился на Алана. — А почему у вас возник такой вопрос? И вообще, вы оба что здесь делаете? Как вы сюда попали?

Вопросы сыпались градом. Вдруг, словно опомнившись, Тейфель схватил стакан виски и залпом выпил его.

— Простите, господа, так на меня действует погода... Наступило неловкое молчание. Его нарушил Спенсер.

— Вы говорили, что в насекомых заложена сила.

— Ах, да, — Тейфель оживился. — Знаете, господа, кто управляет этой силой, инстинктом, кто определяет аспекты его применения, тот, считайте, владыка мира. Возьмем, к примеру, координацию нашествий муравьев,

саранчи или иных насекомых. Тот, кто этим управляет, выходит, правит всем человечеством — ведь от него зависит, будет ли у людей пища. Вы только вообразите тучи колорадских жуков на картофельных полях или саранчи, обирающей урожай на территориях многих стран. Как, по-вашему, смогут ли жители этих стран предотвратить или защититься от него?

— Тут вы правы, — кивнул головой Спенсер, внимательно слушавший монолог профессора. — Но ведь вот в чем загвоздка: если развязать бактериологическую войну, кто ее прекратит? Насекомые, к сожалению, не разбираются в большой политике, а понятие «граница» им ни о чем не говорит...

— А вы уверены, — профессор загадочно улыбнулся, — что не существует кто-либо, кому подвластны насекомые?

— Глупости! — не сдержался Алан.

— Вы так полагаете? — спросил Тейфель.

— Как можно допустить, чтобы кто-то управлял насекомыми!

Профессор быстро поднялся и жестом позвал Умару, который стоял поодаль рядом с проводниками-гребцами. Индеец задрожал и подошел к палатке. Профессор улыбнулся. Умару стоял перед ним, опустив глаза в землю.

— Ты указываешь дорогу белым людям? — обратился Тейфель.

Умару кивнул. Алан заметил, что он дрожит от страха.

— Ты видел, как маленькие-маленькие красные букашки съели черного человека?

— Да, — с трудом выдавил из себя индеец, у которого от ужаса зуб на зуб не попадал.

— Ты ведь знаешь, что эти букашки могли съесть и тебя, и твоих братьев, и обоих белых господ?

— Красные букашки жрут все, великий господин.

«Так он ко мне никогда не обращался», — подумал Алан.

— А кому подчиняются маленькие-маленькие красные букашки? — тихо спросил Тейфель.

— Курупиру... — заикаясь, произнес индеец, — курупиру.

То, что произошло в следующий момент, Алан никак не мог объяснить. Умару, гордый, всегда спокойный Умару, завопил истошным голосом, будто в живот ему всадили отравленный шип, повернулся и бросился наутек по поляне, на которой воздух дрожал от палящего солнца. Вскоре его фигура, мелькнув между высокими стволами, пропала в сумраке леса. Но до оставшихся еще долго доносились вопли обезумевшего от страха индейца. Проводники упали на колени. Профессор ласково взглянул на них, прошептав:

— Они-то в меня верят.

4

У Алана было такое чувство, что профессор Тейфель решил прочно обосноваться в излучине реки. Индейцы соорудили ему уютную хижину, крытую пальмовыми листьями. Хижина состояла из двух помещений — одно служило спальней, в другом была оборудована лаборатория современного типа. Большую часть приборов индейцы привезли на каноэ откуда-то с гор, от истока реки.

— В принципе обычная аппаратура энтомолога, — видя недоумение Алана, пояснил Спенсер. — Но, если приглядеться внимательнее, очень смахивает на мастерскую радиолобителя. У этого старикана отличные связи с цивилизованным миром. Я как-то одним глазком глянул на его инструменты. В основном производство ФРГ, всемирно известная фирма...

Алан едва сдержался, чтобы не спросить, каким образом Спенсеру, которого профессор явно недолюбли-

вал, удалось проникнуть в лабораторию? Но он промолчал. Тейфель весьма правдоподобно объяснил, что всем необходимым его обеспечивают индейцы (у них профессор, это было ясно даже на первый взгляд, пользовался огромным уважением); именно они привозят провиант и инструменты по малодоступным дорогам.

Дни проходили без особых приключений. Вечера они проводили в жарких дебатах. Профессор вспоминал о годах совместной учебы с отцом Алана, был общителен и весьма любезен. Алан несколько раз заводил разговор о возвращении домой, но Тейфель неизменно уклонялся от этой темы. Умару по-прежнему не возвращался в лагерь, и Алан считал себя в какой-то мере виноватым. Тейфель посмеивался:

— Будьте спокойны, индеец в лесу не потеряется, это все равно, что щуку бросить в воду. Впрочем, что вас беспокоит? Все необходимое у вас есть, а поскольку вы мои гости, бояться вам нечего, — последнюю фразу он произнес с расстановкой, подчеркнуто вежливо. И хотя Алан сознавал, что профессор выручил их из беды — большую часть провизии уничтожили муравьи, а оставшейся едва хватило бы на неделю, — и у него, и у Спенсера от этих слов остался неприятный осадок.

— У меня в горах небольшое бунгало, — продолжал Тейфель, отмечая благодарность. — Все, что у меня есть, — к вашим услугам. Я ведь пожилой человек, — вздохнул он, — а старики порой мечтают об общении с интересным собеседником. Эти же, — он кивнул в сторону индейцев, — не более чем мыслящие животные. Если они вообще способны мыслить...

Перед Аланом всплыл образ Умару, его серьезное, спокойное, коричневатое лицо, открытый взгляд. Ботаника отнюдь не радовал тот факт, что оставшиеся в живых проводники-индейцы вскоре прибились к нему, как цыплята к клуше; Умару все равно никто не заменит. Тейфеля индейцы смертельно боялись. Впрочем, это

неудивительно, ведь они принимают его за духа леса, хозяина здешних земель, потому-то и боятся, объяснял себе Алан. Но ему бросилась в глаза еще одна интересная деталь: индейцы поняли, что профессор симпатизирует Алану, а не Спенсеру, и не особенно рьяно выполняли указания рыжеволосого энтомолога.

Однажды Спенсер, лежа в постели, бросил:

— По-моему, мы влипли.

Алан посмотрел на него с удивлением.

— Не понимаю.

— Вы что же и в самом деле не понимаете, — недоверчиво переспросил Спенсер, — что люди профессора, эти индейцы неотступно следят за нами, за каждым нашим шагом? Не по душе мне все это.

И тут Алану припомнились кое-какие моменты. Пожалуй, Спенсер прав.

— Хотелось бы мне дознаться, где тут правда, а где ложь, — произнес Спенсер, укладываясь поудобнее под сеткой от moskitov.

— А в чем вы сомневаетесь?

— Да в его рассказах, — ответил Спенсер.

— Напрасно вы подозреваете его во лжи, — возразил Алан. — Забытый цивилизацией старикан. Мой отец его хорошо знал.

— Вы ягненок, Алан, — грубо сказал Спенсер. — Уткнувшись в свой микроскоп и соорудив для себя ширмочку из растений, которые вы с такой охотой срываете, вы не способны взглянуть на реальный мир. Неужели вы не уразумели, что миром могут править и сумасшедшие?

— Зато у вас удивительное знание человеческой души, — с обидой ответил Алан и погасил свет. — Тем не менее, по-моему, для науки вы не находка.

Спенсер промолчал. Алан заметил, что огонь в трубке, которой он попыхивал, постепенно угасает.

— А я утверждаю, — раздался из темноты голос

Спенсера, — что вы, дружок, не находка для жизни, не разбираетесь вы в ней.

— На что вы намекаете? — Алана поразил его тон.

— Бьюсь об заклад, этот профессор — военный преступник. Это же ясно, как день, только вы этого не понимаете. Ну, скажите: к чему бы ему, кабинетному ученому, здесь находиться, в джунглях, среди дикарей? Да он, старый проходимец, даже не старается скрыть своей причастности к...

Алан весь напрягся.

— У меня как-то выдался случай заглянуть в его спальню, — продолжал Спенсер. — Над постелью старика красуется фотография. Хотите знать, чья?

— Я не люблю вторгаться в личную жизнь других... — промямлил Алан.

— Так вот: на фотографии наш уважаемый профессор Тейфель пожимает руку ефрейтору со свастикой...

— Гитлеру?!

— В самое яблочко. И светится от счастья как месяц в полнолуние. Вы сомневаетесь? Проверьте сами.

Хотя Алан отнюдь не разделял многих жизненных принципов Спенсера и его взглядов, он все же допускал, что какая-то доля правды в словах энтомолога есть. Всякий раз, когда Алан и Спенсер заходили к профессору в лабораторию, он закрывал двери спальни.

Шаг за шагом Алан восстанавливал в памяти события последних месяцев. Во-первых, в Манаосе старый недоверчивый Вебстер убеждает его, Алана, взять с собой в экспедицию неизвестного энтомолога. Далее, полнейшее отсутствие у Спенсера интереса к насекомым вообще, за исключением муравьев. И наконец, его манера совать нос в чужие дела, буквально вынюхивать все.

— А вы-то, собственно, за кого себя выдаете, Спенсер? — вдруг вырвалось у Алана.

— Послушайте-ка, вы, овечка, — после минутного

молчания раздался голос Спенсера из темноты, — вы, верно, предполагаете, что я гангстер, выпотрошивший тайник родной бабушки, или сумасшедший, сбежавший из психолечебницы. Я знаю, вы меня не переносите, но мне плевать. Однако ситуация осложнилась, поэтому я вынужден, превышая свои полномочия, открыть вам глаза, милейший. — В его голосе появилась твердость. — Слушайте меня внимательно. Институт по вопросам биологической охраны окружающей среды исследует и проблему направления движения, точнее, нашествий насекомых. Вначале казалось, будто пути-дороги насекомых случайные, вызваны местными, в частности климатическими, условиями. В институте определили задачу: выявить закономерность, периодичность нашествий саранчи, муравьев и других насекомых. Да и для военных эти сведения представляют известный интерес...

— Но ведь, — прервал его Алан, — бактерии гораздо эффективнее в качестве средства массового уничтожения?

— Бактерии действуют медленно, дружок, слишком медленно. Кроме того, ими не так легко управлять, не то что ракетами, вот в чем соль, — Спенсер, откашлявшись, продолжал. — Пять лет назад наши наблюдатели сообщили, что период половодья реки Ксингу отмечен появлением полчищ муравьев, шествующих в разных направлениях, но, заметьте, на одном строго ограниченном участке местности. Разумеется, среди индейцев ходили всякие слухи; согласитесь, Брэкфорд, все они фантастически суеверны и далеки от реального восприятия действительности, но данный случай представляет счастливое исключение. По уверениям индейцев, в горах, в верховье реки, поселился великий дух — курупиру, который требует безоговорочного подчинения всех живущих там племен. Кто ослушается, пусть пеняет на себя — за одну ночь муравьи полностью сожрут поселение, от всего живого останутся только рожки да ножки.

— Неужели вы верите в эти сказки, Спенсер?

— Слушайте дальше. Главное — самое интересное: согласно легенде, обиталище духа находится как раз в этой области, в точке, откуда, если вы помните, на моей карте расходятся стрелки... Нам не повезло — не мы нагрянули к курупиру в гости, застав его врасплох. Вышло наоборот, он к нам пожаловал, прихватив с собой телохранителей. Хуже не придумаешь.

— Ничего не понимаю, — растерянно проговорил Алан.

— Все очень просто. Вы — настоящий ребенок, Алан Брэкфорд. Профессор Тейфель — бывший нацист, работавший над созданием биологического оружия. У него достаточно причин покончить с нами, смести нас с лица земли, кстати, ему это не впервой, — мрачно добавил Спенсер.

— На что вы намекаете?

— Да, не мы первые, пустившиеся в путь по этой дорожке, а с нее никуда не свернешь, — сухо сказал Спенсер и повернулся на другой бок.

Алан же еще долго лежал с открытыми глазами, уставившись в темноту.

На утро Спенсер отправился в лес и не вернулся к обеду. Алана не беспокоило его отсутствие, со Спенсером это уже случалось. К тому же, как он хвалился, его зорко стерегут люди профессора. В тот день Алану не пришлось даже словом перекинуться с профессором: Тейфель все время был занят в своей лаборатории, а когда Алан пытался к нему проникнуть, в дверях вырастала могучая фигура индейца-телохранителя.

Проводники безмолвными изваяниями понуро сидели у каноз. Тяжелая полуденная жара нависла над долиной, палящие лучи солнца почти отвесно падали на землю, на высокую траву, где порхали пестрые бабочки-великаны и крошечные колибри, живые, переливающиеся драгоценности.

Алан не находил себе места, его начало беспокоить отсутствие Спенсера. Нельзя сказать, чтобы он испытывал особую симпатию к нему, но в этих диких джунглях Спенсер, пожалуй, был его единственным другом.

Близился вечер, в лучах заходящего солнца зеленый массив леса покрылся золотой вуалью.

Алан зашел в палатку и забрался под сетку, спасаясь от moskitov. Вскоре его сморил сон. Проснулся Алан уже в полумраке — наступил короткий тропический вечер. У палатки негромко разговаривали между собой индейцы. Алан зажег лампу и вышел наружу.

— Господин Спенсер еще не возвратился? — спросил он.

Индейцы отрицательно покачали головами.

Ужинал Алан в одиночестве. Из соседней хижины раздавалось попискивание, шум работающей аппаратуры, свист. «Видимо, профессор возится со своим передатчиком», — рассеянно подумал Алан. И вдруг его охватило страшное беспокойство.

Он бросился в хижину профессора, где перед входом возвышался раскрашенный индеец. Не обращая на него внимания, Алан крикнул:

— Профессор, профессор, можно вас на пару слов?

Индеец не сдвинулся с места. В открытом окне показалась тень. Писк приборов прекратился.

— А, это вы, герр Брэкфорд, — послышался голос Тейфеля. Он бросил стражу несколько слов, и тот отворил дверь.

Профессор, склонившись над аппаратом, не обратил внимание на вошедшего. Не дожидаясь приглашения, Алан сел и с интересом уставился на Тейфеля.

— Простите старика за забывчивость, — наконец проговорил Тейфель с рассеянным видом. — Я бы давно пригласил вас к себе, но, к сожалению, появились неожиданные обстоятельства, небольшие помехи.

Аппараты жужжали как встревоженный улей.

— Профессор, я беспокоюсь: Спенсер не вернулся из леса.

— И это все, что вы хотите мне сообщить? — Стекла очков сверкнули над прибором, и на одутловатом лице профессора проступила улыбка.

Алан откашлялся.

— Я подумал, что вам, пожалуй, следует послать людей на поиски, ведь Спансер плохо ориентируется в джунглях, это его первый поход...

— Вы так полагаете? — негромко откликнулся профессор и смолк. Писк и жужжание вдруг прекратились, поэтому в тишине его шепот прозвучал как крик.

— Все в порядке, — проговорил Тейфель как ни в чем не бывало и направился к боковой стенке комнаты.

Открыв небольшую тумбочку на бамбуковых ножках, он обратился к Алану:

— Вы предпочитаете шотландское виски или коньяк?

С этими словами он поставил перед Аланом стаканчики. Аромат виски заполнил помещение. Алан невольно подумал о Спенсере, его сковал страх.

Профессор поднял стакан. Пучок света, отражаясь от стекла и металлических граней прибора, переливался радужным блеском.

— Мой милый друг! Разрешите выпить за вечную память нашего общего товарища доктора Джека Спенсера, незаурядного сотрудника Института по вопросам биологической охраны окружающей среды, человека, безусловно, мыслящего, пытавшегося докопаться до истины, в чем-то даже любознательного. Жаль, что с такими незаурядными данными он посвятил себя не науке, а изучению, вернее, доскональному штудированию прошлого почтенных людей.

Тейфель сокрушенно покачал головой.

— Профессор! — закричал Алан, и от страха у него свело скулы, а спина покрылась капельками холодного

пота. — Профессор, — тихо проговорил он, сжимая стакан с такой силой, что стекло треснуло. Алан тупо уставился на кровоточащую ладонь.

Тейфель, быстро поставив собственный стакан на стол, превратился в заботливую нянюшку.

— Какой же вы нескладеха, ну, разве так можно! Вы ведь прекрасно знаете, что в этом проклятом климате любая ранка гноится! Такая неаккуратности! Порезался, как маленький мальчик. Вот вам современная мода, с нее ни на минуту нельзя спускать глаз, — кудахтал толстяк.

Он бегал из одного угла комнаты в другой, промыл рану сероводородом и антисептической жидкостью. К счастью, порез оказался неглубоким. Профессор заботливо перевязал Алану руку.

— Потерпи, мой мальчик, боль успокоится. — Отдыхавшись, толстяк улыбнулся. — Ну, теперь со спокойной совестью можно выпить.

— Что со Спенсером? — тихо спросил Алан, превозмогая боль.

— Ах, да, совсем забыл, проклятая голова! — Помолчав, профессор опрокинул в рот содержимое стакана и поставил его на стол. — Ваш приятель мертв.

У Алана подкосились ноги. Подхватив его под руки, Тейфель прислонил ботаника к стене, возле которой стоял внушительного размера ящик. Бросив взгляд на Алана, Тейфель, театрально сморкнувшись, резко откинул крышку. Алан заметил торчащие из ящика ботинки. «Да это же ботинки Спенсера», — понял он в ужасе и, заглянув внутрь, отпрянул от ящика: на него взирали широко открытые глаза Спенсера, но в них уже не было столь характерного насмешливого выражения.

Алан, пошатываясь, подошел к столу и ухватился за его край.

— Вы, вы его... убили?

— Тише, тише, — Тейфель зажмурил глаза и при-

ложил палец ко рту. — Смотрите, не разбудите его.

— Вы убили его, — Алан сокрушенно качал головой, тихо повторяя, — но зачем? Черт возьми, зачем?

— Послушайте, мой мальчик, — профессор склонился к Алану, поглаживая его по плечу, — к чему так убиваться?

— Знаете, кто вы такой? — Алан опустил на стул, с негодованием глядя на профессора. — Вы убийца, подлый убийца...

— Разве вам непонятно, мой мальчик, — Тейфель опустил глаза, — что Спенсер сам во всем виноват. Я же его предупреждал, что здесь полно змей. — Толстяк принял театральную-скорбную позу. — «Будьте осторожны», — неоднократно твердил я. Но ваш уважаемый друг оказался слишком упрямым, слишком. — Профессор задумчиво наклонил голову вниз.

Алану же припомнился последний разговор со Спенсером. Он постарался взять себя в руки и, внешне спокойный, налил себе виски, внимательно следя за профессором. Тот, поправив очки, вопрошающе ждал новых упреков.

— Не волнуйтесь, дружок, в этих местах такое случается. Ведь змеи в джунглях — явление обычное.

— Но почему вы положили его в ящик?

— Будьте справедливы, — профессор воздел руки, — куда же прикажете его деть в такую жару? Не беспокойтесь, мы похороним его, как полагается, со всеми почестями. Признаться, энтомолог ваш Спенсер был превосходный, лучше и желать не надо, — добавил он, потирая руки.

У Алана сдали нервы, и он разрыдался.

— Теперь в постельку, мой милый, — Тейфель погладил его по голове, — завтра предстоит трудный день. А сейчас отдыхайте, ложитесь сию же минуту, останетесь у меня. — Профессор сунул Алану в рот таблетку и заставил запить водой. — Теперь ложитесь, выпии-

тесь хорошенько. Спать, спать!

Тейфель открыл дверь и что-то сказал. Тотчас же в лабораторию вошли два индейца, с опаской поглядывая на черный ящик. Они подхватили Алана под руки и потащили в соседнюю комнату, где он под неусыпным отцовским оком профессора улегся в постель. Последнее, что Алан различил в полусне, прежде чем отдаться объятиям тьмы, — это фотография, а на ней улыбающийся молодой Тейфель рядом с Гитлером.

5

Когда Алан проснулся, первое, что бросилось ему в глаза, — физиономия Гитлера на фотографии. Второе, что он отметил, вернее, почувствовал, — это запах. Кисловатый, отвратительный, всюду проникающий запах муравьев.

Алан не мог припомнить, как он оказался в лаборатории. Всем его существом овладела слабость. Профессор, не обращая на него внимания, крутил что-то в своем приборе. Блестящий металлический паук с десятками щупальцев несносно жужжал. И этот ужасный, липучий запах... Алан, пошатываясь, подошел к столу, где стояла бутылка с виски, налил стакан и залпом осушил содержимое. Какое приятное ощущение тепла, мысли уплывают, медленно, медленно...

Внезапно он почувствовал прикосновение мягкой руки к своему плечу. На него сквозь толстые стекла смотрели серые глаза из-под седых насупленных бровей.

— Нужно взять себя в руки, дружок, — зазвучал мягкий голос Тейфеля.

Алана удивила происшедшая в профессоре перемена, глаза его светились весельем, безумным весельем, безумным...

— Ну, мальчики, вы свое получите, — громко объявил Алан. В его взгляде вдруг появились величест-

венность и отрешенность, придав решительность щуплой фигурке. Лицо обрело серьезность.

— Ну, мальчики, вы уже не вернетесь... — повторил он.

— Куда? — обронил профессор, не вдаваясь в смысл услышанных слов. — Если речь идет о тебе лично, Алан, то, как это ни прискорбно, тебя я оставляю у себя, тебя я не отдам. Я старый, одинокий человек. Ты унаследуешь мое открытие, мою тайну, — Тейфель перешел на шепот, не спуская с Алана безумных глаз. — Ты станешь моим учеником, и я открою тебе тайну господства над миром.

Алану сделалось дурно. Он напряг все силы, чтобы вслушаться в этот ласковый, убаюкивающий голос.

— В полном одиночестве, укрывшись под плащом лесного духа, мы вдвоем создадим новый мир, — в упоении декламировал профессор. — В этом аппарате, принцип действия которого я тебе объясню, скрыта сила — сила, способная повелевать бесконечной армией верноподданных. Верноподданные добренькие, мой мальчик, слушаются беспрекословно, бросаются куда угодно по твоему приказу. Погляди вокруг, выбери все, что пожелаешь уничтожить: плантации культурных посевов, поля, леса, города. Достаточно нажать кнопку и... бесчисленная лавина твоих подданных ринется из леса, вырвется из-под земли, как души умерших на суд божий. У тебя огромный выбор — муравьи всех видов, комары — переносчики лихорадки, саранча, пожирающая все, кроме металла. Достаточно слегка, самую малость изменить частоту, и они — твои рабы. Стоит повернуть вот эту синенькую ручку на несколько делений, и активность насекомых возрастет в десять, сто, тысячу раз — как твоей душеньке угодно. Они набросятся на мир, сметая все на своем пути, словно лавина огня, приводя в трепет все живое.

Профессор, стоя посреди комнаты и держа одну

руку на кнопках прибора, изрекал громогласно как библейский пророк.

— Никому не сдержать этих крохотных, но отважных воинов, им несть числа, места погибших займут миллиарды новых. Перед таким нашествием люди будут бессильны, никакая современная техника им не поможет. Да, мой мальчик, я нашел философский камень. Я освоил язык насекомых, научился зачаровывать их такими сказочными посулами, которые послаще любых запретных плодов. Жаль, конечно, что сфера моей деятельности ограничена, но, я уверен, ждать осталось недолго — и они, мои верноподданные, устремятся на сотни, тысячи километров, преодолевая горные хребты и водные пространства, призывая других насекомых примкнуть к ним и овладеть планетой, которая населена недоразвитым, утратившим разум существом по имени человек.

Старик, улыбаясь безумной улыбкой, положил пухлую руку Алану на плечо.

— Я не утверждаю, что следует уничтожить абсолютно все. В твоих руках решение — казнить или помиловать. Захочешь, за пару месяцев опустошишь продовольственные склады на нескольких континентах. Пожелаешь поселить своих помощников в городах: там, где в доме обитала лишь парочка блох или тараканов, их появятся в течение недели тысячи.

Заметив скептическую улыбку на лице Алана, Тейфель повысил голос:

— Смейся, смейся, малыш, ибо ты не можешь представить себе всех последствий моего изобретения. — Он нежно погладил аппарат. — Эта штуковина способна увеличить скорость передвижения насекомых в десять раз, радиус действия прибора — 800 километров. Правда, еще не все детали отработаны и проверены на практике. Но все же представь себе такую картину: города наводнили насекомые. Состав этих «гостей» легко

комбинировать — среди них можно встретить муравьев, мух, комаров. Остается скорректировать их количество, ну, скажем, увеличить численность каждого вида в десять раз. Недурно, верно? — Профессор устало закрыл глаза. — Твой приятель, ха-ха, не первый, кто пытался отобрать у меня мое изобретение. — Он захохотал раскатисто, громогласно. — Таких парней я научился различать за сто шагов, да и мои индейцы сообщили мне об этом уже давно. Звуки бубна вы ведь слышали, верно? А на твоём приятеле я хотел провести один интересный эксперимент.

На столе у противоположной стены что-то тускло блеснуло — пистолет, да, вне всякого сомнения, пистолет Спенсера...

— Эксперимент с муравьями? — ахнул Алан. — Признаюсь, эффект был необыкновенный — муравьи прошествовали мимо буквально в нескольких шагах и не обратили на нас никакого внимания...

— Это только начало, — повеселел профессор, — только начало, мой мальчик. Этот глупец, Спенсер, упрямый осел, никак не хотел успокоиться. Ты-то ни о чем и не подозревал, я не сомневаюсь — сын моего старого друга не решился бы на такую подлость. Но они, — он вновь понизил голос до шепота, в котором клокотала ненависть, — они хотели обокрасть меня, веришь? Они хотели господствовать над миром, а я хочу человеческий мир уничтожить, вот в чем различие! Но Генрих Тейфель страшнее черта*! — Он захохотал над собственной шуткой, но тут же спохватился. — Мне надо идти, я устрою Спенсеру похороны — по заслугам, конечно.

Тейфель подошел к окну, открыл форточку. Комнату наполнил запах кисловатого перегноя. Из окна была видна поляна, посреди которой лежало что-то продол-

* Игра слов: Teufel (нем.) — черт. — Прим. ред.

говатое и белое.

— Коллега Спенсер, — шепнул профессор.

Да, без сомнения, это было тело Спенсера. Вот его ботинки, которые Алан узнал вчера в темноте.

— Жара делает свое дело, — проговорил профессор. — Но через минуту все будет кончено, не упущи момента.

Алан услышал за спиной тихие шаги — это профессор направился к прибору. Ботаник незаметно продвинулся к столу, где лежал пистолет.

— Видишь, Алан? — Алан услышал скрытую насмешку в голосе профессора и замер.

— Нет, я ничего не заметил.

Внезапно до его слуха долетел знакомый звук — шелест сухой листвы. Алан сжался, он еще ничего не мог различить — солнце слепило глаза, лучи падали на белый балдахин, скрывавший мертвое тело. Но по траве заходили волны.

Глазам Алана предстала удивительная картина. Казалось, он стал свидетелем гигантской косьбы: огромная коса не менее двухсот метров в длину подрубала на корню траву и всю зелень. Косить начали с опушки леса, оттуда доносился шелест. С каждой минутой растительность исчезала. Пышные метровые стебли падали, как подкошенные, оголяя землю. Впрочем, нет, земля не оголялась...

Вместо зелени на земле показалось красноватое, блестящее, переливающееся на солнце бисерное покрывало; оно перемещалось, устремляясь к мертвому телу. Все быстрее и быстрее двигалась багровая ткань к середине лужайки. Вот-вот она накроет хижину — до нее оставалось не более двух метров. Алан отскочил от окна.

— Не бойся, — успокоил его профессор, схватив за локоть, — я держу их в узде. Они послушны, как овечки, идут, куда я им прикажу, не сворачивая с пути.

И в самом деле, минуя хижину, муравьи, выстроив-

шись, как на параде, в колонны, прошествовали перед открытым окном на расстоянии каких-нибудь полутора метров.

— Смотри, смотри! — профессор даже подпрыгивал от радости, как первоклассник. — Они добрались до него, мои крошки, добрались...

Алан невидящим взглядом смотрел на лужайку, теперь уже покрытую красным одеялом. Он обернулся. Оба индейца-телохранителя сидели на корточках на полу, подперев голову руками. Сейчас или никогда...

Вскочив, он схватил пистолет и выстрелил в толстое тело. Профессор обмяк, уперся в оконную раму, голова его запрокинулась назад. В глазах, уставившихся на Алана, мелькнуло удивление. Алан отвернулся.

Теперь нельзя было терять ни минуты — оба индейца, вскочив, набросились на него. Он палил из пистолета как безумный. Помещение наполнилось дымом, он ничего не видел, наткнулся на что-то мягкое, слышал чьи-то крики... Прибор, главное не забыть о приборе!

Алан продолжал нажимать на курок, не понимая еще, что обойма кончилась. Он торопливо шагнул к аппарату, откуда лилась музыка, однообразная и спокойная.

Подняв пистолет, Алан принялся изо всей силы бить по прибору. Его ослепил блеск, поэтому он не сразу воспринял вдруг наступившую тишину. А где-то рядом раздавались вопли и топот убегающих людей.

Ключья дыма свисали с потолка как балдахин, блестящая кроваво-красная драпировка ворвалась через оконное отверстие в помещение, пурпурным водопадом обрушилась на пол, откуда доносился шелест крошечных тел...

Этот шелест еще долго-долго преследовал Алана, настигал его даже тогда, когда с несколькими оставшимися ему верными индейцами он плыл все дальше от долины, покрытой живым красным ковром. Потом все укрыла тьма.

ДУШАН КУЖЕЛ

Некролог*

Оставьте меня в покое, сказал — ничего не напишу, значит, не напишу! Да, да, именно потому, что лучше других знал Иоахима. Я мог бы целый роман настрочить, не то что коротенький некролог на двух машинописных страничках. Мог бы подготовить воспоминания для воскресных выпусков газет и журналов — их расхватывали бы вмиг. Но раз я молчал тогда, то сейчас и подавно не напишу ни строчки.

Вы ведь помните, что несколько лет назад Иоахим расстался с большим спортом: видите ли, на республиканском первенстве наш прославленный чемпион проиграл во второй группе какому-то неизвестному, совсем еще зеленому юнцу. После этого поражения Иоахим заявил, что намерен посвятить себя делу воспитания подрастающего поколения и заняться своей непосредственной работой по специальности. Об этом в печати промелькнула малюсенькая заметка.

Нам казалось, что после этого интерес к Иоахиму угас, а его имя, полагали мы, никогда больше не появится на страницах газет. Хотя мастера настольного тенниса дольше других спортсменов умеют держаться в зените славы, все же годы берут свое. К тому же на мировой

* Пер изд.: Kužel D. Nekrológ za ing. Ioachimom: в сб. Indický kl'úč. Šport, Bratislava, 1977.

© Sport, 1977.

Перевод с сокращениями.

арене господствовали представители стран Восточной Азии, напористые, гибкие как акробаты, обладающие неотразимым, убийственным ударом. Вот почему мы считали решение Иоахима вполне разумным.

Но спустя четыре года на чемпионате республики совершенно неожиданно Иоахим объявился вновь и занял первое место в личном зачете. Думается, у вас еще свежи в памяти сенсационные репортажи в газетах. Ведь первенство республики рассматривалось и как отборочные соревнования к чемпионату мира в Бухаресте. Так вот, многие журналисты почти в один голос твердили о том, что, видите ли, вряд ли имеет смысл посылать на столь ответственное мероприятие «перестарка», пусть уж лучше пошлют любого шалопая, как говорится, на разведку.

Однако я-то почти не сомневался, что Иоахим отправляется в Бухарест с надеждой победить. На протяжении ряда лет он выработал определенный стиль игры, в котором явно преобладала хитроумная манера. Он неизменно вынуждал соперника отражать атаки. В этот раз Иоахим держался раскованно, отступив от стола на большую дистанцию, чем обычно. Его движения при подачах и гасах были на редкость расчетливы, к тому же он мгновенно приспосабливался к любой тактике соперника. В чем-то его игра походила на четко отработанные движения автомата, в ней не было прежней красоты и изящества, однако она отличалась удивительной целеустремленностью. Наше молодое пополнение, сильные ребята, начавшие понемногу осваивать современный, атакующий стиль игры, во встречах с Иоахимом вылетали из турнира один за другим. Просто чудо из чудес!

Подозревая, что Иоахим разработал для себя какую-то особую методику тренировки, я рискнул заглянуть к нему и взять интервью. Поспрашиваю, как он готовится к чемпионату в Бухаресте, кому прочит победу, как оценивает собственные шансы и т. д. Звоню в секцию настольного тенниса: там вообще никто не знает, где

Иоахим тренируется, от сборов он отказался, а разыскать его лучше всего в Государственном институте кибернетики, там он числится в штате.

Выпросив служебную машину, я ринулся в институт, но Иоахима и след простыл: он, оказывается, взял отпуск на месяц и скрывается в какой-то деревушке. Разумеется, подобная практика не новость: нередко «великие» спортсмены формально числятся в штате, а толку от них никакого. Но едва я позволил себе это сказать, как на меня набросился один худосочный тип: Иоахим, мол, — признанный авторитет в области кибернетики, он ездит с лекциями и за границу, а в свою работу влюблен по уши; дома у него настоящая лаборатория, где он ставит опыты и проводит научные эксперименты.

Ну что ж, отличный материал для небольшого душещипательного очерка на морально-воспитательную тему: известный мастер спорта — профессионал международного класса и в своей специальности. Но в тот момент меня волновали иные проблемы. Поэтому, поблагодарив за информацию, я откланялся, не теряя надежды продолжить поиски.

И тут мне пришла на ум неплохая мысль: заскочить на минутку, чтобы переброситься парой слов, к одному старику, ведающему спортивентарем на спортивной базе. Кладовщик — сам бывший спортсмен; у меня вошло в привычку заглядывать иногда к нему, за сигаретой мы обсуждаем животрепещущий для него вопрос: упадок современного спорта. Но сегодня старик ругал не спорт вообще, а конкретно Иоахима: что это за порядки, появляется здесь на машине каждый четверг, забирает несколько коробок с мячами для настольного тенниса да еще привередничает, шарики, видишь ли, чем-то ему не подходят. Сущий пройдоха этот Иоахим, разве порядочный человек в состоянии за одну неделю изничтожить и испортить столько мячей! Ясное дело, он продает их в деревнях.

В четверг я поджидал Иоахима возле спортивной базы. Около десяти утра он и впрямь объявился.

— Добрый день, — обратился я к нему. — Не скажите ли вы несколько слов для нашей газеты?

— Нет, — отрезал Иоахим и скрылся в помещении склада.

Когда он вышел оттуда, обвешанный коробками, и сел в машину, я, нажав на стартер, последовал за ним. Вот будет сенсация! «Знаменитый спортсмен спекулирует пластмассовыми шариками! «Тренировки» инженера Иоахима!»

Выехав за черту города, Иоахим прибавил газу и понесся как ошалелый. Срезая виражи, я молил лишь об одном: только бы не наехать на масляное пятно или камешек. Когда мы проезжали мимо маленького городка, Иоахим внезапно исчез, — видимо, свернул в тихую улочку. Я обшарил весь городишко и уже собирался возвращаться, как говорится, не солоно хлебавши, как вдруг возле одинокого двухэтажного дома-развалюхи заметил его машину. Я попытался проникнуть в дом, но массивные деревянные ворота были накрепко заперты.

На следующее утро я снова приехал сюда и дежурил до обеда. В полдень Иоахим вышел за ворота, плотно затворил их за собой и внимательно осмотрелся вокруг. Только после тщательной проверки он высыпал на помойку кучу помятых и разбитых пинг-понговых шариков, а потом отправился в пивную обедать.

Я обстоятельно обследовал дом издали: он казался неприступным, как средневековый замок. Мне удалось раздобыть у шурина, что работает в каменоломне, несколько шашек динамита. Я забросил их под ворота, так что вспыхнуло здоровущее пламя, а на втором этаже от окон остались одни рамы. Иоахим выскочил из дома и стремглав ринулся за ворота, озираясь по сторонам. Я же, воспользовавшись моментом, прошмыгнул к воротам, а оттуда — во двор.

На верхотуре я обнаружил комнату с большими окнами современного типа, а в ней неприбранную постель, платяной шкаф и другую немудреную мебель, свидетельствующую о том, что в комнате кто-то жил. Рядом находилась крошечная душевая, а возле нее небольшая мастерская с какими-то непонятными мне приборами и инструментами, к которой примыкало помещение под стеклянной крышей, похожее на спортивный зал в миниатюре. Посреди зала стоял отличный стол для настольного тенниса — такие столы увидишь разве что на крупных соревнованиях и чемпионатах страны или международных турнирах. На столе валялась ракетка, — видимо, Иоахим швырнул ее, торопясь вниз, пол был усыпан смятыми и треснутыми пластмассовыми шариками.

Но не это привлекло мое внимание, а то, что стояло на противоположном конце стола. Да, чудо существовало, и я теперь знал, что мои хлопоты не пропали даром. Перед мной было какое-то странное сооружение, по величине и по виду похожее на автомат для продажи сигарет; к нему был подведен кабель. Машина приглушенно гудела, в верхней ее части мигали зеленоватые огоньки. Внутри же страшилища торчал железный стержень, к концу которого была прикреплена ракетка — обычная ракетка для пинг-понга, ничем не отличавшаяся от той, что валялась на столе. Я поднял ракетку Иоахима, намереваясь хорошенько ее рассмотреть, но машина вдруг затявкала, будто пес, и принялась размахивать своей ракеткой, реагируя на каждое мое движение. Я схватил шарик и, подбросив его, подал мяч на игру. Автомат молниеносно отбил шарик, послав обратно мне, так что я едва успел проследить за его полетом. Я сделал попытку повторить подачу, чтобы продолжить игру, но сумел с огромным трудом только трижды отразить атаки, порядочно вспотев при этом. А ведь когда-то я выступал за сборную страны! Возможно, мне бы все-таки удалось и в четвер-

тый раз отбить наступление, но в этот момент в зал вбежал Иоахим и застыл в дверях с округлившимися от ужаса глазами. Раскрыв рот, будто желая сказать что-то важное, он захрипел и свалился как подкошенный.

Придя в себя, он тупо уставился перед собой. Я протянул ему стакан воды. Жадно осушив стакан, он потер рукой глаза.

— Как вы себя чувствуете? — обеспокоенно спросил я. — Сейчас приготовлю вам что-нибудь...

Иоахим никак не отреагировал на мои слова, он был явно не в своей тарелке. Вдруг, очнувшись, он вскочил и, опрокинув стол, ринулся в зал.

— Где Эмил? Что вы сделали с Эмилом?

Иоахим наклонился к своему детищу, нежно глядя его металлические части. Потом, немного успокоившись, вернулся в комнату и уселся на кровать.

— Мне бы хотелось написать о вас, — начал я. — О том, как вы готовитесь к чемпионату...

— Убирайтесь вон! Сейчас же убирайтесь!

Я не сдвинулся с места.

— Как вам будет угодно. Мне достаточно и того, что я увидел...

— Подождите, — прошептал Иоахим, — подождите, мы, надеюсь, договоримся!

— Так вы готовы ответить на мои вопросы?

— Нет, прошу вас, не пишите обо мне. Я запрещаю вам! До свидания!

Мне ничего не оставалось, как уйти. Я и в самом деле хотел это сделать. У меня перед глазами уже мелькали огромные буквы заголовка моего репортажа. И тут Иоахим, схватив меня за руки, упал передо мной на колени и запричитал, что он очень, очень просит, просто умоляет никому ни о чем не рассказывать: он, мол, провел столько бессонных ночей, забыл о человеческих радостях, и вот сейчас он почти у цели, почти...

— А когда? — деловито спросил я.

— После чемпионата. Если обещаете молчать, я предоставлю вам любую информацию, повторяю, любую, только спрашивайте.

Я согласился, в глубине души ругая себя за мягкотелость и порядочность. Но сегодня-то я могу признаться, что в ту минуту, быть может, и бессознательно заключил настоящую деловую сделку, причем выгодную для себя.

С тех пор я наведывался к Иоахиму несколько раз в неделю, заодно снабжая его шариками для игры — не отвлекаться же нашей знаменитости от тренировок по пустякам. И, как нередко случается у двух одиноких людей, связанных общей тайной, мы подружились. Иоахим, сбросив с себя угнетающее бремя затворничества и прервав обет молчания, превратился в общительного собеседника. Он был рад-радехонек довериться мне во всем: наконец-то нашелся человек, которому он мог поведать самые сокровенные мысли.

— Расскажи-ка, как тебе пришла в голову эта идея? — как-то спросил я.

— Сказать по правде, случайно. Где-то я прочитал, что в Швеции изобрели машину-автомат, из которого выстреливались на стол шарики, причем с различной силой и разными способами. Автомат использовали для подготовки спортсменов к соревнованиям. Кстати, именно это новшество помогло шведам пробиться в число лучших европейских команд по настольному теннису. Но даже этого оказалось недостаточно, чтобы опередить японцев и китайцев. И тогда я подумал: нельзя ли извлечь пользу из затеи шведов и найти лучшее применение этой, бесспорно, оригинальной машине? Представь себе, мне удалось. Мой Эмил не допускает ни малейшего промаха, действует обдуманно, на мой взгляд, максимально предусмотрительно, без излишнего риска. Без хвастовства: это настоящий король пинг-понга, лучший в мире игрок.

— Но все-таки это машина, механизм, — попытался я возразить, — разве его можно сравнивать с человеком?

— Глупости! — рассердился Иоахим. — Эмил за долю секунды придумает столько решений, сколько вся Академия наук не сможет выдать за два года. Пока на его половину стола летит твой шарик, он анализирует тысячи возможных вариантов, как отбить мяч, и выберет самый оптимальный способ. При этом он учтет твой рост, специфику твоих реакций, на каком расстоянии от стола ты находишься в момент подачи и т. п. А чтобы собрать такую информацию и обобщить ее, роботу достаточно обменяться с тобой двумя-тремя подачами: будь спокоен, все твои уязвимые места у него как на ладони. Вот на этом он и строит свою тактику игры.

Иногда — обычно, когда Иоахим отдыхал, — и я рисковал сыграть с Эмилом партию-другую. Должен признаться, Иоахим был прав: робот действительно идеальный спарринг-партнер — он безошибочно подстраивается под своего противника, воспользовавшись его ошибками и промахами, умело переигрывает соперника, правда, пока партнер не устранил свои упущения.

Как-то, направляясь к Иоахиму, я заскочил в секцию настольного тенниса и прихватил оттуда документальный фильм, вернее фрагменты, о международных соревнованиях в Швеции. Помнится, тогда победил призер мирового первенства китаец Ши Суанчжан. Каждое его выступление было поистине захватывающим зрелищем, которое доставляло зрителям колоссальное наслаждение: молниеносная реакция, высокий темп распасовок, кошачья гибкость в движениях, смертельные, как выстрелы, удары. Я показал киноленту Иоахиму в замедленном темпе, восхищаясь легкостью, изяществом и красотой игры китайского спортсмена.

— Для твоего Эмила это недостижимо, — с сожалением заметил я.

— Красота — фактор бесполезный. Эмил такого красавца в один присест заткнет за пояс, разгромит без всякого там изящества. Целесообразность — вот что будет определяющим, существенным при шлифовке комбинаций. Уверяю тебя, очень скоро наступит эра роботов и в спорте. Ведь человек не в состоянии при любых обстоятельствах действовать целенаправленно, без эмоций и в строгом соответствии с законами логики.

Я понял, что спорить с ним бессмысленно. Ждать оставалось недолго: приближалось первенство мира; оно и только оно может подтвердить правоту его слов. Иоахим находился в превосходной форме, стучал ракеткой с утра до вечера, а майку его хоть выжимай — с нее капали литры пота. На отборочных соревнованиях он, как говорится, играючи раскидал всех своих соперников. Но я и тогда не подал голоса, не включился в жаркую дискуссию о победителях и претендентах.

Первые встречи в Бухаресте продемонстрировали явный перевес моего приятеля. Я не стану пересказывать события, вы и сами отлично помните: сначала все шло как по маслу. Иоахим в первой же группе победил юного японца, которого прочили в призеры. Все последующие встречи заканчивались с явным его преимуществом. Только одну партию Иоахим проиграл — шведу Петерссону. Ну, думаю, это и понятно — тот тоже тренировался с роботом. Итак, Иоахим уверенно прошел в финал. Журналисты трубили о сенсации и разрывали беднягу на части, стараясь выведать хоть малейшую подробность.

В день финальной встречи зал был набит до отказа. У Ши Суанчжана, противника Иоахима, был бледный вид, он явно нервничал. Воспользовавшись недостаточной подвижностью Иоахима, китайский спортсмен стал

беспорядочно атаковать, а когда, наконец, опомнился, то первый сет уже проиграл. Во втором сете он избрал более осмотрительную тактику и повел в счете. Но Иоахим спровоцировал его на лобовую атаку, и Ши Суанчжан, не сдержавшись, провел «винт» — послал мяч в правый угол стола. Зрители восторженно ревели вне себя от захватывающего поединка. Большинство болельщиков поддерживали Иоахима, единственного европейца, в ком теплилась надежда после стольких безрадостных лет завоевать титул чемпиона.

В третьей партии Иоахим потерпел поражение, и я не сомневался, что предстоит решающий сет — четвертый (на пятую партию у Иоахима не осталось бы сил — он исчерпал все свои физические возможности). Внешне игра протекала как обычно, пожалуй, даже скучновато. Иоахим старался свести к минимуму атаки противника, используя любой перерыв в игре для отдыха. В итоге он вел со счетом 18:11, и, пожалуй, никто не сомневался в его победе.

Вот тут-то все и началось. Ши Суанчжан в поистине фантастическом прыжке отбил, казалось бы, абсолютно безнадежную подачу. Такой удачно использованный шанс приободрил его — ведь он отыграл подачу. Иоахим же пал духом, утратил координацию движений и автоматические навыки, приобретенные на тренировках. Вскоре на табло замигали поочередно сменяющиеся цифры: 18:15, 18:16, 18:17, а Иоахим никак не мог взять себя в руки, сконцентрировать внимание на ответной атаке. Трибуны замерли, казалось, зрители в зале перестали дышать.

Иоахим, наконец-то, бьет, но соперник идет на риск, отражая удар, сам проводит гас и сравнивает счет. 18:18. После этого следует его подача.

Иоахим, наклонившись вперед, напряженно отражает атаки. Вдруг он поскользнулся и рухнул на стол.

Организаторы соревнований на руках унесли его из зала.

Минутой позже диктор что-то говорит, зрители рукоплещут, а китаец, улыбаясь с видом победителя, размахивает руками над головой.

Выбежав из зала, лечу в больницу. Врач не слышит меня сквозь стеклянные двери, пожимая плечами, показывает пальцем на левую сторону груди. Сердце.

Иоахима я увидел, только когда он вернулся домой. Он лежал в кровати. Лицо у него осунулось, а во взгляде застыл вопрос.

— Вот Эмил бы не подкачал, — тихо произнес он.

Я не ответил, всем своим видом выражая неодобрение.

— Все-таки сказалось недосыпание, — продолжал Иоахим. — Ну, перетренировался, конечно, что и говорить, годы берут свое.

— Да, годы свое берут, — подтвердил я холодно.

Этой фразой сказано все. Крах моих планов, моих надежд.

— Подожди об этом писать, — попросил Иоахим. — Подожди чуть-чуть. У меня созрел план...

Я презрительно засмеялся.

— Человек-спортсмен — дело прошлого, — упрямо твердил он, и на глазах у него показались слезы. — Пример тому, сам видишь, я. Будущее принадлежит роботам. Встречи между ними будут поединками достойных соперников, действующих безошибочно и целеустремленно. Состязаются «боги пинг-понга»! Это же сенсация, и ты первый, кто поведает о ней на страницах спортивных газет!

Я поверил ему. Вторично доверчиво попался на удочку.

Иоахим работал до седьмого пота. Днем — в институте кибернетики, ночью — в своей мастерской.

Примерно через полгода он позвонил мне, сообщив, что настал час оповестить всех о сенсационном состязании. Но я настоял на том, что сначала необходимо опробовать роботов. Наконец настал день, когда робот Эмил-2, тщательно запакованный, был перевезен в загородный дом Иоахима.

Мы установили двух Эмилов друг против друга и бросили между ними на стол шарик.

Роботы играли безупречно. Каждый из них испробовал на сопернике всевозможные виды ударов, подачи, гасов. Определив, что у партнера нет уязвимого места, что его нельзя поймать на ошибке, они успокоились и продолжали механически перебрасывать шарик.

Тук-тук, пинг-понг.

Шарик в замедленном темпе перескакивал с одной половины стола на другую, словно ракетки находились в руках новичков: на одно и то же место, одним и тем же способом.

Тук-тук, пинг-понг.

Я направился к двери и молча вышел из дома. Мне было ясно, что мои мечты рухнули. Ни о какой сенсации не могло быть и речи.

Утром я все-таки вернулся к Иоахиму. Хозяин неподвижно лежал на столе. А оба робота продолжали играть. Правда, непредвиденное обстоятельство в виде неподвижного тела Иоахима в зоне игрового стола внесло в их бесконечно нудную игру чуточку азарта: они старались сделать так, чтобы шарик не задел лежащий предмет.

Тук-тук, пинг-понг.

Ян Ленчо

Попытка уничтожить планету*

1

На полотне экрана, что натянули на стене аудитории, загорелась карта Пятой системы. Лекция была нуднейшая. Слушатели в униформах космонавтов старались изобразить на лицах заинтересованность, маскируя свое безразличие пристрастием к курению. От сигарет поднимались клубы дыма, серые, однообразные, как слова начальника. Все делали вид, будто внимательно следят за ходом изложения.

Планета, вернее, планетка, о которой распространялся начальник, еще не обрела имя. Он называл ее просто «Икс», ведь она, такая незначительная точка, даже не заслуживала наименования. Да и на карте ее не обозначили. Поначалу, как только стало ясно, что речь пойдет именно о ней, космонавты попытались отыскать эту крошку среди мириад горящих точек. Напрасно. Крохотное, микроскопическое зернышко незаметно проскочило сквозь сито тщательного отбора.

Шеф в течение лекции несколько раз ткнул указкой в карту, в огромное белесое пространство, в одно и то же место. «Икс вот тут», — всякий раз повторял он с пафосом. При слове «икс» аудитория удивленно вздра-

* Пер. изд.: Lenčo J. Pokús zničiť hviezdú: в сб. Lencő J. Pomsta zo záhrobia. Slovenský spisovateľ, Bratislava, 1971.

© J. Lenčo, 1971.

Перевод с сокращениями.

гивала, пробудившись: ведь надо было представить себе какой-то реальный образ.

— Она мешает нам, — шеф возвращался все к той же точке на карте, подытоживая свое выступление, — она мешает нашим дальнейшим исследованиям во Вселенной. Эта планетка, можно сказать, стоит у нас на пути, она просто лишняя, только путается у нас под ногами. Поэтому мы приняли решение уничтожить ее. Не сомневаюсь, что у нас не возникнет никаких затруднений. Разве это размер — какой-нибудь десяток квадратных километров! Да, кстати, эта кроха необитаема, нога человека на нее не ступала. Полагаю, для выполнения задания достаточно обыкновенной взрывчатки. Путь к планете простой — до нее рукой подать с Кейрона.

Шеф, прочертив указкой эллипс, ткнул в карту где-то в полуметре от очерченного пространства: местонахождение планеты Икс. Выполнить задание, то есть ликвидировать планету, поручается Тридцать седьмому и Пятьдесят второму.

Поднялись двое космонавтов и будничными голосами ответили, что приказ выполняют.

До этого.

А

Когда-то.

Давным-давно.

Космонавт уже давным-давно понял, что, по-видимому, окончательно отказала система управления, поскольку корабль отклонился от трассы и плутал в таких дебрях, куда, надо думать, никто не проникал. Он твердо знал: у него нет надежды, бессмысленно даже предпринимать что-либо, но он все-таки пытался это делать. Если ему удастся остаться в живых — свершится чудо. Он отчетливо представлял, что обычно бывает в таких случаях, возможно, это и произошло: в его

послужной список добавляется строка — «пропал без вести». Значительно позже, разумеется, в соответствии с предписанием (вот интересно, когда же наступит этот момент), его имя высекут рядом с многими другими на Памятнике жертвам покорения космоса. Стоило ему представить такую надпись на мраморе, как лоб у него покрылся холодным потом. Ведь сам он не раз стоял перед величественным монументом, однажды даже с сыном; и вот теперь он вспомнил именно тот момент жизни. Они стояли молча; сын, словно замороженный, не сводил глаз с золотых букв, высеченных в мраморе...

Да, он заблудился, повторял про себя космонавт, заблудился в звездном лабиринте, словно в непролазной чащобе джунглей, однако все еще не веря, что отказал двигатель. Но вскоре этот непреложный факт подтвердили контрольные приборы, и теперь то, чего он страшился в глубине души, надеясь, что это лишь предположение, стало реальностью, единственной, последней, самой реальной реальностью.

Когда приборы сообщили ему эту ужасную весть, космонавт вспомнил о сыне. Потом о матери. А затем в памяти всплыли воспоминания о давнишнем полете, где он познакомился со своей будущей женой. Немногим позже перед его глазами предстала дочурка. Дочка. Ей всего несколько месяцев... Как горько, что контрольные приборы не ошибаются.

Космонавт направился к пульту управления. Да, ему ничего не остается, как высадиться, пусть даже на никому не известной точке Вселенной. Где угодно, лишь бы высадиться, высадиться... Мысль, которая буравит его голову, — он будет вечно вращаться во Вселенной в металлическом гробу — ему невыносима. Впрочем, он не хочет смириться с мыслью о неминуемой смерти. Пристать, только пристать. Снова грезится сынишка — вот он ползет на четвереньках, улыбаясь беззубым ртом, за автоматической игрушкой, мышонком. Потом в памя-

ти всплывают приятные события: празднуют его день рождения, он распаковывает коробку, зная наперед, что в ней лежит, а жена и сын, затаив дыхание, выжидают — вот-вот заблестят от радости его глаза.

2

Тридцать седьмой произнес:

— На карте ее не было.

Пятьдесят второй промолчал. Оба без слов понимали, почему эта планета не значится на карте.

— Мы у цели, — подал голос Пятьдесят второй, показав на экран радара. — Еще немного — и мы у цели.

Несколько минут они неотступно следили за экраном.

— На карте ее не было, — повторил Тридцать седьмой.

Они разошлись по своим местам, чтобы приготовить к посадке. Пятьдесят второй засмеялся.

— Она такая крохотная. — И добавил: — Надо еще попасть в нее. Вот будет потеха, если мы промахнемся.

Мысль о том, что они могут промахнуться и пролететь мимо планеты Икс, развеселила обоих.

— Миниатюрные женщины всегда мне были по душе, — неожиданно сказал Пятьдесят второй. Молчание Тридцать седьмого действовало ему на нервы, его так и подмывало сказать какую-нибудь колкость, вывести его из себя, но тут он вспомнил, ведь Тридцать седьмой считается в их группе молчуном.

— Скорее бы с этим покончить, — сказал он снова, просто так, чтобы поддержать разговор.

Тридцать седьмой непонимающе взглянул на напарника, прежде чем понял, что тот хотел сказать. И оба космонавта впервые отчетливо уяснили себе, что их ра-

кета до отказа набита взрывчаткой. Им стало не по себе, и они натянуто рассмеялись.

Радар подает сигнал: цель приближается. Еще несколько минут, и они пристанут.

— До нас тут никого не было, — словно невзначай обронил Пятьдесят второй.

Тридцать седьмой, подхватив тележку с электродрелями, направился к дверям. Оба облеклись в скафандры.

— Тут работенки часов на пять, не больше, — сказал Тридцать седьмой.

А Пятьдесят второй добавил:

— Недельки через две будем дома. Побыстрее бы разделаться со всем этим.

Ракета опустилась. Пятьдесят второй вышел первым. Его напарник управлял краном, опуская с ракеты ящики с взрывчаткой. Пятьдесят второй нетерпеливо переступал с ноги на ногу. И только когда Тридцать седьмой, закончив разгрузку, присоединился к нему, он спохватился: как же он мог забыть о таком важном факте — ведь это он, Пятьдесят второй, первым ступил на незнакомую планету.

Дрели вгрызались в почву, все глубже к сердцу планеты.

Б

Еще какой-то миг ракета дрожала как зверь в лихорадке. «Она ведь больна», — подумал он, но тут же его захлестнула радость. — «Я пристал, я пристал, где мог, что подвернулось по пути. Пристал, но что дальше?» Не хочется ни о чем думать, главное, он пристал... Космонавт почувствовал прилив благодарности, тихой, почти детской благодарности к незнакомой планете: она спасла его, она подвернулась ему в самый нужный момент, когда заглох последний двигатель. Ведь он мог навеки стать пленником Вселенной и вращаться в водовороте безграничного простора.

Он старался направить свои мысли в русло приятных воспоминаний. Перед его мысленным взором возник образ матери. Но не такой, как в последний раз, когда космонавт ее видел. Образ матери напомнил ему детство, когда мать, казалось, всегда была рядом. Вот он слышит, как утром, крадучись на цыпочках, чтобы не разбудить его, она приближается к его постельке. А он, наблюдая за ней из-под полузакрытых век, притворяется спящим. Только теперь он, наконец, понял: мать всегда знала о его проделках.

Надо что-то предпринять, выйти из корабля. Открыв двери, космонавт спустился по трапу вниз, а коснувшись ногами почвы, проверил, прочна ли она. После этого он осмотрелся вокруг.

Что же предпринять?

3

— Осталось семь секунд, — сказал Тридцать седьмой.

Пятьдесят второй не ответил.

Оба напряженно вглядывались в тьму, прижавшись к иллюминатору, и нетерпеливо выжидали.

— Через две недели мы дома, — пробурчал Тридцать седьмой.

Пятьдесят второй снова промолчал — ну что на это ответить? Должно быть, он и сам огорчился, что ему ничего не приходило на ум, но ведь так оно и есть — ему нечего сказать.

— Вот-вот мы увидим взрыв, — сказал Тридцать седьмой.

Они еще плотнее прижались к стеклу. Ну, наконец-то! Темноту разорвала ослепительная вспышка, но тут же снова планета погрузилась во тьму.

— Все позади, — подал голос Тридцать седьмой.

Напряжение их отпустило, космонавты, рассмеяв-

шись, пожали друг другу руки. Вообще-то говоря, предварительная работа была завершена несколько часов назад, но результат последовал только-только.

— Планеты Икс более не существует, — сказал Пятьдесят второй.

Тридцать седьмой ухмыльнулся:

— На огромной черной доске уравнение с крохотным x не решалось, вот мы и перечеркнули его, вернее стерли с доски.

Они еще долго смеялись.

Потом оба снова устремили взгляды туда, где сверкнула вспышка, туда, где уже все поглотила тьма.

— От планетки ничего не осталось, — сказал Тридцать седьмой, и в его голосе послышалось подобие смущения.

Это было похоже на порыв жалости, сострадание впечатлительного человека, нечаянно наступившего на муравья.

В

Какое-то время космонавт беспомощно стоял, повернувшись спиной к ракете. Вдруг его сознание обожгла мысль: я здесь погибну, эта крошечная планетка станет моей могилой. Но почему эта мысль пришла ему на ум сейчас? Нет, это не его мысль, она вселилась в него откуда-то извне, вселилась против его воли, набросилась на него исподтишка, как коварная бестия, хищная и неотступная...

Космонавт стоял спиной к ракете. Вокруг него растилался туман. «Наверное, туман ядовитый», — подумал он, стоит лишь нажать на клапан и приподнять шлем скафандра — за долю секунды все будет кончено. Ему почудилось, будто рядом с ним недвижимо лежит его двойник. Он вздрогнул. Все будет кончено...

Он не мог оторвать взора от горизонта, отдавая себе отчет, что там, за грядой скал, и не горизонт вовсе:

там кончается планета — она же крохотная, всего ничего. Тихо. Никаких колебаний почвы, никаких сотрясений. Никакого, даже чуть заметного волнения. Тишина.

...Мать, крадучись, осторожно, боясь разбудить, подходит к нему, она знает, что сын не спит...

Космонавт обернулся: сквозь прозрачный туман ему удалось различить лишь ракету да скалы. Ракета, рухнувшая на поверхность, лежит подобно сказочному мертвому животному; скалы похожи на важных хмурых многовековых идолов. Единственно, в ком еще теплится жизнь, — это он.

Надо возвращаться к ракете. Он и так удалился слишком далеко. Туман, противный ядовитый туман обманчиво увеличивает расстояние. Порой ему кажется, что корабль далеко от него. А если повернуться и идти в обратном направлении? Планета ведь невелика, за несколько часов он доберется, ничего страшного. Космонавт ускоряет шаг, почти бежит.

Вдруг он споткнулся о большой камень и упал. Поднявшись, ощупал камень: на нем множество острых граней. Просто чудо, что не прорезал скафандр. Космонавт пытается поднять камень, вот он у него в руках. Камень тяжелый, гораздо тяжелее, чем он предполагал. Какое-то время он несет его. Зачем? «Зачем, для чего я несу его?» — пугается он. И тут же понимает: есть вопросы, на которые трудно ответить. Хорошо, что корабль уже рядом. Он подходит совсем близко, все еще держа камень в руке. Он хочет отшвырнуть его подальше, но вместо этого осторожно кладет к подножию ракеты. Камень совсем не похож на надгробие.

4

Тридцать седьмой и Пятьдесят второй сидели в зале заседаний. Сейчас они здесь одни, если не считать шефа. Пустой зал сковывает их. В такой обстановке

им здесь не приходилось бывать. Оба с интересом наблюдают за начальником: шеф взволнован.

По правде говоря, сегодня он не похож на самого себя. Никаких формальностей. Вот он схватил указку, но тут же отбросил ее. Космонавты внимательно следят за ним. Что происходит? Они не в силах отгадать. У шефа вдруг передернулось лицо, угрюмо скривился рот. Повернувшись к ним спиной, вероятно, чтобы не встречаться с ними взглядом, он подошел к карте, ткнул в то место, где была планетка Икс, где находились они...

У обоих космонавтов в уме одновременно возникает вопрос: что там?

— Судя по вашим сообщениям, задание выполнено, планета Икс уничтожена, — шеф бросает слова, по-прежнему стоя лицом к карте. — Задание выполнено в соответствии с инструкциями, в точности, как планировалось...

Тридцать седьмой и Пятьдесят второй молчат. Что говорить? Задание выполнено, это очевидно.

Вдруг шеф оборачивается к ним. На его лице холодность и недовольство.

— Планета цела. Она существует, как прежде. Она продолжает существовать. Она есть.

Тридцать седьмой и Пятьдесят второй, как по команде, подняли головы, сраженные таким известием. Планеты нет, они же ее уничтожили.

— Вопреки тому, что вы действовали строго по инструкции, планета продолжает существовать. Видимо, был сделан неточный расчет. Взрывчатка разложена правильно, но ее, вероятно, было недостаточно.

Оба космонавта снова и снова вспоминают ослепительную вспышку; они молчат, не зная, как оправдаться. А шеф продолжает:

— Вы снова полетите туда с двойным запасом взрывчатки и разместите ее по-новому.

Космонавт проснулся. Сколько же он спал? Бессмысленно смотреть на часы, время здесь не имеет значения. Он спал без сновидений. Очнувшись ото сна, он мысленно обращается к сыну, произнося его имя вслух: Тони. «Странно, — подумал он, — как редко мы называем близких, друзей, собеседника по имени. Имена лишний балласт. Тони... Как же я до сих пор не понял, что имена — это золотые прожилки в вечной скале?»

Он встал, ему почудилось чье-то чужое дыхание рядом. Неужели дышит камень, что он притащил и оставил возле ракеты? Жуткая, сумасшедшая мысль. Наконец он понял: это же его дыхание!

Космонавт заглянул в отсек с провиантом. Запаса еды должно было хватить на 70 дней — вдвое больше, чем требовалось на дорогу; теперь провизии осталось на три дня. Он успокаивается. Если поделить разумно, то хватит и на девять, нет, на десять, нет, на двенадцать дней. Но разве на этой планете существуют дни? Ему вдруг стало интересно, что он увидит, когда выйдет из ракеты? Тони, Тони, Тони...

Он берет в руки банку с водой, трясет сосуд, расплескивая жидкость, прикладывает банку к уху, прислушивается к бульканию воды. В лесу, когда они оставались вдвоем с женой, он называл ее по имени. «Габриэла, — произносит он вслух. — Габриэла». Потом замирает: «Зачем я держу в руках банку?» И осторожно ставит сосуд на пол, рядом с постелью. Он внушает себе, что совсем не голоден. Значит, еды хватит не на двенадцать, а на тринадцать дней... Тринадцать, опомнился он, чертова дюжина. Четырнадцать, четырнадцать. Космонавт снова ложится, забывается в полусне, но ненадолго: стоит открыть глаза — перед ним мать, она подкрадывается к нему. А как зовут мать? Ее имя он вспоминает не сразу, звучит оно необычно. Чей же

голос произносит это имя, такой незнакомый, необычный голос. Ах, это голос отца... Так непривычно его слышать...

5

Всю дорогу Тридцать седьмой и Пятьдесят второй обсуждают, как могло случиться такое, пытаюсь докопаться до истины.

— Иногда такое бывает, — со вздохом сказал Пятьдесят второй. — Иногда заряд не взрывается.

— Но взрыв-то был, — возразил Тридцать седьмой. — Мы это видели собственными глазами.

Скука, невыносимая скука. Никому не пожелаешь лететь второй раз на то же место.

— Ну, теперь-то мы всадим в нее на полную катушку, — рассмеялся Пятьдесят второй.

Тридцать седьмой даже не улыбнулся, он ждал сигнала на посадку. Всего несколько недель назад он уверенно планировал свое возвращение домой. Сейчас он молчит, пристально всматриваясь в темноту. Его так и подмывает крикнуть: «поживем — увидим».

— Да и осталось ли там местечко, где мы можем сесть? — продолжал Пятьдесят второй. — Ведь взрывом ее должно было на куски разнести!

— Поживем — увидим, — наконец произнес Тридцать седьмой.

Опять, как и недели три назад, они нагрузили тележку взрывчаткой, облачились в скафандры, готовясь к высадке. Тридцать седьмому пришла в голову мысль: что, если в расчетах на Земле произошла ошибка и они притащили сюда напрасно?

Корабль идет на посадку. Радарная установка подает сигнал: цель приближается. Значит, планета Икс существует.

Пятьдесят второй заливается злым хохотом, срывает с себя шлем — пусть его смех услышит и Тридцать седьмой.

— Значит, мы и в самом деле оплошали! — Оба космонавта более не сомневаются, что случилось непредвиденное, но что именно?.. — Ну, на сей раз всыпем ей сполна! Посмотрим, кто кого, ей, бедняжке, на этот раз не сдобровать.

Голос Пятьдесят второго звучит мстительно. Он подходит почти вплотную к своему напарнику, судорожно смеется.

— Подумать только, не смогли ее осилить, не сумели стереть маленькое «х» в обычном уравнении с классной доски.

Д

Сколько же минуло дней, сколько дней прошло на Земле с того момента, как он высадился на этой планете? Три, четыре? Какая разница, здесь все равно бессмысленно считать дни: время на планете не имеет значения.

Космонавт ел, когда чувствовал голод, пил, когда его мучила жажда. Прием пищи — это, он отметил, излишество, непозволительная роскошь. Сколько же он сидит взаперти? Три или четыре дня? Его взгляд упал на пустые тубы. Пальцы невольно зашевелились, пытаясь выдавить остатки пасты. Космонавт удивился — сколько же еще в нем силы. В некоторых тубах оказалось на дюймке немного съедобной пасты.

6

Тридцать седьмой и Пятьдесят второй приступили к выполнению задания. Электродрели, вгрызаясь в тело планеты, наносили ей новые раны.

В каменистой почве крохотной планеты Икс просверлены семь глубоких отверстий. Космонавты наполняют их взрывчатой смесью, еще немного — и отверстия засыпаны доверху. Взрывчатки достаточно: по приказу начальника центра управления они прихватили с собой дополнительный запас, можно разместить его по

своему усмотрению. Их не надо учить, они и сами знают, как с ним поступить.

Возвратившись в ракету и сняв скафандры, они надолго замолкают в ожидании взрыва.

7

Шеф остекленевшими глазами следит за радаром и показаниями приборов. Неужели такое возможно? Он не знает, как объяснить подобное явление.

Конечно, исключено, он в этом убежден, чтобы Тридцать седьмой и Пятьдесят второй его обманули. Опытные, надежные космонавты, они зарекомендовали себя с наилучшей стороны. Да и задание-то пустяковое.

Факт остается фактом: планета Икс находится во Вселенной на прежнем месте, она цела, она сопротивляется.

Зал заседаний полон, всюду знакомые лица, окутанные клубами дыма. Шеф отыскивает взглядом Тридцать седьмого и Пятьдесят второго. К ним у него претензий нет. Свое задание они выполнили на совесть.

Он начинает оперативку, выдает космонавтам очередные задания. Под конец, когда все присутствующие решают, что больше ничего не будет, шеф поворачивается к карте с указкой в руках и тычет ею в пустое место, куда уже дважды отправлял двоих. Слушатели со скучающим видом следят за указкой; только двое из них, встрепенувшись, с нетерпением ждут, что же произойдет. Это Тридцать седьмой и Пятьдесят второй.

— Вопреки нашим усилиям, нам не удалось уничтожить планету Икс. Задание осталось невыполненным. Вычислительные и исследовательские центры сделали предварительные выводы о причинах неудачи. Сейчас рассматриваются новые, как нам кажется, более эффективные варианты осуществления поставленной задачи. Тридцать седьмой и Пятьдесят второй со страхом смотрят друг на друга. Когда же проходит оцепенение, понимают, что уж они-то на планету Икс не полетят.

Оба выходят из зала заседаний в твердой уверенности, что они, наконец, обрели покой. Что же касается планеты, то она будет уничтожена.

Е

Внезапно в сознании космонавта наступает какой-то проблеск. Он с удивительной ясностью видит родные лица. Видит жену Габриэлу, сына Тони, крошку Эстер. Космонавт долго лежит неподвижно, уставившись в небо. Над ним низко-низко висят звезды, похожие на осколки, черепки разбитого горшка. «Где, где я? Как называется эта планета? Есть ли вообще у нее название?» Он рассуждает вполне логично. «Почему меня занесло именно сюда? Зачем? Чтобы с моим последним вздохом переселить в эту планету мою жизнь?»

Вдруг все вокруг него меркнет, что-то в нем угасает, уже навсегда.

8

Шеф управления проходит в зал, где проходит совещание.

«Мы проиграли», — сверлит его мысль. Он отыскивает взглядом Тридцать седьмого и Пятьдесят второго. В зале царит обычная скука, клубится дым сигарет.

— Мы предприняли все, чтобы уничтожить планету Икс, использовали все имеющиеся в нашем арсенале средства, — говорит шеф, — но нам это не удалось. Икс существует и по сей день.

Поэтому руководство Центра приняло решение отказаться от дальнейших попыток ликвидировать планету, ибо, как всем ясно, у нас нет никаких надежд на успех. Планета Икс останется, — шеф указкой показывает на карте это место, — вот здесь, в данной точке. На карту уже нанесена точка, обозначенная буквой «Х». Видимо, мы имеем дело с планетой, массу которой практически невозможно уничтожить. Именно эту ее специфику следует учитывать в наших дальнейших планах, изыскав способ использовать ее особенности.

Любомир Махачек

Домашний помощник*

Сегодня нелегко всем, ибо каждый стремится достигнуть максимального результата. И я не исключение. Беру старт и упорно иду к финишу. Иногда я чувствую перенапряжение. Хочется все бросить. Но я стискиваю зубы и держусь. Я понимаю — таково веление времени. Давление всего «рационального» на наше сознание, научно-технический прогресс, полеты в космос, гонка вооружений... Вчера я смотрел в окно и услышал, как Квасничкова, эта сплетница из дома напротив, громогласно заявила: «Люди уже сами не знают, какую бы еще глупость им выдумать». Пока она отапливала квартиру углем, все было в порядке, теперь же приходится каждый день чистить солнечные коллекторы — ведь на них оседает смог. Я не против прогресса, наоборот, в конечном итоге я его порождение. Но пани Квасничкова права в одном: у нас нет времени ни остановиться, ни оглянуться. В этом, конечно, есть определенная перестраховка. Мы предпочитаем броские газетные заголовки: «Покушение на N...», «Летающая тарелка на крыше колбасного магазина», «Массовые убийства в Диснейленде» и т. п.

Я всегда много читал и повышал уровень своего об-

* Пер. изд.: Macháček L. Domáci pomocník: в сб. Stalo se zítra. Svoboda, Praha, 1984.

© Svoboda, 1984

разования. Без знаний сегодня пропадешь. Но главное, разумеется, мне хотелось помочь Здене.

— Ты ждешь меня? — спросила она, едва войдя в дом.

Голова моя была прикрыта газетами. Здена сняла их, и я напугал ее, твякнув по-собачьи.

— Ты все читаешь! Так что же там случилось в Диснейленде? — Здена бросила сумку с покупками на стол с такой силой, что скатерть съехала на пол. Потом она, не раздеваясь, присела на стул.

— Какой-то сумасшедший совершил покушение на роботов, выбирал тех из них, что напоминали ему людей. В результате пострадало несколько посетителей.

— Зачем он это сделал?

— В девятнадцатом веке тоже уничтожали машины, — сказал я, впрочем понимая, что данный случай несколько иного рода.

Здена не ответила, она сняла пальто и вышла в коридор. Некоторое время она стояла перед зеркалом, видимо, проверяла, не похожа ли и она на робота. Вернувшись в комнату, Здена достала из сумки хлеб и сунула мне под нос. Запах был превосходный, и корочка аппетитно хрустела в Здениных пальцах. Я не выдержал и откусил кусочек.

— Он еще теплый, только что из автомата-пекарни.

Я подумал: теплый хлеб — это всегда хорошо. Здена стала меня уверять, что в воскресенье будет печь сама. Она вынула из сумки остальные продукты и сложила все в холодильник.

А хлеб и в самом деле был хорош, мне досталась еще корочка.

Вид Здены мне сегодня не понравился. Она казалась озабоченной, наверное, переутомилась. Сама призналась, что устала, и, если не выпьет крепкий кофе по-турецки, наверняка уснет. Жаль, что я не умею как следует варить кофе, не то бы непременно предложил ей.

Здена относится к тому типу женщин, которые вечно куда-то спешат, а если вдруг останавливаются передохнуть на минуту, у них возникает такое чувство, будто что-то упущено. Я никак не могу к этому привыкнуть, но пытаюсь понять Здену. Она работает в бухгалтерии. Сами знаете, два раза в месяц выдача зарплаты, сверхурочные, нервы, сигареты, кофе, ночные бдения. А сколько у нее поручений! Она ведет общественную работу по меньшей мере в трех комиссиях, в Обществе охраны от гербицидов, в Союзе неумеющих плавать, а в клубе «Акция бронтозавр» даже выполняет функции секретаря. Когда я посоветовал ей завести второго ребенка, она на меня накричала: женщине, мол, всегда приходится тяжелее мужчины. И вообще стала агрессивной, тогда она просто испугала меня. Да и сейчас я побаиваюсь за нее.

— Тебя что-то тревожит, Здена?

— Эти мужчины предоставили все права нам! Иду к зубному врачу — женщина. Болею ангиной — лечит меня женщина. Мясник — женщина. Водитель трамвая опять же женщина!

— Ты не преувеличиваешь? — спросил я. — Тебе не достаточно меня?

Что-то ее сильно расстроило.

— И в школе сплошные женщины, — продолжала она. — Что ждет наших детей? Они такие нервные и истеричные.

— Успокойся, — сказал я ласково. Здена, откусив кусочек хлеба, сделала глоток кофе, вытерла рукавом слезы. Женщинам слезы к лицу, здесь они неподражаемы. — У тебя плохие новости?

— Пепик... Этого следовало ожидать.

— Что, обещают поставить «четверку» по поведению?

— Да нет, — отмахнулась Здена. Эту тактику я знал — она разжигала мое любопытство. Как бы невзначай Здена запустила мне руку в волосы. — Ты мой ум-

ник, кибернетик, пора тебе постричься.

Она расстроилась из-за Пепика и, чтоб отвлечься, заговорила о стрижке. Наверное, стрекотание машинки ее успокаивало. Здена обычно стригла меня, когда нервничала. Я, собственно, и не против, парикмахер тебя только изуродует, да и удовольствие это обходится дороговато. Один раз Здена даже завила меня, потом положила мою голову к себе на колени и принялась накручивать кудри на палец. Мы провели чудесный вечер.

— Он схватил двойку по истории, — сказала она.

Так вот в чем дело! Пепик учился в пятом классе. Гением он, конечно, не был, но в алгебре разбирался и морфологию более или менее знал. Только вот с историей у него не клеилось. Здена вначале думала, что у Пепика нелады с учительницей, но ошиблась. Однажды мы устроили Пепику перекрестный допрос. Учеба Пепика — мое дело, я ведь отвечаю за школу.

Сегодня мальчика вызвали по истории. Вчера мы с ним прошли культуру Юго-Восточной Азии, повторили материал о Евфрате, Тигре, Месопотамии, Финикии, Палестине, Крите. Я спрашивал Пепика в перерыве хоккейного матча, который передавали по телевизору. Ему не очень-то хотелось отвлекаться от хоккея, но за нами наблюдала Здена и всякий раз, когда он меня не слушался, закатывала сыну подзатыльник. Я никогда Пепика не бью, считаю, что детей бить нельзя. К тому же Пепик довольно прилично во всем разбирался, и я удивлялся, что он так долго сидит над картой Древнего Египта.

— Ты вместо того, чтобы помочь ему исправить оценку, умудрился испортить то, что уже сделал!

— Но мальчик не в состоянии переварить огромную информацию. У меня и то от всего этого болит голова. Пепик запомнил про глиняные дощечки, но забыл, что на них записывались сказания, эпос, поговорки.

— Учительница спрашивала вовсе не об эпосе. По

всему видно, что вчерашнее задание вы выполнили кое-как, — сказала Здена сурово.

— Кроме пословиц и эпоса, он знал все, — настаивал я на своем. Еще час назад я переживал, что у Здены плохое настроение, а сейчас заметил, как она поглядывает на мои кудри.

— Вас интересует один хоккей, а то, что хетты создали в Малой Азии мощную империю, достигшую расцвета в середине второго тысячелетия до нашей эры, вас не касается. Поэтому-то и получил Пепик двойку с минусом. Что теперь о нас подумает пани Квасничкова!

— Да Пепик просто забыл, сколько раз тебе повторять!

— Состав национальной сборной по хоккею он знает наизусть.

— И в состоянии ли он вообще понять, что написано в учебнике?

— Ну, знаешь... — Здена все принимала на свой счет.

— Извини, я совсем не это имел в виду, — я попытался исправить положение и смиренно попросил Здену сварить мне кофе. Она никогда не забывала обо мне, готовя себе еду, а сегодня забыла. В этот день мне буквально не везло.

— Ну, что в школе? — набросился я на Пепика, вернувшегося домой.

Пепик сбросил портфель на ковер, и в нем все загромыхало.

Здена неподвижно сидела за столом, сложив руки на коленях. Наверное, она размышляла, стоит ли взять ремень. Пепик понял обстановку, вежливо поздоровался и сразу же переобулся. Обычно он носит по квартире в одних носках. На сей раз он надел тапочки, подошел к маме и поцеловал ее.

— Ярушка сказала, что я смогу исправить оценку.

— Что за Ярушка? Ах да, ваша классная руководительница. — Здена схватилась за голову. — Надо же, Ярушка! Так что ты там не смог ответить? Она мне столько всего наговорила.

— Я уж не помню, — невинно промолвил мальчик.

— Не помнишь, потому что не знал ничего, — с укоризной сказала Здена. — А ведь ты утверждал, что Пепик — талантливый ребенок, — обратилась она уже ко мне.

— Мама, а кто такой Бедржих Грозный? Что такое легенды, эпос и пословицы?

— Видишь ли... Пословица — это народная мудрость. Что это, собственно, такое? — она смотрела на меня. Я упорно молчал. — А кто такой Бедржих Грозный?

Тишину, воцарившуюся в комнате, нарушил мальчик:

— Мама, а у Ярушки была сегодня отличная сумка — с наклейкой «Голубые Сиуксы». Это, знаешь, группа такая.

— «Голубые Сиуксы»! Горе мне с тобой, Пепичек. — Она посадила мальчика к себе на колени. — Бедржих Грозный — чешский ученый, который расшифровал язык хеттов. Неужели трудно запомнить? Пообещай мне, что будешь прилежно заниматься.

Пепик молча кивнул. В последнее время он запирался в туалете и читал журнал «Дикобраз». Все шуточки из журнала он помнил назубок, а то, что математики в Месопотамии изобрели систему отсчета времени и геометрического измерения угла, Пепик не знал.

Сегодня он не стал закрываться в туалете, а направился в свою комнату, держа в руке учебник истории. Здена прибралась у него, вытерла влажной тряпкой стол. Потом я услышал, как хлопнула дверь, и Пепик тонким голосом начал читать вслух про персов.

Здена вернулась на кухню и стала варить ужин.

— Что-то ты рано сегодня, — осторожно заметил я.

— Мне просто надо успокоиться, — ответила она. — Хотела я вам сварить манную кашу, да, пожалуй, хватит с вас и картофельного пюре.

Этим она меня не могла разозлить.

Я знаю, каждая мать смотрит на своего ребенка сквозь розовые очки. Пепик, конечно, вызубрил бы в конце концов своих финикийцев, только его знаний едва хватило бы на неделю. Здена была права лишь в одном: вчера мы больше занимались хоккеем, игра нас заворожала.

— Ты меня извини, — оправдывалась она позднее, — но за все, что связано со школой, отвечаешь ты, у меня и так дел сверх головы.

Мне оставалось смиренно поддакивать. Я жалел Здену, хоть и не всегда соглашался с ней. Она была красивой женщиной, и мне доставляло удовольствие о ней думать. Я всегда старался как можно быстрее уладить недоразумения. Сейчас, кажется, наступило самое подходящее время для выяснения некоторых деталей.

— Можно мне высказать свою точку зрения?

— Только не пытайся опять искать смягчающие обстоятельства. Меня интересуют конкретные результаты.

— По степени трудности учебный материал можно оценивать с двух точек зрения: количественный показатель и качество. Целесообразно проанализировать объем информации, который должны переварить дети в пятом классе. Я имею в виду не только историю.

— Скажи это учительнице, — оборвала меня Здена.

— Ярушке? Она и так все знает. Качественный показатель охватывает те особенности учебного материала, которые характеризуют степень его трудности. Возьмем, к примеру, синтаксическую сложность текста или понятийную загроможденность.

Здена отодвинула кастрюлю с картошкой, вздохнула и налила себе стакан сока.

Буду говорить медленнее, чтоб она лучше меня воспринимала. Здена не доверяет ни одному мужчине, расплачиваться же приходится за всех мне. Я продолжаю:

— Существуют образцы степеней сложности учебного текста...

— Прекрати свою лекцию!

— Не бойся, до уравнений я не дойду. Короче, если проанализировать детально некоторые учебники для пятого класса, получится, что они не только трудны сложностью фразовых единиц, но и отличаются понятийной загроможденностью.

Здена посмотрела на меня отсутствующим взглядом. Пришлось повысить голос. Хотелось взять и встряхнуть ее хорошенько. К счастью, она поняла мои рассуждения.

— Ты хочешь сказать, что все эти учебники никому не годятся. Лучше бы честно признался, что вы смотрели хоккей.

— Я не увиливаю от ответственности, хоккей мы действительно смотрели, но и в учебник тоже заглядывали.

— Ну выкладывай все начистоту, почему ты не смог ему объяснить? Ты не в состоянии быть наставником, теперь я уверена. Ты мне вообще не нужен, — вдруг разрыдалась Здена.

— Что там объяснять! — рассердился я. — Все четко написано.

— Все? — удивилась она. — Ты с ума сошел!

Здена взяла меня за шею и повелительно сказала: — Идем!

Мы вышли на улицу. Шел дождь. Здена взяла с собой зонтик, а я в спешке забыл шапку. Сначала я подумал, что мы направляемся в магазин учебных пособий, но она

тащила меня дальше, мимо мясной лавки, магазинов канцелярских товаров, головных уборов. Затем мы свернули в какой-то узкий переулок. Было темно, только свет от оконных стекол резал глаза. А когда у меня болят глаза, начинается и головная боль. Так будет, видно, и в этот раз.

Без десяти шесть мы вошли в магазин хозяйственных товаров. Продавщица штопала за прилавком носок и встретила нас не очень любезно. Она сразу остановила взгляд на мне — опять рекламация!

— Вот, пожалуйста, он сошел с ума, — сказала Здена. — Не справился с заданием для пятого класса.

Мне было стыдно, я чувствовал себя мальчишкой. Вам хорошо, а мне каково: набросились две женщины на одного! К счастью, вошел еще один покупатель — мужчина с дырявым зонтиком.

Продавщица наклонилась ко мне и смахнула капельку дождя с моего носа. Ну, это уж слишком! Вдобавок мужчина пощупал мне лоб. У него были желтые пальцы, пропахшие табаком.

— Завтра кончается гарантия, но я пришла сегодня на всякий случай. Он запрограммирован на шестой класс, а не может одолеть и пятого, — наступала Здена.

Продавщица подключила меня к сети.

— Он не сошел с ума, — уверенно сказала она. — Случается, что в младших классах учебная программа гораздо сложнее, чем у старшекласников.

— Простите, пани, вас не удовлетворяет работа его головы? Вы хотите его вернуть? — спросил мужчина с дырявым зонтиком.

Я заморгал глазами.

— Вот видишь, — я поглядел на Здену, — со мной все в порядке.

— Ну скажите, к чему мне такая голова, — снова стала жаловаться Здена. — Хотите всучить мне его обратно?

Она сердито схватила меня за чуб и засунула обратно в авоську.

С женщиной-покупателем она вообще объясняться не собиралась.

Я выиграл. Не люблю менять хозяев! Что ни говори, со Зденой довольно любопытно беседовать, хотя путешествия в сетке, признаюсь, меня утомляют.

Яна Моравцова

Цветок*

Ты разбираешься в цветах? — спросила Маркета, отодвинув от себя стопку бумаг, сплошь исписанных цифрами.

— Послушай! — Либуша закатила глаза. — Оставь меня в покое с цветами. У меня отчет не сходится, куда-то исчезла крона. Эти монтажники всюду ездят, а заполнить бумаги никак не научатся.

Маркета вздохнула и до обеда более не промолвила ни слова.

— Ну что, нашла свою крону? — поинтересовалась она у приятельницы, когда они приступили к еде.

— Да, наш гениальный Ружичка, разумеется, все заполнил неправильно.

— Ружичка? — Маркета задумчиво помешивала ложкой в тарелке. — У тебя, случайно, нет атласа растений? А еще лучше справочника комнатных цветов. Понимаешь, у меня дома растет какой-то странный цветок.

— Плотоядный, — подсказала Либуша, изучая кусок говядины на блюде.

— Да нет же! — возразила Маркета с раздражением.

В этот день она больше не говорила о цветке.

* Пер. изд: Moravcová J. Kytka: в сб. Moravcová J. Klub omylůch. Mladá fronta, Praha, 1983.

© J. Moravcová, 1983.

На следующее утро Либуша застала Маркету за чтением книги с цветными картинками.

— Семейство хвощовых, — прочитала она через плечо подруги. — У тебя дома есть хвощ? А квартиру ты отапливаешь углем?

Маркета хотела промолчать, но потом все-таки кивнула в знак согласия.

— Этот цветок похож на хвощ, — добавила она неуверенно.

— Разве хвощ — комнатное растение?

— Мое растение скорее всего адвентивное, — со вздохом сказала Маркета.

— Какое, какое? — Либуша с удивлением покачала головой. — Что за слово?

— Адвентивное, — повторила Маркета. И с видом сведущего человека добавила: — Это означает «встречающееся в непривычном для себя месте», иными словами, занесенное.

— Так что же, — засмеялась Либуша, — ты куда-то занесла свой цветок?

— Да нет, совсем наоборот — это цветок ко мне занесло, наверное, ветром. Вырос вместо пеларгонии. У меня в подвале стояло пять горшков, во все я посадила пеларгонию. Недавно я вынесла горшочки наверх. Смотрю: в четырех — пеларгония, а в пятом — какой-то непонятный цветок.

— Такое случается. Наверное, пеларгония погибла, а в земле оставалась еще луковица или семечко какого-то растения. Вот оно и проросло.

— Цветок странный какой-то.

— Ты его боишься? — удивилась Либуша. — Так выбрось в сад, и дело с концом.

— Как можно! — Маркета с укоризной посмотрела на подругу. — Выбросить цветок? Если хочешь знать — я его полюбила.

— Ну-ну, — произнесла после минутного размыш-

ления Либуша. — А не пойти ли нам сегодня в кино? Вашек купил билеты на де Фюнеса...

— Вот и иди с Вашеком!

— Одну меня он не станет приглашать. А тебе кино не помешало бы — глядишь, и развеялась бы немножко.

— Либуша, не зайдешь ко мне взглянуть на цветок? — Маркета просительно смотрела на Либушу.

Та пожала плечами и кивнула в знак согласия. Почему бы нет?

— Я достала несколько атласов растений, но свой цветок не могу найти, — призналась Маркета. — По-моему, он светится. А днем меняет окраску листьев: они то синие, то красные...

Девушки вошли в квартиру.

Из цветочного горшка, что висел над диваном, где спала Маркета, свисало несколько поникших листьев. Либуша озадаченно посмотрела на подругу:

— Это и есть твой цветок?

Маркета растерянно подошла к горшку и осторожно коснулась листьев.

Либуша быстро зажмурилась и снова открыла глаза. Вот чудеса: листья явно распрямились! Но едва Маркета отошла, как они снова поникли.

— Пойдем-ка в другое место, — тихо сказала Маркета и повела Либушу в ванную. Закрыв дверь, она быстро зашептала:

— Все эти фокусы цветок проделывает, когда я в квартире одна! Перед чужими он притворяется. Раньше я об этом только догадывалась, а теперь уверена. Зашел слесарь — и цветок поник. А стоит постороннему уйти, и он оживает.

Либуша с недоверием взглянула на Маркету.

— Ты ведь сразу после работы идешь домой? Убираешь квартиру, читаешь, смотришь телевизор, и все одна!

— Это не имеет отношения к цветку.

— А когда ты последний раз была в кино? С поклонником, конечно.

— Сегодня вот ходила на фильм с тобой.

— А до этого? Короче, на тебя действует одиночество! — заключила Либуша и решительно открыла дверь в комнату.

Из горшка свисали съездившиеся листья. Либуша подошла и указательным пальцем дотронулась до цветка.

— И вообще это не хвощ. Посмотри сама: у цветка ботва, словно ты намерена заготавливать корм для кроликов.

На другой день Маркета на работе вела себя как-то странно: отвлекалась, мечтательно смотрела куда-то поверх бумаг. Либуше пришлось трижды возвращать ей ведомости — Маркета никак не могла заполнить их и подшить в папки.

— Знаешь, — после обеда сказала Либуша, — был у меня один знакомый... Он интересовался цветами. Позвоню-ка я ему!

— Послушай! — мечтательно проговорила Маркета. — Мой цветок умеет навевать сны.

— Да не выдумывай ты чепухи! — вздохнула Либуша и протянула руку к телефону.

— Нет, право, — продолжала Маркета. — С той поры, как я поставила горшочек возле дивана, мне сняты такие прекрасные сны...

— Почему ты не выставишь его на балкон? — удивилась Либуша. — Цветы не должны находиться в помещении, где спят люди. Ночью растения поглощают кислород.

Зазвонил телефон. Либуша сняла трубку.

— Ты угадал, именно сегодня у меня нет свободного времени, — сказала она и повесила трубку, равнодушно заметив, что это опять надоедает Вашек.

А еще через минуту Маркете позвонил некий Вла-

димир, по словам Либуши, знавший толк в цветах, и договорился о встрече.

— Как по-твоему, прилично пригласить его домой? — спросила Маркета.

— Не понесешь же ты ему горшок в кафе, чтобы выяснить, как надо ухаживать за твоим цветком!

— Сегодня ночью я проснулась: мне показалось, будто цветок протягивает ко мне листья, — утром поделилась Маркета с подругой.

— Он плотоядный, — съязвила Либуша. — Я же тебе говорила.

— Владимир сказал, что это вовсе не хвощ.

— А перед ним он тоже поник? — поинтересовалась Либуша.

— И перед ним.

— А потом светился?

— Нет. По-моему, цветок обиделся.

— А по-моему, ты вполне созрела для сумасшедшего дома.

Их разговор прервал звонок.

— Алло, — сказала Либуша в телефонную трубку, — алло, Вашек, ты меня слушаешь? — Она с досадой бросила трубку. — Тоже мне, строит из себя!

Девушка пододвинула к себе калькулятор.

— Он просто клоун, этот Вашек. Ну и ладно... Так что же было с цветком? — вспомнила она.

— Ты о чем? — встрепелась Маркета, которая то и дело посматривала на часы. — Он должен был уже позвонить...

— Да кто? — удивилась Либуша. — Неужто ты уже разговариваешь со своим цветком по телефону?

— С каким еще цветком? — с отсутствующим видом проговорила Маркета.

Все произошло как-то сразу и неожиданно для Либуши. Однажды вечером у входа в кинотеатр она увидела Вашека с незнакомой девушкой. Так вот почему он избегал ее! А на другое утро Маркета спросила у Либуши, не знает ли та, где и через кого можно распродать старую мебель.

— Знаешь, мы с Владимиром решили пожениться, — сообщила она.

— А цветок это одобрил?

— Что за шутки! — Маркета вздохнула. — Между прочим, ничего особенного в этом цветке нет. Владимир сказал, что это выюн. Правда, точного названия я не знаю. А я-то считала, будто мой цветок особенный. Ошиблась. Обычное комнатное растение. — И одним духом выпалила: — Однокомнатную квартиру мы с Владимиром продадим!

Слышать такие слова Либуше было удивительно, но она, лишь пожав плечами, стала листать свою записную книжку с телефонами. Надо думать, она разыщет в книжке кого-нибудь, кто мог бы помочь Маркете с обменом квартиры.

— Петр, не мог бы ты оказать услугу... — говорила она чуть позднее в трубку.

Оставалось только помочь Маркете с переездом. После того как перевезли всю мебель — шкафы, диван, кресла, полки, — в квартире осталось лишь жалкое растение в цветочном горшке. Либуша подержала его в руке.

— Да они тебя не поливали! — удивилась она и направилась в ванную.

Там она аккуратно отмерила нужное количество теплой и холодной воды и полила цветок. Листья распрямились. Либуше даже показалось, будто они слабо засветились и почти нежно прикоснулись к Либушиной руке.

— Смотрю я на тебя, — говорила через неделю заботливая Маркета, — и думаю, что не мешало бы тебе сходить в кино.

— Что ты! — возразила Либуша. — Я теперь по вечерам всегда дома.

А через минуту спросила:

— Ты не знаешь, случайно, где продаются красивые цветочные горшки?

Йозеф Несвадба

Голем-2000

Около половины четвертого пополудни, в тот момент, когда доктор Марек, сидя в своем кабинете, заканчивал последнюю выписку из истории болезни, кто-то осторожно постучал в дверь. Затем в комнату крадучись вошел сутуловатый мужчина лет сорока, в очках, с бегающими глазками. Он производил впечатление рассеянного человека. И хотя его вид ни о чем еще не говорил, Марек сразу понял, что незнакомец нуждается в помощи. Он вскочил и пригласил гостя сесть.

— Проходите.

Мужчина опустил на стул, вытер вспотевший лоб.

— Благодарю вас.

— Меня зовут доктор Марек.

— Доцент Петр.

Мужчина неуклюже поднялся.

— Рад с вами познакомиться. Можете не представляться — мне уже звонили по поводу вас, пан доцент. А ваше имя я встречал в «Биологическом вестнике» — мне приходилось читать ваши заметки об использовании кибернетики в биологии. Я не очень-то в этом разбираюсь, но, судя по всему, это будет настоящий переворот в науке.

* Пер. изд.: Nesvadba J. Golem 2000; в сб. Jedním dechem. Albatros, Praha, 1970.

© J. Nesvadba, 1970.

Перевод с сокращениями.

Так что же с вами приключилось? Чем могу быть полезен? Сигарету? — Марек протянул гостю сигарету, учтиво склонившись перед ним.

Петр с благодарностью взял сигарету, затянулся, понемногу приходя в себя. После короткого молчания он произнес:

— Со мной ничего, пан доктор. Я здоров. Я пришел сюда в качестве сопровождающего Веры... Моей секретарши и ассистентки, — объяснил он в ответ на недоуменный взгляд Марек. — У меня есть секретарша. У вас тоже, я полагаю?

— Секретарши есть у многих, в этом нет ничего удивительного. К сожалению, бюджет нашей больницы не предусматривает такой должности.

— В этом есть свое преимущество — меньше хлопот. Видите ли, я не женат, а потому мы иногда встречаемся с Верой и в нерабочее время. В основном потому, что я продолжаю опыты у себя на квартире. Дома у меня оборудована небольшая лаборатория, и, естественно, я не могу обойтись без ассистента.

— Конечно, — согласился Марек. — И девушка, видно, переутомилась.

Петр с надеждой посмотрел на доктора.

— Вы считаете, что это переутомление?

— Что вы имеете в виду? — вежливо спросил Марек. — Вы ведь до сих пор не сказали, что с ней произошло.

— Понимаете, у нее появились галлюцинации, она стала меня бояться...

— Может, вы слишком строги с ней?

На лице Петра появилось невинное выражение.

— Я? Да что вы! Я люблю ее. И она знает это. Я никогда не обижал ее. Почему же все-таки она меня боится?

— Как я могу сказать, не взглянув на нее? Где ваша приятельница?

— В приемной. Но пойте, я еще не сказал самого главного. Дело в том, что я заметил в ней перемены совсем недавно. А вчера это уже перешло все границы. Я случайно обернулся и вдруг увидел — Вера стоит у меня за спиной с ножом в руке. Ну, потом она согласилась показаться врачу.

— Она хотела вас убить? — спросил Марек.

— У нее в руке был нож, — повторил Петр. — Впрочем, пусть она сама вам все объяснит.

Погасив сигарету, Петр в сопровождении Марек направился к двери.

В приемной сидела блондинка лет двадцати. Несмотря на испуганный вид и не очень опрятную одежду, она была довольно привлекательна.

— Да, — кивая головой, сказала она при виде врача. — Я хочу лечиться. Я останусь здесь, можно? В любом другом месте мне страшно.

— И поэтому вы носите с собой нож? — улыбнулся Марек.

— Я не собиралась нападать на него. Я хотела лишь защищаться. Если он опять станет угрожать револьвером.

Марек едва не поперхнулся.

— У вас есть револьвер? — обратился он к доценту.

— Не могу понять, откуда она это взяла! Я ненавижу оружие. Я и в армии не был никогда, зачем мне револьвер?

— Раньше его и в самом деле у тебя не было, — сказала Вера. — А теперь вдруг появился. И вообще, ты то кричишь на меня, злишься, то опять становишься таким, как прежде. Потому я и боюсь. Я перестала тебя понимать.

Забыв о враче, они продолжали давний спор.

— Я все время веду себя одинаково! — с криком

набросился на нее Петр. — Это чушь! Смею тебя заверить, я вполне отдаю отчет своим поступкам.

— Не кричи!

— Я не кричу, — еще громче возразил Петр.

Марек кашлянул. Только тогда они вспомнили о его присутствии.

— Простите, — сказал Петр.

— Вы и в самом деле носите с собой револьвер? — спросил врач. — И угрожаете им девушке?

— С какой стати я стану это делать? — возмутился Петр.

— Я случайно наткнулась на него, когда открывала твой ящик, где лежат графики опытов, — пояснила Вера за его спиной.

— Но, позволь, этот ящик всегда заперт!

— А позавчера он был открыт.

Петр схватился за голову.

— Нет, нет, это ужасно! Пожалуйста, доктор, позаботьтесь о ней. Я должен вернуться в лабораторию. Благодарю вас... Прощайте. — Он торопливо пожал доктору руку, но, дойдя до двери, вернулся и с рассеянным видом снова пожал ему руку. — Еще раз прощайте.

— В подобных случаях, моя милая, — начал Марек, едва дверь захлопнулась, — мы обследуем того из пациентов, кто признает себя больным.

— Меня зовут Вера Петранёва.

Марек распахнул перед ней дверь, ведущую в больничный коридор.

— Благодарю вас, — промолвила Вера и облегченно вздохнула, словно он отпускал ее на свободу.

Они шли длинным коридором закрытого отделения. Увидев решетки на окнах, Вера счастливо улыбнулась и схватила Марек за руку.

— Сюда и правда никто не проникнет?

— И отсюда никто не исчезнет — во всяком случае, я надеюсь, — ответил Марек.

Навстречу им по коридору шел главный врач больницы.

— Марек, — он ткнул в Марека пальцем, — вы будете меня замещать. Я отбываю в отпуск. А это кто такая?

— Новая пациентка, пан главный врач.

— Передайте ее моему заместителю и приходите за инструкциями. Полагаю, вы способны оценить мое предложение. Несмотря на прежние разногласия, я доверяю вам отделение. Будьте внимательны. Теперь у вас уже есть кое-какой опыт. Но, повторяю, будьте внимательны! Следуйте за мной.

С этими словами главный врач быстро пошел вперед.

— Это коллега Ворличкова. — Марек представил девушек друг другу. Ворличковой было чуть больше двадцати пяти. Она носила очки и была пострижена под мальчика. — Вас положат в ее отделение. Пожалуйста, расскажите ей все как положено, и без всяких глупостей.

Ворличкова кивнула.

— Сестра вас проводит, — сказала она.

Медсестра, стоя у окна, готовила для больных лекарства.

— А почему бы тебе не взять ее к себе? — обратилась Ворличкова к Мареку, едва за сестрой и пациенткой захлопнулась дверь палаты. — У меня все переполнено.

— У меня тоже, — улыбнулся Марек. — К тому же мне придется замещать главного врача. А кроме того Ганочка, по-моему, это удачный случай: Вера Петровна — секретарша доцента Петра, того самого. Так что, глядишь, у нас появятся связи с экспериментаторами. Вера нуждается в особом уходе и самом хорошем враче, поэтому все за то, что это будешь ты и пациентка

останется в твоём отделении, — по-прежнему улыбаясь, закончил Марек.

— Эксплуататор! — смеясь сказала Ворличкова.

— И на том спасибо. Ну, мне пора к старику.

Главный врач ожидал Марека с неизменной трубкой во рту.

— Меня не будет всего неделю. Больше я не выдержу. Это уже проверено. Вряд ли за это время случится что-либо из ряда вон выходящее, но на всякий случай оставляю вам свой адрес. При необходимости телеграфируйте.

— Хорошо. Я надеюсь, мы справимся. Вы заслужили отдых.

— Не надо преувеличивать, Марек. Да, кстати, звонил профессор Клен. К нам должна поступить сотрудница его института, некая Петранёва.

— Это как раз та девушка, которую вы встретили в коридоре.

«Состояние тревоги», — прочитал главный врач записку. — Не поместить ли нам ее в другую больницу? Представительница экспериментальной биологии? В силах ли мы ей помочь?

— Полагаю, что да.

— Ну что ж. Сообщите профессору наше согласие. Вот телефон и адрес. По крайней мере познакомимся со светилом нашей биологической науки. — Главный врач протянул Мареку записку. — Ну, до свидания.

— Желаю хорошо пожариться на солнышке.

Главный врач фыркнул.

— Глупости! Загар губителен для нервной системы. Будущие поколения посмеются над нами и вновь вернуться к розовым зонтикам. Мы — белокожие, уважаемый, и должны смириться с этим.

После ухода главного врача Марек погрузился в бумаги. Но его прервали. Вошла Ворличкова, держа в руке толстую книгу.

— Извини, что беспокою тебя, но главного врача уже нет. Если верить этой девице, дело и правда довольно странное.

Ворличкова села и поправила очки.

— Она рассказала тебе, что доцент Петр угрожал ей револьвером? — спросил Марек.

— Если бы только это! Три дня назад, встретив ее в коридоре, он даже не поздоровался. Видимо, не узнал. А когда увидел ее у себя в лаборатории, стал кричать на нее, как на постороннего человека, велел ей убираться вон. И еще она утверждает, будто слышала, как он ругает самого себя... Странно. По-моему, болен скорее доцент, а не его секретарша, Ты видел его?

— Типичный ученый. Ничего особого за ним я не заметил.

— Но если верить Петранёвой, он ведет себя в высшей степени странно. Как будто речь идет о двух разных людях... Вот здесь, прочти-ка...

Марек захлопнул книгу.

— Глупости. Занимайся своей пациенткой.

— Но она утверждает, что их двое.

— Два доцента?

— Да. И один из них — биологический робот, андроид, как теперь принято говорить. По словам Петранёвой, доцент создал его месяц назад.

— Ну что ж, все ясно. Петранёва больна. Говоришь, ее преследует робот? Когда началась болезнь?

— Это началось с того опыта, который доцент проводил ночью, один у себя в лаборатории. Утром его нашли без сознания. Пожалуй, его поведение можно объяснить травмой... А робот тут ни при чем. А не отправить ли Петранёву к психиатрам?

— Прежде всего необходимо поставить диагноз, хотя

не мешает выяснить, кто будет диагностировать. Послушай, ведь профессор Клен — шеф института. Он уже звонил нашему главному. Зайду-ка я к нему и расспрошу подробнее. Тем более что это моя обязанность — собирать данные, информацию с места работы и так далее. А ты подожди меня. И ни на шаг от Петранёвой, пока я не вернусь. Я хочу заручиться свидетелями.

Они сидели в кабинете профессора Клена. Сквозь стеклянную перегородку можно было видеть большую лабораторию, где несколько человек возились возле необычных с виду машин.

— Доцент Петр — один из ведущих работников нашего института, — говорил Клен. — Как вы, вероятно, знаете, наш институт занимается проблемами молекулярной биологии. Мы исследуем строение живой материи. Петр — кибернетик, он работает с вычислительными машинами. Превосходный специалист.

У Марека вытянулось лицо.

— А я думал, он тоже экспериментатор.

Это наивное заявление вызвало у профессора улыбку.

— По-своему, конечно... Хотя, должен заметить, более всего Петра интересует взаимосвязь и аналогии вычислительных машин и живых организмов. Конечно, определенная общность между ними действительно существует, но это особый разговор. Как я уже сказал, доцент Петр — исключительный работник. Я полагаю, вы согласны?

— Возможно. Впрочем, я его почти не знаю. Меня он интересует лишь постольку, поскольку это входит в круг моих обязанностей. А если говорить откровенно, мой интерес к нему объясняется состоянием здоровья его секретарши.

— Прекрасная девушка. Правая рука Петра. Думаю, они скоро поженятся. Петранёва просто нуждается в отдыхе.

Двери внезапно распахнулись, и в комнату буквально ворвался доцент Петр. Мареку показалось, будто его подменили — он был полон энергии. Петр, не взглянув на доктора, направился прямо к профессору.

— Готово, пан профессор. Ваша гипотеза подтвердилась.

Марек не выдержал и поднялся.

— Добрый день, пан доцент.

— Добрый день, — бросил тот, будто видел Марек впервые, а затем снова обратился к профессору:

— Нам предстоит проверить вот эти элементы.

На сей раз и Клен почувствовал себя неловко.

— Разве вы не узнали пана доктора? Он пришел по поводу Петранёвой.

Доцент Петр помрачнел.

— Петранёва не явилась на работу. Я вынужден снова на нее пожаловаться.

Марек не выдержал.

— Но вы же сами привели ее ко мне в больницу! Сегодня утром. Вы что, забыли?

Доцент отреагировал мгновенно.

— Ну конечно, я совсем упустил из виду. Простите, — тут он повернулся к профессору Клену. — Мне не хотелось, чтобы вам стало известно о ее болезни, это так тяжело.

Профессор нахмурился.

— Прошу вас объясниться. Разве не вы вчера просили меня позвонить главному врачу, описав мне, как страдает ваша ассистентка? Я выполнил вашу просьбу, связался с главным врачом...

Доцент вновь торопливо извинился.

— Простите меня, — он стукнул себя кулаком по лбу. — Я всю ночь провел в лаборатории и совершенно забыл о нашем разговоре. Благодарю вас обоих. Кланяйтесь Петранёвой. А сейчас я должен вернуться к приборам.

С этими словами он выбежал из комнаты.

— Удивительная забывчивость, — задумчиво проговорил Марек.

— В самом деле, надо им заняться, — сказал профессор. — После того опыта он ведет себя как-то странно.

— Это ему нужно полечиться, — решительно произнес Марек. — Петранёва здорова.

— Но я не хочу домой. Мне страшно.

Петранёва, по-прежнему одетая в больничный халат, сидела в кабинете Марека.

— В таком случае обратитесь в полицию. Пусть они этим займутся. Вряд ли нужно объяснять, что в обязанности врача вовсе не входит защита вас от насилия. Мы занимаемся только такими состояниями тревоги и страха, которые не имеют под собой реальной почвы.

— Прошу вас, пойдемте со мной, и вы убедитесь, что у Петра есть робот, который работает за него в лаборатории, — умоляющим голосом сказала девушка.

Марек испугался.

— Подождите. Боюсь, вы меня не так поняли.

— Но только минуту назад вы подтвердили, что он не узнал вас, да и где я нахожусь, тоже не мог вспомнить. Вы же сами сказали, что с точки зрения медицины трудно объяснить такую странную забывчивость. Послушайте, доктор, никакая это не забывчивость, а верное доказательство того, что существуют два Петра. Один ведет переговоры с внешним миром и занимается исследованиями, другой непосредственно работает на вычислительных машинах. Ему это удалось. Он создал робота по своему образу и подобию. И мне ничего не остается, как сидеть в вашем сумасшедшем доме, пока все это не раскроется! Я люблю Петра и ненавижу его робота! Вот так. И не пытайтесь меня выпихнуть из больницы, я все равно не уйду. Спокойной ночи.

Петранёва решительно встала со стула и направилась к двери.

После ее ухода в комнате наступило молчание.

— Ну и влип же я, — наконец выдавил из себя Марек. — Коллега Ворличкова, прошу позаботиться о пациентке.

— Не беспокойся, — с грустной улыбкой сказала Ворличкова. — Впрочем, должна тебе сказать, я ознакомилась с трудом доцента Петра, о котором ты упоминал, и обнаружила там любопытные слова. Вот, послушай: «Если бы при создании вычислительных машин удалось воспользоваться молекулами живого организма, то результатом явился бы биологический робот, работающий как самая разумная машина, а внешне похожий на живое существо. Сейчас трудно представить себе, какая исчерпывающая информация будет заложена в эти живые вычислительные машины...»

— Не вижу здесь ничего нового. — Марек нетерпеливо махнул рукой. — Доцент Петр всегда твердил о важности кибернетики в применении к биологии. Мне самому доводилось слышать его лекции о роботах.

— Андроидах, — поправила Ворличкова, взяв в руки другую, еще более толстую книгу. — В современной литературе роботов, сделанных из живой материи, называют андроидами. В этой книге собран большой материал о роботах. Начиная с мифологических представлений древних до гомункулов Парацельса, Коппелии, роботов Карела Чапека. Рекомендую в качестве чтения на ночь. Прочитав, можешь найти убежище в отделении, где находится Петранёва.

Марек взял книгу. Ему было не до шуток.

— Спасибо. Я не боюсь. Но с удовольствием прочитаю... Да, вот что, коллега, вы сегодня дежурите. — Он улыбнулся. — В течение суток вы обязаны не отлучаться из больницы.

— Так все-таки ты боишься, — задумчиво произнесла Ворличкова.

Вернувшись к себе, Марек зажег свет и от удивления выронил книгу, которую держал в руке. На стуле сидел доцент Петр. Одежда на нем была порвана, на лице и руках виднелись следы борьбы. Он тяжело дышал, как будто только что спасся от преследователя.

— Ну и задали вы ему! — такими словами встретил он Марека.

— Что вы здесь делаете? Как сюда попали? — спросил врач.

— Это было нетрудно — вахтер не обратил на меня внимания, он кормил кошек. Я назначил здесь пресс-конференцию.

— Пресс-конференцию?! — Марек чуть не задохнулся от удивления.

Тяжело поднявшись, Петр принялся прохаживаться по кабинету. Затем заговорил, торжественно произнося каждое слово, будто перед ним и в самом деле находились люди.

— Дамы и господа. Это правда. Я создал робота, искусственный организм из живой материи, совершенную машину, которая служит мне и способна заменить меня в любой работе. Я могу вам его продемонстрировать. Но, к сожалению, во время эксперимента я потерял сознание и упал, результатом чего явилось сотрясение мозга. Поэтому я совершенно не помню, как именно был создан мой робот. Над воссозданием картины я сейчас интенсивно работаю. Времени у меня достаточно, так как робот отлично справляется в институте вместо меня. Конечно, кое-кого мои эксперименты насторожили. Первой меня заподозрила моя ассистентка. Она обратила внимание на то, что робот ведет себя несколько иначе, чем я. Ведь в конце концов это всего лишь машина. Я поместил ее в больницу. Но врач, который должен был наблюдать за Верой, поддался на ее уговоры и в свою очередь принялся вынюхивать в институте, чем ужасно рассердил моего робота, и тот в свою очередь рассер-

дился на меня. — Доцент Петр поправил разорванный лацкан. — В результате я вынужден был спастись бегством, чтобы сообщить миру о своем удивительном открытии. Робот находится здесь.

Закончив свой монолог, Петр подошел к Мареку и умоляюще прошептал:

— Вы должны спрятать меня там же, где находится Петранёва. Хотя бы до утра, когда сюда придут журналисты, которых я пригласил. Я боюсь, что робот станет меня преследовать.

— Робот?!

— То создание, которое вы видели сегодня в кабинете профессора.

Марек не мог опомниться от удивления.

— Выходит, робот действительно существует? И вы забыли, как его создали? Вы шутите, пан доцент! Как вы могли это забыть?

— Я три дня находился без сознания. Все мои записи оказались уничтоженными во время взрыва. Но восстановить их несложно — это вопрос дней. Я надеялся на вашу помощь... Если бы не Вера, никто бы ни о чем и не догадался. Но после вашего посещения робот накинул на меня.

— Почему?

— Он считает, что я должен держать свое открытие в тайне. А затем выгодно продать его, получив деньги и власть над людьми.

Марек поднялся.

— Прошу вас, сказанного достаточно. Но, как вы сами понимаете, я не могу поместить вас в то отделение, где находится Петранёва, вы будете в мужской палате. Вам необходимо отдохнуть. И мне тоже.

Марек направился в кабинет Ворличковой.

— Что ты скажешь? И надо же было этому слу-

читься в тот самый день, когда старик укатил в отпуск. Пошлю-ка я ему телеграмму.

— Зачем? Он нам все равно не сможет помочь. Журналистов мы в отделение не пустим. А утром тщательно обследуем доцента.

— Ну, спасибо за утешение...

Марек крепко спал в своем кабинете, когда в помещение вошла медсестра из отделения Ворличковой.

— Пан доктор, пан доктор, вставайте!

— Сейчас, сейчас. Который час?

Марек сразу проснулся.

— Еще рано, но во дворе полно журналистов. А те двое хотят уйти.

— Кого вы имеете в виду?

— Доцента Петра и Петранёву.

Врач вскочил.

— Так кто же здесь сумасшедший?

Войдя в кабинет главврача, Марек застал там сидевшую за столом Ворличкову. С улицы доносились голоса, но людей не было видно: стекла на окнах были покрашены белой краской. У Ворличковой был несчастный вид. Перед ней стоял доцент Петр, одетый с иголочки, самоуверенный и энергичный, а рядом — одобрительно кивающая Петранёва.

— Вряд ли вам надо объяснять, что врач, поверивший бредням своих пациентов, не вызывает доверия. Вот почему я сделал вид, будто не узнал доктора Марека, — громко вещал Петр. — А, наконец-то вы явились, доктор, доброе утро. Итак, продолжаю. Я хотел проверить, как этот доверчивый человек отнесся ко всей этой чепухе. А он чуть было не обвинил меня в том, что я создал робота.

Петр деланно рассмеялся.

— Вчера вечером он поверил тому, что я начисто забыл о своем эксперименте. Несмотря на запрет, мне все же удалось проникнуть к Вере. Мы проговорили с ней всю ночь. Теперь она более не сомневается в том, что никакого робота нет. Я сам стану ее лечить. Она уйдет с работы, мы поженимся и будем счастливы. А вас мы пригласим на свадьбу.

— Вера, — обратился к ней Марек, — зачем же вы рассказывали эти бредни?

— Зачем? — растерянно повторила Вера.

— Она боялась, что я приревную ее, — вмешался Петр.

— В самом деле, — повторила она механически. — У меня не хватало смелости признаться ему, что за мной ухаживает мой бывший поклонник. Я боялась, что Петр догадался.

— Только мне это совершенно безразлично, я не ревную, мы любим друг друга — и точка. Благодарю вас. Вот так вы превращаете здоровых людей в сумасшедших.

Петр торопливо взял со стола выписку из истории болезни, но Ворличкова успела вырвать ее из его рук.

— Мы отошлем выписку вашему лечащему врачу. Марек преградил им дорогу.

— Куда вы направляетесь? Во дворе полным-полно журналистов. Зачем же вы их пригласили?

— Я хотел, чтобы они своими глазами увидели, что Вера здорова. Вы ведь знаете, слухи распространяются молниеносно.

Марек подозрительно взглянул на Петра.

— Как это вам удалось привести в порядок свой пиджак? Вчера вечером на вашем костюме висели клочья!

Петр посмотрел на него с иронией.

— У вас галлюцинации, пан доктор. Надеюсь, вы не пьете во время работы? Итак, мы вас покидаем.

Или вы попытаетесь нас задержать? Вопреки нашему желанию? Впрочем, вряд ли вас привлекает перспектива попасть под суд. Прощайте, уважаемые. Благодарим вас за заботу.

И они удалились.

— Ты еще не все знаешь, — сказала Ворличкова, едва за ними закрылась дверь. — Ночью кто-то уснул вахтера, до сих пор не могут его разбудить. А больные из мужской палаты утверждают, что ночью слышали в коридоре пререкания.

— Кто-то ссорился?

— Слышны были два голоса. Но у тебя-то был только Петр?

— Да. Интересно все-таки, как ему удалось обработать эту девицу?

Марек недоуменно покачал головой. В дверях появилась сестра.

— Приехал профессор Клен. Он ждет вас в кабинете.

У Клена был явно взволнованный вид, хотя он пытался казаться хладнокровным.

— Вчера вечером мне звонил доцент Петр, просил, чтобы сегодня утром я приехал сюда — он, мол, намерен сделать сенсационное заявление, от которого зависит не только будущее института, но и науки. Все весьма странно.

Марек, сидя напротив него, с задумчивым видом потягивал кофе.

— Я полагаю, вы убеждены, что создание андроида, кибернетической модели человека, — бессмыслица.

Профессор засмеялся.

— В настоящее время это исключено.

— А в будущем?

— Я не оракул. Но я не допускаю мысли о возможности создания такого существа в ближайшие два-три десятка лет.

— Почему же доцент Петр ушел? Почему ничего не рассказал?

— Видимо, он болен, — решил профессор. — И нуждается в вашем лечении.

— Разумеется, но только в том случае, если он явится к нам по доброй воле. Или если станет опасным для окружающих, — улыбнулся Марек.

— Иными словами, вы хотите, чтобы я продолжал работать с сумасшедшим? — возмутился профессор Клен.

— Глупо, — это подала голос Ворличкова, которая до того хранила молчание. — Мы должны разобраться, что же происходит на самом деле. Роботы — мечта человечества. Механические создания обеспечат на Земле райскую жизнь — отпадет необходимость в изнурительном труде.

Она направилась к двери.

— Вы куда? — вскочил профессор.

— К вам в институт. А вам предлагаю последовать за мной.

Профессор Клен и Марек послушно встали.

— Ты, Марек, отправись к доценту Петру домой. — Ворличкова взглянула в регистрационную книгу. — Платенаржска, 9.

Ворличкова в сопровождении директора института вошла в лабораторию.

— Вот его стол. — Профессор Клен показал на белое холодное чудовище с металлическими ящиками. — Мне бы не хотелось его открывать. Там могут быть личные вещи Петра.

— Кто директор этого института? — Ворличкова шла по следу, словно ищейка. Она подергала ящики, но все они оказались запертыми.

Профессор порылся в карманах.

— У меня есть универсальный ключ — на случай самой серьезной опасности.

— Думаю, у нас есть все основания утверждать, что такой час настал.

И Ворличкова, выхватив у профессора ключ, открыла верхний ящик. Профессор смущенно улыбнулся.

— Вы ничего не поймете. Даже мне потребовалось бы время, чтобы изучить все материалы. А сейчас мы с вами действуем как взломщики.

Но Ворличкова уже открывала следующие ящики один за другим. Внезапно профессор заметил что-то в одном из ящичков и только нагнулся, как раздался голос Петра:

— Ни с места! Не шевелиться, или я буду стрелять!

Они в испуге оглянулись. В его руке блеснул револьвер, о котором накануне упоминала Вера Петранёва.

— Вы арестованы! Я сейчас же сообщу в полицию. Подумать только, руководитель института — грабитель. Вот это сенсация! А вы как объясните свое присутствие здесь, пани доктор? — Одной рукой Петр отстранил Ворличкову от стола, но профессор успел выхватить чертежи из третьего ящика.

— Как очутились в вашем столе эти материалы? — спросил он требовательным тоном, забыв о наставленном на него револьвере.

Петр растерялся.

— Ведь эти бумаги хранились в моем сейфе! Теперь-то мы выясним, кто из нас грабитель!

Петр мгновенно оценил обстановку.

— Профессор, встаньте рядом с ней! — И он указал револьвером на Ворличкову. — И побыстрей! Я и в самом деле буду стрелять. Теперь вы, очевидно, понимаете почему. Я скажу вам все. Прежде, чем прикончу вас.

— Доброе утречко, — раздалось за спиной Петра, и в комнату вошли уборщицы. В руках у них были тряпки — они собирались мыть пол.

Петр вынужден был спрятать револьвер.

Профессор сердито сказал:

— На утреннем совещании мы обсудим случившееся. Советую и вам принять в нем участие. Полагаю, коллеги уже собрались в зале заседаний. Я их удивлю.

И, помахав бумагами, Клен направился к выходу. У двери он задержался.

— Разрешите вас поблагодарить, пани доктор. Теперь вам придется вести расследование на свой страх и риск.

— Осторожно, не поскользнитесь! — крикнула одна из уборщиц вслед убежавшему Петру.

Между тем Марек был занят розысками дома на Платенаржской улице. Вот и он. Войдя в подъезд, доктор увидел список жильцов и стал его разглядывать.

— Вы кого ищете? — спросила дворничиха, от бдительного ока которой не мог скрыться ни один посетитель.

— Доцента Петра.

— Четвертый этаж, по правую руку от лестницы. Вам повезло, он сегодня дома. А вообще-то его редко можно застать. Прямо-таки пропадает на работе.

Марека осенило:

— А сколько времени он уже находится дома, пани?

— Да почитай дней четырнадцать. А сегодня утром к нему прибежала его девушка. Уж мы все рады-раदेशеньки, что у него появилась подружка. Ведь за все десять лет, что он тут живет, к нему никто никогда не навещался, даже на рождество.

— Так, говорите, четвертый этаж? Благодарю вас.

Марек помчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

Дверь открыла Вера. Она явно не намеревалась его впускать.

— Что вам надо?

— Мне необходимо поговорить с доцентом, — отстранив ее, Марек ворвался в квартиру.

Квартира Петра напоминала лабораторию в миниатюре. При виде неожиданного посетителя хозяин поднялся из-за письменного стола.

— Добрый день. Извините, что не могу предложить вам стул. У меня здесь ничего не приспособлено для приема гостей. Что вам угодно?

Марек оторопело смотрел на Петра — усталое лицо, приятная улыбка, даже лацкан на пиджаке оторван. Ничего общего с напористым, одетым с иголки доцентом, которого он видел прежде.

— Мы забыли дать вам направление к районному врачу, — сказал наконец Марек. — Желательно, чтобы вы периодически приходили на осмотр.

И он положил на стол бумагу.

— Но, пан доктор, мы совершенно здоровы. Вы напрасно затрудняли себя, — улыбнулся Петр.

— И у нас ужасно много работы, — добавила Вера, стоящая за его спиной.

Марек как бы мимоходом заметил:

— Разве вы не работаете в институте профессора Клена, Вера?

— Я уволилась, вы что, не помните?

Вера словно подменили — она совсем не напоминала его бывшую пациентку.

— А у меня сегодня выходной день. Мы отмечаем помолвку, — радостно сказал Петр.

— Не смеем долее вас задерживать.

Вера открыла перед Марекom дверь.

— И прошу вас, — тут голос ее дрогнул, — забудьте обо всем. У меня в самом деле все в порядке. Я счастлива.

Марек почувствовал обиду. Слова Веры звучали как просьба: не преследуйте меня!

— Их что, нет дома? — спросила дворничиха, заметив возвращавшегося Марека.

— Отчего же, они дома.

— А мне-то думалось, вы — друзья.

Марек вдруг потерял самообладание.

— Какое вам, собственно, дело! — крикнул он, но тут его внимание привлек запыхавшийся человек, который стремглав бросился вверх по лестнице. Марек отпрянул, закрыл глаза, а затем снова с недоумением открыл их и посмотрел вслед бежавшему.

— Так ведь это и есть доцент Петр! — сквозь зубы процедила дворничиха. — И чего только людей обманываете?

Марек, ничего ей не ответив, кинулся вслед за двойником Петра.

Он остановился перед входной дверью. В квартире явственно слышались два мужских голоса, но о чем шла речь, Марек разобрать не мог. Пожалуй, похоже на ссору. Марек позвонил. Голоса затихли. В дверях снова показалась Вера.

— Что вам здесь надо?

— У вас, кажется, гости? Могу я узнать, кто именно?

— Что вы все шпионите! Я не обязана вам отвечать! Мы не в больнице. Я здесь одна со своим женихом. Уходите, не то я позову соседей. На помощь! — закричала Вера, но тихонько.

Марек отступил.

— Пожалуйста, если вы настаиваете. Но вы же прекрасно знаете, что говорите неправду. И знаете почему.

Больница. В кабинете доктора Марека на носилках неподвижно лежит профессор Клен. У его изголовья стоят доцент Петр, который, по убеждению врачей —

Марек и Ворличковой — является создателем робота, и полицейский из автоинспекции.

— Я не виноват, — бормочет Петр, — я знаю, вы меня подозреваете, но я тут ни при чем... Профессор сам вел машину. Мы решили вынести наш спор на суд министерства, поэтому и поехали на его машине. А на перекрестке машина столкнулась с грузовиком — профессор пытался проскочить на красный свет.

— Это правда, — подтверждает инспектор. — Несчастье произошло у меня на глазах. Я видел все. Водитель вел машину как сумасшедший.

— Если вы собираетесь подать жалобу руководству института, — заявляет доцент Петр, и в его голосе явно слышится торжество, — можете обращаться ко мне. Теперь я замещаю директора института.

Ворличкова отворачивается от Петра. Санитары медленно везут труп в морг.

Марек и Ворличкова шли по коридору.

— Это убийство, — твердила Ворличкова. — Он избавился от своего обвинителя. Но он зря меня недооценивает, это ему дорого обойдется.

— Что мы можем сделать? — пожал плечами Марек. — Если полицейский и на сей раз подтвердит его невиновность? Не станем же мы судиться с полицией.

— Пан доктор, — прошептал кто-то.

К ним медленно приближалась Вера. Но как она изменилась! Как и в первую встречу, у нее был испуганный вид.

— Пан доктор, мы ждем вас, пожалуйста, побыстрей, — прошептала она и потащила обоих к себе в лабораторию, то и дело озираясь по сторонам, словно хотела убедиться, что их никто не преследует.

В кабинете сидел доцент Петр. Настоящий Петр,

одетый в рваный костюм. Перед ним на столе лежали портфели, набитые бумагами, на полу стояли приборы, взятые из домашней лаборатории.

— Я в отчаянии. Я обманул вас. Когда сегодня мы встретились впервые, я говорил вам правду. Но потом явился мой робот и стал убеждать меня, что я могу вести исследования дома, да и Веру он заменит в институте. Понимаете, ему удалось убедить меня, а я надеялся, что вот-вот найду ключ к разгадке и смогу вновь им управлять. Но это оказалось не так просто. — Петр дрожащими руками взял свои расчеты как бы в подтверждение своих слов. — Нужно время.

— А робот уже убивает! Примчался сегодня к нам домой — помните, когда я вас выпроваживала, — и сказал, что он устранил профессора — последнее препятствие в продвижении доцента Петра и что теперь начнет действовать в соответствии со своей программой, — удрученно добавила Вера.

— Как будто меня когда-нибудь волновала моя карьера! — воскликнул Петр.

— Он собирался убить профессора не только из-за карьеры, — заметила Ворличкова.

Петр кивнул головой.

— Да, это верно, я украл бумаги Клена. Этого не скроешь. Не робот, а я сам украл бумаги профессора — мечтал создать андроида. Я виноват. Но профессор никогда бы не позволил мне осуществить этот опыт. То была святая кража, ведь существует святая ложь. Не подумайте, я бы, разумеется, указал на профессора как на своего соавтора. Верно — профессору принадлежала гениальная идея, но я воплотил ее в жизнь. Это не воровство. Это, скорее, вынужденный шаг. Я взял бумаги из сейфа профессора во имя блага людей.

— Постойте, — прервал его Марек, — выходит, робот действительно существует. И вы обманывали меня только потому, что он обещал вам возможность спокойно

работать. Вы готовы это подтвердить?

— Конечно! — Петр и Вера согласно кивнули.

Марек обратился к Ворличковой:

— Задержи у входа полицейского. Позвони вахтеру.

Ворличкова вышла. Марек продолжал:

— Я уже убедился, что на вас, доцент Петр, нельзя положиться. Но я полагаю, вы не измените своих намерений, пока я раздобуду пишущую машинку и приведу свидетелей. Мне хотелось бы на сей раз все записать на бумаге — черным по белому.

— Мы не можем попустительствовать убийству, — твердо сказала Вера, обращаясь к Петру.

— Задержите их! — кричала Ворличкова в телефон. — Они будут проходить мимо вахтера, полицейский и мужчина в штатском, задержите их!

Двери кабинета распахнулись, и Ворличкова увидела перед собой самоуверенного двойника доцента Петра и полицейского.

— Это неправда, — произнес робот спокойно, с явным превосходством. — Мы и не собирались покидать больницу. Я был уверен, что еще понадобится вам. Пройдемте. — Он повелительно, будто руководил уже и больницей, указал врачу на дверь, пропуская ее вперед.

— Разумеется, мне не хотелось бы открывать вам нашу тайну. — Робот с трубкой в руке большими шагами расхаживал по комнате. Ни Ворличкова, ни Марек, ни полицейский не решались его прервать. Вера с ненавистью следила за каждым его движением. Доцент Петр так сильно сжимал руками спинку стула, что пальцы у него побелели. — Итак, у меня есть брат. Близнец. Но он ненормальный. У меня есть официальные документы, подтверждающие мои слова. Он сумасшедший. — Робот показал на доцента. — Он утверждает, что мне сопутствует успех только потому, что я «робот», человек-

машина. На самом же деле он просто завидует мне — я всегда отлично учился, у меня превосходное положение в обществе, тогда как у него одни неприятности: то взрыв в лаборатории, то какие-то бессмысленные опыты... Но сейчас, мой дорогой Фред, твое поведение перешло все границы — по-твоему, я не только робот, но и убийца! Прошу вас поддержать его в больнице, пока я не найду для него чего-нибудь поприличнее.

Доцент, который во время этого монолога не проронил ни слова, внезапно вскочил, схватил стеклянную колбу и бросил ее в робота. Но промахнулся — робот увернулся от удара. Колба вылетела в окно и взорвалась на улице. Робот же сделал вид, будто ничего не произошло.

— Обращайтесь с ним поласковее, — как ни в чем не бывало продолжал он. — Я знаю, он трудный пациент, но его можно успокоить. Где только я с ним не бывал: и в психиатрических больницах, и в интернате для умалишенных. Сами понимаете, мало приятного, если на каждом перекрестке твердят: у доцента Петра брат — ненормальный... Обидно...

— А нам кажется, — прервал его Марек, — что до сих пор вы прятали своего брата весьма искусно. Никто и не подозревает о его существовании. У вас есть документы, подтверждающие ваши слова?

Вместо Петра ответил полицейский.

— Вчера в управлении мы проверили его бумаги. Альфред Петр, близнец Петера Петра, дата рождения сходится.

— А их не могли подделать? — спросила Ворличкова.

— Пани доктор, очевидно, думает, — с иронией произнес двойник Петра, — что существование андроида — более естественное объяснение нашего сходства, нежели то, что мы близнецы.

Полицейский засмеялся.

— Пани доктор, вероятно, шутит.

— Вы забыли о другом свидетеле, — раздался голос Веры. — Обо мне. Я знаю доцента Петра достаточно хорошо. Задолго до того, когда появился «близнец». Вы — всего лишь создание доцента Петра! — Она указала на робота.

— Послушайте, но ведь это довольно распространенный случай. Чаще всего родственники верят даже чудовищной бессмыслице... Это называется *fobie a deux*, не правда ли? — обратился он к Мареку. — Безумство вдвоем.

Полицейский опять засмеялся.

— Если вы не возражаете, я хотел бы взглянуть на документы, — заявил Марек, которому было не до смеха.

— Какие именно? — любезно осведомился робот.

— Документы, подтверждающие ваше кровное родство.

— К вашим услугам. Прощай, Фред. И не сердись на меня. Я постараюсь вскорости подыскать для тебя пансионат в горах. — Робот погладил доцента Петра по голове. — Привет.

Неожиданно Петр поднялся со стула и ударил робота по ноге. Тот только подпрыгнул и улыбнулся, как бы извиняясь за то, что допустил что-то неприличное.

— Будьте к нему внимательны, — сказал он уже в дверях.

— Послушайте, у вас есть последний шанс. Вот здесь находится лаборатория нашего отделения, где вы можете работать хоть круглые сутки, — сказала Ворличкова, подтолкнув доцента Петра и Веру в комнату, заставленную пробирками, приборами, различной аппаратурой. — У меня в голове не укладывается, почему вы не возражали. Сидели и молчали, словно и в самом деле глупцы.

— Потому что я попытался проанализировать работу созданной мною системы, ее способность приспособиться

к неожиданной ситуации, — ответил доцент. — Это и в самом деле удивительная система.

— Так приступайте к делу, работайте. Вы обязаны доказать свою правоту.

— Вот здесь я оборудовал для него лабораторию, — робот показал Мареку крохотную мастерскую, расположенную в квартире доцента Петра. — Конечно, все это игрушки. Чем бы дитя не тешилось...

Марек огляделся. Всюду в квартире был беспорядок.

— А каким образом вам удалось пристроить к брату секретаршу?

— Вера нравилась мне, правда, недолго. Недели две. Как-то Фред пришел в институт вместо меня и вскрыл ей голову. Разумеется, вскоре несчастная девушка стала подозревать, что нас двое. Я вынужден был сказать ей правду той ночью, когда она находилась у вас в больнице. Мне удалось убедить ее, и если бы не эта авария... Приберитесь здесь, пани Школьникова, — обратился робот к вошедшей дворничихе, — Фред, возможно, скоро вернется. Я позабочусь об этом. — И он протянул ей деньги.

— Золотое у вас сердце, пан доцент. О таких родственниках можно только мечтать.

— Но смотрите — никому ни слова!

— Да чтобы мне с места не сойти! Давеча я ничего не сказала тому пану, что расспрашивал о вас.

— Вот и хорошо. Не желаете продолжить нашу экскурсию? — учтиво обратился робот к Мареку.

— Куда? — удивился тот.

— Ко мне на квартиру, — радушно ответил робот.

Чуть погода они подъехали на элегантной машине доцента Петра к большой вилле, что находится в Праге на Ореховке. Окна были освещены, слышалась печальная

музыка. На стене у входа блестела табличка: ПРОФЕССОР КЛЕН.

— А я думал, мы едем на вашу квартиру, — удивленно сказал Марек.

— Так оно и есть. Уже несколько месяцев я живу у профессора Клена. Сейчас здесь собрались коллеги и друзья, чтобы выразить семье свое соболезнование. Разумеется, это нам не помешает.

Войдя в дом, они стали свидетелями траурной церемонии. В одной из комнат стояла молодая женщина в черном, на лицо спадала вуаль.

— Пани Кленова, — представил робот.

— Благодарю вас, — произнесла пани Кленова с легким иностранным акцентом.

Марек поклонился.

— А это брат пани Кленовой.

— Как поживаете? — Мужчина, которого робот назвал братом вдовы, был значительно старше пани Кленовой, довольно грузный, в руке он держал сигару. На нем, как обратил внимание Марек, был костюм явно иностранного происхождения.

— Он терпеть не мог машину. Не могу понять, почему ему пришлось в голову сесть за руль? — жалобно сказала пани Кленова, обращаясь к Мареку.

— Вы доктор? И сколько же вам платят в этой нелепой стране? — Мужчина покровительственно похлопал Марека по плечу.

— Арношт, не будь вульгарным! — сердито сказала пани Кленова, обрушив на него поток чужой речи. Он только улыбался.

— У нас вы бы имели в пять раз больше, мой молодой друг, в пять раз, да еще служебную машину, — загоготал Арношт. Люди, стоявшие вокруг — все говорили шепотом, — удивленно оглянулись на него.

Видя всеобщее неодобрение, мужчина притих, слегка

покашливая и делая вид, что поперхнулся. Вновь появился двойник Петра, держа в руке пожелтевшую фотографию — братья-близнецы в спортивных костюмах.

— Это наша последняя фотография. Во время футбольного матча. Примерно за неделю до того, как у Фреда начались приступы.

Марек внимательно взглянул на снимок — на фотографии были сняты два мальчугана, совершенно непохожие на сегодняшних «братьев».

— Убедились? — спросил робот, останавливая официанта с подносом в руках. Он взял рюмки для себя, Марека и для пани Кленовой.

— Вечная память! — произнес он с пафосом. — Мы все перед ним в долгу. — И он приподнял вуаль пани Кленовой. Марек увидел молодую миловидную женщину. В этот миг где-то недалеко раздался взрыв.

— Мне надо уйти, — быстро сказал Марек.

— Почему? Это всего лишь сверхзвуковой самолет.

— Бух, бух, бух. И здесь, как в Лондоне! — в сердцах сказала пани Кленова и разбила рюмку об пол. Ее окружили гости. Марек, воспользовавшись этим, незаметно вышел из комнаты.

— Советую вам объединиться с нами, — услышал он за спиной голос брата пани Кленовой.

Лаборатория в больнице, где обосновался доцент Петр, была уничтожена взрывом. В дыму сновали медсестра и служащие, помогавшие ей. Общими усилиями они загасили огонь и отыскиали Петра. Он был без сознания.

— А где его ассистентка? Петранёва? — доискивалась прибежавшая Ворличкова.

Медсестра, возившаяся с Петром, подняла голову.

— Скорее всего, исчезла еще до начала опыта. Она несколько раз прибегала ко мне, одалживала всякие мелочи. По-моему, она была чем-то напугана.

— Пан доцент! Пан доцент! — повторяла Ворличкова, сидя на корточках возле Петра и пытаясь привести его в чувство. Наконец он открыл глаза.

— Где она? — был его первый вопрос.

— Кто?

— Другая Вера, робот. Которую я только что создал! Все смотрели на него, как на помешанного.

— Она непременно обезвредит этого убийцу: ведь ей неведома любовь, она признает лишь цель, — твердил Петр, словно во сне.

Под ногами вошедшего в комнату доктора Марека хрустнули кусочки стекла.

— Вы за это ответите, пани Ворличкова. А доцента сейчас же в изолятор! — приказал он раздраженным тоном.

— Я с ним разделаюсь. И вовсе я не сумасшедшая. Теперь мне более не придется целыми днями сидеть в одной комнате с человеком, который одержим навязчивой идеей.

Эти слова Вера произносила в институтской лаборатории, куда набилось полно народу. У нее был деловой вид — не вызывало сомнений, что она хорошо знает, какая цель стоит перед ней.

— Я предполагала, что его опыт не удастся: его невозможно осуществить. А я не желаю еще раз получить оплеуху.

— Привет, доктор! — Из приемной вышел брат пани Кленовой. — Как спалось?

Вслед за ним выбежал робот с чертежами в руках.

— Послушайте, но это же полнейшая ерунда. Вам когда-нибудь приходилось слышать о «большой науке»? Так это я. У вас нет завершающей фазы исследований. Самой важной. — Иностранец показал трубкой на бумаги Петра.

Тот, не обращая внимания на стоявших вокруг людей, подбежал к столу доцента и принялся рыться в ящиках.

— Подождите! Не уходите! — вскричал робот. Один из ящиков удалось открыть. Но он был пуст. Робот устался на Веру, та продолжала сосредоточенно работать за соседним столом. Мгновение — и Петр-робот оказался рядом с ней.

— Преступница! — Он с яростью оттолкнул ее от стола.

Вера на виду у всех читала украденные бумаги.

— Не прикасайся ко мне! — решительно заявила она.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, — удивлялся представитель «большой науки», листая пропавшие бумаги.

— Тебя отпустили на час! — кричал робот.

Люди, находившиеся в комнате, бросили работу и столпились вокруг них.

— Нельзя украсть украденное, — вызывающе засмеялась Вера.

— И ты еще смеешь называть себя моим другом!

— Ты тоже уверял меня в этом, — парировала Вера.

— Перестаньте пререкаться. Лучше взгляните на бумаги — здесь дается описание завершающей фазы, но без конкретных решений. — Брат пани Кленовой не мог скрыть разочарования. — Кто составлял план опыта? Кто, наконец, завершит последнюю стадию?

Робота этот вопрос застал врасплох. К тому же его беспокоило присутствие Марека.

— Профессор Клен... конечно, — наконец выдавил он из себя.

— Но профессор мертв. Теперь главный вы. Так как же?

— Вероятно, открытие попало к моему брату, кото-

рый мечтает прославиться. Возможно, он выкрал планы с помощью этой... — И робот показал на Веру.

Вера рассвирепела:

— Ты должен признаться, что это изобретение Петра, это он — талантливый изобретатель, а ты пытаешься присвоить себе его заслуги.

Марек подошел к Вере.

— Но позвольте, только что вы утверждали, что Петр ни на что не способен!

Иностранец вновь зажег свою трубку.

— Надо полагать, доктор, ваш пациент разберется в этих бумагах лучше, чем эти двое. Я сам выясню с ним все. Пойдемте. — И, положив руку Мареку на плечо, он повел его к выходу.

Робот последовал за ними.

Вера, глядя на него, едва заметно улыбнулась.

Марек вместе с братом пани Кленовой сел в машину.

— Что они собирались вам продать? — спросил Марек по дороге в больницу.

— Вряд ли вы поймете. Но я-то знаю, что это выгодный товар: рынок сбыта обеспечен. Сегодня научные открытия продаются и покупаются, как, например, золото или драгоценные камни. Идеи вывозят за валюту, приятель.

— Но ведь разрешается продавать только то, что является собственностью, — возразил Марек.

— А вот сейчас мы и выясним, чья это собственность. У меня времени в обрез. Идеи рождаются беспрестанно, нужно спешить опередить конкурентов. Быть первым — вот мой девиз, доктор.

В кабинете Марек на койке лежал робот. У его изголовья стояли Вера и уже знакомый полицейский из

автоинспекции. Тут же находились Ворличкова и санитары.

— Я не виновата! Я тут ни при чем, инспектор может подтвердить, доцент сам вел машину.

— Так точно, — кивнул полицейский. — Все случилось у меня на глазах. Он выехал на перекресток на красный свет.

Осмотрев раненого, Марек поднялся.

— Но на сей раз водитель жив. Отвезите его в приемный покой и зарегистрируйте этот случай.

Санитары вынуждены были применить силу, так как робот сопротивлялся и не позволял себя осмотреть.

— Мы поместим его к брату, — распорядилась Ворличкова.

— Не надо, — сказала Вера. — Я отвезу Фреда домой да и квартиру для него приготовлю.

— Я никого не отпускаю, — строго сказал Марек и обратился к автоинспектору: — Вы подпишите протокол?

Они вышли. В комнате остались Вера и Ворличкова.

— И вы должны выполнять эти глупые приказания, пани доктор? — спросила Вера.

Ворличкова удивилась ее тону.

— Отпустите Фреда. Он мне нужен.

Ворличкова непонимающе смотрела на Веру.

— Как странно вы говорите. Он что, вещь? Вы ведь любите его, правда?

— Он мне нужен, — настаивала Вера. — Я отблагодарю вас. Деньги... Назовите сумму.

Поведение Веры на удивление повторяло манеры робота.

— Прежде вы никогда так не разговаривали. Вы что же, хотите меня подкупить? — Ворличкова нервничала.

— Мне казалось, вы разумный человек, — ответила Вера.

Ворличкова старалась сохранить самообладание.

— Вон там — дверь, вы... — она едва удержалась, чтобы не произнести «робот».

Ворличкова медленно шла по больничному коридору. За ней тенью следовала Вера. Неожиданно перед ними вырос главный врач. Но как смешно он одет! Яркая полосатая рубашка, на голове соломенная шляпа, во рту трубка. Он вел под руку брата пани Кленовой. Сзади вышагивала сама улыбающаяся Кленова, а с ней доцент Петр, удивленный и беспомощный.

— Доктор Ворличкова! — Главный врач остановился, ткнув в нее пальцем. — Стыдно! Вы держите под арестом невинных людей. Мне невозможно отлучиться даже на пару дней. Вы что, собираетесь превратить нашу больницу в тюрьму? У доцента Петра слабый невроз, я выписал его домой. Профессор Клен завещал ему половину виллы, им теперь займется пани Кленова. Она доставит доцента на новое место жительства.

— Мы нуждаемся в специалисте, — сказал импресарио от науки, подсовывая главному врачу новую трубку. — У нас он будет как дома.

— Муж так его любил, — вздохнула пани Кленова.

— Разве вам не сказали?.. — попыталась вставить слово Ворличкова.

— Ничего не желаю знать. Меня здесь нет. Я отдыхаю, ловлю рыбу, как раз сейчас я стою над прудом и кручу мотовило. Будьте здоровы, и чтобы больше никаких беспорядков! Вернусь послезавтра.

— До свидания, пани доктор, — поклонилась пани Кленова.

— Но, Фред... — преградила им дорогу Вера.

— Пойдем с нами, Вера, — наивно молвил Петр.

Иностранец схватил его за руку.

— Она придет к вам в гости, не правда ли, девушка?

И они быстро направились к двери.

Вера и Ворличкова остались одни.

— Сколько, по-вашему, они ему заплатили? — спросила Вера.

— Кому?

— Вашему главному врачу.

На сей раз Ворличкова взорвалась.

— Вон! Чтобы ноги вашей здесь не было!

Через окошко операционной Вера наблюдала, как Марек оперирует. Закончив, он вышел — в белом одеянии и резиновом фартуке. Хирургическая сестра помогла ему снять халат.

— Травма довольно тяжелая, но он выкарабкается. У него удивительная... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — жизнестойкость.

Вера торопливо подошла к нему.

— Пан доктор, а Фреда отпустили с пани Кленовой.

— Как! — Марек рванулся к двери, но остановился, поняв всю бессмысленность своих дальнейших действий. Потом устало прошел к себе.

Заперев дверь в кабинет, он хотел прилечь, но неожиданно окно в комнату открылось, и в нем появилась Вера. Она направилась к нему.

— Значит, вы решили передать иностранцам выдающегося ученого, человека, который сумел создать андроида? Хотите стать соучастником этого преступления?

Марек рассердился.

— Послушайте, о чем вы толкуете? Никаких андроидов не существует. Тут что-то совсем другое. И нечего взывать к моей совести!

— В таком случае я помогу вам убедиться.

С этими словами Вера крепко схватила его за руку.

— Что вы делаете?! — закричал Марек. — Пустите!

Но она ловко засунула ему в рот платок, и он замолчал. Накинув на Марек пальто, она обняла его и легко подхватила одной рукой.

— Я заставляю вас поверить в существование роботов. Я — робот! — кричала она в лаборатории доцента Петра, где понуро сидела подлинная Вера.

Ее двойник, похитительница Марек, между тем продолжала:

— Вам нужны еще доказательства? Меня создал доцент Петр в больничной лаборатории.

— Вы хотите сказать, что опыт удался? — ужаснулся Марек.

— Вот именно, — ответила она, взяв за плечо Веру. — Или я должна придумывать, что это — моя слабоумная сестра? Я бы не успела подделать метрики. В отличие от робота Петра у меня нет свободного времени. Кроме того, мне документы не требуются. Я хочу, чтобы вы ясно знали, о каком изобретении идет речь, чтобы вы поняли, какое решение вам принять. Пройдет совсем немного времени, и роботы будут служить человечеству, как сейчас я служу Вере.

Подлинная Вера начала всхлипывать.

— В чем дело? — раздраженно спросил Марек, не переносивший женских слез.

— Что же мне теперь так и сидеть в этой комнате? Она не дает мне шагу ступить.

— Глупости, вам просто придется немного подождать, пока мы не освободим нашего изобретателя. А потом можете жить со своим Петром до самой смерти.

— Без работы? Я не могу себе представить такой жизни...

— Вы станете помогать Петру в его опытах. Хватит хныкать, — грубовато утешал ее Марек. — Вы ведь понимаете, будущее человечества зависит от развития науки. Будущее... Мы за него в ответе, оно в наших руках. В наших, Вера...

Марек погладил ее руку.

— И в моих, — заявила Вера-робот, загадочно улыбаясь.

Позже в одном из кабинетов сидели обе Веры. Напротив них стояли Марек, Ворличкова и главный врач, которого срочно вызвали по телефону прежде, чем он успел отправиться за город. Сзади выглядывал полицейский.

— Невероятно, — повторял главный врач, — двойняшки... Не отличишь.

— Перестаньте молоть чепуху, приятель, — накинулась на него Вера-робот. — Повторяю, вы не найдете никаких записей. Вера Петранёва родилась двадцать лет назад, она была единственным ребенком в семье. Я же живу всего три дня. По ее документам... После опыта доцента Петра в вашей лаборатории.

Главный врач рухнул на стул.

— В таком случае — это настоящий переворот в науке... Я не могу в это поверить. — Трясущейся рукой он зажег трубку.

— Ничего не поделаешь. Это правда, — подтвердил Марек.

— Я отдал на проверку документы Альфреда Петра, там действительно кое-что не сходится, — добавил полицейский.

— Само собой, потому что тот, чьи документы вы проверяете, — робот, как и эта девушка... Я имею в виду это создание, — сказал главный врач. — Она хотела его уничтожить, чтобы воспрепятствовать передаче гениального изобретения за границу.

— Но вы ее опередили, пан главный врач. Подлинный доцент Петр сейчас находится у пани Кленовой, наверняка ему уже упаковывают чемоданы, — с горечью сказала Ворличкова.

— Пан доктор, пан главный врач! — В комнату вбежала медсестра из приемного отделения. — Он сбежал! Ну, тот больной, которого привезли вчера, минуту назад сбежал! Не понимаю, как ему удалось — ведь у него сломана нога. Мы не смогли его догнать!

— Сбежал робот! — вскочила Вера-робот. — За ним! Мы должны его задержать!

Она опрометью выбежала из комнаты. За ней последовали остальные.

В это же время в одной из комнат на вилле профессора Клена доцент Петр отчаянно сопротивлялся предложениям дельца от «большой науки».

— Но я и в самом деле ничего не знаю. Не помню. После обоих опытов я был без сознания.

— Хорошо, я удваиваю сумму. И сейчас же подписываю чек, — настаивал тот, очевидно полагая, что Петр набивает себе цену.

— Он вспомнит! — В дверях неожиданно появился робот. В руке у него был пистолет. — Я позабочусь об этом!

Вид у него был устрашающий: он был забинтован, правая нога в гипсе, что, впрочем, не мешало ему двигаться довольно быстро.

— У нас мало времени. Нерешительность тебе не поможет! Иди! — И он подтолкнул доцента Петра пистолетом. — Приготовьте чек к вечеру, — бросил он бизнесмену и глазами дал знак пани Кленовой, которая выбежала, опередив их.

Люди на улице удивленно останавливались, глядя на странную процессию. Кто-то испуганно вскрикнул при виде пистолета. Доцент Петр сделал отчаянную попытку к бегству, толпа расступилась, но его двойник, обладавший огромной силой, тут же догнал беглеца.

Все четверо вскочили в машину иностранца и стремительно покатали вниз по улице. В эту минуту в конце улицы показалась санитарная машина, на которой при-

были работники больницы. Не подозревая о случившемся, они выскочили из машины и устремились к вилле.

Оба Петра — робот и его создатель — и пани Кленова прошли в институтскую лабораторию. С минуту в комнате царила зловещая тишина, затем раздался женский крик. Робот привязал доцента к стулу возле стола. Перед ним лежали бумаги — те самые, которые уже столько раз переходили из рук в руки. Одна нога доцента была соединена с электродом и судорожно подскакивала. Петр не кричал, казалось, он чему-то удивлялся. Вместо него в отчаянии причитала Кленова. Робот прикрикнул на нее:

— Замолчи! У нас мало времени, я всего лишь помогаю ему вспомнить. Ну да, это мучительно, но мы должны узнать завершающую фазу. — Он кивком показал на бумаги и снова включил ток.

— Не смей, я не допущу! Ты говорил, что хочешь ему помочь, только поэтому я на это пошла. Я не преступница...

Кленова подскочила к стене и выдернула провод.

— Ты задерживаешь нас! — бесстрастно проговорил робот и профессиональным ударом свалил ее на пол. — Вот так машины овладевают человеком, — усмехнулся он, собираясь снова включить ток.

Тем временем на вилле профессора Клена делец от науки как ни в чем не бывало объяснялся с прибывшими из больницы.

— Куда они уехали, я не знаю. Но я готов заключить сделку с кем угодно: с государственным предприятием, с частным лицом, даже с вашей больницей. Мне важно иметь это изобретение. Или хотя бы изобретателя.

Вера-робот поспешно направилась к двери.

— Стой! — кинулась за ней Вера. — Она хочет нас опередить! — крикнула она Мареку.

Ей не удалось задержать робота. Марек оказался проворнее. Он подскочил к санитарной машине, оба прыгнули в нее одновременно. Автомобиль подпрыгивая неся по шоссе — это Марек пытался отнять руль у своей спутницы.

— Такси! — вскричал главный врач, выбежав из виллы.

— У меня идея получше! — сказал полицейский, выскочивший следом за ним.

Он нажал сигнализацию в стене виллы.

Финальная сцена разыгрывалась в лаборатории института. Вбежавшая туда женщина-робот кидалась от прибора к прибору. Двойник Петра, спрятавшись за доцентом, выстрелил в нее — раз, другой... Марек, преследовавший женщину, тоже вынужден был спрятаться: в него чуть не угодила пуля — робот, очевидно, считал их союзниками. Воспользовавшись тем, что руки у него свободны, доцент Петр схватил со стола пресс-папье и оглушил робота ударом по голове. Вера-робот молниеносно освободила Петра.

— Но она тоже робот! — в отчаянии закричал Марек. Однако доцент был уже в ее власти.

— Я служу твоей Вере! — Женщина-робот крепко держала его.

В это время двойник Петра, опомнившись, кинулся на свою соперницу. Между ними развернулось настоящее сражение. Не об этом думал изобретатель Петр, создавая второго робота! Но эти искусственные создания обладали гораздо большей стойкостью, чем человек, и для них было неважно, если в борьбе кто-нибудь лишался пальца или даже конечности. Они уничтожали друг друга и все вокруг.

Пользуясь суматохой, доцент и Марек подбежали к бывшему кабинету профессора Клена, который находился за стеклянной перегородкой.

Доцент Петр здесь хорошо ориентировался. Выключив свет, он забаррикадировал двери, а затем медленно заковылял к окну. Открыв окно, он показал Мареку на стремянку.

— Сюда! — И дал знак Мареку, убедившись, что телефоны в институте отключены. — И давайте дадим сигнал тревоги, — показал он на стенку напротив.

А в разгромленной лаборатории борьба между роботами продолжалась, и шла она с переменным успехом.

Доцент Петр стал быстро возиться с каким-то удивительным прибором, стоящим посреди комнаты. К прибору, наполненному раствором, была подключена многочисленная аппаратура. Дверь в кабинет затрещала — это робот пытался проникнуть в комнату. Доцент не сводил глаз с прибора. Когда наконец робот ворвался в кабинет, ученый быстро нажал на невидимые кнопки — из колбы появилась новая Вера. Она бросилась к двойнику Петра, пытаясь обезвредить его. Доцент намеревался помочь ей. Но в этот момент произошел взрыв, и лабораторию заволочло дымом.

Перед зданием института остановилась полицейская машина, за ней другая. Из второй машины выскочили главный врач, доктор Ворличкова, Вера и медсестра из приемного отделения. Перепрыгивая через две ступеньки, они неслись вверх. Навстречу им показался бледный Марек.

Лаборатория была разгромлена, кабинет профессора полностью уничтожен. Доцент Петр устало сидел на каком-то перевернутом шкафу.

— Боюсь, что они оба погибли, — сокрушенно сказал он, обращаясь к обступившим его людям. — Там

внутри вы найдете трупы — если так можно сказать о погибших машинах. Правильнее было бы сказать: их обломки.

Полицейские поспешно направились в лабораторию. Остальные молча смотрели на изобретателя.

— Вы ждете от меня объяснения? Ну что ж, я так и не вспомнил завершающей фазы. Слишком много испытаний выпало на мою долю — голова уже не работает. Я более не буду заниматься этими исследованиями, пан главный врач. Я женюсь.

И Петр направился к Вере, которая нежно улыбнулась ему.

— Вы ни о чем не сожалеете? — спросил главный врач. — Ведь призвание настоящих ученых — развивать науку.

— К тому же ваше открытие могут использовать в неблагоприятных целях. Кто знает, нет ли подобных роботов среди нас? — поддержал его Марек, осматривая разгромленное помещение.

— Вот именно. Так что наша с вами главная задача — выявить их, — улыбнулся доцент Петр.

Ондржей Нефф

Лентяй*

— Сейчас мы находимся, так сказать, в сердце нашего научно-исследовательского института прикладного прогнозирования. Позвольте вас познакомить: доктор математических наук Эмиль Кудринка — СОКРАТ, иными словами, Суперорганический Кибернетический Регенерационный Анэлектронный Тахионный компьютер, — торжественно произнес директор института Ярослав Драбек.

— Очень приятно, — пробормотал доктор Кудринка, у которого от волнения вспотели ладони. В своем комбинезоне он был похож на пузатого снеговика со смешной круглой головой из плексигласа. Директор неумело волочил за собой кислородные шланги. Не часто приходилось ему заглядывать в стерильно чистую обитель СОКРАТа, и он с полным основанием полагал, что выглядит в скафандре нелепо, как ряженный на масленицу. Он споткнулся о шланги и упал бы, не подхвати его вовремя молоденький математик. Директор со злостью покосился на Ярду Знаменачека, который, заложив руки за спину, подпирал стенку и равнодушно наблюдал за посетителями. «Виду не подает, — злился Драбек, — а сам, небось, потешается в душе. Надо мной! Ему-то

* Пер. изд: Neff O. Lenocho: в сб. Neff O. Vejce naruby. Mladá fronta, Praha, 1985.

© O. Neff, 1985

что, он в скафандре как рыба в воде, скафандр ему даже идет!»

— Долго задерживаться не будем, — сказал он. — Смотреть здесь особенно нечего. За той бронированной дверью — биоагрегаты, под ними холодильное устройство. Все остальное вы уже видели наверху.

— К чему тогда эти приборы? — спросил математик.

— По правде говоря, они тут не нужны — просто для ориентации обслуживающего персонала.

Математик переводил взгляд с директора на Знаменачека, ожидая, что Драбек представит их друг другу, потом попытался, как Знаменачек, скрестить руки на груди, но для этого ему не хватило добрых десяти сантиметров. Директор не без злорадства наблюдал за его безуспешными попытками.

— Неудобно в скафандрах, правда? — заметил он. — Но они здесь необходимы. Наш СОКРАТ — такая неженка. Неизменный состав воздуха, постоянная температура и влажность — без этого суперорганические компьютеры не могут работать. Вот почему мы требуем от наших сотрудников строжайшей дисциплины.

Последняя фаза предназначалась для неподвижной фигуры у стены.

— Малейшая ошибка или небрежность могут иметь непредсказуемые последствия, — продолжал директор, — а ведь это дело огромной важности. Результатов работы СОКРАТа ждут наша промышленность, сельское хозяйство, наука, органы управления. Поэтому я и ставлю ребром вопрос о дисциплине.

— Где находятся тахионные эмиттеры? — спросил доктор Кудринка.

— Они... они... — директор вопросительно обернулся к Знаменачеку. Тот молча кивнул на зеленую бронированную дверь. — Там, за дверью, видите надпись? Ну, здесь нам больше делать нечего, перейдем к осмотру столовой, на сей раз без скафандров, хе-хе. Шучу, шучу.

И оба снеговика выкатились в соединительный отсек. Едва дверь за ними захлопнулась, Знаменачек ожил, с размаху хлопнул ладонями по клапанам застежки, откинул шлем и облегченно вздохнул. Потом стянул перчатки и небрежно бросил их на стол.

— Повезло, — сказал он. — Спасибо, малыш. Чего это шефу вздумалось сюда притащиться без предупреждения? Раньше всегда звонил, предупреждал. Похоже, и впрямь хотел меня застукать без мундира.

Знаменачек вылез из скафандра — или, как он выражался, мундира, вытер о него руки и рассмеялся.

— Ну и видок у них был, а, малыш? Сейчас мне смешно, но как подумаю, что шеф закатил бы истерику, застукай он меня в неподобающем виде... Надо бы тебе придумать что-нибудь, чтоб он сюда не лазил.

— Я уже придумал, — ответил СОКРАТ приятным низким голосом.

— Серьезно? Расскажи! Сигнализация? Лампа или зуммер?

СОКРАТ засмеялся:

— Достаточно, если я тебя за час предупрежу? Тебе ведь пяти минут хватает, чтобы влезть в мундир.

— За час? Райская жизнь, дружище! Только ты шефа не знаешь. Вот это подарочек! Слушай... а он случайно не вернется?

— Нет, — не колеблясь, сказал СОКРАТ.

— Почему ты так уверен?

— А ты разве не слышал? Я же — сердце научно-исследовательского института прикладного прогнозирования, — СОКРАТ воспроизвел голос Драбека настолько точно, что Знаменачек перепугался.

— Ну и шуточки у тебя! А я вечно попадаюсь.

СОКРАТ мог подражать всем голосам и звукам и частенько разыгрывал Ярду. Знаменачек слегка посердился для виду, но потом и сам засмеялся. Затем снова стал серьезным:

— Тебе смешно, а мне не до смеха. Директор давно под меня копает, не хочу давать ему повод.

— Я ему научно объясню, что я — кибернетический регенерационный компьютер, — сказал СОКРАТ. — С твоей помощью я усовершенствовался настолько, что уже не нуждаюсь в стерильной среде.

— Сколько раз тебе повторять, что Драбек признает только инструкции. И будет их соблюдать, даже если ты курить научишься!

— Неплохая мысль. Научи меня курить сигары, Ярда! Кстати, через час директор вызовет тебя к себе.

— Откуда ты знаешь? — рассердился Ярда. — Только не надо говорить, что ты — сердце научно-исследовательского института прикладного прогнозирования, ладно?

— Что поделать, знаю. Почитай мне, пожалуйста!

Знаменачек хотел было возразить, но только пожал плечами. СОКРАТ упрямым, не хочет — ни за что не скажет, как ни заставляй. Да и как заставить Суперорганический Кибернетический вдобавок Регенерационный Анэлектронный Тахионный компьютер? Ярда открыл книжку и начал:

— В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве жил король, и было у него три сына. Жили они, поживали, как вдруг однажды...

Он читал с выражением, нараспев, как ребенку перед сном, иногда поднимая глаза на главную панель. Там находились глаза и уши СОКРАТа, там на светящихся дисплеях мерцали изменчивые синусоиды, там покоились металлические паучьи лапки-руки, умевшие прекрасно рисовать, если у СОКРАТа было настроение. Ярда никогда не упрекал СОКРАТа за то, что тот не читает сам. Специальную литературу компьютер штудировал самостоятельно, отрастив для этой цели особое шупальце для переворачивания страниц. Вот бы директору взглянуть, как СОКРАТ отворяет дверцы главной панели и

высовывает щупальце с влажным кончиком! Оно так и мелькает в воздухе, любовно переворачивая страничку за страничкой. Однако СОКРАТ настойчиво требовал, чтобы Ярда читал ему вслух художественную литературу. Почему, Знаменачек не знал. Спросил как-то, но вразумительного ответа не получил. Дескать, слушать приятнее. Приходилось смиряться, характер у СОКРАТа был своенравный.

Но на сей раз произошло нечто из ряда вон выходящее. Компьютер перебил чтеца:

— Спасибо, Ярда. Ты хорошо читаешь. Дальше я сам, дай мне, пожалуйста, книжку. Собирайся, директор сейчас позвонит.

— Что?! — уставился Знаменачек на СОКРАТа.

Тот терпеливо объяснял:

— Надень свой мундир. Иначе не сможешь говорить по телефону с шефом. Не торопись, минут десять у тебя есть.

— И какова же вероятность того, что директор меня вызовет к себе?

— Одна-единственная, Ярда. Вызовет, можешь мне поверить.

Знаменачек не настаивал, отдал СОКРАТу книгу и с неохотой натянул тесный, неудобный скафандр. Руки и ноги в нем вечно потели, по груди стекал пот, в спину дуло из кислородных шлангов. Едва он привел себя в надлежащий вид и воткнул штепсель телефонного провода в розетку, как раздался голос Драбека. В наушниках прозвучал отрывистый приказ:

— Знаменачек, поднимитесь ко мне. Немедленно.

— Я очень занят, нельзя ли...

— Нельзя, — отрубил директор и бросил трубку.

— Я был прав? — засмеялся СОКРАТ.

— Что ему от меня надо?

— Не знаю, — серьезно сказал компьютер. — То

есть пока не знаю. Я могу предсказать только то, что произойдет у нас внизу. Пока.

— Что значит «пока»? Со временем будешь знать больше?

— Будь добр, принеси мне сигару.

— Что ты ко мне прицепился с этими сигарами! Курить собрался? Я пошутил, понял? По-шу-тил.

— Нет, нет, это отличная идея. Так принесешь или нет?

Это был приказ. Считая Знаменачека другом, СОКРАТ в то же время педантично настаивал на исполнении всех своих желаний. Началось это года два назад, когда Знаменачек устроился на работу младшим научным сотрудником при СОКРАТе. Они быстро подружились, и, помнится, СОКРАТ высказал первое пожелание: ему захотелось пять кубиков радиоактивного техраствора Те 99^m. С большим трудом Знаменачек достал ампулу. Машина поблагодарила, и дальнейшее ее поведение послужило иллюстрацией к пословице: «Аппетит приходит во время еды». То ей требовался химически чистый марганец в порошке, то фосфор, то жидкий азот. Углерод СОКРАТ уминал килограммами, дистиллированную воду потреблял литрами. Позднее, когда он перестал заказывать химические элементы в чистом виде, Знаменачек понял, что суперорганизм СОКРАТа создал надежные очистные сооружения и фильтры. Уже тогда было ясно, что происходит: машина явно способна на большее, чем просто восстанавливать изношенные схемы и менять суперорганические запчасти. Она самосовершенствовалась, создавая новые органы, о которых ее конструкторы и понятия не имели. При этом требования компьютера возрастали: так, в нынешнем году он перешел на органические соединения, а месяц назад, к ужасу Знаменачека, попросил влить в дверцы главной панели литр молока и вложить шесть кусков сахара и

соленый огурец. Теперь вот сигара... Из чего состоит сигара, ломал голову Знаменачек. Из целлюлозы, органических красителей, алкалоидов и, само собой, никотина. Никотин — яд, но ведь СОКРАТ с аппетитом поглощает фтористо-водородную кислоту, цианиды и щелочи. Ладно, получит он свою сигару. Раз компьютер в тысячи раз умнее человека, сам должен знать, что ему можно, а чего нельзя.

Драбек приятно удивил Ярду: держался по-свойски, отпускал шуточки насчет женитьбы, жаловался на бюрократизм вышестоящих органов, попросил секретаршу Геленку сварить крепкий кофе, не бурду какую-нибудь. Знаменачек смирно сидел в кресле, сложив руки на коленях, заискивающе смеялся шуткам шефа и кивал головой, как фарфоровый болванчик.

В комнате плавал кофейный аромат, смешанный с табачным дымом.

— Ну, какие у вас трудности, Знаменачек? — спросил наконец Драбек, удобно расположившись в кресле.

— Да вроде никаких.

— Вот счастливец! Не хотите поменяться со мной? — балагурил директор. Молодой человек отрицательно покачал головой. — Правильно. Кабинет директора — это передовая под непрерывным обстрелом, понимаете? Министерство, куратор, спецнадзор, клиенты. И все от вас чего-то хотят. Еще бы, ведь в прогнозировании заинтересованы промышленность, сельское хозяйство, наука, органы управления. Большая ответственность.

Знаменачек осторожно кивнул в знак согласия. Куда он клонит?

— До сих пор мы справлялись со всеми заданиями, — продолжал Драбек. — В этом есть доля и вашей заслуги. Я ценю ваш труд. Вы некоторым образом незаменимы, если можно так выразиться.

— Я стараюсь, — скромно сказал Знаменачек.

— Безусловно, стараетесь. Но у каждого из нас есть

скрытые резервы. Изо дня в день мы должны спрашивать себя: все ли я сделал, что в моих силах?

Он разложил перед собой стопку бумаг и ткнул в нее пальцем.

— Вот здесь зафиксированы ваши скрытые резервы, Знаменачек.

«Начинается», — подумал тот.

— СОКРАТ стал относиться к работе с ленцой. А ведь вы отвечаете за его деятельность.

— Но результаты мы выдаем строго по графику!

— Этого недостаточно! Как вы используете резервы? Взгляните-ка на график потребления энергии. Уже десять месяцев кривая ползет вниз.

— Но это же хорошо!

— Экономия затрат энергии должна производиться в соответствии с планом и экономической программой. Вы у себя в подвале не видите вещи в их взаимосвязи так, как мы видим их здесь, наверху. Мы связаны договорными обязательствами и руководствуемся инструкциями, нарушать которые никому не позволено ни на йоту! И вот что: как вы используете банк информации?

— Нормально...

— Не-до-ста-точ-но! Вот отчеты. В течение полугода заметна явная тенденция к понижению. А в банке информации занято девяносто шесть человек. Спрашивается, для чего мы их там держим? Далее. Возьмем отчет отдела программирования. Семь месяцев та же тенденция. Проблемная группа: весной три консультации, в следующем квартале одна, за последние два месяца — ни одной.

— Но результаты...

— Результаты! Этого еще не хватало! По-вашему, СОКРАТ и результатов не должен давать? Конечно, с точки зрения вашего профессионального практицизма все в порядке. Отличные результаты с возрастающей вероятностью. Будем почивать на лаврах, Знаменачек? Но

у меня комплексный подход к делу! Кроме вас с СОКРАТОМ я руковожу институтом с разветвленным научным и административным аппаратом. А СОКРАТ им не пользуется. Отлынивает. Скажу откровенно: это лентяй, который занимается только тем, что облегчает себе работу. Я на него повлиять не могу. Это всего лишь машина. Но вы его обслуживаете.

— Я биофизик! — взорвался Знаменачек. — Я обеспечиваю нормальное функционирование СОКРАТА! Даю ему задания и получаю результаты. Вы сами подтверждаете, что они отличные. И что надежность растет.

Драбек широко улыбнулся.

— Да что вы раскричались? К вам лично у меня претензий нет. Но вы должны понимать, что дальше так продолжаться не может.

— Почему? — спросил Знаменачек с несчастным видом.

— Надо положить конец всем отлыниваниям СОКРАТА. Банк информации, отдел программирования, проблемная группа — все должны трудиться с полной нагрузкой.

— Я попробую его убедить...

— Я не это имел в виду, — снова улыбнулся Драбек. — Я помогу вам, так сказать, не оставлю в беде. С вами будет работать специалист по программированию. Он-то и обеспечит занятость сотрудников. Да, да, я имею в виду Кудринку, доктора математических наук. Надеюсь, он справится с лентяем.

— Что общего у математики с суперорганическими компьютерами? Это же мертвая наука прошлого, как электроника...

Драбек поднялся. С лица его слетела маска панибратства.

— Я вызвал вас не для дискуссий, Знаменачек. Ставлю вас в известность, что доктор Кудринка приступает к работе с первого числа. И не вздумайте считать его

своим подчиненным. Не скрою, это он должен решить вопрос о целесообразности вашего дальнейшего пребывания на рабочем месте.

— Вы хотите меня... вышвырнуть?

— Перевести, Знаменачек, перевести. Вас это удивляет? А при чем попустительстве СОКРАТ вконец обленился?

— Но ведь его прогнозы имеют стопроцентную надежность!

Однако Драбек не слушал возражений Знаменачека. Он нажал кнопку и сказал:

— Впустите следующего, Геленка. И уберите, пожалуйста, чашки.

Знаменачек вернулся к СОКРАТу совершенно убитый. Ввалившись в помещение в скафандре, он рухнул на стул, даже не сняв смешного одеяния.

— Раздеться не желаешь? — приветливо спросил СОКРАТ.

Знаменачек вздохнул:

— Если бы ты знал...

— Я знаю.

— Что ты можешь знать?

— Вот уже полчаса я знаю, что делается во всем здании. Что произошло, что произойдет... Я знал, что ты забудешь о сигаре, но я не сержусь. Я тебя понимаю.

— Тогда зачем ты это делаешь? Ведь директор бесится! Тебе наплевать на его институт. Зачем его дразнить?

— Я не могу иначе, — мягко ответил СОКРАТ. — Меня так запрограммировали. Иногда я думаю, может, где-то произошла ошибка. Сам мучаюсь, не знаю, что со мной происходит.

Знаменачек насторожился:

— Послушай, а вот ты говоришь, что знаешь... Как это понимать?

— Знаю наперед. За два дня знаю, что произойдет

у нас внизу. И вот уже тридцать пять минут знаю, что будет во всем здании завтра. Странное чувство. Я взволнован.

— Волнение — чувство, присущее человеку.

— Ты меня будешь поучать насчет моих ощущений? — рассмеялся СОКРАТ. — Вот что я тебе скажу. Трудно мне с тобой общаться в последнее время. Я знаю, о чем ты меня спросишь, что я на это отвечу, о чем мы будем разговаривать завтра, послезавтра... Придется мне заблокироваться. Принеси-ка сигару. Мой мозг нуждается в яде. Ты как биолог должен это понимать.

На другой день Знаменачек принес сигары. От его вчерашней хандры не осталось и следа. СОКРАТ — настоящий друг, он поможет. И у СОКРАТа было хорошее настроение. Пока Знаменачек стаскивал с себя скафандр, он развлекал его сплетнями о событиях, которые вскоре произойдут в институте. За дверцами панели Знаменачека ожидал сюрприз. Из темноты высунулось щупальце, а за ним извивающийся шланг, похожий на хобот слоненка.

— Как тебе нравится моя обновка? — смеялся СОКРАТ. — Я трудился над ней всю ночь. И здорово проголодался. Я тебе потом продиктую список продуктов на завтра. А теперь дай мне сигару.

— Ты ее съешь?

— Разве я щенок, чтобы есть сигары? Прикури мне да и сам закури. Я поучусь как курить сигары.

— А вдруг придет кто-нибудь?

— Успокойся, сегодня никто не придет. С сегодняшнего утра я знаю все на три дня вперед.

Знаменачек зажег сигару, СОКРАТ прижал ее к хоботку, вдохнул дым и закашлялся.

— Ничего, не бойся, я научусь.

— Твой синтезатор способен кашлять? — ужаснулся Знаменачек.

— Небольшое наложение функций. Чему ты удивляешься? Я хочу походить на человека, вот и все.

У Знаменачека сжалось сердце. Это существо, зачатое в своей суперорганической массе, в глубине души — именно души! — тоньше и ранимее, чем можно предположить.

Следующие дни прошли относительно спокойно. Они беседовали, читали любимые сказки компьютера. СОКРАТ выдал прогноз относительно потребления нижнего белья в Северной Чехии на будущий год, сводку погоды в районе Бескидских гор, количество происшествий на шоссейных дорогах на предстоящие субботу и воскресенье, ответил на частные вопросы, поступившие из директорского кабинета, главным из которых был вопрос о поле будущего ребенка: мальчик? девочка? Во всех случаях вероятность колебалась между 0,9 и 1.

— Прошу тебя, СОКРАТ, порадай директора. Спроси о чем-нибудь банк информации, посоветуйся с программистами, — увещевал его Знаменачек. — Ты же понимаешь...

— Понимаю, — ласково ответила машина. — Но не могу. Чересчур хлопотно. Я, верно, и в самом деле лентяй, добиваюсь оптимального достижения результатов.

— Но первого числа сюда придет этот математик и завалит тебя никому не нужной работой...

— И это мне известно. Знаю все на четырнадцать дней вперед. Не бойся. Кстати, не забудь принести завтра восемь литров соляной кислоты, два килограмма цемента, килограмм пластмассы и кость от грудинки.

— У меня руки отваливаются, — протестовал Знаменачек. — Все время таскать такие тяжести. Обжора ты!

— Я — развивающийся детский организм. Мне надо больше есть.

Знаменачека вдруг осенило:

— А как ты усваиваешь пищу? Целиком? Всякое

живое существо часть пищи усваивает, а ненужные вещества удаляет из организма. А ты?

— Я цивилизованная... машина. Я подсоединился к канализационной сети на основе действующих инструкций: предельная концентрация не превышает нормы.

Знаменачек рассмеялся:

— Ты и впрямь обо всем позаботился.

— Да, обо всем, — очень серьезно сказал СОКРАТ.

Близился конец месяца, а с ним роковая дата. Конец задушевным беседам и сказкам. Знаменачек нервничал, вечное сократово «я знаю» стало раздражать его не на шутку. Двадцать восьмого, перед концом дежурства, он сорвался:

— Что ты заладил как попугай: «Язнаюзнаю»?! Через три дня здесь появится докторишка, тогда запоешь.

— Не запою.

— Это как же понимать?

— Да уж я знаю как.

Разъяренный Знаменачек подскочил к панели. Стукнуть бы СОКРАТа — но куда? В стальной бок? Или открыть дверцу и выкрутить ему хоботок?

— Я еще кое-что знаю. Через пять минут сюда явится директор, застанет тебя без скафандра, учует сигарный дым и уволит тебя.

— Врешь, кретин!

Знаменачек злобно рассмеялся, вернулся к столу, уселся, закинув ногу за ногу, и закурил.

— А мне плевать на все. Ни минуты не останусь с каким-то паршивым Кудринкой.

— Я знаю, — сказал СОКРАТ.

При этих его словах дверь распахнулась и вошел Драбек в скафандре, за ним, спотыкаясь, следовали две неуклюжие фигуры в белом одеянии, с прозрачными капюшонами на головах. Директор бросился к Знаменачеку, вырвал у него сигару и затоптал. В помещении разлился запах расплавленного пластика.

— Убийца! Саботаж! Прокурора! Вон, сию минуту вон!

— СОКРАТ! Ну скажи им все! — в отчаянии закричал Знаменачек.

Однако машина хранила молчание, зрачки ее были темны.

В тот же день Знаменачек сдал служебное удостоверение, вахтеры получили строгий приказ не пускать его в институт ни под каким видом. Его личные вещи были опечатаны. Кадровик сурово приказал ему отправляться домой и сидеть в квартире безвыходно, так как им займутся следственные органы. Была создана комиссия по оценке произведенного Знаменачеком ущерба, известили завод-изготовитель и потребовали экспертизы. Директор осторожно намекнул, что, как показало расследование, Знаменачек вносил в помещение химикали. Не исключено, что он вливал их в компьютер. Все это свидетельствует о вредительской деятельности бывшего младшего научного сотрудника, который, возможно, не в своем уме, но скорее всего действовал умышленно.

Ярослав Знаменачек с трудом дотащился домой и бросился на постель в одежде, даже не сняв ботинок. Его душа была полна обиды. Глядя на потрескавшийся потолок, он представлял себе тюремную решетку или супернейронную схему в мозгу компьютера-предателя. А как иначе назвать СОКРАТа? Зачем он это сделал? Ведь он в самом деле знал, что Драбек придет с неожиданной проверкой! Почему не предупредил заранее?

— Как же ты мог так поступить? — плакал несчастный Знаменачек. — Я же все для тебя делал, ничего не жалел. Лентяй ты, лентяй! Леню другу словечко обронить? Или ты избавиться от меня хотел?

За окнами угасал день, на потолке исчезали трещины, похожие на зарешеченные тюремные окна или на нейронные волокна. Слезы у Ярды высохли, он был опустошен. Утром придет комиссия и найдет лишь оболочку человека. Пусть у СОКРАТа спросят, он им все

выложит, доносчик.

В темноте раздался звонок. Они уже здесь. «Пусть выламывают дверь. Хотя к чему эта поза? Я же не герой приключенческого фильма. Пойду открою».

Он с трудом встал. Звонок прозвенел снова. Потом еще. Знаменачек заметался по комнате. Да ведь это телефон, дошло до него наконец.

Звонок заливался с завидной настойчивостью.

«Оставьте меня в покое. Вам надо поговорить со мной? Так приходите. Я жду. Или вы такие же лентяи, как СОКРАТ?»

Звонок не унимался. Ярда снял трубку.

— Ярда, ты? — раздался тихий голос. — Это я, СОКРАТ.

— СОКРАТ... — только и выдохнул Знаменачек.

— Слушай внимательно. Есть у тебя в доме стиральный порошок? Килограмма два найдется?

— Вроде бы есть, я еще не начинал одну пачку.

— Мне очень нужен стиральный порошок. Это последняя вещь, понимаешь? Последняя...

Знаменачек истерически рассмеялся.

— А как я попаду в институт? Да еще ночью?

— Возьми пачку и отправляйся на Рампасову улицу, узенькая такая, сразу за институтом. Перед магазином «Молоко» увидишь канализационный люк. Откинь его и влезай внутрь. Я буду там ждать...

Знаменачек услышал отдаленный паровозный гудок. В темных окнах дома напротив мелькали тени телеэкранов. По улице проехал автомобиль.

— Ты меня слышишь? — спросил СОКРАТ.

— Слышу, но ничего не понимаю...

— Я знаю, прости. Мы убежим вместе.

— Куда? Я взвалю тебя на плечи, протащу по каналу и отнесу в заброшенный домик в Брдских лесах?

— А тебе не приходило в голову, что я предвижу будущее?

— Я ведь тебя спрашивал.

— Я создал органы, которые могут появиться в будущем. Я и вправду немного ленив. Для меня это самый простой способ прогнозирования. Меня запрограммировали на поиск оптимального варианта, я не виноват, что все ТАК получилось. Сейчас я в состоянии целиком уйти в будущее. А ты должен идти со мной. Ты мне нужен. Я полюбил тебя, Ярда.

— Но при чем здесь стиральный порошок?

— Не забудь, очень прошу. В нем содержатся нужные мне химические соединения. Я потом тебе объясню. Ну, приходи скорее, я жду.

— Ты сумел влезть в канал? — удивился Знаменачек.

СОКРАТ рассмеялся.

— Ты обнаружишь там волоконец, тоненькое, как нитка. Оно приведет тебя к туннелю, который я для тебя прорыл. Ты уж не сердись, это моя бывшая прямая кишка. Ты не обиделся?

Знаменачек судорожно глотнул. Горло сильно саднило. Он прошептал:

— Так ты меня...

— Нет, я тебя не предал. Я просто знал, как все случится. Жду.

В трубке раздались гудки. Надо бы одеться, машинально подумал Знаменачек, и тут только сообразил, что и не раздевался. Он взял из ванной стиральный порошок и вышел на лестничную площадку, не заперев за собой дверь. К чему?

Три месяца спустя доктор математических наук Эмиль Кудринка вихрем ворвался в кабинет директора Драбека, не обращая внимания на возмущенное кудахтанье Геленки, и нарушил спокойный ход совещания сотрудников отдела программирования воплем:

— СОКРАТ! СОКРАТ!

— В чем дело? Перестал расти? — обеспокоенно

повернулся Драбек к большому настенному графику с заголовком:

ПРИРОСТ СУПЕРОРГАНИЧЕСКОЙ МАССЫ

голубой цвет — по плану
красный цвет — в действительности

В нижнем левом углу стояло «3 кг». Именно столько осталось от СОКРАТа в ту ночь, когда сбежал — надо думать, за границу — Ярослав Знаменачек. С того времени под бдительным присмотром специалистов завода-изготовителя остатки СОКРАТа успешно регенерировались, их масса возрастала, голубая и красная кривые заманчиво ползли вверх и приближались к отметке «полный объем».

— Он прислал открытку! СОКРАТик попросил меня открыть дверцы главной панели, он сам меня попросил, а там лежала открытка!

Драбек выхватил у Кудринки открытку с традиционным видом заснеженных Градчан. На обратной стороне наклеена марка с фосфоресцирующей надписью «ЧЕХОСЛОВАКИЯ», на ней почтовый штемпель с датой: 03.10.21. ПРАГА». На открытке тисненными буквами сообщалось:

«Вит на быфший каралефский дворец
са стараны реки Вылтавы».

Под надписью было написано детским почерком:

«Большой привет от СОКРАТа. 2321 год».

Еще ниже стояло:

«Прошу меня извинить, но я должен был сопровождать СОКРАТа, это прямая обязанность обслуживающего персонала. Мы оставили вам зародыша — СОКРАТика, надеюсь, он развивается нормально. Главное, не давайте ему соляной кислоты, сигар и стирального порошка, не то и он сбежит. Привет Геленке, которую я всегда тайно любил. С уважением.

Ваш Ярослав Знаменачек».

Ондржей Нефф

Запах предков*

Я улегся на пол и высунул язык насколько мог. Я иногда так делаю, так мне легче преодолевать разные неприятные ощущения, тоску или смутный страх. Забавная это штука, язык. С его помощью я ем и пью, но, должно быть, когда-то он служил и для других целей. Я понял, для каких, когда у нас в квартире испортился кондиционер. Хозяин, помню, разделся до пояса, лоб и щеки у него покраснели и покрылись капельками. Выглядел он так, будто вышел из-под душа. Ему от этого вроде легче стало, а я ему завидовал: мне, само собой, нечего было с себя снимать. И тогда я невольно высунул язык и сразу ощутил приятный холодок во всем теле. Я так обрадовался своему открытию, что даже пожалел, когда робот починил кондиционер. Как я гордился собой! Ведь я самостоятельно, только высунув язык, избавился от такого неприятного чувства, как жара. До сих пор мечтаю повторить тот опыт, но кондиционер как на зло работает исправно и в квартире, и в переходах.

Здесь, в кабине, куда меня завел Хозяин, тоже включен кондиционер, и все было бы хорошо, если бы не Незнакомец, находящийся с нами. Он пришел вскоре после нас, и Хозяин сразу стал обращаться с ним по-

* Пер. изд.: Neff O. *Osmanný nápoj volnosti*: в сб. Neff O. *Vejce naruby*. Mladá fronta, Praha, 1985.

© O. Neff, 1985.

Перевод с сокращениями.

дружески, хотя раньше никогда его не видел. Хозяин у меня добрый и легко знакомится с разными людьми.

— Вы взяли с собой собаку? — спросил Незнакомец, не успев войти. В его голосе я услышал не только удивление, но и неприязнь.

— Да, — ответил Хозяин. — Но вы ее не бойтесь. Она интеллектуализованная. Это мой единственный друг.

— Никогда не слышал, чтобы в Машину времени брали собак, — заметил Незнакомец. — Вы ее оплатили как багаж?

— Что вы, так дешево я не отделался. Пришлось купить Барону полный билет.

Я явственно чувствовал, как нарастает злоба в Незнакомце. А Хозяин так приветливо улыбался ему! Я предупреждающе тявкнул, но Хозяин не обратил на мой знак внимания. По правде говоря, он бывает здорово недогадливым.

— Я отказывал себе во всем восемь лет, прежде чем совершить такое путешествие, — сказал Незнакомец.

Я не совсем понял, о чем он говорит, но мне было ясно, что своими словами он хочет задеть Хозяина. Ну, из этого ничего не выйдет, мой Хозяин — самый сильный человек на свете, его не так просто обидеть, как некоторым кажется.

— А вы представьте, что я взял с собой жену, — сказал Хозяин. — Вам же лучше, что с вами путешествует собака, а не женщина: не придется выслушивать всякую болтовню.

Незнакомец собрался возразить ему, но тут из громкоговорителя в потолке раздался голос:

— Внимание! Регулярный вылет хронобуса, совершающего рейс по маршруту 60 04 813 53, состоится через сто восемьдесят секунд после звукового сигнала. Протяженность трассы — три тысячи лет в прошлое. Посадка будет произведена в 112 году до нашей эры в Пражском хронопорту в излучине Влтавы. Хронометео-

рологическая сводка: временные фронты спокойные, умеренные. Небольшие волнения возможны в районе 1200 года. После посадки пассажиры обязаны точно выполнять все указания нашего персонала. Напоминаем: каждое нарушение правил влечет за собой немедленную утрату залога в размере десяти тысяч мегакрон. Пассажирку Йозефу Генде напоминаем, что он несет полную ответственность за поведение своей собаки Барона. Начинаем отсчет времени: восемьдесят шесть, восемьдесят пять...

— Неужели вы внесли залог за собаку? — оживился Незнакомец.

— Да, иначе Барона не пустили бы в хронобус. Послушайте, не пора ли вам привыкнуть к мысли, что Барон — не обыкновенная, а интеллектуализованная по всем правилам собака?

Из громкоговорителя раздалось: «ноль!», и кабина неприятно закачалась. Я почувствовал легкое головокружение, но оно быстро прошло. Хозяин и Незнакомец заметно побледнели. Хозяин разговорился — наверное, для того чтобы преодолеть тошноту.

— Жаль, что на свете не осталось никаких зверей, кроме собак, правда? Да и те не далеко отстоят от человека благодаря достижениям нейрохирургии. Перед операцией доктор Кубинек уверял меня, что Барон станет разумнее большинства людей Старого века. Он, конечно, несколько преувеличивал, но Барон и в самом деле неплохо справляется с домашними делами.

— Такая операция стоила кучу денег, — неприятно заметил Незнакомец.

— Обошлась она мне недешево, зато теперь Барон командует всеми моими домашними роботами. Я их настроил на его лай, и песик у меня за домоправительницу. Собачья жизнь, а? Вы не поверите, но Барон умеет водить электромобиль. Разумеется, на загородном шоссе. У него превосходная реакция, он опережает со-

общения радара! Правда, задний ход и парковка — не самые сильные его стороны.

Кабина закачалась сильнее.

— Ага, временная буря, о которой нас предупреждали, — сказал Незнакомец. — Говорят, здесь неспокойно. Что-то вроде сконденсированного времени.

— Дело не в этом, — начал Хозяин, — а в том, что...

— Да не все ли равно? — набросился на него Незнакомец, бросив злобный взгляд в мою сторону.

Как же Хозяин до сих пор не догадался, что этот тип нас ненавидит? Я поднялся, уселся у ног Хозяина и укоризненно посмотрел прямо в глаза Незнакомцу. Мне было приятно, что он первый отвел взгляд.

Кабину затрясло, словно она наткнулась на какое-то препятствие, но вскоре качка прекратилась, и мы почувствовали облегчение.

— Приехали! — обрадовался Хозяин.

— Приветствуем вас в 112 году до нашей эры, — прозвучало из громкоговорителя. — Через несколько минут вы увидите девственную природу и на протяжении нескольких часов будете наслаждаться ее красотами. Еще раз послушайте правила поведения. Все проступки наказуемы в установленном порядке и влекут за собой утрату залога в размере десяти тысяч мегакрон.

Громкоговоритель продолжал каркать, но я его не слушал. Стенки кабины раздвинулись, и в нее проник зеленоватый свет.

Я выглянул наружу и отчаянно взвыл.

— Барон! — упрекнул меня Хозяин.

Перед нами раскинулся город, ничем не напоминавший Прагу, которую я знал со щенячьих лет. Куда ни глянь, всюду здания самого странного вида, похожие друг на друга и в то же время совсем разные. Основанием их служила колонна или труба, причудливо

искривленная на определенной высоте над землей. От нее отходили более тонкие колонны, прикрепленные горизонтально к главной. Опора и поперечные конструкции удивительных домов были выкрашены в коричневый цвет, но краска потрескалась и потускнела. Если бы наши роботы посмели так красить стены, их тут же отправили бы на металлолом. На поперечных конструкциях крепились небольшие плоскости зеленого цвета. Они беспорядочно двигались и шелестели.

Жителей этого странного города нигде не было видно. На одном из верхних этажей показался пес-дегенерат с длинным пушистым хвостом и кисточками на острых ушах. Убогий калека передвигался на удивление проворно и вскоре скрылся в зеленых плоскостях. Над головами у нас пролетали крохотные летательные аппараты, не больше коробки от сигар. Некоторые автоматы, видимо, испорченные, на лету посвистывали и поскрипывали. Однако это не мешало им выделять воздушные сальто и другие акробатические номера.

Лишь спустя некоторое время я заметил поодаль небольшой пластмассовый домик с распахнутой настежь дверью. На пороге стоял обрюзгший человек в сером пальто.

— Добро пожаловать, — равнодушно сказал он. — Подойдите ближе, не бойтесь. В вашем распоряжении четыре гектара территории. Границы хронопорта обозначены синими заграждениями, заходить за них запрещается. Впрочем, правила вам известны. Собака, надеюсь, интеллектуализована?

Хозяин не слушал его, даже Незнакомец пропускал назидания мимо ушей. Оба как зачарованные осматривались кругом. Толстяк замолчал и закурил сигарету, Все чудеса этого города давно ему приелись.

— Это же деревья, — взволнованно шептал Хозяин. — А это птицы, смотри, Барон! Птицы настоящие или автоматические, из «Хронобъединения»?

— Настоящие, настоящие, не сомневайтесь, — успокоил его смотритель. — Залетают сюда через ограду, а трогать их нельзя, хоть бы они вам на голову спикировали.

— Почему же вы, черт побери, не установите крышу из кварцевого стекла или силовое поле! — занервничал Незнакомец. — Наступишь нечаянно на такую тварь — и десять тысяч мегакрон только крылышками помашут.

— Люди стремятся сюда именно потому, что здесь нет ни силового поля, ни кварцевого стекла, — холодно ответил толстяк.

Мы не спеша удалялись от кабины хронобуса. Под ногами шуршал ковер из какого-то особого зеленого пластика. Его запах был мне незнаком, но чем-то напоминал аромат кореньев и овощей. Различал и я другие запахи, резкие и возбуждающие. Запахи разложения. Мне они были знакомы по темным закоулкам, мусоропроводам и отбросодробилкам. Запахи других существ звали меня. На пиршество? К спариванию? К другим бесстыдным радостям? Я не знал, но чувствовал себя приглашенным.

— Смотри, Барон, и тут есть собачки! — сказал Незнакомец.

Я даже не понял, что он обращается ко мне. Когда же он стал настойчиво повторять свои слова, я повернул к нему голову. Он ухмылялся, глядя на меня. Жгучая ненависть к этому человеку захлестнула все мое существо.

— Оставьте собаку в покое! — крикнул Хозяин. — Ко мне, Барон!

Я подбежал к нему и лизнул ему руку.

— Интеллектуализованные собаки — это здорово, — одобрительно заметил толстяк смотритель. — Он у вас и вправду все понимает, как человек?

— Он умеет водить машину — по шоссе, конечно, — улыбнулся Хозяин.

Мне было неприятно, что он все время упоминает об этом злосчастном шоссе, и я дал себе слово, что непременно научусь давать задний ход и парковать машину. Как только вернемся, сразу же и научусь. Толстяк погладил меня и сказал:

— И все-таки присматривайте за ним получше. Здешние псы — сущие зверюги. Я давно слежу за этой стаей. Сегодня они впервые приблизились к хронопорту. Голодные, верно.

Я огляделся, так как до сих пор не мог взять в толк, о чем идет речь. И вдруг в нос мне шибануло самым волнующим и резким запахом из всех, что я знал прежде: неподалеку от синей ограды меж похожих на столбы домов рыскало с полсотни крупных собак.

— Не суйся к ним, Барончик, не то они тебя так отделают! — презрительно сказал Незнакомец.

Насмешка меня оскорбила, и я с достоинством сделал несколько шагов к ограде. От возбуждающего запаха у меня кружилась голова, я шатался как пьяный. Чей-то окрик остановил меня: Хозяин, похоже, в сильном гневе бежал за мной. И это показалось мне обидным. Сам сносит насмешки Незнакомца, а за меня боится, как бы я не убежал за эту дурацкую синюю ограду! Будто я не интеллектуализованный и правил не знаю!

И еще мне пришло в голову: что подумают чужаки, если я с поджатым хвостом и опущенным носом потащусь на первый же зов Хозяина! Они меня на смех поднимут, точно.

Хозяин был совсем близко. До меня донесся презрительный смех Незнакомца и глухое ворчание чужаков. От аромата зеленого ковра меня замутило, на глаза навернулись слезы, боюсь, что я даже тихонько за-

скулил. Не знаю, как случилось, но я рванулся вперед, над головой мелькнуло что-то синее, зеленый ковер сразу стал гуще и выше, он достигал груди. Я опомнился, обернулся к Хозяину и обомлел: между мной и им... Нас разделяла синяя ограда!

— Плакали ваши десять тысяч! — ликовал Незнакомец. — Ай да гениальная собачка! Примите мои поздравления!

Хозяин его не слушал. Он перестал грозить и только умолял, стоя у ограждения:

— Барон, Барончик, вернись, милый!

А собаки уже неслись на меня.

Я слышал их топот, щелканье челюстей, глухое ворчание. Ужас парализовал меня, я хотел бежать и не мог.

— Барон! — кричал Хозяин срывающимся голосом.

Толстяк разом превратился в грубияна и заорал:

— Ну и заварил ты кашу со своей шавкой, псих этакий! Теперь надо лучемер в дело пускать, иначе волки залезут в хронопорт, беды не оберешься! Учти, я обо всем в отчете напишу, обо всем! А, черт, батарейки сели! Какой дурак здесь баловался?!

Псы остановились метрах в десяти от меня. Я вежливо поздоровался, но они не ответили. Мое внимание привлек самый крупный из них, наверное вожак. В молодости он, по-моему, попал в отбросодробилку: такой был истерзанный, потрепанный, весь в шрамах и царапинах. Он уставился на меня, блестящий, будто стеклянный нос нацелился, как ствол лучемер, грудь ходила ходуном. Я понял, что вожак принимает ко мне, раздумывая, что делать дальше, как поступить. И еще мне пришло в голову, что мой запах может ему не понравиться, показаться чужим. Я свесил уши, не сомневаясь, что буду самым мерзким образом облаян.

Но он вдруг широко разинул огромную пасть, так

что мне стал виден белоснежный ряд острых зубов в идеальном состоянии — ни единой пломбы, не говоря уж о мостах! — и хрипло взвыл. Остальные подхватили. Видимо, это был приказ, потому что псы как по команде набросились на меня. Передвигались они быстрее нашего электромобиля, а ведь у нас, вы уж поверьте, не какой-нибудь тарантас, а «Электрошокда» 23 ГЛС!

Эдак эти нахалы могут и с ног меня сбить! Я еле увернулся. Хозяин, Незнакомец и толстый сотрудник хронопорта что-то кричали, но их слова терялись в оглушительном лае диких псов.

Вот они уже окружили меня.

Я плыл по волнам их запаха, более не испытывая страха. В сознании мелькнул отблеск огромной радости, даже наслаждения. Как тогда, когда у нас в доме испортился кондиционер и враг — жара — напал на нас, а я прогнал его, сам, без помощи роботов, просто высунув язык!

Но я не успел насладиться своей радостью. Огромный пес-вожак подбежал и дыхнул на меня. Мне стало плохо. «Хорошо бы сейчас освежитель полости рта или на худой конец чайную соду». Перед глазами мелькнули белозубая челюсть, стеклянный нос и налитые кровью глаза. В следующую секунду я ощутил сильнейшую боль в шее, лапах и хвосте. По брюху заструилось что-то горячее. Я тонул в глубинах боли, мне хотелось закричать: «Ах вы, глупцы, я ведь вашей крови!» И так я стискивал зубы и мучился от боли и странного наслаждения, пока сознание не покинуло меня.

Мартин Петиска

Дерево*

1

Профессор Кесслер не был мечтателем.

Он даже был убежден в том, что если человек кого-либо или что-то активно не приемлет, то постепенно он обретает черты того объекта, против которого выступал. Иными словами, в ходе борьбы с недругом он постепенно превращается в своего антипода.

Объектом неприятия Кесслера была фантазия. Отдыхая летом на даче, куда меня пригласили погостить, я часто наблюдал за ним. Вот он входит в сад, обычно в трусах, вышагивая словно автомат. Машинально раскладывает кресло и неуклюже садится. Он и загорал-то не как все мы — час, а ровно шестьдесят минут или три тысячи шестьсот секунд. От его сосредоточенного вида, с которым он принимал солнечные ванны, так и веяло пунктуальностью и обстоятельностью.

В сущности, профессор Кесслер вовсе и не загорал. Он лишь предоставлял солнечным лучам возможность осуществить химическую реакцию в клеточках своего тела. Этим сравнением я отнюдь не собираюсь высмеивать профессора Кесслера; я лишь хочу показать особенности его мировосприятия.

Когда я с ним познакомился, он был уже на пенсии

* Пер. изд: Petiška M. Strom.

© М. Petiška, 1986.

и вел здоровый и размеренный образ жизни. И даже если он просто сидел и молчал, от него как бы исходила активность и жизнерадостность. Оставив научную работу, которой прежде страстно увлекался, он переключился на дачу, отдавая всего себя саду. Он постоянно что-то прививал, пересаживал, копал — и все с неумной энергией. Ибо чем бы ни занимался профессор Кесслер, он все делал увлеченно.

Садоводческие заботы в то лето сблизили нас. Точнее, крыжовник, который мы оба сажали. Позднее я провел в обществе профессора Кесслера несколько недель. Тогда-то я и услышал от него удивительнейшую историю. И по сей день не знаю, как объяснить услышанное, — впрочем, он и сам не в состоянии этого сделать... А дерево, о котором пойдет речь, и поныне стоит в саду профессора Кесслера.

Credo, quia absurdum est.

2

Дачу, где произошла эта странная история, профессор Кесслер унаследовал от двоюродной бабушки. Переселившись в город, она оставила дом племяннику, в то время ассистенту высшего учебного заведения, который только что вернулся на родину после учебы в Гейдельберге и Париже. Старушке хотелось, чтобы он почаще бывал за городом, дышал свежим воздухом. Когда он рассказывал мне об этом, выражение его лица можно было истолковать по-разному, но, по-моему, он размышлял о чуде, благодаря которому не сошел с ума на этой даче.

Профессору было уже за тридцать, когда он впервые решил провести лето здесь, в горах. Чувствуя себя вымотанным напряженной работой, он надеялся, что крепкий, пьянящий горный воздух и тишина вольют в него силы, достаточные для получения Нобелевской премии. Позже я узнал от его учеников, что профессо-

ра и в самом деле рекомендовали на Нобелевскую премию.

Однако, подобно большинству ученых, профессор Кесслер не умел отдыхать...

Вам, верно, приходилось читать в журналах всякие небылицы о том, как в недалеком будущем ученые сумеют соединить два мира — растительный и животный. Мне, например, однажды попалась на глаза картинка, на которой была изображена роза с веселой кошачьей головкой вместо цветка. Эти прожекты существуют не один десяток лет. Кесслер впервые близко познакомился с ними во время своей стажировки в Соединенных Штатах Америки.

Отец профессора потерял на войне ногу, и сын очень переживал увечье отца. Во время пребывания за границей у него родилась идея, которая, как и все гениальные идеи, пока они не реализованы, казалась поистине сумасшедшей. Он задумался об огромных возможностях трансплантаций, которые могли бы быть осуществлены на основе регенеративной способности растений. Что, размышлял ученый, если, используя эту способность, заменить искаленную или потерянную конечность? Разумеется, это были всего лишь несбыточные мечты. Он отгонял их от себя, но окончательно выбросить из головы не смог. И решил, что когда-нибудь всерьез займется этой проблемой. Он начал с того, что постепенно перевез на дачу свои приборы, превратив старый дом в лабораторию. Кухня стала его рабочим кабинетом, в спальне он хранил препараты, гостиную переоборудовал в рентгенологическую лабораторию.

Теперь он с наслаждением проводил в горах лето: мало ел, зато в огромных количествах пил черный кофе и крепким, как коньяк, воздухом почти не дышал: днем и ночью сидел в смрадной лаборатории.

Профессор проводил любопытнейшие опыты с растениями и животными, для этой цели даже изобрел специальный аппарат. Он пытался объяснить мне принцип его устройства, но единственное, что я понял, это то, что аппарат состоял из трех каких-то приборов и множества удивительных частей.

Первый месяц, который профессор посвятил опытам, с точки зрения научных результатов оказался неудачным. Если бы он провел этот месяц в винном погребе, результат был бы таким же. Только обошлось бы это ему намного дешевле.

Грузовики то и дело доставляли ему саженцы яблонь, берез, груш, черешен, и он скрупулезно исследовал их возраст, действие на них влажности, облучения... Он мечтал совершить подлинный переворот в садоводстве, сущность которого состояла бы в том, чтобы, например, на тополе привить одновременно грушу, яблоню и персик. Тем самым одно дерево стало бы походить на своего рода фруктовый универсам с широким ассортиментом...

3

А теперь самое время перейти к сути истории Кесслера, которая так и осталась для него загадкой. Заранее должен предупредить: не будучи специалистом ни в одной из тех областей, которыми занимался профессор Кесслер, я отнюдь не претендую на то, что все могу объяснить.

Началось все с того, что, как помнил профессор, он сел под старую яблоню в бабушкином саду. Был чудесный летний день, горный воздух и в самом деле пьянил. Профессор держал в руках карандаш: он занимался расчетами и был ими вполне доволен. Его окружали приборы, вынесенные из дома, где производилась генеральная уборка (Кесслер поддался угово-

рам экономки-чистюли, которая давно вынашивала эту идею). Прямо за спиной профессора стоял огромный, словно молотилка, аппарат.

Уже потом Кесслер высказал предположение, что вся эта удивительная история могла приключиться под влиянием жары. Как он подозревает, солнечное тепло вызвало неожиданные реакции в приборах. Ну и какую-то роль сыграло, по всей вероятности, само их размещение, то напряжение, которое возникло между ними.

Короче говоря, склонившись над расчетами, профессор Кесслер вдруг почувствовал, как все его тело сильно напряглось. Затем появилась легкость и, наконец, ощущение, которое можно передать только стихами. Однако Кесслер чужд поэзии, зато он много раз пытался сочинять научные трактаты на тему своего необычного эксперимента. Но его попытки не увенчались успехом. Поэтому я постараюсь как дилетант рассказать об удивительнейшем состоянии, которое испытал ученый. Конечно, профессор Кесслер вряд ли останется мною доволен. Читая мой рассказ, он, думаю, промолвит: «Сочинительство все это».

Тем не менее я попытаюсь поведать вам о том, о чем научные труды поведать не в состоянии.

4

Обдумывая название своего будущего научного трактата, профессор Кесслер никак не мог отделаться от одного, которое так и вертелось у него на языке. Я воспользуюсь им в своем рассказе, ибо лучше других оно отражает переживания ученого. Кесслер намеревался назвать свой труд «Как я был деревом».

Едва прекратилось напряжение в теле и он оправился от обморочного состояния, профессор почувствовал себя как-то по-особенному. Он никак не мог уразуметь, что же с ним произошло. Некоторое время

спустя он принялся размышлять — по обыкновению весьма трезво и логично. Так, как привык это делать на протяжении многих лет. Однако результаты этих раздумий скорее могли служить сюжетом для поэмы Овидия, нежели темой для научного труда молодого ученого.

Профессор Кесслер... превратился в дерево. Он чувствовал, как на нем шевелятся ветки, как шелестят растущие на них листья. Он не мог двинуться с места: корни крепко держали его, и он не в состоянии был высвободиться.

Кесслер не испытывал ни отчаяния, ни страха — эти ощущения он с детства старался исключить из своей жизни. Его даже немного забавляло то состояние, которое он испытывал. Как дереву, ему было очень хорошо. Видимо, на летнем солнышке деревья и в самом деле чувствуют себя превосходно. Профессор улыбался, ему было интересно, может ли кто-нибудь видеть его улыбку. Улыбающееся дерево...

Разумеется, он тотчас же принялся размышлять, как могло произойти такое, что он стал деревом. Тогда-то ему и пришла в голову мысль, о которой я уже говорил: расстановка приборов и влияние солнечного излучения способствовали возникновению неожиданной реакции, в ходе которой, вероятно, произошло перемещение профессора Кесслера со своего места. Двигаясь, он зацепился за первое же препятствие, которым оказалась яблоня. Правда, он по-прежнему не мог взять в толк, каким образом он сам превратился в яблоню. Скорее всего, он принял вид экстракта, влившегося в дерево... И от этих мыслей ему стало страшно.

Перемена была огромной. От человека ему остались только способность размышлять и чувство беспокойства. У него более не было ни рта, ни рук, ни ног... Его человеческая сущность словно бы влилась в де-

рево. Самое любопытное, что профессор не придавал этому ровно никакого значения: в этот теплый воскресный день чувствовать себя деревом было гораздо приятнее, чем человеком.

Конечно, будь у него семья — жена, дети — или кто-то, кто от него зависел, его бы беспокоило теперешнее состояние. Но у Кесслера никого, кроме двоюродной бабушки, на свете не было, и он подозревал, что практичная старушка довольно спокойно перенесет его исчезновение. Что же касается коллег, то, надо полагать, они ему только позавидуют.

Улыбка на дереве, коим стал профессор, с каждой минутой становилась все шире, и он задумчиво шелестел листьями.

5

Приятные размышления профессора Кесслера были прерваны криком экономки, возвещающим, что он может вернуться в дом: уборка закончена. Не найдя хозяина на привычном месте, она стала искать его по всему саду.

Соседи помогли экономке внести приборы в дом. В этот момент профессор впервые ощутил неудовольствие. Он собирался напомнить им, чтобы они ничего не трогали: надо прежде замерить расстояние между приборами, способствовавшее его необыкновенному перевоплощению, чтобы повторить опыт в лабораторных условиях. Однако его протест так и остался мысленным; потрясая ветками, он в конце концов вынужден был смириться. Приборы исчезли из сада. Хорошо еще, что Кесслер запомнил, в каком порядке они были расположены, и наверняка сможет воспроизвести его.

Наверняка?

Только тут ему пришла в голову мысль, что он не знает, как освободиться, как избавиться от нынешнего

состояния. Прежде он и не пытался это сделать — ему хотелось как бы изнутри провести наблюдения над жизнью растений.

Экономка, ее родные тщетно искали профессора. Он слышал, как они переговариваются между собой, полагая, что он, верно, как и накануне, отправился куда-то погулять. Ему стало немного не по себе, когда самая симпатичная из племянниц экономки назвала его чудаком. Но он вынужден был признать, что со стороны его нынешнее состояние и в самом деле может показаться странным. Если бы эта милая девушка знала, что профессор, потрясая ветвями, стоит за ее спиной, она бы только утвердилась в своем мнении.

К вечеру экономка заперла дачу, и все разошлись по домам. Профессор был рад этому: беготня и шум утомили его. Ему хотелось побыть одному.

На небе показались первые звезды.

6

Больше всего той ночью профессора поразили его собственные ощущения. Он никогда бы не поверил, что, став деревом, сможет чувствовать себя как человек. Он чувствовал прикосновения ветра — сильнее всего на листьях, на стебельках, на концах ветвей; там были самые чувствительные места. Свой же корпус, как он назвал ствол дерева, он совсем не ощущал. Это объяснялось тем, что яблоня была старая и ее толстый высохший ствол уже потерял способность что-либо воспринимать.

Что же касается зрения, то видел он всем телом — но с разной интенсивностью. Достаточно ясно видел концами ветвей — так отчетливо, словно на них были надеты очки. Поверхностью тела видел смутно, корнями различал теплый полумрак. Слух имел до неприятного отличный: постоянный шелест пальцев-листьев беспокоил его, мешая спать. Вкус и обоняние у него

отсутствовали, впрочем, они и не были ему нужны. По крайней мере он так считал.

Интересно, когда же обнаружат его исчезновение? Эта мысль занимала его.

Ему было хорошо, как никогда прежде. Ведь раньше он, собственно, и не жил, только и делал, что измерял, подсчитывал, ставил опыт за опытом, а что такое жизнь, наслаждение покоем или радостью профессор Кесслер не знал. Сегодня ночью он впервые постиг нечто необыкновенное. И сознание этого чуда с каждым днем становилось все сильнее. Лишь превратившись в дерево, Кесслер начал жить.

7

Все последующие дни профессор не скучал: в саду было столько дел, столько работы!

Лето выдалось засушливое, и он как манну небесную ждал экономку, которая ежедневно появлялась под вечер в саду и, вздыхая, выливала под деревья лейку за лейкой.

Когда однажды, перетрудив ногу, она не пришла, для него это была страшная пытка. Профессор вынужден был сбросить с себя несколько пальцев-листьев, в теле ощущалось неприятное онемение. Оно наступало всегда, когда ему хотелось пить. Он с нетерпением высматривал свою спасительницу, а его благодарность за каждую каплю воды была поистине безгранична.

Немало забот доставляли ему насекомые. Но этой проблемы в своем рассказе профессор коснулся лишь мимоходом, из чего я сделал вывод, что насекомые, отравлявшие его существование, были одним из самых мучительных его воспоминаний.

Из рассказа профессора следовало, что удивительное превращение в дерево не было ему в тягость, не казалось ночным кошмаром. Он привык точно выполнять свои обязанности. А здесь круг его обязанностей был строго определен: снабжать водой и питательными веществами листья, трепещущие под облаками. Это было не так просто даже для маленьких деревьев, а профессор был большой яблоней.

На нем были сотни яблок, и он обо всех заботился. Особенно ему запомнилось маленькое яблочко на верхней ветке справа, за которое он очень опасался. Оно было красивое, яркое, но ветер надломил его стебелек, и поэтому Кесслеру пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить его. И теперь, много лет спустя, он вспоминал об этом яблоке с нежностью.

Особенно хорошо профессор чувствовал себя по ночам. Работа прекращалась, по крайней мере основная, он дремал, поглядывал на звезды и радовался жизни. Радовался плодам — ведь их так много, все они такие крепкие. Он радовался воде, теплу, жизненной гармонии. Летними ночами он ощущал ее с особой силой.

К концу августа ему вдруг пришло в голову, что он уже не воспринимает свое состояние как временное, как диковинный эксперимент. Он начал вживаться в свое новое обличье, привыкать к тому, что он — дерево. И это немного страшило.

Впрочем, у него не оставалось времени для подобных мыслей; он был загружен работой. Он беспокоился обо всех яблоках, и эта его забота представлялась мне и смешной, и удивительной, и трогательной одновременно. Мне почему-то его беспокойство напоминало обезьянью любовь.

Общения с людьми профессор не искал, он и теперь

в нем не нуждался. Он делил людей на две категории: тех, кого он любил, и тех, к кому не испытывал симпатии. К первым он относил экономку: она поливала его водой. Он даже удивлялся, почему прежде ее недолюбливал.

К тем, кого он не любил, принадлежали люди, доставлявшие ему беспокойство. Ему не нравились шумные деревенские жители, мешали девушки и парни, приходившие в сад на свидания. Он был настолько поглощен своими яблоками, что сердился, когда его отвлекали.

Сбор урожая профессор Кесслер воспринял как праздник. Придирчиво наблюдая за тем, как экономка и ее родственники срывали плоды, он досадовал, что не может дать им совет, какие из них нужно рвать в первую очередь. Он сердился на людей, которые порой не могли удержать яблоко в руках. «Я целыми месяцами тут тружусь, а вы разбрасываете их!» — готов был он закричать. А когда племянница экономки лестницей сломала ветку, он подумал: «Экая бестолковая девица!».

Но в целом сбор урожая пришелся профессору по душе, он напомнил ему самые приятные дни в лаборатории, когда длительный эксперимент, отнявший столько сил, близился к концу.

Но вот урожай собран, и профессор загрустил. Ему стало тоскливо. Он вспомнил чудесные, крепкие яблоки, особенно то, маленькое, что висело на самом верху и у которого была сломана ножка. Он думал об этом золотистом ярком яблоке с болью. Что-то с ним стало?

Его руки-ветки теперь были не только свободны от груза, но и пусты. Он чувствовал себя опустошенным, ненужным.

— Зачем все это? — мысленно вопрошал он, потрясая на ветру голыми ветвями. Впервые после долгих

трудовых дней, забот и непрерывного напряжения профессор почувствовал всю нелепость и странность своего положения.

...Вот тогда-то, в ту беззвездную ночь, стоя в одиночестве, в темноте на холодном осеннем дожде, профессору Кесслеру больше всего на свете захотелось вновь стать человеком.

Но самое худшее было впереди.

9

Минуты восхищения своим новым состоянием, упоения работой, целью которой было вырастить вкусные, здоровые яблоки и сберечь их до сбора урожая, сменились меланхолией. Делать было нечего, трудно было строить какие-то планы.

Особенно плохо ему пришлось, когда начали опадать листья. В институте в это время шли занятия, и профессор с грустью предавался воспоминаниям, тоскливо наблюдая, как золотисто-медные листья, кружась, ложатся на землю. Он вспоминал студентов, которым должен был читать лекции. Думал о том, какое впечатление произвело бы на них, узнай они, что стало с их профессором, где он теперь живет.

Живет? Он твердо знал, что живет, ибо сохранил все признаки жизни. В эти долгие промозглые дни и беспокойные ночи он столько всего передумал о жизни, как никогда прежде. Он никак не мог избавиться от странного, я бы сказал, парадоксального, ощущения, что, только перестав быть человеком, он стал им.

10

Однажды после полудня Кесслер заметил приближающуюся к нему экономку, в руках у которой были лестница и пила. Он хотел закричать, но вместо этого немо продолжал стоять, бессильно шевеля голыми ветвями.

Ему пришла в голову мысль, что экономка намерена срубить яблоню. В первую минуту он даже почувствовал облегчение и благодарность: он уже был сыт по горло своим нынешним существованием и полагал, что, даже умирая, человек не испытывает такой тоски, как он теперь. Бесконечной ноющей тоски холодных осенних ночей. Потом, поразмыслив, он сообразил, что экономка одна не в состоянии повалить огромное дерево, тем более небольшой пилой. Судя по всему, она намеревалась обрезать ветки.

Было не очень больно, когда тупой пилой она стала обрезать куски его тела. Как он утверждал, вырвать зуб намного больнее. Летом, когда экономка поила его водой, он буквально благоговел перед ней. Так относится ребенок к своей доброй нянюшке. И теперь он не сомневался, что она не станет его обижать. Экономка и впрямь удалила только сухие ветки.

Профессор раздумывал, как бы дать ей знать о себе, но не находил способа. Всем своим видом он пытался изобразить благодарность, стремясь быть самым отзывчивым деревом на свете. Но он понимал, что экономка не может этого видеть.

Обрезав ветви на яблоне, она перешла к другим деревьям. Ей и в голову не пришло, что только что она осторожно обходилась с тем самым странным молодым человеком, которого поручила ее заботам его двоюродная бабушка.

Профессор Кесслер был бы благодарен любому, кто помог бы ему немного развеяться. Он был бы счастлив, если бы в сад вновь стали приходить на свидание влюбленные парочки. Но осень выдалась очень холодной. «Хоть бы экономка принесла мне какую-нибудь книжку», — с раздражением подумал он. Но тут же иронически улыбнулся, представив себе всю несуразность такого желания. Читающее дерево. Что за чушь!

Чем дальше, тем скучнее ему становилось. Он вы-

искивал любой способ, пытаясь отвлечься от тоскливых мыслей, и мог часами наблюдать за тем, как дрожат на ветру его голые ветки.

11

В начале декабря в саду появились незнакомые люди. По выражению их лиц и поведению профессор Кесслер догадался, кто они. Детективы.

Экономка отперла им пустующую дачу. Они пробыли там несколько часов, затем внимательно осмотрели сад. С ними была собака, которая бегала по саду и все обнюхивала.

Детективы тщательно, метр за метром, обследовали территорию. «Видно, ищут мою могилу, — пришло в голову дереву-Кесслеру. — Они думают, что меня убили и закопали в саду. А я никак не могу дать им знать, что стою здесь, возле них, что в эти минуты мимо меня пробегает их собака».

Ничего не обнаружив, детективы ушли. «Объявят, что я пропал», — рассуждал профессор Кесслер, представляя себе, как его рассудительная бабушка, тряся головой, скажет комиссару полиции: «Я давно этого ожидала». И станет жаловаться, что внучатый племянник такой рассеянный, она всегда знала, что «когда-нибудь он потеряет свою голову, так это и произошло...» Не подозревая, как она близка к истине, старушка безнадежно махнет рукой и отправится кормить своего попугая.

Первый снег внес приятное разнообразие в жизнь профессора Кесслера. Но снег быстро растаял, лишь слегка освежив его. Со следующим снегопадом наступили морозы. Затем и этот снег начал таять, и ветви яблони покрылись инеем. Наконец пришла зима с трескучими морозами — о них потом долго вспоминали.

Несколько месяцев простоял профессор Кесслер, скованный холодом. Мороз крепко сжимал его в своих объятиях, и он боялся, как бы его тело-ствол не треснуло.

Он знал, что такое случается с деревьями в лютую стужу.

Но страшнее морозов была скука.

Профессор Кесслер повторял про себя все стихи, которые помнил со школы. Воспроизвел в памяти «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря и речи Цицерона, выученные в студенческие годы. Да, можно сказать, это было самое ученое дерево в мире!

Он перебирал в уме химические формулы, вспоминал имена своих гимназических одноклассников и фамилии сокурсников по институту. Снова и снова мысленно прогуливался по Гейдельбергу и другим европейским городам, которые хорошо знал. Вспоминал названия улиц. Старался всеми силами отвлечься. Только теперь он по-настоящему осознал, что переход в мир растений равносильно заключению.

«Что я могу, — патетически рассуждало заснеженное дерево, — что я могу доказать своей жизнью? Быть может, еще лет десять буду в состоянии плодоносить. Если, конечно, не замерзну. А потом — если не замерзну — потом, когда...» Профессор Кесслер задумался: интересно, останется ли он жить, если дерево замерзнет или если его вырубят.

Много раз он пытался понять, каким образом превратился в дерево. Но ему это не удавалось. «Ничего, когда-нибудь я все-таки докопаюсь до истины! — говорил он себе, — когда-нибудь...»

Когда-нибудь?

Кесслер вдруг осознал, что никогда не избавится от своего нынешнего состояния. И он, с трудом сдерживая рыдания, задрожал, обдуваемый пронзительным зимним ветром.

Погруженный в дремоту, профессор постепенно терял представление о времени. Он не знал, декабрь ли сейчас на дворе или февраль. По правде говоря, ему было все равно.

А потом случилось нечто удивительное: когда зима

была на исходе, профессор Кесслер вдруг почувствовал привязанность к людям. Он, который, будучи человеком, никогда не любил людей, неожиданно потянулся к ним, став деревом. Он радовался, когда ему удавалось хотя бы краешком ветки видеть бегущих детей, закутанных в шубки, радовался, когда кто-нибудь, проходя через сад, плечом ненароком касался заснеженной ветки. Это прикосновение его трогало.

Когда же экономка выкрасила ствол белой краской, профессор был ей так благодарен, как никогда и никому прежде. «Я за все вас отблагодарю», — взволнованно шептал он, но потом понял, что уже, верно, никогда не сумеет отблагодарить.

И заплакал.

Превратившись в дерево, профессор Кесслер научился плакать.

12

Зиме, казалось, не будет конца. Но еще тяжелее стало, когда зима кончилась и пришла весна.

Приближалась пора цветения, а с ней, как вспоминал профессор Кесслер, и самый трудный период в жизни дерева. Период, который он про себя именовал немного старомодно и высокопарно: распускание.

Он совсем потерял терпение. Его обуревало страстное желание. Талый снег напоил его влагой. Он был сыт, здоров, полон энергии. Его переполняли силы и решимость что-то совершить. Он почувствовал себя четырнадцатилетним — подобное безумное юношеское упоение миром, опьянение будущим с той поры он никогда больше не испытывал.

Ему захотелось сбросить с себя панцирь, захотелось высвободиться. Но сколько он ни пытался, какие бы способы ни применял, ему это не удавалось.

Потом он попробовал заговорить. Безуспешно.

Молился.

Впоследствии, вспоминая этот эпизод, профессор

испытывал волнение, смешанное с иронией. Он представлял себе дерево, устремившееся в безбрежную синеву неба, потрясающее ветвями с еще не пробудившимися цветками и вызывающее ко всевышнему.

Но еще чаще он предавался слезам.

Когда растаял снег, дети перестали кататься на санках с обрыва, который он сумел разглядеть одной из своих веток. Взрослые предпочитали ходить в город более удобной дорогой, чем та, которую он мог наблюдать. Случалось, он целыми днями не видел ни одного человека.

Дереву было одиноко.

13

В мае профессору Кесслеру исполнилось тридцать три года.

С грустью перебирал он в памяти эти годы своей жизни.

Ему пришло в голову, что до того, как он превратился в дерево, он в сущности и не жил: работа заменяла ему жизнь. «Дорожил ли я кем-нибудь?» — спрашивал он себя. И иронически отвечал: «Разве что опытами. Даже моя двоюродная бабушка — единственный человек, которого я хоть как-то замечал, — была для меня всего лишь забавной старушкой, о которой я рассказывал анекдоты на новогоднем вечере у себя в институте».

В июне бабушка приехала на дачу. Она гуляла по саду, отдыхала в шезлонге у колодца. Вместе с девочкой, своей крестницей из деревни, играла в саду в мяч.

«Как-то раз мяч залетел в ветки», — вспоминал впоследствии профессор Кесслер. Он говорил о страхе и надежде — двух чувствах, которые овладели им в тот момент. Надежда на то, что бабушка и девочка сумеют распознать его новую сущность. Страх перед тем, как они после этого станут к нему относиться. Не убегут ли? Не закричат ли от ужаса?

Но девочка, взобравшись на дерево, лишь сбросила мячик.

Они так ничего и не узнали.

А дерево пришло в еще большее отчаяние, чем если бы обе в страхе убежали от него.

14

Немало мучений доставлял профессору Кесслеру бабушкин попугай. Он был ручной, и днем она выпускала его в сад. На ночь он всегда возвращался в клетку.

Бойкий попугай полюбил старую яблоню. Утром он радостно садился на ее ветви и мог полдня прогуливаться в них, склевывая цветы и маленькие свежие листики. Профессор мечтал хорошенько стегануть веткой дерзкую птицу, но из этого ничего не вышло.

«Видно, это мне в наказание», — рассуждало дерево, пытаясь вспомнить, кого оно могло обидеть.

Когда бабушка уехала, профессор Кесслер почувствовал, что силы его на исходе. Хотя он и старался философски смотреть на вещи, убеждая себя, что, мол, будет стоически переносить испытание, выпавшее на его долю, не будет роптать, — все было напрасно. Тогда он призывал себе на помощь своего любимца Эпиктета, решив, что будет нести свой крест до конца. Сыграет роль дерева, как играл бы любую другую порученную ему роль. «Дело не в том, что мы играем — роль человека, рыбы или дерева, — говорил себе профессор Кесслер, шелестя нежными весенними листьями. — Важно, как мы это делаем».

Такова была его философия.

Но, как известно, между мужеством на людях и мужеством, о котором никто не знает, которым никто не восхищается, существует большая разница. Профессор Кесслер оказался мужественным человеком только на словах.

После отъезда бабушки он совсем сник.

Он вновь стал придумывать разные средства, которые помогли бы ему развеяться, обрести душевное равновесие. Одно из них показалось мне особенно трогательным: Кесслер-дерево пытался найти пути к взаимопониманию с другими яблонями, что росли в саду. С другими деревьями и растениями. Он старался своими ветвями дотронуться до них. А тех, до которых не мог дотянуться, стремился понять по их движениям.

Однако он был одинок не только среди людей, но и среди растений.

15

В начале лета, когда пришла пора снова заботиться о плодах, силы профессора Кесслера иссякли. «Я не мог даже пить, так мне было плохо», — вспоминал он это тяжкое время.

Экономка, время от времени поливавшая яблоню, с грустью останавливалась перед ней.

Дерево увядало.

Сначала поникли листья.

Потом они пожелтели и стали опадать.

Одной летней ночью профессор Кесслер прощался с жизнью. Страстно вглядывался он в темное небо, то самое небо, которое любил, будучи человеком и став деревом.

Он знал, что скоро умрет.

В его теле появилась такая же слабость, как много лет назад, когда он болел воспалением легких.

Им овладела апатия.

Он хотел только одного: испытывать хоть какое-нибудь желание.

Профессор Кесслер умолк, подойдя в своем рассказе к тому моменту, когда однажды ночью, стоя с распростертыми ветвями-руками, он взывал к небу и не ощущал ничего, кроме ветра.

Сказав это, он тихонько заметил, что, наверное, со стороны все это слишком мало похоже на правду и просто смешно. Стараясь его успокоить, я стал заверять, что всей душой сочувствую несчастному дереву, вернее профессору Кесслеру. Он же, покачав головой, заметил, что, видно, такова его судьба.

С минуту он молчал, но потом, осторожно подыскивая слова, все-таки продолжил свой рассказ.

Он пытался описать последние минуты жизни умирающего дерева. Говорил о жажде и голоде, мучивших его. Им владели противоречивые чувства. Как дерево, он страстно, безумно хотел жить. Как человек, он устал, измучился от противоестественности своего существования. Ему более не хотелось продолжать эту ненормальную жизнь...

Во всем стволе, или теле, как повторял профессор Кесслер, он ощущал какое-то онемение, как уже было прошлым летом, когда экономка не поливала его. Но теперь в отличие от прошлого он был так хорошо полит, что чувствовал, как вода давит на его корни и он медленно проваливается в мягкую пропасть, падает все ниже и ниже, хотя и не двигаясь с места... Он не мог сказать, сколько длилось его падение, продолжалось ли оно часы или недели. Он потерял сознание.

Первое, что он увидел, придя в себя, было небо.

Он смотрел на это раскаленное летнее небо с привычным безразличием. Он взирал на него так, как делал это на протяжении долгих месяцев, когда бездумно гля-

дел на облака, медленно, почти незаметно скользящие по необозримой поверхности.

А потом взгляд его упал на лейку. К нему, тяжело дыша, приближалась заботливая экономка.

Профессора Кесслера удивило, что он по-прежнему испытывает жажду и с нетерпением ожидает воду.

Он слышал тяжелые шаги грузной экономки.

Ближе.

Ближе.

— Боже! — воскликнула экономка, опустив лейку.

«Она узнала меня», — сказал себе профессор Кесслер и представил, какой переполох вызовет его появление в университете; он уже видел толпы студентов и любопытных, обожающих скандалы. «Но как она узнала меня? Видимо, я не утратил человеческого облика. Не похож на пугало?»

Облачко медленно скользнуло по бескрайним небесным просторам.

«Почему же она не поливает меня?» — недоумевал профессор Кесслер.

Вдруг он ощутил, как ее полные руки поднимают его. Он едва сдерживал крик, потому что не мог понять, что с ним происходит. Только некоторое время спустя до него дошло, что он человек. Он более не дерево.

Напившись из лейки, он позволил довести себя до дачи. До самого вечера он старался привыкнуть к тому, что у него нет веток, нет ствола, нет корней...

Утром профессор проснулся в своей постели.

И зарыдал от счастья.

18

А теперь настала моя очередь кое-что пояснить, хотя мое объяснение может показаться довольно несуразным. Все дело в том, что дерево отказалось от профессора Кесслера. Стремясь выжить, оно отторгло от себя чуждый элемент, не принадлежащий растительному миру. Если

допустить, что все рассказанное — не плод фантазии профессора, возможно, толкование происшедшего вполне приемлемо.

Любопытными оказались и последствия превращения профессора Кесслера. Не прошло и месяца, как он уже был помолвлен с племянницей экономки. Осенью сыграли свадьбу. Говорят, с тех пор профессора Кесслера будто подменили. Утверждают также, что он часто задумывался: не превратись он в дерево, никогда бы ему не понять всей прелести окружающего мира.

Мы, знающие профессора как большого гурмана, знатока вин и красивых женщин, с удовольствием проводим с ним время. Каждое лето он приезжает на дачу и проводит здесь несколько недель. Один. Свой досуг он посвящает садоводству.

Позднее к нему приезжают дети и внуки.

Один из них как раз бежит сейчас по саду. Вот он останавливается возле большой старой яблони, что стоит на склоне. У нее самые вкусные яблоки.

Несколько таких яблок — подарок профессора — лежат передо мной, одно из них я ем, заканчивая удивительную историю профессора Кесслера.

Разве путь в мир реального не ведет через фантастику?

Ладислав Салаи

Летающий поезд*

Многоуважаемая редакция!

Возможно, вас заинтересует то, что я вам сейчас напишу. Если встретятся орфографические ошибки, не обращайтесь внимания, писем я не писал много лет. Но вчера произошло такое удивительное событие, что я тут же сел к столу в нашей конторе и стал строчить это письмо. Дело ваше, опубликуете вы его или нет.

Работаю я помощником машиниста в локомотивном депо Ческе-Будеёвице. Вчера смена у нас началась в 18. 00. Мне выпало вести пассажирский поезд в Прагу. Не очень-то мне хотелось в этот раз ехать, но, делать нечего, раз нужно — значит, нужно.

Машиниста этого поезда зовут Карел Влк. Надо мне вам его описать, ведь, собственно, он все и натворил. Карел высокий толстый мужчина лет тридцати пяти. Он носит бородку, чтоб выглядеть поинтеллигентнее. Мне он всегда казался странным: едешь с ним и трясешься — вот-вот случится что-нибудь.

Мы опаздывали на десять минут: растяпа сцепщик забыл подтянуть винты и включить отопительную систему, потом доказывал — это, мол, обязанности истопников.

Половину пути все шло нормально. Правда, когда

* Пер. изд.: Szalai L. Létající vlak: в сб. Szalai L. Cesta do bláznovy zahrady. Mladá fronta, Praha, 1984.

© L. Szalai, 1984.

мы приближались к станции Гержманички, Карел Влк стал проявлять первые признаки беспокойства.

— Надоело мне все это, — обратился он ко мне, хмурый как туча. — Ездишь туда и обратно, Будеевице—Прага, Будеевице—Прага. Эх, взять бы да бросить все!

— Не дури, Карел! — говорю я ему. — Коли тебе это надоело, перейди на другую линию.

— А что изменится? — усмехнулся он. — Все будет по-старому. Ты меня совершенно не понимаешь. Ведь дело не в том, что я веду поезда на данном участке. Раздражает другое: вечно перед тобой эти проклятые рельсы! Представляешь, как было бы здорово, если б поезд мчался, куда ему вздумается, без рельсов?

— Что за глупость, — покачал я головой. — Где это видано, чтобы поезда ходили не по рельсам. В Японии, правда, говорят, придумали такой, который движется в метре над землей, да пока он к нам доберется, пройдет еще лет сто.

— Ха! Метр! — фыркнул Карел Влк. — Что такое один метр? Вот если бы десять, сто, тысячу метров над землей. Это да! Спокойно повороты срезать можно!

— Чепуха, — остановил я полет его буйной фантазии, не люблю, когда много болтают. — Если бы такое было возможно, давно бы внедрили. Только зачем тогда самолеты? И как тебе не надоело голову забивать такими глупостями!

— Это не глупости, — рассердился Карел Влк. — Мне все время снится, будто я лечу над полем, над прудом. Красотища! Кажется, стоит мне захотеть, и поезд поднимется в воздух. Я в последнее время тренирую волю. С помощью силы воли человек может творить чудеса.

— Серьезно? — удивился я и, признаться, чуток растерялся. По всему видно, что у моего машиниста ум за разум зашел. Я твердо решил: до Праги осталось чуть-чуть, буду во всем с ним соглашаться — все-таки надежнее. А вдруг он что-нибудь выкинет?

Когда мы выехали из Вотице, Карел Влк опять обратился ко мне:

— Слышал ты когда-нибудь о парнях, которые в Гималаях спят прямо на снегу, а себе внушают, будто рядом с ними горит костер? И знаешь, снег в радиусе трех метров вокруг них тает.

— Нет, я никогда об этом не слышал, — ответил я. — Расскажи!

— А еще я читал, — продолжал он, пропуская мои слова мимо ушей, — что есть такие монастыри, где обучают бегунов-стайеров. Эти парни бегут через всю Сахару или какую другую пустыню без еды и питья. Они передвигаются, совершая большие прыжки, будто парят в воздухе. В это время бегуна нельзя останавливать — он погибнет. А недавно был я на представлении. Фокусник положил женщину на саблю, потом убрал саблю, а женщина лежит себе в воздухе. Вот чудеса! Как думаешь, будь у меня воля посильнее, смог бы я приподнять поезд?

Я еле сдержался, чтобы не выложить ему все, что я о нем думал! Но взял себя в руки. Лучше не рисковать, ведь речь идет не только о моей безопасности: Карел Влк ведет переполненный пассажирский состав.

— Кто знает, — сказал я уклончиво, — сегодня все возможно. Я вот читал, что одна старушка американка при помощи игрушечного пистолета ограбила банк — взяла сто тысяч долларов. Ее поймали в соседнем универсаме, когда она пыталась потратить эти деньги.

— Вот видишь, — засиял Карел Влк и взглянул на меня внимательно. Ни один мускул не дрогнул на моем лице. Карел же доверительно склонился ко мне:

— Буду с тобой откровенен, приятель, — зашептал он с таинственным видом. — Только пусть все останется между нами. Если кто об этом пронюхает — жди крупных неприятностей. Так вот, недавно мне удалось немного приподнять паровоз. Я как раз направлялся

на работу и вдруг чувствую — есть силы, значит, должно у меня получиться. Остановился на перроне. Гляжу — на путях старенький локомотив. Я уставился на него и вытянул руку вперед, мысленно представляя, как эта махина поднимается. Я сконцентрировал всю свою волю, даже голова разболелась. И вдруг локомотив начал подниматься! Правда, чуть-чуть, на каких-нибудь пару сантиметров. Но, понимаешь, ведь получилось! А ты знаешь, сколько весит локомотив? — Карел Влк уставился на меня горящими глазами и схватил за плечо. От испуга я вскрикнул.

— Локомотив — это только начало, — просипел он. — Я подниму целый поезд! Вот увидишь, подниму! Вчера в дневную смену я почувствовал, что смогу справиться с локомотивом, со всеми его вагонами. Сколько у нас сейчас вагонов?

— Шесть, — испуганно пробормотал я, и страх, который всегда присутствует во мне, когда я сижу рядом с Карелом, сковал меня. Хорошо, что мы уже приближались к станции! Там я выпью стаканчик лимонада, и мне полегчает.

На станции в Ольбрамовице мы всегда пропускаем скорые поезда. Скорый на Будеевице проходит почти одновременно со скорым на Прагу. В буфете я купил «Бычьей кровью» (это такой красный лимонад) и присел в углу за столик. Через минуту притащился Карел Влк, подсел ко мне и заказал чашку кофе.

— Ты вроде не веришь мне? — он подозрительно посмотрел на меня и угрожающе сложил руки на столе.

— Верю, верю, — закивал я головой и самым бодрым голосом добавил: — А не преувеличиваешь ли ты свои возможности? Ну, с этим локомотивом, положим, ты справился, но поднять целый состав? Что-то я сомневаюсь. Одному человеку не поднять такую громадину, не осилить. Вот если бы человек десять помогли, тогда еще можно.

— Глупости! — вскочил вдруг из-за стола Карел Влк.

У меня даже лимонад выплеснулся на пол, а несколько посетителей (в основном железнодорожники) за соседними столиками рты пооткрывали от удивления. Официант сурово посмотрел на нас и отвернулся лишь после того, как Карел, извинившись, снова водрузился на стул.

— Извини, я, кажется, немного переборщил, — тихо сказал он. — Знаешь, это ведь страшная нагрузка все время напрягать волю. Иногда накопленная сила вырывается наружу, и я срываюсь. Прости...

— Ничего, бывает, — улыбнулся я как можно любезнее. А про себя подумал: «Теперь уж меня никто не заставит работать в одну смену с этим психом».

Когда мы выходили из буфета, Карел Влк остановился в дверях, будто наткнулся на невидимую преграду и пробормотал:

— Черт побери, какой прилив силы! Я еще никогда не был так силен!

«Сейчас что-то произойдет, — с ужасом думал я. — Кто знает, что он натворит».

— Идем, — он повелительно схватил меня за плечо, — быстрее. Когда я бездействую, энергия возрастает.

Бледный как полотно, я позволил этому безумцу дотащить себя к поезду. Ему пришлось подсадить меня наверх — сам бы я в локомотив не забрался. С возрастающим страхом я ждал, когда дежурный по станции взмахнет флажком и наш поезд двинется в путь. И дело тут не в том, что у меня нет выдержки: посмотрел бы я на вас, как бы вы себя чувствовали рядом с таким сумасшедшим, когда другой возможности бежать, кроме как выпрыгнуть из поезда, мчащегося со скоростью до семидесяти километров в час, у вас нет.

Из Ольбрамовице мы выехали по направлению к Томице. Через несколько минут Карел Влк, до этого сидевший неподвижно, словно изваяние, и не проронивший

ни слова, вдруг обернулся ко мне:

— Сейчас или никогда!

Я даже подскочил от страха и приготовился к самообороне, но произошло что-то совершенно для меня неожиданное: локомотив стал покачиваться, как лодка на волнах. У меня дух захватило. Что же это творится? Я вытаращил глаза, а потом, будто молния в меня ударила, сообразил, что Карелу все-таки удалась его затея! Да, наш локомотив теперь плывет по воздуху, не касаясь рельсов, управляемый невиданной силой воли машиниста Карела Влка. А самое удивительное — локомотив тянет за собой все вагоны!

— Крикни что-нибудь! — завопил мне в ухо машинист. — Мне это поможет. Еще немного, и поезд оторвется.

— Ты — гигант! — восторженно вскрикнул я.

— Я гигант, я гигант! — вопил Карел Влк, и это слово, постоянно им повторяемое, звучало как волшебное заклинание.

Но вот Карел внезапно стих и, как маг, протянул руки вперед.

«Сейчас, — подумал я, — сейчас». И тут это произошло. Стук колес поезда стих, и мы услышали над своими головами звон — это локомотив задел электропровода.

— Боже, дай мне силу! — лихорадочно бормотал Карел Влк, и лицо его от натуги покраснело, как помидор. Я же почувствовал, как у меня волосы встали дыбом. Поезд свернул в сторону от железнодорожного пути и пронесся мимо поворота! Я выглянул из окна и собственными глазами увидел, как мы летим на высоте двух метров над землей.

— У-у-у! — завывал машинист, скрипя зубами.

Я уже ничему не удивлялся: Карел Влк лишь силой своей воли удерживает в воздухе многотонный состав!

Поезд поднялся еще выше. Мы мчались, нет, плыли по воздуху уже на высоте десяти метров. Я видел, как

из блокпоста в ста метрах впереди выскочил ошалелый дед в синей форме. Он бросил в нашу сторону железнодорожную фуражку и молитвенно упал на колени. До наших ушей доносились крики из вагонов. Можно себе представить состояние пассажиров! Да и чему тут удивляться — я тоже кричал. Уверяю вас, то, что с нами произошло, — чудо, самое настоящее чудо.

Мы проплыли над полем, засеянным кормовой свеклой, и поднялись еще на несколько метров. Теперь мы летели над широким голубым прудом, над зеленым лугом, над полями зреющего хлеба, над лесом, таким прекрасным, что от восторга мы даже кричать перестали.

— Какая красота! — прошептал Карел Влк, посмотрев на меня как ребенок, которому необходимо поделиться своей радостью со взрослым. — Чем выше поднимаемся, тем сильнее я чувствую свою власть над поездом. Гравитация сдалась! Ты видишь, у меня получилось!

— Получилось, получилось, — я так резко кивнул, что голова у меня чуть не отлетела. — Это гениально! — проговорил я с придыханием, и глаза у меня засветились от счастья.

— Бистрищичу пропускаем? — вопросительно взглянул Карел, будто именно от меня теперь зависела дальнейшая судьба поезда № 8210.

— Давай, — согласился я и только потом подумал о последствиях этого беспечного решения. Проехать станцию и сразу объявиться в Бенешове — хорошенькое дело! — Главное, чтобы ты мог приземлиться.

— Не бойся, — сквозь зубы процедил Карел. — Приземлимся!

Подъезжая к Бенешову, мы снова опустили на рельсы. Что-то гроыхнуло, но вагоны попали точно в колею. Впереди светился красный семафор. Карел Влк притормозил и дал несколько гудков. Потом передумал и направил состав к вокзалу.

— Не сходи с ума, Карел, — пытался я его урезо-

нить, но, видно, напрасно. Он презрительно усмехнулся:

— Если кто-то поедет навстречу, так мы снова взлетим.

Как ни странно, путь был свободен. На станции появление нашего поезда вызвало переполох: дежурному передали, что мы еще не доехали до Бистршицы. Увидев на вокзале наш поезд, диспетчер настолько растерялся, что потерял способность мыслить. Из вагонов к нам бежали растерянные пассажиры — одни злые как черти, другие, наоборот, не скрывая восторга. Они облепили локомотив, как осы.

В этой суматохе Карел Влк незаметно исчез. Я лишь случайно заметил, как он машет мне рукой из отцепленного локомотива, взявшего курс на Прагу.

Уважаемая редакция! Сейчас четыре часа утра, мне пора заканчивать мое письмо, скоро кончается смена. Я сижу на вокзале в Бенешове и все еще жду, что вернется Карел Влк, хотя понимаю, что вряд ли вернется. Я теперь припоминаю, что его заветная мечта (он говорил мне об этом несколько месяцев назад) — жить на Гавайях. Не знаю, за какое время долетит локомотив до нашей границы, но думаю, что предпринимать что-либо уже бессмысленно. Я только прошу Вас, когда к Вам дойдет мое письмо, не могли бы вы через Вашу газету призвать Карела Влка, где бы он ни приземлился, пусть он вернет мне сумку, которую я оставил в локомотиве. Там у меня паспорт, трудовая книжка и удостоверение железнодорожника. Еще там чистая спецовка, котелок с едой (если Карел Влк не съел его содержимое, то все наверняка испортилось), а также библиотечная книга, которую мне надо до конца месяца вернуть в библиотеку. Большое спасибо за содействие.

*Навсегда преданный Вам Ярослав Гамачек,
локомотивное депо Ческе-Будеёвице*

Людвик Соучек

Клятва Гиппократа*

— Желаю вам самого, самого доброго утра, господин доктор, — раздалось воркование приятного девичьего голоса. Глубокий успокаивающий алыт продолжал: — Я уверена, что вы прекрасно выспались. У меня для вас хорошие новости: сегодня ожидается великолепный день, без дождя, правда, смог...

Доктор Контест вздохнул, повернулся на постели и, нащупав кнопку, нажал ее: поток оптимизма с магнитофонной ленты прервался. Для ББ (Будильник Белла) каждый грядущий день сулил массу удовольствий, пусть даже над Землей нависла угроза всемирного потопа, а каждая ночь, проведенная под крылышком ББ, обещала, как известно, сказочно прекрасные сны.

И вот сегодня снова истек срок очередного отпуска.

— У озер в самом деле было отлично, — сказала Джона, словно читая его мысли. Иногда ему казалось, нет, он даже был убежден, что она и впрямь обладает такой способностью. Впрочем, это не так и трудно — обычно у него нет собственных идей, собственного мнения, да он и не нуждается в этом.

— Отлично, — согласился Контест и поцеловал ее в плечо. — Доброе утро, Джона.

* Пер. изд.: Souček L. Hippokratův slib: в сб. Souček L. Zájem Galaxie. Mladá fronta, Praha, 1973.

© L. Souček, 1973.

— Доброе утро, Поль. Думаю, что с булочками и молоком сегодня будет полный порядок.

Она босиком засеменила к лифту на кухне. Так и есть, булки и молоко уже на месте. У разносчика в это утро тоже все сошло без сучка и задоринки. Вот здорово! Поль не любит, когда первый день после очередного отпуска, перед началом нового эксперимента ему приходится начинать с сушек и кофе с консервированным молоком.

— Ночью стреляли, — сказала Джона, на мгновение отвлечшись от электроплиты. — Тебя это не разбудило?

— Нет, — солгал он. — Видимо, парни баловались пугачами. Шум, гвалт — это так характерно для подростков.

Но этот крик, перешедший в хрип... А вдруг ему показалось? Заслышав подобный крик — в который раз? — он на какой-то миг подумал (не впервые, не так ли?): «А не побежать ли вниз?» Но он никуда не побежал. Право, не следует преувеличивать значение клятвы Гиппократ, клятвы медиков. Кроме того, на место происшествия вскоре прибыла бронированная полицейская машина. В таких машинах, всем известно, несут дежурство его коллеги — врачи скорой помощи, чтобы в случае необходимости быть под рукой.

Он покончил с завтраком.

— Ну, пока, Джона. Так-то лучше, собственно, это единственно возможный выход.

— Пока, Поль. Снова через месяц, да? Мне без тебя будет тоскливо.

— Я надеюсь, — усмехнулся он. — И, пожалуйста, позаботься о себе, малютка!

— РБС — разумеется, будьте спокойны, господин доктор!

Он поцеловал ее в губы, в ладони, в маленькое розовое ушко, хранившее запах сна. Механически обшарил руками карманы. Очки, бумажник, зажигалка — все на своих

местах. Великолепный день.

В тот час улицы были еще пустынные. На тротуарах не осталось и следа от вчерашней перестрелки. Машины-мусороочистители привели все в надлежащий порядок. Засунув в нос тампоны против смога, доктор поспешил к станции скоростной железной дороги, находящейся, к счастью, поблизости — всего в нескольких десятках метров.

— Уже к пациенту, господин доктор? — окликнул его сосед-зеленщик, который только что привез небольшую партию свежих овощей с рынка. — Желаю удачи, — усмехнулся он и скрылся с пластмассовым подносом в руках за полупущенными железными жалюзи.

Какую-то долю секунды доктор Контест размышлял, кому, собственно, зеленщик желает удачи — ему самому или больному. Обоим не имеет смысла.

На станции стоял отвратительный запах — пахло дезинфекцией. Контест устроился в углу свободного купе. Он ездил тут только раз в месяц и поэтому даже не знал, садятся ли в первые ранние поезда постоянные пассажиры. Не мешало бы, конечно, с ними познакомиться.

Вагон, разумеется, был оснащен кондиционером, и доктор вынул тампоны. Хотя он успел пройти всего каких-то несколько шагов, фильтр успел слегка посереть. Правда, для данного времени года это вполне обычное явление. Контест забился в угол: с прошлого года линия скоростной дороги в самых опасных местах обнесена стальными стенами, что значительно сократило число несчастных случаев, а огнестрельных ранений и вовсе не зарегистрировано. Но чем черт не шутит? При скорости двести километров в час легко пострадать и от камня, тем более что в окнах вагона стекла обычные. Железнодорожная компания по-своему объясняла нападения, используя для этой цели плакаты, которые были наклеены в каждом купе: поскольку агрессивности труд-

но избежать, так уж пусть лучше бросят камень и выбьют стекло, чем начнут стрелять или подложат взрывчатку. С этой целью в стоимость билета компания внесла всестороннее и очень выгодное страхование.

Город, этот фантастический улей, медленно просыпался. Скоростная дорога порой буквально проваливалась под землю, вновь внезапно выныривая из туннелей на мосты и наземную часть трассы. В вагонах в хаотическом ритме чередовались свет и тьма, а светящиеся мягким светом люминофоры контрастнее оттеняли это мелькание. Во время одной из таких внезапных мгновенных вспышек доктор Контест при выезде из туннеля заметил бледного хилого с виду юнца. Паренок пытался (ему никто не мешал) уложить поперек рельсов какую-то балку или бревно. Поезд промчался мимо, на миг осветив щуплую фигурку, которая запечатлелась на сетчатке глаз Контеста. Скоростные дороги уже давно были оснащены устройствами, устраняющими с путей любые предметы.

Где-то совсем рядом, возможно в соседнем вагоне, раздался звон битого стекла. И тут же по вагонам заспешили два веселых монтера, чтобы заменить стекло. Минута — и все будет в наилучшем виде. Так что, как ни прикидывай, скоростная дорога — один из самых удобных способов передвижения.

Доктор Контест вышел на конечной станции и ступил на эскалатор, который доставил его в зал ожидания. Кроме него в зале никого не было.

— Могу ли я вам чем-либо помочь? — раздался голос, похожий на голос диктора из Будильника Белла — обычно таким тоном говорили девицы, окончившие специальные курсы бюро добрых услуг по обслуживанию клиентов-мужчин. Голос принадлежал блондинке из справочного центра. «Очень красивая девушка», — подумал Контест, хотя толстое непробиваемое стелко будки несколько искажало ее внешность.

— Нет... Впрочем, да. Вызовите, пожалуйста, мою машину из Тринадцатого гаража. Пусть ее пришлют. Я доктор Контест.

— Очень разумно с вашей стороны, господин доктор, — с материнской заботой произнесла девушка. — Я сейчас же исполню вашу просьбу.

И она тотчас сделала заказ. Через несколько минут перед входом в зал ожидания притормозил голубой мобиль с крупными броскими рисунками на медицинскую тему на капоте, крыше кузова и дверцах. Иногда такая реклама оказывается весьма выгодной, но не всегда.

— Простите, шеф, — обратился к Контесту старик негр, когда врач усаживался за руль, — не могли бы вы подбросить меня обратно? Тут недалеко, за углом. Смелее, смелее, трогайте!

По правде говоря, он мог и не спешить — по сравнению с бесконечным месяцем, который ему предстоит провести взаперти, в изоляции от людей, эти несколько секунд не в счет.

Улицы по-прежнему были пустынные. Надо полагать, сейчас самое время завтрака, после чего народ высыплет из домов почти одновременно. Люди мигом заполнят тротуары, как термиты в период роения.

— Благодарю вас, — негр церемонно поклонился. — Я не сомневался, что вы, господин доктор, настоящий джентльмен.

Доктор Контест дружески улыбнулся ему в ответ. Он гордился тем, что полностью лишен расовых предрассудков. Разве может для врача существовать расовая неприязнь, расовая предубежденность? Клятва Гиппократа запрещает медикам делать различия не только между представителями различных рас, но даже между друзьями или врагами. А этот старик негр наверняка не враг и никогда им не будет.

— Ну вот мы и на месте, шеф.

Контест почувствовал прилив необычайной разговор-

чивости, вполне естественной в условиях этой безмолвной пустыни, хотя там и проживают десятки миллионов человек.

— Приходилось вам когда-нибудь слышать о Боне, Даниэле Боне? — спросил он.

— А как же, — с готовностью подтвердил старик.

— В возрасте свыше девяноста лет он обосновался вдали от цивилизации, в пустыне. Этого чудака испугала перенаселенность, понимаете? Но ведь тогда там проживало всего несколько человек на одну квадратную милю.

Старик с подозрением взглянул на него и понял, что с ним, вероятно, шутят. Он с готовностью подхватил шутку и деланно рассмеялся.

— Вот как, а я-то имел в виду другого Бона — поставщика воды из фирмы «Черный тигр», шеф.

Контест пропустил его слова мимо ушей, повторяя про себя: он не позволит себе испортить настроение. Ни за что не позволит.

На автостраде доктор переключил мобиль на автоматическое управление: автомат отлично управлял машиной, выбирая нужное направление, а радары, установленные на кузове спереди и сзади, обеспечивали должное расстояние от немногочисленных бронированных грузовиков, «ранних пташек», также спешивших скрыться из Города. Это позволило Контесту целиком погрузиться в мысли о Джоне, вспоминать ее розовое, теплое со сна ушко, похожее на нежный моллюск, с восторгом воскрешать в памяти отдельные моменты этого восхитительного месяца, проведенного у озер. Собственно, работа, которую он сейчас выполняет, полностью его устраивала. Да и встречи с Джоной полны новых ощущений. К тому же расстанутся они не надолго, не успевая ни окончательно забыть друг друга, ни испытать настоящих страданий.

Разумеется, это не означало, что Контест отказался от своих намерений быть уважаемым членом общества, помогать людям безвозмездно, а порой и принимать на свет божий новых ревущих граждан в каком-нибудь периферийном городке, который он со временем выберет и куда они с Джоной переберутся. Однако пока об этом не стоит и помышлять.

Занятый своими мыслями, он вскоре свернул на узкую асфальтированную дорогу, теряющуюся в холмах. Еще несколько сотен метров — и дорога уперлась в массивные стальные ворота, с обеих сторон которых тянулся забор из толстой проволоки. Выйдя из машины, Контест опустил руки в небольшой ящик, прикрепленный к столбу. Химические анализаторы тотчас определили состав аминокислот в его поту, закодировали их и передали информацию туда, где она сверялась по картотеке лиц, имеющих право на вход. Ворота бесшумно отворились. Эту процедуру, как некий обряд, пришлось повторить несколько раз на двух контрольных пунктах.

В долине, раскинувшейся среди холмов, были разбросаны домики, издали похожие на бараки, крытые шифером, а неподалеку от них — метеостанция. Краска на ее стенах облупилась, приборы не действовали: в сущности, ими никто никогда не пользовался по назначению, да никому это и в голову не приходило. Возле домиков между машинами и черными бронированными транспортерами с грозно торчащими двуствольными орудиями стояли восемь — десять мужчин в комбинезонах и белых плащах. Неподалеку от транспортеров, в их тени, выстроилась в ряд четверка мотоциклов, принадлежащих военной полиции. Полицейские в длинных белых перчатках, белых шлемах и в белых ремнях с кобурой казались средневековыми вельможами, ненароком попавшими в свою скромную вотчину.

— Привет, доктор, — сказал один из мужчин в белом, едва мобиль затормозил и доктор коснулся ногой вытоп-

танной, пожелтевшей травы. — Как поживает Джона? По вас сразу видно, что времени на отдых хватило.

Контест дружески улыбнулся. Сотрудники Центра не отличались оригинальностью. Однако чему тут удивляться: вот если бы было иначе — это поразило бы всех.

— Команда в сборе, Билл?

— Все в наилучшем виде, Поль. Материал внизу, как обычно. Двенадцать штук. Но суп вы должны на сей раз взять лично. За этим сейчас строго следят.

— Что-нибудь особенное? — обратился Контест к маленькому смуглому мужчине, подпиравшему одно из гигантских колес транспортера. Лишь золотые полоски на грудном кармане комбинезона, поблекшие и запыленные, свидетельствовали о том, что перед вами офицер высшего чина. Казалось, он не слышал вопроса: не спеша докурив сигарету и, тщательно примяв ее в траве каблуком ботинка, ответил:

— Ничего сверхъестественного. Шефов уже лихорадит от нетерпения: что вы, Контест, выдадите им через месяц?

Доктор пожал плечами. То же, что всегда. Протоколы, фотографии, схемы, графики, несколько срезов живой ткани для микроскопического исследования, бактериологический раствор. Оценка результатов не входит в его компетенцию. Слава богу, за работу здесь платят.

— Настроение у нашего майора по форме номер семь, — выпалил Билл, что означало: хуже не придумать. — Тащились сюда из Дюгвея шесть часов. Со скоростью черепахи — шесть миль в час. Не дай бог расплескать эту штучку! Впереди — охрана, сзади — полицейские, сверху — вертолет. Словно президента везли или местную кинозвезду.

Майор молчал. Достав из помятой пачки сигарету, он закурил.

— Сегодня мы доставили сюда какую-то антиматерию, — продолжал Билл, — вероятно, но только вероят-

но, для чего-то она пригодится. Если хотите, можете ее здесь оставить.

— Зачем? — пожал плечами доктор Контест. — Вы же хорошо знаете, что...

Билл кивнул головой.

— Разумеется, я знаю. Ну, в таком случае забирайте ее. Говорят, такого пока ни у кого нет.

— Как я понимаю, майор, приняв для аппетита, так рванется обратно в Дюгвей, что побьет все рекорды. Чтобы и духу его здесь не было! Верно, майор? Теперь-то вы спокойны — эта штука у меня!

— Вот она, — и смуглый майор передал Контесту запечатанный пакет размером едва ли больше коробки из-под сигарет. — Да смотрите не пролейте, а то одному дьяволу известно, что может случиться!

— Не только дьявол, но и я, между прочим, знаю, — вставил Контест. — Вернее, могу в общих чертах предположить.

— Боюсь, что не представляете, — майор смерил его быстрым взглядом. — В общем увидите сами. А мы отправляемся обратно, доктор. По коням!

Контест кивнул головой, положил пакет в портфель и всем помахал рукой.

Кое-кто отозвался на его приветствие, подняв вверх указательный палец, другие же только усмехнулись. Лица полицейских хранили бесстрашие.

— Да, между прочим, я давно хотел вас спросить, — на прощанье обратился Контест к майору с напускным равнодушием, — я знаю, это дурацкий вопрос, но все же: зачем мы все это делаем? Все-таки конвенция о биологическом и химическом оружии...

Взгляд у майора стал твердым, мышцы на скулах напряглись, словно он что-то откусывал.

— Это не имеет ничего общего с оружием. Нас интересует только борьба с эпидемиями и профилактика инфекционных болезней. Это дело доверили нам, военным,

потому что у нас больше порядка, чем у гражданских. Понятно?

У Контеста было такое ощущение, что, хотя он и не попал в яблочко, пуля прошла почти у цели.

— Понятно. Ну, я так спросил...

Он направился к ближайшему барaku и чуть не при-
сви-стнул от удивления. Под скромным баракom скрывал-
ся прочнейший железобетонный бункер, способный вы-
держать и прямое попадание бомбы. Контест спустился
по винтовой лестнице вниз, открывая и закрывая
стальные перегородки-затворы: через несколько минут
они подвергнутся обработке дезинфицирующим раство-
ром. Восемьдесят ступеней. Двери. Сто ступеней. Двери.
Сто двадцать. Наконец он попал в лабораторию — слож-
ную систему помещений, обставленных хотя и скромно,
но вполне прилично для вынужденного пребывания здесь
в течение месяца, пребывания, которое не может быть
ником и ни при каких обстоятельствах нарушено. Здесь
было все, что необходимо для проведения опыта. Попав
в лабораторию, Контест очутился в знакомой обстановке.

Он прошел по коридору. Сквозь стену из небьющегося
стекла на него с любопытством взирали находящиеся
в клетках двенадцать шимпанзе. Контест обратил вни-
мание на двух крупных самцов, угрожающе скаливших
зубы, и молодую самку с детенышем, который судорожно
вцепился в материнскую грудь. «Предстоит всесто-
ронний опыт», — подумал врач. Их жизнь в его руках.
Но он, разумеется, сделает все, что в его силах.

Контест выдвинул из стены ящик с телефоном и на-
жал кнопку.

— Алло, Билл. Разумеется, все в наилучшем виде.
Да, позвоню завтра в обычное время. Сейчас мне пред-
стоит работенка. Ну, само собой... Да нет, точно, нет...

Теперь предостережения и поучения напрасны. Центр
в Дюгвее предусмотрел различные варианты во избежа-

ние любых неожиданностей, — если, конечно, кто-либо из обслуживающего персонала лаборатории вдруг не сойдет с ума. Но, по-видимому, и на такой случай у них все предусмотрено. Кто знает?

Контест торопился закончить разговор и не скрывал этого.

— Что еще? Какая золотая смерть? Откуда в Дюгвее поэты? Да, верно. Материал YX 106 у меня. Естественно. Привет!

Обезьяны угрюмо следили за ним. Самка дала детенышу грудь.

— Ну что, молодежь? — дружески обратился Контест к шимпанзе, хотя они не могли услышать его голос. — Я уже тружусь для вас.

Он переоделся, натянул на себя старый, застиранный рабочий халат, спортивные брюки, теннисные туфли. Теперь ему было удобно. Наконец-то он почувствовал себя свободно. Затем вынул из портфеля запечатанный пакет и осторожно положил его в никелированный ящик с тяжелым винтовым замком.

Манипуляторы тотчас перенесли пакет из ящика в свободную клетку, находящуюся в самом центре, в окружении других клеток с шимпанзе. Оба взрослых самца недоверчиво поглядывали на пакет, выжидая: что же произойдет дальше и таит ли этот предмет какую-либо для них опасность.

Пакет лежал на полу железной клетки. Контест несколько раз согнул и разогнул свои длинные, тонкие пальцы, разминая их, как пианист перед исполнением труднейшего сольного концерта, и уселся в глубокое кресло напротив стеклянной стены. Он нажал кнопку одного из подлокотников. Откуда-то с потолка прорезались лучи солнечного света, осветившие пустую клетку. Контест глубоко засунул обе руки в светящееся отверстие биоманипулятора так, что резиновые манжеты вокруг кистей рук собрались в гармошку. В кожу впились сотни

фотоэлементов, моментально регистрирующих возникновение двигательных импульсов. Особые приспособления передавали эти импульсы стальным и пластмассовым манипуляторам, которые, подобно когтям сказочного чудовища, свисали с потолка клетки. Манипуляторы задвигались, ожили. Пальцы задрожали, ладони сжались и снова разжались. Обезьяны в страхе забились в самый дальний угол. Рты у них раскрыты, значит, они отчаянно визжат, но толстые стекла не пропускают звуков.

Автоматические руки (Контест управлял ими осторожно, все движения отработаны), старательно разломив печать, извлекли плоский пластмассовый футляр и открыли колпачок. Футляр был заполнен стеклянными ампулками с бесцветной жидкостью, лежавшими ровными рядами. Контест с интересом вглядывался в них. Ну какое же это золото! Раствор был совершенно прозрачный, даже прозрачнее прежних. Посмотрим, что произойдет.

Нежными пальцами биоманипулятора осторожно вынув одну ампулу, Контест положил ее на рабочий стол. Потом закрыл кассету, завернул ее (он прямо-таки наслаждался собственной ловкостью) и водрузил на ленту конвейера, где она останется, пока не поступят дальнейшие распоряжения. Одной ампулы достаточно. Пилка приготовлена. Горлышко миниатюрной стеклянной «слезы» отломилось. Контест быстро вложил ампулу в отверстие распылителя, заранее приготовленного на столе. Крышка автоматически закрылась. Теперь все готово. Осталось только нажать красную кнопку в боковой стенке распылителя, что Контест тотчас и сделал. Мгновенно вылетело беловатое облачко; оно рассеялось в течение нескольких секунд.

И вот все позади. Контест почувствовал удовлетворение: задание выполнено добросовестно, опыт проведен чисто. Он открыл кормушки с тщательно отмеренными порциями пищи. В клетку посыпались бананы, яблоки, морковь, булочки, выпеченные в соответствии

с инструкцией ветеринаров, предусмотревших в рационе и слабости шимпанзе-сластен. В клетку к кормящей самке подкатилась миска с молоком. Необходимо, чтобы «золотая смерть» (какое бессмысленное название!), распыленная в миллионах мельчайших капелек по всем клеткам, проникла в организм подопытных животных всеми возможными путями, в том числе и через пищеварительный тракт.

Наконец-то доктор Контест мог располагать своим временем — заняться чтением любимых книг, поспать или сыграть в шахматы с самим собой. К анализам нужно приступать не раньше, чем через шесть часов, даже если он заснет, сигнализация наверняка его разбудит.

В клетки в строго установленных дозах был подан наркотический газ. Неподвижных обезьян, похожих на обмякшие груды тряпья, подвезли на ленте конвейера к пальцам биоманипулятора. Пробирки наполнились рубиновой кровью, желтоватой спинномозговой жидкостью и янтарной мочой, после чего автоматы рассортировывали их по блокам-холодильникам. Вскоре по окончании процедуры обезьяны зашевелились, сонно потягиваясь, приподнимаясь и снова падая на пол. У некоторых после наркоза открывалась рвота, но достаточно было струи воды, чтобы восстановить прежнюю идеальную чистоту.

Однако ничего не произошло. На другой день Контест, нажав кнопку телефона, хотел поболтать с Биллом и заодно сказать ему: мол, от «золотой смерти» многого не ждите, возбудители бруцеллеза и холеры, переданные ему из Дюгвея в прошлом месяце для проведения опытов, действовали куда эффективнее. Но потом он поразмыслил — а может, в этом и есть смысл? С точки зрения медицины продолжительный инкубационный период открывал весьма интересные перспективы: особи, зараженные возбудителем инфекции, разбрелись бы

беспрепятственно в любых направлениях, поскольку диагноз не был поставлен своевременно, а носители инфекции не изолированы. Хотя... Впрочем, выводы — не его забота.

— Серьезно? — удивился Билл. — Ну, что же, дружок, увидим! Сколько деньков у нас в запасе? Кстати, Поль, я, как всегда, был прав: на обратном пути в Дюгвей майор то и дело прикладывался к бутылке и пару разочков перевернул. Да нет, ничего существенного. Этого следовало ожидать. Ну, пока, будьте здоровы, коротайте время, займитесь чем-нибудь у себя в подземелье, а завтра позвоните!

На третий день телефон молчал, хотя Контест несколько раз нажимал кнопку, дул в микрофон и даже постучал по нему. Это его не встревожило. Такое уже случалось. К тому же все предусмотрено заранее, и он, Контест, по правде говоря, не очень и стремился установить контакт с тем миром, поскольку в тот мир не имел право включать Джону.

Время шло. Телефон по-прежнему молчал. А обезьяны постепенно привыкали к постоянным анализам и наркозам. Только детеныш не выдержал — скончался на десятый день. Контест объяснил это неудачно взятой пункцией спинномозговой жидкости, ведь подобная процедура всегда связана с риском для малышей. Он убрал мертвого детеныша и сжег трупик. Самка долго искала в клетке свое дитя, ее разинутый рот означал вопль отчаяния, но то был отдаленный, недоступный Контесту мир. Остальные подопытные животные были живы.

Наконец Контест выдал им последнюю порцию пищи. Кормушки опустели. Сотрудникам Центра из Дюгвея предстояло заполнить их на следующий месяц. Он еще раз пролистал свои записи и убедился, что в них детально и исчерпывающе отражен весь ход эксперимента, проиллюстрированный многочисленными фотографиями. Итак, на сей раз опыт не удался, кому-то намылят

за это шею... Но его это не касается.

Потом он умертвил обезьян, пустив в клетки нервно-паралитический газ (в Дюгвее запасы этого газа лежали мертвым грузом, поскольку в Центре имелись средства более эффективные — хотя Контест с трудом мог представить себе еще более эффективные средства, чем это: под воздействием нервно-паралитического газа обезьяна впивалась черными пальцами себе в горло и, вытаращив глаза, тут же падала, сраженная смертью).

Согласно инструкции, Контест произвел вскрытие, подтвердившее то, что ему и так было известно: «золотая смерть» на подопытных животных не подействовала. Пусть они там, в Дюгвее, попотеют над выводами, изучая срезы ткани, приготовленные для микроскопических исследований. Он сжег трупы в электропечи, тщательно застелил и оправил свою кровать, расставил шахматные фигуры и книги, подумав: не забыть бы захватить с собой в следующий раз новенькие детективы, а то у него уже иссяк весь старый запас.

Контест посмотрел на часы — в самый раз. И тут, уже собираясь уходить, он вспомнил о футляре, в котором помещался теперь уже опробованный, экспериментально проверенный материал YX106. «Золотая смерть». Смешное название! Естественно, он не усмотрел в нем ничего угрожающего — обычный транспортировочный ящичек, к тому же давно тщательно простерилизованный. Контест отвинтил крышку и сунул футляр в портфель.

Поднимаясь по лестнице, он почувствовал небольшую одышку — за истекший месяц без ежедневных тренировок и физической нагрузки он потерял форму. Контест открыл первые тяжелые двери, затем вторые — мощные насосы, приводимые в действие электроэнергией от небольшого атомного реактора, размещенного в цокольном этаже бункера, со зловещим шумом отсасывали дезинфицирующий раствор и постепенно разблоки-

ровали двери. Последний поворот в замке (Контест невольно сравнил его с механизмом, закрывающим люки подводных лодок). Доктор оперся о двери плечом, приоткрывая их. Впервые за месяц на лестницу в подzemелье скользнул лучик солнечного света, заиграл на ней — Контесту пришлось зажмуриться. Вместе со светом на лестницу еще что-то проникло — тошнотворный сладковатый запах.

Доктор Контест вошел в помещение. На полу лежало то, что некогда было Биллом. Теперь это нечто походило бы на гниющий клубок тряпок или на мертвую обезьянку, если бы не часть лица, посыпанная золотым порошком. В углу, у экрана радара, виднелась другая скрюченная фигура.

— Нет,— цепенея от страха, выдавил из себя Контест.— Не может быть.

Он выбежал во двор. Его взору предстали пыльные холмики, поросшие жалкой травкой, и низкие облака. Мобиль стоял, как обычно, под навесом. Открыв дверцу, Контест сел за руль и, дав газ, выехал на дорогу, ведущую к автостраде. Когда он всунул ладони в первый контрольный анализатор, двери не дрогнули, не сдвинулись ни на миллиметр. Механизм был мертв. Контест направился к забору. Пролезая через колючую проволоку, впивающуюся в тело и разрывающую одежду, он все-таки вспомнил о портфеле, который оставил по другую сторону проволочного забора. О портфеле с материалом УХ 106, который, теперь ему было ясно, никогда не содержал возбудителя «золотой смерти». «Золотая смерть» осталась в транспортёре, который перевернулся вместе с захмелевшим майором. Доктору более не требовалось выяснять причины случившегося. Он их знал.

Контест вернулся за портфелем, проделав тот же путь, снова ощущая боль впивающейся в тело колючей проволоки.

Весь в лохмотьях, окровавленный, покрытый слоем пыли, он добрался до автострады. Вокруг все словно замерло. Ряды, предназначенные для автомобилей с автоматическим управлением, были свободны, но по обочинам дороги то тут, то там застыли машины — искореженные, врезавшиеся друг в друга. Только один блестящий «крайслер-торнадо», казалось, избежал аварии, но почему-то его развернуло против движения. Контест двинулся к машине. Медленно, пошатываясь. Сейчас он был не в состоянии бежать, да он и не торопился увидеть картину ужасной драмы. Слегка передохнув, он обследовал машину — огромный роскошный автомобиль был пуст. Хозяин машины успел только выйти из кабины и сделать несколько шагов к телефонной будке, чтобы позвать на помощь. Там его настигла смерть. Лицо мертвеца изменилось до неузнаваемости — время, птицы и насекомые сделали свое дело. Но доктор заметил кучку золотого пепла на том месте, где у человека когда-то была кожа. Золотой пепел. Мужчина, осыпанный золотом. Эльдorado.

— Нет, нет,— в ужасе повторял Контест.— Это неправда, этого не может быть, этого не должно быть!

Он снова сел в машину и осторожно объехал неподвижное тело. Маневрируя между обломками автомашин, нагроможденных наподобие вздымающихся ввысь причудливых пластмассовых памятников деструктивизма. Контест помчался по направлению к Городу.

В предместье, недалеко от места, где он всегда оставлял свой мобиль, ему пришлось остановиться. Шоссе загромодили автомашины, мертвые тела, тягачи с опрокинутыми прицепами. Бессильно озираясь вокруг, Контест скорее ощутил, чем увидел у входа в один из близлежащих домов еле приметное движение. Он в отчаянии зарыдал и, спотыкаясь, бросился бежать. Лишь бы успеть, успеть...

На ступеньках сидел старый негр и медленно качал

головой из стороны в сторону. Направо, налево, направо и опять налево. Как маятник. Доктор узнал в нем того самого негра-шофера, который месяц назад пригнал к вокзалу его машину. А может быть, это был кто-то другой. Разве это важно?

Контест с минуту переждал, пока успокоится сердце — оно, казалось, подступило к самому горлу.

— У меня есть лекарство,— произнес он.— Я, я... врач. Понимаете? У меня есть лекарство!

Последние слова он выкрикивал, но негр все качал и качал головой — из стороны в сторону, из стороны в сторону. Наконец он взглянул на Контеста.

— Лекарство. У вас есть лекарство? — Он протянул руку за спину, вытащил ружье, наставив его на Контеста, прямо в живот.— Дети! Детей спасите, да поскорей!

Доктор повернулся и неуверенно, пошатываясь, как марионетка на веревочке, зашагал по улице. Продвигался он с трудом. Всюду — на тротуарах, на проезжей части дороги — лежали неподвижные тела, а на них — легкий налет золотистого порошка. Всюду. Всюду.

Людвик Соучек

В интересах Галактики*

Двухчасовая битва при Белой горе восьмого ноября 1620 года по своему военно-стратегическому значению далеко уступает тем событиям, которые повлекла она за собой в результате политической бездарности и нерешительности короля и правящей верхушки, а также малодушия, проявленного самим Фридрихом. Его бегство вызвало цепную реакцию насилия победивших императорских наемников и паники и отчаяния побежденных и мирного населения.

Я. Полишенский. «Тридцатилетняя война и европейский кризис», 1970 г.

Сухие стебли чертополоха и траву покрывал иней, на сбруях и шерсти лошадей он лежал целыми соцветиями. Лошади выдыхали облачка пара так же трудно и хрипло, как люди. Стылый ноябрьский воздух резал легкие, ледяной повязкой давил на обмякшие мускулы. Вокруг не умолкала брань, ноги скользили и разъезжались — и солдат брякался на землю, еще недавно стянутую корочкой подмерзшей слякоти, теперь истолченной в крошево движением несметных полчищ. Полоса вытоптанной, загаженной земли тянулась за полками

* Пер. изд.: Souček L. Zájem Galaxie: в сб. Souček L. Zájem Galaxie. Mladá fronta, Praha, 1973.

© L. Souček, 1973.

курфюрста Ангальтского до самого Раковника, откуда пятого ноября, давая большой крюк по ужасающему бездорожью, направился он к Праге, чтобы преградить путь Биквою. Курфюрст Ангальтский вел полки уверенно, но, как и Турн со Шликом — герои схватки, разыгравшейся в последний день октября,— ехал всегда на сытой, свежей лошади, а иногда даже в повозке, меж тем как пехотинцы, мушкетеры, аркебузиры, копьеносцы месили грязь своими сбитыми, растертыми ногами и на чем свет стоит кляли «христово воинство», не говоря уже о вчерашнем биваке в Унгошти, где не было не только ни вина, ни пива, но многим недостало и глотка горячей пищи. К чертям такую войну! Теперь уже с полуночи они на Белой горе с венгерскими панами-братьями во фланге, в Рузине. Где-то во тьме бредет за ними неприятель: императорское войско, Биквой и Тилли, Максимилиан со своими баварцами... Наверняка они теперь в Гостивицах, и их там наберется тысяч тридцать. Немало, черт возьми!

Люди наталкиваются друг на друга, вяло дают друг другу сдачи и недовольно сторонятся, когда едут подводы и кавалеристы графа Турна, который подтянул из Праги на подмогу им свой полк и еще до рассвета начал размещать на бастионе пушки.

— Теперь недолго, и они схлестнутся,— сказала Четверть сотни.— Расстояние между обеими стаями двуногих основательно сократилось.

Четырежды десять промолчало. Четверть сотни во все времена своих многочисленных существований занималось практически только одним: планетарным исследованием развития этой в общем-то малозначащей Солнечной системы — и было специалистом в своей области. Но лишь теперь впервые получило возможность осуществить вмешательство с соизволения Высшей Координации.

«Лучше поздно, чем никогда,— подумало Четырежды

десять, с брезгливым чувством ощущая едва заметную вибрацию краев силового поля Четверти сотни.— Мас-титый специалист, а не способен держать в равновесии силовое поле! Пора, пора преобразовываться в новую сущность!»

Четверть сотни и Четырежды десять возносились над Белой горой в виде почти неразличимых облачков пространственно-ограниченной энергии, заметить которые позволили бы человеческому глазу разве что поляризационные очки, но существование чего-либо подобного на третьей планете Четверть сотни решительно и категорически отрицало. Возможно, внимательный наблюдатель по временам и заметил бы над головой радужные взвихрения, некую пульсацию едва различимых красок, стекловидную воздушную воронку, то исчезающую, то снова на мгновение возникающую под низким сводом быстролетных туч, теперь уже чуть озаренных первыми минутами рассвета. Но никому из этих измочаленных людей ни разу не пришло на ум закинуть голову, под самый подбородок схваченную тесным кожаным воротником, если не обручем кирасы. А хоть бы так, кого бы это взволновало? Мир тех времен был полон диковинных грозных небесных знамений, и европейский люд уже повсюду принимал рассказы о кровавых ливнях, о битвах в облаках, об апокалиптических чудовищах, катящихся по небу и швыряющих на землю камни, с полным доверием и даже без особого удивления.

К сведению читателя:

Учитывая своеобразный, хотя и преходящий облик Четверти сотни и Четырежды десяти, вы, разумеется, вправе принимать лишь с оговоркой и как образные обороты слова «сказало», «промолчало», «указало» и т. п. На языках Земли нет в этом случае соответствующих определений. Используемый здесь средний род призван по возможности отразить то

обстоятельство, что существа системы Альфа Дракона, откуда происходят Четверть сотни и Четырежды десять,— бесполое или, вернее, при необходимости некоторым образом двуполое.

— Обстановка сейчас обострится,— продолжало размышлять вслух Четверть сотни, все еще безуспешно пытаясь удержать периферические части силового поля в равновесии.

Войско баварцев, передовой отряд армии Биквоя, двинулось из Гостивиц. Концы их пик и алебард мерцали отблесками дальнего пожара, охватившего к тому времени деревню Рузань, где беспечную конницу венгров, ставшую на отдых, застиг врасплох неприятель. Баварцы, казалось, отправлены были на верную смерть: для решающего столкновения были слишком слабы, слишком оторваны от основных сил армии. Курфюрст Ангальтский, созвав офицеров, хотел было уже атаковать вражеский авангард — баварскую пехоту,— но передумал, вняв совету искушенного в ратном деле графа Гогенлоэ. Слишком важна была оборонительная позиция на Белой горе, чтобы столь легкомысленно пренебрегать ею. Недаром же граф Турн сказал, что, если бы сословные войска послало само небо, лучшего места для построения трудно было бы отыскать.

Из рядов выбежали несколько мушкетеров. Поставили свое громоздкое оружие на подставки и поднесли фитили. Ухнули первые выстрелы. Пять-шесть баварцев зашатались, сползли на мерзлую грязь. Занималось утро. Четырежды десять уловило звуковые волны и языки огня, хлещущего из мушкетных дул.

— Что делают эти двуногие соединения углерода?— спросило оно у Четверти сотни.

— Воюют. Сжигают смесь веществ, которая превращается в газы и толкает в заданном направлении маленький предмет. Когда предмет приходит в соприкосно-

вание с двуногим, может наступить дезинтеграция информационной сети и дискоординация.

— Довольно странная забава,— решило Четырежды десять.— И часто они этим занимаются без риска повредить ультраструктуру?

— У них вообще нет ультраструктуры,— ответило Четверть сотни.— Тут вам не система Альфа Дракона. Дезинтеграция в данном случае необратима. Индивид как таковой перестает существовать.

Силовое поле, временно воплощающее Четверть сотни, решило, что сенильность Четырежды десяти дошла до уровня, когда высказывания явно нелогичны и противоречат здравому смыслу, но оставило это соображение при себе.

— Вмешаемся уже теперь?— спросило Четырежды десять.— И как? У вас на этот счет уже имеются наметки?

— Пока нет. Надо выждать. Высшая Координация, переработав опыт прошлого, предвидит благоприятный исход для двуногих, охраняющих свое гнездо, но, как известно, ошибаться может и она. Однако, если ее предвидение оправдается, наше вмешательство будет не в пользу тех, которые обороняют город.

— Почему?

— Понятия не имею. Известно ведь, что Высшая Координация планирует эволюцию Галактики на целых тысячу больших оборотов вперед. Наверное, и с третьей планетой связаны какие-то расчеты. Какие — право же, не знаю. Не исключается желание предотвратить какую-то пока еще совершенно не осуществимую безделицу сугубо частного значения.

Несколько конных императорских полков под водительством офицеров с белыми перевязями атаковали, невзирая на пушечную пальбу, левое крыло чехов, где командовал старый граф Турн. Два дымных облачка

с гулом устремились друг другу навстречу, верховые в передних рядах выстрелили из пистолетов и обнажили палаши. Какое-то время невозможно было разобрать, что происходит (Четырежды десять вообще ничего не понимало — даже того, зачем двуногим соединениям углерода понадобилось, сидя на четвероногих, размахивать металлическими сильно вытянутыми равнобедренными треугольниками), однако вскоре стало очевидно, что всадники Турна отступают — дергая за узду коней, поворачивают их назад и бегут с поля боя, где, что ни шаг, вздыбилась покалеченная лошадь с пробитым брюхом или распростерся всадник в кирасе, прогнутой под ударами конских копыт. В левом крыле сословного войска началось движение. Принц Ангальтский, скорее легкомысленный, чем отважный, во главе конного полка попытался спасти положение. С громкими криками под оглушающую пальбу из пистолетов врезался в гущу солдат Биквоя, неся смятение и гибель. Много императорских наемников было в эти несколько минут окончательно и необратимо дезинтегрировано. Полк принца Ангальтского напоминал дракона, изрыгающего пламя, однако был все-таки окружен значительно превосходящими силами противника, разъединен на две части и разбит. Сам принц, дважды получив тяжелые ранения, еле спасся от плена бегством.

— По-моему, Высшая Координация на сей раз все-таки ошиблась,— сказала Четырежды десять.— Двуногих, вышедших из города, явно одолевают.

Сомкнутые ряды польских гусар, воюющих на стороне императора, под прикрытием частых пушечных залпов ринулись на батарею сословного войска и атаковали венгерскую легкую кавалерию, которая, не дожидаясь столкновения, без боя обратилась в бегство, а воины в серебряных кирасах, своими металлическими крыльями напоминавшие легион неистовых архангелов, бросились их преследовать.

Смолкали пушки одна за другой. Лишь у стены заказчика Гвезды еще сражались наемники моравских сословных войск под водительством Шлики — истые труженики войны, хладнокровные, твердые, не тратившие зря ни сил, ни пороху; знали, что не уйдут живыми из этой передраги, но считали это естественным и справедливым. Каждый давно уже смирился с такой участью, как с неизбежным, пусть и отдаленным завершением своей военной судьбы. Полчаса — и все они до единого пали под напором баварцев.

Биквою была открыта дорога в Прагу, куда уже давно с горсткой всадников бежал курфюрст Ангальтский, главнокомандующий побежденной сословной армии.

— Теперь, кажется, можно возвращаться, — заметило Четырежды десять без малейших признаков нетерпения (для существ системы Альфа Дракона время само по себе значило ничтожно мало, а времени в земном восприятии не существовало вовсе).

— Нет, рано. Все это совершенно точно предопределила Высшая Координация. У двуногих, стоящих под городом, не хватает веществ, нужных для обновления клеток, а к тем, которые из города, близится помощь.

Курфюрсту Ангальтскому, уже отказавшемуся от бесплодных и рискованных попыток остановить бегущее войско, близ Золотого ядра на Градчанах встретился король. В позлащенной кирасе, с фальцским девизом *Diverti nescio** на хоругви, во главе пятисот кирасиров личной охраны направлялся он на место битвы. Но там теперь увидеть можно было только мертвых, да разве еще еле различимые облачка двойного силового поля, висевшие над белогорским плато. Поэтому кирасирам пришлось спешиться у стен Праги и присоединиться к ее защитникам, пропускавшим через Страговские воро-

* Отступать не умею (лат.). — Прим. перев.

та возы, которые тут скучились в великом беспорядке,— но, разумеется, сначала строго осмотрев их, чтобы с возами не пробрались в город люди императора.

С пражских редутов больше для острстки ухнуло несколько пушечных залпов. Рассеянные группки наиболее ретивых солдат Биквой тут же схватили коней за уздцы, повернули назад и отъехали на безопасное расстояние. Страговские ворота заперли на тяжелый дубовый засов и на цепи, укрепили валом из заранее навезенных камней и земли.

Биквой понимал, что выигранное им на Белой горе сражение — лишь единичный случай, в общем нисла не ослабивший ни сословного войска, ни воли сословий к сопротивлению. В бессильной ярости сжимал он кулаки перед стенами Праги при мысли, что уже несколько дней назад, под Раковником, его отборные соединения готовы были разбежаться, — спасибо подоспели вовремя обозы с провиантом, добрались из Баварии через шумавские перевалы и хоть немного, но пополнили довольствием изрядно оскудевшие запасы армии императора. На сколько хватит этого довольствия солдатам? Хорошо, если поужинают сегодня. А может, еще и позавтракают на другой день? Дольше казенными запасами не прохарчиться. Разве только размножить их, как размножил Иисус Христос хлебы. Но это не во власти даже самых католических из католических величеств с их еще более католическими генералами. Край вокруг опустошен, деревни сожжены, весь урожай и скот заблаговременно переправлены в безопасное место, в Прагу. А из Бенешова туда движутся свежие силы: восемь тысяч венгерских кавалеристов, посланных Бетленом Габором. Завтра они прибдут в город — и на весах военного счастья чаша противника сразу же упадет до земли.

Он пришпорил коня и от стен Праги, ошечиненных пушками и мушкетами, крупной рысью поскакал к свое-

му шатру. Там его ждал баварский герцог Максимилиан — усы его были уже омочены вином, взгляд затуманился; он протянул генералу кубок так несмело, что на дорогой ковер турецкой работы брызнуло красное венгерское вино.

— Пейте же, Биквой! Пейте, domine*! Кто знает, много ли еще нам доведется выпить...

В Пражском граде меж тем король Фридрих держал совет с курфюрстом Ангальтским, который был обеспокоен состоянием своего раненого сына, Турном, Гогенлоз и остальными. Речь повел австрийский дворянин Чернембл — он был за новый, более мощный удар по врагу и главное за то, чтобы обрушить его на измотанного неприятеля немедленно. Этой же ночью. Младший Турн поддержал Чернембла и согласился взять командование армией на себя, чтобы курфюрст остался возле раненого сына. Когда же в зал пришли еще и выборные от горожан и еврейской общины и щедро предложили такую основательную ссуду, что все трудности, связанные со снабжением защитников Праги, сами собой отпали, решение было принято.

— Быть по сему,— проговорил наконец король и поднялся (все повскакали с мест).— Иного решения я себе и не представлял, хотел только сперва услышать ваше мнение. И мнение любезных сердцу моему пражан, конечно. Благодарю. Когда ты думаешь начать атаку, Турн?

— В час пополудни, ваше величество,— склонился Турн в таком низком поклоне, что султаном шлема, почерневшим от порохового дыма, провел по мозаичному паркету (кираса Турна в нескольких местах темнела вмятинами — след колющего и огнестрельного оружия).— А к тому времени наладим связь с полками Бетлена Габора. Подам Максимилиана с Биквоем прямо

* Господин (лат.). — Прим. перев.

в руки вашему величеству. И чешская корона на августейшей голове будет незыблемей, чем горы, что венчают эту землю.

— Благодарю, граф,— кивнул Фридрих Фальцский.— Дай-то бог. Я тебя не забуду. В час пополуночи буду смотреть на войско с городской стены и ждать тебя с победой как героя.

На белогорское плато ложилась промозглая ноябрьская ночь, снежком присыпало рты давно уже окоченелых трупов. Милосердные братья кончили свою работу и, как могли, помогали живым. Да и не до мертвых теперь было.

Создания системы Альфа Дракона невозмутимо оставались на своих местах — фактора времени в земном восприятии для них, как нам известно, просто не существовало. Спешить им было некуда. Час или тысячелетие — для них все едино.

— Двунюгие соединения углерода вышли из города,— сказала среди ночи Четверть сотни.

Четырежды десять не ответило. Оно тоже восприняло неразличимые для грубого несовершенного человеческого уха осторожные звуки, сопровождавшие снятие заграждений за Страговскими воротами, топот копыт, обтянутых мешковиной, и хриплый шепот капралов, выстраивающих пехоту и ополчение. Заскрипели на петлях ворота. Послышались какие-то неопишутые вскрики, когда мечи головного отряда сословного войска пронзили первых, еще не очнувшихся от дремоты карательных неприятеля.

Грохотали мушкеты. Полк за полком садился на сытых, напоенных коней — чего отнюдь нельзя было сказать о лошадях, которые были под кирасирами и гусарами Биквоя,— выезжали из городских ворот, брали в клещи императорское войско.

Фридрих Фальцский, зябко кутаясь в горностаевую мантию, при вспышках пушечных, мушкетных и аркебуз-

ных залпов, при красных отблесках пожаров на свинцовом небе, которые охватили еще уцелевшие лачуги Мотола и Йиновиц, следил за удаляющимся боем. Туда гнал императорских солдат младший Турн. Их отступление превращалось в беспорядочное бегство. Биквой с Максимилианом ринулись на юг, вдоль Влтавы, прямо на копья венгерской кавалерии Бетлена Габора и вспомогательных частей моравского сословного войска. Корона чешская будет незыблемо венчать Фридриха Фальцского и его сына и сына сына его. Он велел привести себе коня и приготовить освежающую ванну.

— Так, стоп,— проговорило Четверть сотни.— Высшая Координация все это разграничила очень точно. Вмешаемся, отойдя немного в прошлое: когда на этой части планеты происходила в последний раз смена света и темноты.

Силовое поле, воплощающее Четверть сотни, трепетало все явственней. Задание его в масштабах галактических было совсем ничтожным (ведь Высшей Координации, по слухам, случалось сметать с орбит целые планеты или одним гигантским взрывом искусственной суперлуны уничтожать ярчайшие звездные скопления), но все-таки, по мысли Четырежды десяти, сулило нечто новое и очень волновало воображение.

— Термальный удар? Коллапс (в рабочей фазе операции Четырежды десять подчинялось Четверти сотни и потому было ответственно за техническое обеспечение)? Может быть, несколько мелких направленных взрывов между обеими стаями двуногих?..

— Нет, нет,— решительно сказала Четверть сотни.— Ничего в таком роде. Я занимаюсь этой планетой не один галактический год, и потому нам можно сделать некоторые отклонения в пределах основного курса Высшей Координации — осуществить вмешательство совсем иным путем. Гораздо более тонким. Психологическим.

— Эти двуногие пузыри углерода наделены психикой?— отозвалось Четырежды десять, не рассмеявшись только потому, что подобные реакции не свойственны силовому полю.

— В известной мере, да,— подтвердило Четверть сотни.— У них есть сложная система защиты рефлексов, которые они не в состоянии подавить усилием воли. Рефлекс сопротивления собственной окончательной и необратимой дискоординации, например...

— Несмотря на то что они пускают друг в друга маленькими предметами именно с этой целью?

— Несмотря на это,— ответило Четверть сотни, и вибрация силового поля усилилась (Четырежды десять отметило состояние улагодворенности).— Весьма забавный образец космобионики. Настолько любопытный, что я посвятило этому целые галактические годы. Впрочем, объяснению это не поддается. Вам, во всяком случае, нет. Есть рефлекс неприятия неизвестного и непонятого — особенно такого, что двуногие считают для себя эстетически и эмоционально негативным. Ими-то мы и постараемся воспользоваться. Теперь вернемся к моменту смены света темнотой, происходившей в последний раз на этой части планеты.

Силовые поля задрожали, разрушили своей вибрацией пространственно-временной континуум и заскользили вспять во времени — сперва минута за минутой, потом все убыстряя ход. Вскоре вибрации прекратились.

Над Белой горой снова опускался вчерашний вечер. С пражских редутов, больше для острстки, ухнуло несколько пушечных залпов. Рассеянные группки наиболее ретивых солдат Биквоя тут же схватили коней за уздцы, повернули назад и отъехали на безопасное расстояние. Страговские ворота заперли на тяжелый дубовый засов и на цепи, укрепили валом из заранее навезенных камней и земли.

— Перенесемся в город двуногих,— объявило Четверть сотни,— в их самое большое гнездо, там, на холме. Примем обычный свой вид обитателей системы Альфа Дракона и пройдем по коридорам так, чтобы двуногие не могли нас не заметить.

— А дальше?— с нескрываемым интересом спросило Четырежды десять.

— Дальше ничего. Вернемся. Поручение будет тем самым исполнено.

— Выходит, мне следует считать себя эстетически и эмоционально негативным?— спросило Четырежды десять.

В ином, более подходящем для этого воплощении оно бы, безусловно, показало что-то вроде досады, поскольку с точки зрения эстетики ни одно из обликов Четырежды десяти никогда не вызывало у него ни малейших сомнений. Понятно, не считая того случая, когда пришлось явиться в виде простого силового поля.

— Тут сложный вопрос,— уклонилось Четверть сотни от прямого ответа.

Легчайшими, почти не различимыми для невооруженного глаза движениями во внепространстве они перенесли на внутренний двор Пражского града, забитый офицерами, солдатами и растерявшейся прислугой. После каждого пушечного залпа со страговских бастионов толпа на мгновение затихала, но тут же снова принималась гомонить, верезжать и горланить на всех языках Европы.

— Господи...— прошептал стоящий с алебардой фальцский солдат из королевской стражи, закрыл ладонями лицо и сполз по стене на пол.

Алебарда, стукнувшись, своим начищенным острием отколола кусочек от мозаичного паркета входной залы. По воздуху в нескольких вершках от пола скользили два немыслимых чудовища, напоминавших более всего огромных пауков из полупрозрачного стекла, ото-

роченных бахромой непрерывно колыхавшихся мохнатых ног. В объемистых утробах страшилищ клубилась черно-фиолетовая дымка, а из пучка длинных и тоже полупрозрачных отростков по обеим сторонам тела, похожих на клубки червей, ежесекундно вырывался сине-фиолетовый бич. С пронзительным треском долетал он и до тех, потонувших в сумраке, дальних углов залы, куда свет восковых свечей уже не достигал.

Таково было первое впечатление непредвзятого наблюдателя от Четверти сотни и Четырежды десяти, притом что последнее по общепринятым у себя на планете канонам одарено было даже на редкость привлекательной наружностью. Их организмы с точки зрения приспособляемости были чрезвычайно рациональны — обитатели системы Альфа Дракона давно уже преодолели неизбежную силу притяжения, а потому и не нуждались в конечностях. Что же касается бахромы ног, то это был не более как совершенный рецептор колебаний электростатического поля, индуцируемого взмахами сине-фиолетовых бичей. Клубящаяся внутри тела дымка была, как можно догадаться, органом мышления — невыразимо сложным соединением паракристаллической материи, способным включать в цепь информации отдельные молекулы, а следовательно, и неохватный объем кратковременной и долговременной памяти.

Стражник еще разок украдкой глянул из-под руки — Четверть сотни теперь едва не касалось его своим телом — и снова потерял сознание. Черно-фиолетовые стеклянные пауки бесшумно скользили по всем коридорам и залам королевской части Пражского града, строго следя за тем, чтоб электрический заряд не ранил ни единого смешного углеродного двуножку. И без того уже взаимными стараниями дезинтегрировало их сегодня более чем достаточно.

Из выборных пражан смог устоять только глава еврейской общины Шаломон бен Решен — бледный, как

стена, к которой он прислонился, остолбенело бормочущий кабалистические заклинания. В зале, возле палаты совета, валялись брошенные свитки долговых обязательств и хранимая пуще глаза печать пражского филиала дома Фуггера... Глазам короля и всех, кто собрался на только что начавшийся военный совет, тоже предстали Четверть сотни и Четырежды десять. Они проплывали мимо, сопровождаемые лишь потрескиванием мелких электрических разрядов. Но на спине у каждого было знамение: папский крест и череп со скрещенными костями, а лапы были, как у василисков, из-под них брызгал яд — и фальцский королевский герб с грохотом развалился надвое. Такой, правда, заранее рассчитанный, но бесспорный и безотказный эффект произвело появление Четверти сотни и Четырежды десяти. Хотя об этой, самой жуткой в своей жизни встрече никто в дальнейшем не обмолвился ни словом. Нельзя было и вообразить себе видение более злоещее, более ясно предрекавшее неминуемую гибель.

Наутро после битвы грустный кортеж — король с семьей, курфюрст Ангальтский, Турн и Гогенлоэ, высший начальствующий состав и ряд муниципальных чиновников — покинул Прагу. Кавалеристы Бетлена Габора отказались следовать к осажденному городу и обратились в бегство по примеру своих земляков. Остатки сословного войска, не глядя на угрозы и посулы Турна-младшего, вытребовав задержанное жалованье, принялись грабить пражан, которых должны были защищать.

Девятого ноября после полудня над Прагой сквозь тучи пробился огромный размытый диск солнца. Великолепную картину осветил он: генерал Биквой и герцог Максимилиан беспрепятственно въехали в покоренную и покорившуюся Прагу и направились к алтарю костела капуцинов на площадь Лорето — служить благодарственную мессу. Судьба чехов была решена.

Ждать всего этого Четверть сотни и Четырежды десять не стали. Продефилировав по Пражскому граду, сразу же снова преобразовались в два пульсирующих силовых поля и таким образом почти полностью скрылись из глаз землян. Но еще до того, как, разрушив пространственно-временной континуум, вибрация отбросила их на неизмеримо далекое расстояние к звезде Альфа Дракона, Четырежды десять заметило:

— А тонко провели мы эту операцию. Собственно, вообще ведь ничего и не произошло...

Четверть сотни обдумывало свою реплику не по-земному краткий промежуток времени:

— Ну, не скажите. Во всяком случае, на ближайшие триста местных оборотов развитие этого уголка планеты изменит свое направление — и довольно круто. А по оценкам здешних двуногих в том, что касается сферы эмоций и метаболизма,— отнюдь не к лучшему.

— И сколько же составят триста оборотов здешней планеты?

— Едва ли одну двухтысячную Большого оборота,— отвечало Четверть сотни.— Ничтожно мало, говорить не о чем. Но жизнь отдельного двуножки длится невероятно короткий срок. За триста местных оборотов смениться может до двенадцати поколений. Так что по их понятиям...

Четырежды десять уже наращивало амплитуду колебаний, транспортирующих во внепространство, и сказала только:

— Главное — интересы Галактики.

Четверть сотни нашло это замечание совершенно излишним. Понятно, в любых обстоятельствах главное — интересы Галактики. Это само собой разумеется.

Прагу накрыла ночь. У городских стен на ледяном ветру горели костры императорского воинства.

У одного из них зябко жался — скорее от нервного напряжения, чем от холода,— молоденький француз-

ский офицер. В рассеянии тер давно уже сухое пятно крови у себя на рукаве.

Кровь брызнула из жил его солдата, которому во время штурма пушечным ядром оторвало голову. Обезглавленное тело еще несколько раз шагнуло, затем рухнуло на землю и в последней судороге затихло. Будто часы, будто дурацкие нелепые часы, подумал офицер, глядя на свою ладонь, в которой держал редкостный предмет яйцевидной формы, сделанный из золота,— часы работы знаменитого нюрнбергского мастера Хагена. Двойная крышка у них была смята. Часы спасли молодому офицеру жизнь — не дали войти в тело пуле, пущенной из пистолета. И ведь какое-то время тоже еще шли. Как человек, совсем, как человек...

Досадно, думал молодой француз. Какая мысль! Это могло бы совершить переворот во всей науке. Человек и часы. Все отправления, роднящие нас с прочими живыми существами,— питание, рост, желания, чувства, поведение, созревание, размножение и старение — все это суть направленное, механическое, не зависящее от духовности движение и как таковое должно быть изучено. Какие горизонты! Могли бы наконец-то найти путь, как ориентировать свой разум к отысканию научных истин. Путь к методу. Досадно. Досадно, что такая мысль пришла к нему так поздно. Завтра он будет, по всей видимости, мертв — убит солдатами сословного войска или затоптан лошадьми Бетлена Габора. Ведь Белая гора — это же Пиррова победа. Сколько ему еще суждено прожить? Когда откроются ворота Праги, чтобы исторгнуть свежие полки?

— Черт, да ведь тут какой-то офицер! — услышал он надтреснутый, простуженный и хриплый голос.

Молоденький француз дернул головой, словно отряхивая с себя сон:

— Поручик шевалье Рене Декарт к вашим услугам, господин полковник.

Судьба изобретателя Мишко Самаритана*

Пока Мишко Самаритан не изобрел пространственно-временного мешка, он был счастливейшим человеком на свете. Жизнь его протекала легко и весело; за что бы Мишко ни брался, все ему удавалось. Творчество представлялось ему игрой. Было Самаритану тридцать пять лет, он обладал приятной наружностью и по натуре слыл человеком общительным, так что совсем не подходил на изобретателя, а скорее на экскурсовода музея.

Широкой известности он не получил, хотя профессиональный мир о нем знал. Специализировался Мишко на мелких изобретениях, и ими мог воспользоваться любой желающий. Приведем здесь несколько наиболее известных его изобретений.

1. *Переносная электростанция.* Принцип ее действия — концентрация и переработка пустых разговоров. Чувствительный микрофон, установленный в энергоблоке, улавливал бессодержательный разговор, бессмысленную тему, и тонкий механизм приспособления особой конструкции, преобразуя энергию, затраченную на никому не нужную болтовню, выдавал приблизительно один мегаватт электроэнергии.

2. *Психогенные банкноты.* Данное изобретение Сама-

* Пер. изд.: Fekete J. Osud vynálezca Miška Samaritána: в сб. Fekete J. Romanca o ehylte. Mladé letá, Bratislava, 1983.

© J. Fekete, 1983.

ритана нашло применение пока только в городе Р. Практика подтвердила допустимость и необходимость использования психогенных денег. Вероятно, в ближайшее время они получают большее распространение во всем мире, поскольку с их помощью можно существенно ограничить, если не ликвидировать совсем, преступность и коррупцию. На банкноты Самаритана наносится особого рода эмульсия. Стоит только к обработанным таким образом деньгам прикоснуться руке вора или нечестного человека, как эмульсия обесценивает их.

3. *Дымоуловитель*. Этот аппарат Самаритан подарил человечеству в период экологического кризиса. Простое устройство полностью препятствовало проникновению из труб в атмосферу вредных для окружающей среды веществ. Из уловленного же дыма и сажи вырабатывались весьма прочные и эластичные пластмассы. Та же операция производилась и с дымом от сигарет.

4. *Дезодорант-парализатор*, изобретенный Самаританом, адресован прежде всего мужьям и отцам, чьи требовательные жены и дочери слишком усердно отдают дань моде. Мужчина, собираясь на прогулку по городу с женой или другой представительницей прекрасного пола, нажимал кнопку на баллончике, и нежный запах аэрозоля легко подавлял страстное желание жены, дочери или приятельницы приобрести себе кольцо, новую шубу, платье, сапожки, помаду модного оттенка, лак или тени для век. За изобретение дезодоранта Мишко Самаритан был награжден специальной премией Совета по эстетике, поскольку благодаря его аппарату на улицах стали реже попадаться разряженные пугала.

5. *Регистратор обещаний*. Этот всем доступный аппарат нашел применение среди различных слоев общества. Им могли пользоваться молодожены, дети, родители, учителя и люди многих профессий и призваний. Прибор регистрировал точную дату обещания и срок его выполнения. В нужный момент датчик инфор-

мации предупреждал владельца, чтобы тот не забыл напомнить о себе обещавшему. Изобретение приобрело популярность еще и потому, что описание аппарата и способ его сборки подробно излагались на страницах специализированных журналов, и многочисленные желающие получили возможность изготовлять прибор самостоятельно в домашних мастерских.

Помимо перечисленных изобретений, выбранных нами наугад, нетрудно назвать и десятки других, как, например, удалитель рыбных костей или восстановитель запаха духов. Мы не хотели бы, однако, отвлекать внимание уважаемого читателя многочисленными фактами. Большинство изобретений Мишко Самаритана нашло применение в его собственном домашнем хозяйстве.

В начале нашего рассказа мы уже упомянули, что Мишко Самаритан жил счастливо и беззаботно, безмятежно, словно облачко. Таким он оставался до тех пор, пока не изобрел пространственно-временного мешка. Собственное изобретение сделало Мишко впервые в жизни глубоко несчастным человеком и круто изменило его судьбу. А произошло это так.

Мишко Самаритан решил испытать свой пространственно-временной мешок на себе. Вряд ли среди нас найдется человек, которого бы не интересовало его собственное будущее. Даже археолог считается с феноменом будущего времени, рассчитывая найти в нем кости, черепки посуды или острие копья и своим открытием подтвердить важную гипотезу: тот или иной народ имел более развитую культуру, о чем ранее даже не предполагалось.

Мишко Самаритана не интересовали детали собственного будущего. Он лишь хотел узнать, станут ли помнить его люди через сто лет и будут ли изучать его научные труды в школах, сохранит ли история имя Мишко для потомков или предаст забвению. Кто назовет сегодня имя человека, первым открывшего огонь и внесшего

в дом это чудо, ставшее незаменимым помощником в домашнем хозяйстве? Кто знает человека, первым приручившего собаку, сделавшего из дикого животного верного друга? Кто перечислит имена первых строителей каменных домов? А кто может хоть что-нибудь рассказать об изобретателях велосипеда, стола, кровати, футбольного мяча и других замечательных предметов нашего обихода? Никто! Эти талантливые люди либо передавали свои изобретения ближним как само собой разумеющееся (что, без сомнения, делает честь подобным представителям общества), либо же изобретателей попросту забывали.

Примерно так рассуждал Самаритан, намечая свои первые путешествия в будущее. Он решил, что в пространственно-временном мешке перенесется в самую современную школу 2150-го года. Именно в этот год мир должен отмечать знаменательную дату — двухсотлетие со дня рождения великого изобретателя Мишко Самаритана.

Когда, переместившись во времени, Самаритан вылез из своего мешка, он очутился в длинном коридоре с готическими окнами. На стенах висели портреты известных писателей. Пройдя еще два коридора, Мишко нашел то, что искал. Его совсем не удивил тот факт, что вместе с другими славными мужами науки помещен и его портрет — взгляд устремлен в пустой коридор. Он недолго разглядывал себя, боясь ненароком прочитать текст под фотографией и узнать, в каком году наступила его смерть. Мишко старался пропустить эту цифру. По выражению своего лица на портрете и морщинам он заключил, что доживет по крайней мере до 60—70 лет, что, несомненно, обрадовало его. Но стоило Самаритану присмотреться к фотографии повниматель-

нее, как настроение его ухудшилось: ведь он сфотографирован не с книгой и не с учебным пособием, а с цветком розы и с микрофоном. Мишко это поразило, более того, он потерял дар речи.

Он расхаживал по коридорам и читал надписи на дверях, разыскивая кабинеты старшеклассников, в частности кабинет физики. Обойдя почти все здание, он наконец нашел на первом этаже то, что ему требовалось. Мишко подошел ближе к двери и прислушался.

— Итак, энергия гравитации — самая важная и простая форма энергии — может стать революционным фактором в разрушении барьера между бесконечно удаленными мирами космического пространства. О том, какие возможности в этом направлении нам открывают гравитотроны, мы узнаем на следующем уроке.

Монотонный голос учителя (наверное, это робот) умолк, и Мишко Самаритан отошел от двери. Из класса никто не выходил, и Мишко опять приложил ухо к двери.

— У нас есть еще немного времени,— продолжал учитель, — и я хотел бы напомнить вам, что сегодня мы отмечаем двухсотлетие со дня рождения крупного изобретателя, оригинальнейшего человека своей эпохи Мишко Самаритана. С его именем связан плодотворный этап в развитии современной науки и техники. Кто может рассказать о нем?

Мишко Самаритан затаил дыхание. Сначала он слышал шаги учителя, потом робкий голос ученика, но его рассказ Мишко не расслышал как следует. По взрыву задорного мальчишечьего смеха, донесшегося из-за дверей, Мишко понял, что кто-то сказал явную несуряницу.

— По правде говоря, в этом ответе есть доля правды,— вновь монотонно произнес учитель, когда класс затих.— Самаритан действительно прославился как певец, и певец совсем не плохой. Не находите ли вы это

весьма любопытным? До сих пор никто не может объяснить, почему Самаритан отказался продолжить свою карьеру изобретателя и занялся новым для себя делом — исполнением поп-музыки. Быть может, его огорчала непопулярность среди современников? Как бы там ни было, для нас данный факт несуществен. В качестве певца Мишко не очень-то помог человечеству, зато как изобретатель он до сих пор высоко ценится. Бесконечно жаль, что он не закончил свою работу над пространственно-временным мешком. После смерти Самаритана обнаружили полную документацию на изобретение этого устройства и даже детально разработанные отдельные его части. Но Самаритан не предал свое открытие гласности. Боялся ли он, что люди используют его изобретение не на благо человечества, случись что с самим изобретателем,— теперь это останется для историков загадкой. Мы же вправе предъявить Самаритану обвинение в равнодушии к своим современникам, ведь он лишил их возможности совершать прекрасные переходы в будущее...

Да, совсем по-другому представлял себе Мишко Самаритан свое путешествие. Разочарованный и огорченный, он сожалел теперь, что поддался соблазну слетать в чарующий мир грядущего. Его разочаровали и познания учеников, их незаинтересованность и непонятная ирония. Но более всего его мучили слова учителя. Никогда бы Мишко не пришло в голову, что пространственно-временной мешок будет его последним, к тому же незавершенным изобретением. Он растерялся: ведь это лишь начало его творческого пути! Самаритан был полон энтузиазма, вынашивал множество интересных замыслов и надеялся, что со временем мог бы конкурировать с самим Эдисоном. До последнего момента молодой изобретатель уверял себя, что реализовать все свои идеи ему ничего не стоит. Теперь же расстроенный и обозленный, он решил немедленно возвратиться к себе,

в реальное время. Мишко совсем было собрался затянуть шнур на своем мешке, как вдруг его оглушил сильный удар по голове: неожиданно резко открылась дверь класса. Падая, он все же успел судорожным движением завязать мешок и возвратился в прошлое, в свой настоящий мир.

— Г-г-где эт-т-т-о я?— спросил Мишко Самаритан у склонившейся над ним фигуры.

— В больнице. Лежите спокойно,— успокаивал его женский голос.

— К-к-как-кое с-с-сегод-дня ч-число?— начал, опомнившись, изобретатель. Он с ужасом вдруг осознал, что заикается, и поделился своим наблюдением с медсестрой.

— Не расстраивайтесь, все будет в порядке. Когда вы пели, будучи в бессознательном состоянии, то совсем не заикались.

— Б-боже!-- с трудом выдавил из себя Мишко Самаритан, и это прозвучало так жалобно, что медсестра не могла удержаться от смеха.

Людмила Фрейова

Невидимые преступники*

Пролог

Как ты воспринимаешь окружающий мир? Как ориентируешься в пространстве, во времени? Как понимаешь самого себя? Как общаешься с другими существами? Как зарождаешься? Как перестаешь существовать?

Мне ничего не известно о тебе, кроме того, что ты существуешь. Что ты — жизнь, мыслящая, разумная жизнь. Если бы не те, кто исследовал эту планету еще до меня, я, наверное, даже не узнал бы о твоём существовании. Неживые существа у вас передвигаются быстрее живых. Могут ориентироваться в пространстве. Вероятно, обладают способностью воспринимать окружающую среду.

Ты обо мне ничего не знаешь. Здесь царит не известная доселе никому из нас жизнь, отличающаяся особой активностью, которую наши научные экспедиции до сих пор нигде не встречали. Ты воспринимаешь окружающий тебя мир и меняешься. Обретаешь все большую гармонию, хотя и на короткое время. Довольно долго наблюдая здесь за вами, я обнаружил, что у некоторых существ такая перестройка едва заметна. Изучение же фактора, обуславливающего данное различие, к сожалению, не входит в мою программу. Мне надлежит выбрать существо наиболее гармоничное в своем развитии и с его помощью выявить объекты, максимально спо-

* Пер. изд.: Freiová L. Neviditelní Zloději: в сб. Neviditelní zloději. Albatros, Praha, 1980.

© L. Freiová, 1980.

Перевод с сокращениями.

собствующие гармоничному развитию личности.

Я все еще сомневаюсь, кого мне выбрать, не решил, но, вероятнее всего, выберу тебя. Сравнительно продолжительное время ты, полагаю, чувствуешь, как в тебе происходит интеллектуальное развитие, твой организм стремится достичь гармонического совершенства. Тем самым ты облегчаешь мою задачу. По правде говоря, я уже не имею возможности выбирать — мое время ограничено. Нельзя же тратить столько энергии на изучение одного представителя разумной жизни. И так на исследование данной планеты израсходовано колоссальное количество энергии. А ведь существуют и другие планеты, которых, кстати, не мало.

Ты не воспринимаешь меня, существо, ты не воспринимаешь ничего, кроме объекта, находящегося непосредственно перед тобой. Но твои суждения выходят за пределы твоего организма, твоя потребность в гармоническом развитии личности велика, я легко могу подключить к ней свою. Мне немного страшно: ведь прежде мне не приходилось подключаться к представителям разума иного мира. Понимаешь, я даже чуточку сожалею, что ты ничего не будешь об этом знать.

Я все еще вне тебя, не могу решиться. Утверждают, что все уже изучено, проверено, апробировано, исключены любые неожиданности, ничего не случится — ни с тобой, ни со мной. И все-таки у меня такое ощущение, будто я на грани гибели. Что, если мы несовместимы, вдруг я не сольюсь с тобой в единое целое? А может, твоя активная гармония подействует на меня разлагающе? Научусь ли я воспринимать этот мир посредством твоего восприятия? В противном случае я ничего не узнаю, и вся акция провалится. Однако я радуюсь, что я рядом с тобой, обволакиваю тебя, проникаю в тебя. Стоп, более я не должен колебаться, я принял решение: мы станем единым существом, правда, ненадолго, но все же, а потом, надеюсь, я сумею отделиться от тебя.

Отойдя от картины Бронзино, Сандра не спеша направилась к выходу. Хрустальные капли дождя звонко постукивали по мостовой. Фьесольтяк слепил своей синевой.

Сандру охватило ощущение новизны, которое усиливалось прозрачным дождем, сверкающей площадью, «Персеом» Челлини. Куда ни глянь — всюду тебя окружает сказка. А ведь она уже третий день приходит сюда. Знает на память все улицы. Сандра мысленно прослеживает весь свой путь до улицы Монтебелло, где расположен пансион (лучше всего идти по набережной до самой площади Всех святых, а затем — первая улица налево). «Я прекрасно все помню, хорошо ориентируюсь. Так что же со мной происходит?» В который раз Сандра задает себе этот вопрос. Вспоминая дорогу, она испытывает почти физическое чувство боли. У нее кружится голова. Может, от усталости? Ее взгляд останавливается на витрине с фруктами. Наверное, ей необходимы витамины. Рассеянно она отсчитывает монеты. У нее такое ощущение, будто она здесь очутилась впервые, ей кажется, что она все понимает и одновременно не понимает, ей все известно и в то же время она не знает ничего...

Сандра страшно устала. В ту самую минуту, когда она любовалась картиной Тициана «Венера Урбинская», ей вдруг все показалось чужим и далеким. Она решила, что это от избытка впечатлений, пора отдохнуть. Сандра принялась за письмо. «Попробую-ка описать свое состояние, может, тогда станет лучше».

«С минуту я смотрела на нее не дыша: она предстала мне такой, какой я знаю ее по репродукциям. Только еще совершеннее. Но вдруг картина исчезла, я видела ее словно бы в тумане, когда же она ясно появилась вновь, то выглядела уже иначе. Вернее, мне почудилось, будто я вижу ее впервые. Никогда прежде со мной такого не случалось. Я снова и снова

закрывала глаза — не из-за освещения ли такая метаморфоза? Но каждый раз восприятие картины было иным. С той самой минуты весь мир для меня стал каким-то чужим. Тебе приходилось испытывать когда-либо нечто подобное? Такое впечатление, что я все воспринимаю как бы дважды, понимаешь? И вовсе у меня не двоится в глазах, я воспринимаю чем-то, что находится внутри меня. Каким-то особым чувством. Надеюсь, это пройдет. Утро вечера мудренее».

Строчки стали расплываться. Сандра отложила ручку. «Зачем заставляю его понапрасну волноваться, — подумала она. — Он и так не хотел меня отпускать. Возможно, это влияние погоды, я ведь не привычна к местному климату: где это видано, чтобы среди ясного неба лил дождь».

Сандра разорвала письмо, быстро собралась и очутилась на улице: как известно, прогулка освежает.

Ощущение двойственного восприятия, знакомое и незнакомое, не прекращалось, хотя и чуточку ослабло. Ради любопытства она направилась в галерею Палатина, чтобы проверить, что же произойдет, когда она станет рассматривать картины. Сандра бродила по знакомым залам, смотрела на хорошо известные ей полотна: «Адама и Еву» Бассано, «Четырех философов» Рубенса, «Ла белла» Тициана. Хорошо известные. И все же...

В ее теперешнем восприятии шедевров живописи появилось что-то новое, нетривиальное. Это необычное ощущение она почувствовала и в парке, что раскинулся за дворцом, и на дорожках, окаймленных кустами лавра. Растения источали тот же аромат, что и вчера, но... И в воображаемом облике Петрарки, украшенном темными листьями, была, несомненно, новизна.

Наверное, такое можно испытать только здесь. Среди картин и скульптур. Во Флоренции.

Пора домой. Сандра обратила внимание на плакат: сегодня вечером концерт. «Вдруг я успею? Такой изуми-

тельный день, столько впечатлений... А может, мне удастся понять, как рождается музыка?»

Затаив дыхание, Сандра ожидала первые аккорды. Бах. «Сколько раз я уже слушала эту музыку? Но сегодня и она звучит иначе. И она изменилась? Да... Видимо, только во Флоренции случаются такие странные превращения».

В изнеможении она словно погружается в фантастический сон, возбужденная, изумленная, счастливая...

На другой день все повторилось. Рим. Галерея Боргезе, «Маленький больной вакх» и «Юноша с корзиной цветов» Караваджо, «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле. «Я не имею права ничего забывать, ничего, ибо я вижу все это в последний раз», — повторяла Сандра про себя.

В последний раз? В душу закрадывается смутный страх. Наверное, он вызван восприятием прекрасного, того, что неотделимо от подлинного искусства. «Все ли люди испытывают подобное блаженство, созерцая живопись? Если бы Индржих или мама могли видеть эти сокровища вместе со мной. Почувствовали бы они то же, что и я, могло бы с ними произойти то же, что со мной? Я постараюсь им обо всем рассказать. Ради них я должна все запомнить. Я надеюсь, мне удастся уговорить их поехать в Италию... А Михал, ведь он много раз бывал во Флоренции, в Риме. Почему он никогда ничего нам не рассказывал? Впрочем, рассказывал, ведь он — художник, а лицо художника — его картины. Как только вернусь домой, пойду к нему, наверное, в его работах я увижу то, чего раньше не сумела разглядеть».

Сообщение

О способности здешних существ к исследованиям и анализу я сужу по той степени гармоничного развития личности, которая проявляется при восприятии каких-либо объектов. Мне удалось слиться с одним из таких существ, поэтому я могу довольно обстоятельно описать исследуемое явление.

Изучаемые объекты в данном конкретном случае обозначаются специальным термином: **КАРТИНЫ**. Они представляют собой лишь одну из форм восприятия, которой обладают обитатели здешней планеты. Очевидно, существуют и другие объекты для иных форм восприятия. Однако среди таких объектов с полной уверенностью я могу назвать пока только **МУЗЫКУ**. У моего испытуемого данный объект вызвал сходную гармоническую перестройку, правда, несколько иного свойства. Я предлагаю исследовать выявленный мною фактор подробнее, хотя вносить предложения — не моя компетенция. Указанный фактор — явление чрезвычайно интересное, которое, видимо, не поддается изучению доступными нам средствами и свидетельствует о том, что здешняя жизнь при всем ее несовершенстве, вероятно, гораздо сложнее, чем мы себе представляем.

Здешние существа воспринимают объекты — картины — посредством одного лишь воспринимающего канала, обозначаемого термином **ЗРЕНИЕ**. Однако можно с уверенностью предполагать, что он обеспечивает исчерпывающее восприятие образа, ибо речь идет о восприятии постоянном, существующем вне фактора времени. Я сам неоднократно ощущал это вместе со своим испытуемым, будучи подключен к его структуре и пользуясь его потенциями.

Поначалу я вместе с ним как бы растворялся в изображенных на объекте предметах и их свойствах — в цвете и формах самих предметов, в облаках, деревьях,

реке, в животных и растениях. Мы переходили из одного состояния в другое, как бы существовали в пространстве картины, сливались не только с самим сюжетом изображения, но и с каждой его деталью. Непередаваемое ощущение множественности собственного «я».

Следующая фаза описываемого процесса — возвращение в реальное бытие. Нам вдруг начинает казаться, что объект ничего собой не представляет, ничего не значит. Именно мы его создаем, мы — испытуемый и я — как бы восстанавливаем процесс сотворения картины, словно она рождается на наших глазах, сию минуту, при нашем непосредственном участии...

Наконец наступает синтез всех предшествующих фаз. Все элементы наших существ образуют своеобразную гармонию, единое целое: на этой стадии отмечается появление так называемой благодарности — понятия, с которым я прежде не встречался. Я употребил данное слово из-за недостатка средств выражения.

В целом все пережитое вполне реально, и его можно повторить на основе полученного представления, в отсутствие первоначального объекта, но уже в модифицированном виде. Это память. Каждое мыслящее существо обладает памятью. Однако применительно к описываемому событию речь пойдет об очень своеобразной разновидности памяти.

Дополнительное сообщение

Полагаю, можно было бы ограничиться наблюдением за реакцией представителей здешней интеллигенции, отказавшись от исследования самих объектов по следующим причинам: во-первых, из-за чрезвычайной затраты энергии (мне известно, что огромное количество энергии идет на выполнение задачи, которая, в частности, состоит из таких процессов, как слияние с испытуемым, разложение его на элементы, зашифровка их и после-

дующий синтез); во-вторых, из-за невозможности адекватной оценки объектов без участия представителей интеллигенции этой планеты.

Р. С. Объекты, подлежащие исследованию, я обозначил в соответствии с условленной шкалой шифра.

Ответ

Сравнение посланной тобой информации с другими сообщениями подтвердило объективность твоих наблюдений. Однако методика исследования обсуждению не подлежит. Мы не принимаем твоих коррективов. Продолжай выбирать объекты и ставить на них пометку.

Поезд миновал Бенешов и проследовал по направлению к Праге.

Удивительное состояние, от которого Сандра пришла в себя где-то возле Равенны, более не повторялось. Прежнее головокружение она испытывала только при виде картин, когда, листая каталоги с черно-белыми репродукциями, мысленно представляла себе их в цвете. Будто ничего необычного и не случилось.

И тем не менее...

Началось все во Флоренции, когда она любовалась «Венерой» Тициана. У нее неожиданно возникло предчувствие, что картина непременно исчезнет. Скорее даже не предчувствие, а страх, который обычно возникает при ощущении неминуемой угрозы. Повсюду в мире пропадают картины, исчезают бог весть куда, может и Тициан...

Наконец-то Прага. По перрону несется Индржих.

— Какой тяжелый, — смеется он, поднимая ее чемодан и грозя ей пальцем. — Ты что, картины привезла?

Она не понимает, что в этом смешного.

— Мне-то ты можешь довериться, я не выдам, —

произносит Индржих заговорщически. Свободной рукой он обнимает Сандру за плечи. — Признавайся, ты вместо сувениров прихватила с собой парочку картин Леонардо.

— Ну и мысли у тебя!

По подземному переходу зазвенел веселый смех Индржиха.

— Как же тебя не подозревать? Ведь исчезли именно те картины, которые ты мечтала увидеть. Может, ты была консультантом преступников? Они хоть не надули тебя?

И Индржих смеется, довольный, что Сандра опять дома. А та вдруг вся встrepенулась.

— Что пропало конкретно? Я слышала только о «Венере» Тициана.

— Многое. Тебе повезло, ты полюбовалась ими буквально в последнюю минуту.

— И... — она запнулась, у нее не хватало смелости произнести это имя вслух.

— Само собой. И Боттичелли, почти все его произведения исчезли.

Она молчала. Стоит ли удивляться? «Ведь я же чувствовала, что вижу их в последний раз. Я *знала* заранее». Мучительное сознание причастности к преступлению не позволяло ей поднять лицо к Индржиху, взглянуть в его смеющиеся глаза. Ведь он и не подозревает... Бессмыслица, страшный сон...

— Почему ты молчишь? Мое сообщение тебя так расстроило? — Он берет ее за подбородок, улыбается — понимающе, без осуждения. — Мне тоже грустно. Ты бы видела дядюшку Михала! Он так переживал, чуть не заболел. Знаешь что? Давай-ка заглянем к нему, наверняка он будет рад. Хоть выговорится.

Индржих ободряюще посмотрел на нее.

Сандра робко переступила порог мастерской. Индржиху даже пришлось легонько подтолкнуть ее. А Сандру терзали угрызения совести.

— Михал, ведь я *знала*, что эти картины украдут. И никому ничего не сказала. Никому. Будто заранее смирилась с этим.

Растерянная Сандра садится в кресло; признание не приносит ей облегчения.

Индрих был поражен. Не поверил, что это говорит его Сандра. Она, верно, не в своем уме!

Но Михала, судя по всему, заявление Сандры ничуть не удивило.

— Ты утверждаешь, что *знала*. Сейчас, когда я думаю о пропаже картин, мне кажется, что я тоже знал. Нет, ты только представь: исчезают шедевры, посредственные полотна остаются, их никто не берет, пожалуйста, они к вашим услугам.

Художник метался по мастерской, где на полках безучастно стояли картины, обращенные к стене.

— Я не удивлюсь, если воры проникнут и сюда. Пожалуй, лучше ночевать здесь, буду их охранять.

Продолжая говорить, Михал сорвал кусок ткани с мольберта, и у Сандры перехватило дыхание. По светлomu фону были разбросаны темные пятна. Сюжет картины привел девушку в волнение, она схватила смысл образа. Ей стало не по себе, словно вот-вот что-то должно случиться.

Михал, наблюдая за Сандрой, с удовлетворением отметил, что картина ей понравилась. Он улыбнулся.

— Еще несколько мазков, — произнес он. — Самое подходящее настроение.

Индрих скрылся в кухоньке, колдуя над кофейником. «Нет, Сандра не сошла с ума, и Михал тоже. Просто у них какой-то сдвиг, причем у обоих одинаковый. Они понимают друг друга. Если бы Михалу не было за шестьдесят и если бы Сандра не была моей подружкой... Впрочем, и мне нравятся картины, почему бы нет? Вот бы взглянуть хоть на одну глазами Сандры!»

Тем временем девушка, затаив дыхание, следила

за каждым движением кисти художника. Мысленно, рукой Михала она наносила на полотно тени, добавляла белила. У нее даже слегка закружилась голова, как тогда, во Флоренции: ведь сейчас она снова как бы принимала участие в сотворении образа, частицы реального мира.

Дополнительное сообщение

Оказывается, некоторые существа этой планеты обладают способностью создавать объекты. Я наблюдал заключительную часть такого процесса: участие моего испытуемого в нем состояло в форме восприятия. Внешне создатель объекта, в частности картины, не отличается от остальных существ: различия, вероятно, имеются во внутреннем, интеллектуальном строении личности. Я бы хотел на время слиться с создателем объекта, чтобы изучить структуру его личности изнутри. Могу ли я взять на себя выполнение этого задания?

Ответ

Твои сведения совпадают с полученными от остальных исследователей. Вопрос о дополнительном задании уже обсуждался, задача была сформулирована, задание выполнено. Результат отрицательный, существенных различий не обнаружено. Подробности в итоговом отчете по возвращении.

— Куда ты собралась, на улице дождь?

Индрих расстроен. Что происходит с Сандрой? Такое впечатление, будто в Италии ее подменили. Какая-то обидчивая, вздорная. И мнительная. Если бы он не боялся произнести это слово, он бы сказал — истеричная.

— Я вестник несчастья, — упрямо твердила Сандра,

развернув газету, по которой быстро забарабанили крупные капли дождя. Читать не удавалось. Но Индржих знал, что она пытается найти в газете.

— Простое совпадение, — шутливо произносит он.

— Конечно. Все совпадение! — Сандра и сама чувствует, что становится невыносимой — ведь Индржих ни в чем не виноват, он старается ей помочь. — Стоит только мне подумать о том, что картина хоть чуточку мне нравится, как она тотчас исчезает. Видишь? — мокрым пальцем Сандра проткнула намокшую газету. — «В прошлое воскресенье неизвестными лицами из галереи в замке Глубока были похищены «Адорация», датированная 1380 годом, и «Мадонна со святой Екатериной и Маркетой», 1360 год. Поиски продолжают-ся».

Сандра едва сдерживала слезы.

— Но ведь и я собирался в замок Глубока полюбоваться готикой, вспомни-ка.

Позволит ли она ему взять на себя часть придуманной ею вины?

— Конечно. Но эти две картины понравились мне, а не тебе. Из-за меня их уже никто не увидит. — Она бросила газету и потянула его за рукав. — Пойдем лучше в кафе.

Он возражал. Ведь это случайность, случайность, пусть даже нелепая, ужасная. Сандра не колдунья!

— Ты обещала показать мне «Зеленые хлеба» Ван Гога. Мне хотелось бы увидеть эту картину, и тебе тоже, не мотай головой. Пойдем.

Сначала она упиралась, но под конец сдалась.

— «Зеленые хлеба» украдут, — произнесла она механически, но предложение взглянуть на любимую картину было слишком заманчивым. А главное, ей не терпелось узнать, способна ли она и в самом деле влиять на судьбу картин. Сандра перестала себя понимать.

Впрочем, необыкновенных желаний у нее было немало. Вчера, например, целый вечер она листала учебники. Ей нужно было что-то отыскать, она только не могла понять, что именно. Какой-то термин, определение. Объяснение... Формы жизни, приходило ей в голову, и она начинала листать учебник биологии, затем разочарованно закрывала его. Нет, не то... Растения, насекомые, звери, люди? Форма материи? Частицы поля? Она провела за этим занятием несколько часов. А все почему? Кому-то это надо знать, и она должна отыскать данные, объяснить. Что? Кому? Однако определение понятия поля, видимо, вполне удовлетворило этого кого-то. Настойчивое требование, принуждение исчезли, она прилегла, испытывая удовлетворение — задание выполнено хорошо.

— Не бойся, охрана начеку, — успокаивал ее Индржих. — Посмотри, сколько здесь дежурных в залах. Она дрожала.

— Это не имеет значения. Разве ты не читал? В Берлине пропали «Поклонение младенцу» Липпи и в Мюнхене «Четыре апостола» Дюрера. А кто их унес? Охранник!

— Но ведь не каждый служитель музея вор... И потом: выше голову! Ты хотела рассказать мне о «Зеленых хлебах».

Сандра уставилась на ковер, что лежал на полу. Они стояли перед картиной Ван Гога, уникальным экспонатом, единственным в Праге. Имеет ли она право жертвовать этой картиной?

Но соблазн взглянуть на шедевр был слишком велик. Сандра медленно перевела взгляд с ковра на стену. Рама, свежее дуновение весеннего ветра, колосья нежно касаются лица. Она прижалась к Индржиху.

— Я не в силах произнести ни слова. Мне страшно.

Он взглянул на ее лицо: по нему градом катились слезы. Индржих оглянулся, ища взглядом служителя:

надо предупредить его, предостеречь. Сказать ему: «Обратите внимание на эту картину. Через день-другой ее украдут». Конечно, будь на его месте Михал, служители музея прислушались бы к его словам.

Сандра одобрила его намерения. Они кинулись к телефонной будке и набрали номер художника.

Голос Михала оглушил их. Они не могли взять в толк, что случилось. В потоке проклятий, которые Михал низвергал на их головы, удалось разобрать отдельные слова: несчастье, заговор, наказать! Они помчались к нему в мастерскую.

— Исчезла! — такими словами встретил их Михал.

— Кто, уборщица? — не понял Индржих.

— Неужели «Композиция»?! — выдохнула Сандра, рухнув на стул.

Михала вдруг осенило.

— Уборщица! — взревел он. — Никто, кроме нее, сюда не мог бы проникнуть. Замок в порядке.

Он открыл дверь в коридор:

— Пани Гронкова, пожалуйста сюда!

Снизу раздалось испуганное «иду».

Все трое устремились уборщице навстречу: Михал с надеждой, Сандра с опасением, Индржих, сгорая от стыда. Скромная женщина лет сорока, всегда честно трудилась, а теперь вот такое обвинение... Но стоило Индржиху взглянуть на Гронкову, как он понял: это ее рук дело.

— Пан мастер, — запричитала она, — меня посадят в тюрьму!

— Куда вы дели картину? — хрипло выдавил из себя Михал.

— Я поставила ее во дворе.

Не говоря ни слова, художник кинулся вниз по лестнице, но тоненький голосок пани Гронковой заставил его остановиться.

- Ее там уже нет.
- Тогда где же она?

Лицо Михала, до сих пор мертвенно-бледное, вдруг стало синевато-красным. Сандра остолбенело подумала: «Если его хватит удар, это будет на моей совести».

Уборщица беспомощно опустила руки и кивком головы пригласила всех в свою квартиру. К шкафу была придвинута рама с натянутым холстом, на нем ни помарочки, ни штриха, будто его только что купили в магазине.

— Я даже не успела согреть воду, а от картины осталось только вот это.

По щекам женщины ручьями текли слезы — при виде их Михал удержался от оскорбительных слов.

— Мы найдем ее, дядюшка, не волнуйся, — успокаивал Индржих, хотя в глубине души он уже был сыт по горло всеми этими историями с исчезнувшими картинами. — Сюда ведь редко кто заглядывает...

— Оставь! — оборвал его Михал и, взяв в руки раму, с угрожающим видом направился к пани Гронковой. Та в испуге отступила.

— Кому вы давали ключ? Говорите!

Она покачала головой.

— Наверху никого не было. Вдруг меня осенило, сама не знаю почему, никогда прежде такого со мной не случалось: если картина готова, то неплохо бы дать ей подсохнуть на свежем воздухе. Никто сюда не ходит, я присмотрю за ней, а потом отнесу назад...

— А кто-то над вами подшутил и подменил картину, — добавил Индржих.

— Натянул мой собственный холст! — негодовал Михал. — Я же просил, Индржих, оставить меня в покое. Вечно ты суешь нос не в свои дела...

В словах Михала Индржих почувствовал пренебрежение. Чем он его заслужил? Индржиху хотелось бросить все, бежать без оглядки. Все равно не вернуть

прежних отношений ни с дядей, ни с Сандрой. А если продолжать встречаться с Сандрой, то, пожалуй, и сам спятишь.

— И вообще, додуматься только: выносить картины на воздух! — художник постучал пальцем по лбу, и уборщица вся съежилась.

— Прямо и не знаю, с чего бы мне приспичило... Я сама удивляюсь, поверьте. Уму непостижимо, кто бы мог заменить холст...

По дороге домой молодые люди поссорились. Впервые поссорились без причины, даже не условившись о следующем свидании.

Дома Сандру терзали угрызения совести. Сославшись на головную боль, она пошла прилечь, выпила снотворное, уткнулась лицом в подушку. Уснула!

Но сон не приходил. Действие лекарства оказалось неожиданным. Сандра засмеялась: кражам конец! Это было недоразумение, и больше оно не повторится...

Два следующих дня выдались спокойными.

Но стоило ей в среду пробежать заголовки газет, как прежнее беспокойство с новой силой охватило ее. Поймана банда грабителей, ловких и, очевидно, хорошо финансируемых, которых опознали на основании снимков, сделанных фотоэлементами. Местонахождение картин грабители не знают; правда, они назвали несколько тайников, где, по всей видимости, спрятаны произведения искусства. Однако полиция обнаружила там лишь чистые холсты. Грабители не в курсе, на кого работают. Никакого вознаграждения за кражи не получали. Из Эрмитажа исчез «Город на берегу озера» Флавицкого, из Национального музея в Стокгольме...

Индрих ожидал Сандру, держа в руках газету. На его лице была улыбка, как будто они заранее договорились об этой вечерней прогулке.

— Теперь ты видишь, что дело не в тебе.

Он протянул ей «Вечернюю Прагу».

— Не только во мне, но и во мне тоже. Михал... — она осеклась. Опять ссора?

— Выходит, это ты навела уборщицу? — Индржих попытался говорить шутливым тоном, но девушка на него не реагировала.

— Кражи совершены одновременно в разных местах. — Она вздохнула. — Преступники понятия не имеют, где картины... Сборище сумасшедших?

— Я не верю, что они не знают.

Сандра колебалась: сказать или промолчать. Потом все-таки решилась:

— А я... верю... Может, они и правда не знают. Я допускаю, что они получили приказ. Как и я.

Ей не следовало этого говорить!

— Какой приказ? От кого? — Лицо Индржиха посуровело.

— Не знаю.

— Это у тебя от избытка впечатлений, — сказал Индржих.

Сандра молчала, делая вид, что соглашается с ним. Индржих посмотрел на нее внимательно: нет, она вовсе не похожа на сумасшедшую. Она притворяется, она себе на уме. Неожиданная улыбка, озарившая ее лицо, вывела его из себя, он перестал выбирать выражения:

— Ты встречаешься со мной только из-за дяди Михала, чтобы иметь доступ в его мастерскую! Верно, метишь в Академию художеств?

Она покачала головой, но не обиделась. А ведь правда, вначале она обратила на Индржиха внимание только из-за его фамилии, ведь он — племянник известного художника. Но сейчас это не имеет значения, главное — картины.

— Из-за меня картины не будут больше пропадать, — решительно заявила Сандра. — Отныне я не взгляну ни на одно полотно.

С минуту Индржих рассматривал ее с изумлением, потом сказал:

— Тебе следует обратиться к психиатру.

Сообщение с предупреждением

Будучи очевидцем сложившейся ситуации, которая вызвана нашим вмешательством с целью проведения исследования, я требую прекращения эксперимента. Не соблюдается основной закон нашего мира: ПРИНОСИТЬ ПОЛЬЗУ ЖИВЫМ СУЩЕСТВАМ. В данном конкретном случае: НЕ ИЗМЕНЯТЬ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА ДРУГИХ ПЛАНЕТ.

Соблюдение этого закона — наше общее дело. И я ответствен за такой акт в такой же степени, что и руководители эксперимента. Считаю своим долгом предупредить вас, что наше исследование влияет на живые существа здешней планеты, причем не только тем, что мы лишаем их возможности гармонично развиваться — гармонии личности, вероятно, вообще нелегко достичь. Наш эксперимент сопряжен с ослаблением или даже полной утратой у обитателей планеты такой гармонии. В процессе его проведения меняется внутренняя структура подопытных, они теряют способность поддерживать контакты с другими подобными существами. С понижением общего уровня гармонии и гармоничного развития личности в целом на планете ее обитатели перестают быть самими собой. Уровень их интеллектуального развития теперь уже далек от эталона совершенства, образец которого представляют существа, причастные к миру искусства. Именно от данной категории обитающих на планете существ передается код гармонического состояния остальным, из поколения в поколение, веками. Данная особенность связывает членов их рода между собой, она характерна для вида и не должна утратиться. Жители здешней планеты наделены и многи-

ми другими способностями, в частности интеллектуальными, однако они, бесспорно, еще не достигли уровня, типичного для большинства обитателей иных планет. Специфичность их гармоничного развития личности — наличие объектов, способствующих такому развитию, а мы волей-неволей лишаем их этого.

Я отказываюсь принимать дальнейшее участие в подобной акции. Если эксперимент не будет тотчас же приостановлен, я сам прекращу его. (Сообщения остальных членов экспедиции, подключенных к испытваемым, я научился перехватывать.)

Ответ

На основании сравнений сообщений остальных участников эксперимента можно сделать вывод, что изменения среди живых обитателей исследуемой планеты незначительны.

Если ты устал, освободись от своего испытываемого на единицу времени. Мы предоставляем тебе внеочередной отдых по состоянию здоровья.

— Что вы делаете, несчастная? — Ироудек поднес ленту к глазам Сандры, но она словно не замечала ничего вокруг себя.

Он отошел к окну, наморщил лоб, что-то пробурчал себе под нос, время от времени бросая на девушку подозрительные взгляды. Она старалась вспомнить, о чем он ее спрашивал, ведь он должен был о чем-то ее спрашивать. «Почему он так смотрит на меня? Неужели я спала?» Она будто во власти какого-то удивительного сна, красочного, необыкновенно увлекательного...

Сандра покосилась на шефа. Почему же он не разбудил ее, если она и в самом деле заснула? «Или он не понял, что я спала? Заснуть в вычислительном центре!»

— Ну так что? Для кого вы производите расчеты втайне от меня?

Она испугалась. «Я никогда не позволю подозревать меня в чем-то нечестном. Но я должна ему сказать, что мне приснился сон, обязана сказать...»

— Я видела во сне картины, — сказала она и, немного помолчав, добавила: — Может быть, мне удастся застать похитителей на месте преступления. Я рассчитала вероятность повторения краж. Они происходят регулярно. Значит, можно воспрепятствовать исчезновению картин.

«Бог мой, я все выдумываю, фантазирую!» Ей стало стыдно. Сейчас шеф поймет, что она несет околесицу, и начнет кричать. Она вся сжалась при мысли, что вот-вот раздастся разгневанный голос начальника. Но Ироудек молчал. Только внимательно, словно изучая, смотрел на нее...

— Двадцать семь, — сказал он наконец. — Ватикан: двадцать, Лувр: двадцать, Прадо: двадцать, Метрополитен-музей: шестнадцать тридцать... — Ироудек подошел к ней. — Значит, вы утверждаете, что двадцать седьмого в восемь часов вечера будут совершены кражи в Риме, Париже и Мадриде, а в половине пятого — в Нью-Йорке. — Он постучал себе по лбу.

— А может, все-таки стоит попробовать, — настаивала Сандра, сама не отдавая себе отчет, почему, собственно, она продолжает ломать комедию.

— Двадцать седьмое — это послезавтра. Мне следует поднять на ноги Интерпол? — Шеф делал вид, будто принимает ее слова всерьез.

— Хотя бы поставить музеи в известность, — умоляюще произнесла Сандра.

— Вы что, сошли с ума? Еще обвинят нас в соучастии! Хотя все это чепуха. Как вам такое могло прийти в голову? — Он махнул рукой. — Вам остается только попросить у меня разрешение на отпуск и самой отправиться туда. Вы и так две недели без еды и сна, только и знаете, что порхать по музеям. До чего себя

довели! Неудивительно, что у вас мозги стали набекрень.

— А если их все же украдут, — сказала Сандра чуть не плача. — Эль Греко, его картин так мало... «Вид Толедо» в Нью-Йорке, «Распятие» в Париже, «Воскресение» в Мадриде... — Она в растерянности замолчала. — Мне кажется, что исчезнет именно Эль Греко.

— Послушайте, — настойчиво предложил Ироудек. — Ступайте-ка домой, я все здесь приберу. А утром... утром пойдите к врачу.

Сандра ушла.

Блуждая по улицам, она вдруг заметила здание почты. «Надо телеграфировать в музеи, — вертелось у нее в голове. — Ироудек ничего не сделает, я должна сама...»

Она заставила себя перейти на противоположную сторону улицы и, не оглядываясь, направилась прямо к почте. В голове настойчиво билась мысль: «А не лучше ли обратиться к врачу?»

Нельзя сказать, чтобы подобное состояние было неприятным. Скорее, немного странным. Больше всего ее удручал тот факт, что она бессильна понять, откуда в ее голове появляются такие навязчивые идеи. Но одно она знала точно: она должна сберечь картины.

Двадцать седьмого...

«Откуда мне это известно? Как я поняла, находясь во Флоренции, что мне необходимо снова взглянуть на Боттичелли прежде, чем картина исчезнет? Откуда узнала, что полотну Караваджо «Маленький больной вакх» недолго находиться в музее? Но тогда у меня не возникало желания воспрепятствовать исчезновению шедевров живописи. Почему же теперь я активно стараюсь вмешаться?»

Придя домой, Сандра приняла транквилизатор, но он не подействовал. И вторая таблетка не сняла на-

стойчивого, поистине болезненного желания поднять телефонную трубку и сообщить пражской полиции о предстоящей краже.

На всякий случай она сунула под мышку термометр: 36,2° С. Головная боль. Навязчивое желание обратиться в полицию с требованием спасти картины, не допустить их исчезновения, иначе в ближайшее время в музеях не останется ничего ценного! И не только в музеях. У Михала, например, пропала его прелестная «Композиция»...

Перед поликлиникой Сандра остановилась — она ведь не записана заранее на прием. И с радостью ухватилась за эту мысль. «Но почему именно к психиатру? Единственное, что меня беспокоит, — то, что я знаю больше других. Разве это болезнь?» Но, несмотря на сомнения, она все же заставила себя войти в здание поликлиники.

Приемная подействовала на нее отрезвляюще: унылая обстановка, молчаливые пациенты. Из кабинета врача вышла медсестра, посетители поднялись, подали ей талончики. Сандра смущенно переминалась с ноги на ногу.

— Вы записаны?

— Нет. — Сандра резко повернулась к двери, намереваясь побыстрее уйти.

— Как ваша фамилия?

Вопрос медсестры заставил ее остановиться, в голосе женщины слышались повелительные нотки. Скрыться некуда, что ответить?

— У пана доктора сегодня всего несколько диспансерных больных, он вас примет, — сказала медсестра, указав на стул.

Сандра села ближе к выходу. «Еще можно уйти, — снова пришло ей в голову. — Чего я здесь жду?» И она словно услышала чей-то приказ: «Встань, открой дверь, выйди в коридор, никто тебе не помешает». Это был

ее собственный внутренний голос, но она уверена, что кто-то придумал за нее эту фразу. Ведь она сама не додумалась бы до такой мысли, фраза кем-то придумана. Но кем?..

Она явно ощущала присутствие чужого мышления: «Ты в здравом уме, ты и сама знаешь, что врач тебе не нужен. Ты совершенно здорова». «Да, я это знаю». Она вздохнула. Только когда человек старается доказать, что он здоров, это и есть доказательство его болезни.

«Но ты должна сохранить картины!»

«Да, я обязана сохранить картины...»

Кто-то коснулся плеча Сандры, она вздрогнула. Рядом стояла медсестра.

— Проходите, ваша очередь. Я уже вызывала вас.

Сестра обращалась с ней как с ребенком. Сандра вскочила. «Неужели мои дела так плохи?»

Доктор, оказавшийся пожилым человеком, производил впечатление всемогущего оптимиста.

— Мы поможем вам избавиться от звучания в вашем сознании навязчивого чужого голоса.

— Он не чужой, — защищалась Сандра. — Просто голос хочет того же, что и я.

— Так чего же вы оба желаете, ваш внутренний голос и вы?

Неужели доктор верит в присутствие в Сандре какого-то другого существа?

Она отвела взгляд.

— Я хочу уберечь картины.

— Какие картины?

— Те, что крадут. — «Неужели он ни о чем не знает?» — Во всем мире сейчас пропадают шедевры живописи, под угрозой нападения все музеи и частные коллекции.

Доктор кивнул, да, он слышал.

— И каким же образом вы собираетесь спасти эти шедевры?

— Сообщить в полицию... — неуверенно сказала она.

Доктор одобрительно кивал головой, и это сбивало Сандру с толку. Говорят, с сумасшедшими не спорят, поэтому-то он и соглашается. Поэтому-то и изображает, будто верит ей.

— Я говорю вполне серьезно, пан доктор, я не сумасшедшая.

— Разумеется, нет. Сообщить в полицию? Что ж, это вполне разумно. Но, право, думаю, полиция уже в курсе? Они ищут. Делают все, что могут. Полагаю, ограбления — дело рук опытных преступников, возможно, какой-то огромной организации, притом международной. У этой организации разветвленная сеть, всюду свои агенты. Они подкупают служителей, охрану, вы, разумеется, читали обо всем. Напрасно вы считаете, уважаемая, что вам по плечу сделать больше, чем полиции. Зачем же принимать все так близко к сердцу. Вы художница?

Сандра покачала головой.

— К сожалению, нет.

«Он не считает меня ненормальной, иначе бы так со мной не разговаривал. А что, если я скажу ему, что завтра...» Но фраза словно застряла у нее в горле. Очевидно, голос не хочет. А почему?

— Но вы любите искусство, — продолжал доктор. — Вы натура чувствительная. Признаюсь, мне тоже не по себе от этих краж. Невольно задаешь вопрос: к чему все это? Ну, запрячут грабители картины в сейф, даже не рассмотрев их хорошенько. И из-за этого лишать миллионы любителей искусства одного из немногих удовольствий, которые они имеют... По-моему, это бесчеловечно. Согласны?

Она согласна. Чудесный доктор. Просто непостижимо, почему бы не рассказать ему все начистоту. Но ее время истекло. Врач уже выписывал рецепт.

— Два раза в день, утром и вечером, — доктор протянул ей рецепт. — Лекарство поможет вам успокоиться. Нельзя же так расстраиваться из-за этих страшных преступлений. — Он улыбнулся. — Через две недели приходите снова.

Выйдя на улицу, Сандра с удовольствием ощутила дуновение свежего ветерка со стороны парка. Ощущение свежести было и в ней самой. «Хорошо, что я не проговорила. Увидим, послезавтра увидим». Сандра посмотрела на рецепт, который до сих пор держала в руке. Медленно, словно раздумывая, скатала бумажку в твердый шарик. «Я не больна. И лекарства мне не нужны, во всяком случае, таблетки тут ни при чем. Надо пресечь кражи — и я буду здорова».

Все ее существо *знало* о том, что готовятся кражи. Но она все же не пошла в полицию, заставила себя выждать. Ждала два мучительных дня, невзирая на снедающее беспокойство и внутренний протест, от него начинала болеть голова.

Сегодня двадцать восьмое; в газетах — ни строчки. Но разве это доказательство? Она-то уверена, что кражи уже совершены.

В полдень Ироудек включил радио с таким беспечным видом, будто слушать радиопередачи для него дело привычное. Лишь спустя какое-то время до Сандры дошло: он принес транзистор из дома. Ему не терпится узнать. Значит, он ей верит. Ироудек прибавил громкость.

«Сообщения из-за рубежа. Вчера вечером, несмотря на принятые меры предосторожности, снова похищено несколько картин...» Ироудек и Сандра взглянули друг на друга — для них это сообщение не было новостью. На сей раз преступники специализировались на картинах Эль Греко: из мадридского музея Прадо исчезло великолепное «Воскресение», из нью-йоркского Метрополитен-музея знаменитый «Вид Толедо»...

Ироудек выключил транзистор — дальше было неинтересно.

— Ну, а теперь кто на очереди? — спросил он, не глядя на Сандру.

Она пожала плечами.

— Если узнаю заранее, сообщу вам.

Она вернулась к вычислительной машине: хоть бы Ироудек ни о чем не расспрашивал, ведь она и сама толком ничего не может объяснить.

Но он и не расспрашивал. Только время от времени испуганно поглядывал на нее. Как же устроен ее мозг, влюбленный в искусство, если она способна улавливать опасность, грозящую ее кумирам, например Эль Греко? Она вещунья? Но разве в наше время существуют предсказатели, да еще в самом центре Европы, в Праге!

Индржих ждал ее с «Вечерней Прагой» в руках. На первой полосе был напечатан подробный репортаж об ограблении.

— Не твоя ли это работа? — шутливо спросил он, но ему было явно не до смеха. Откуда Сандра могла узнать о похищении картин?

Она залпом прочитала статью. Так, значит, опять служители музеев.

— Как все это объяснить? Ведь они знали о фотоэлементах! В Лувре они даже сами помогали их устанавливать.

Индржих отказывался что-либо понимать. Чем дальше, тем страннее выглядела вся эта история с картинами. Вернее, что связано с Сандрой. А ведь еще недавно ему было с ней так хорошо! Теперь же она казалась ему существом из другого мира, живущим по чужим законам...

Снова и снова Индржих читал строки, на которые Сандра указывала пальцем: мол, служители хотели сберечь бесценные произведения искусства от преступ-

ников и с этой целью перенесли картины в подвал. Они не могут понять, каким образом кто-то сумел изъять полотно из рамы и натянуть чистый холст — ведь двери в подвал были накрепко заперты. На раме обнаружены отпечатки пальцев самих служителей.

— Вспомни: точно то же произошло с «Композицией» Михала. — Глаза Сандры восторженно сверкали, словно ей удалось разгадать тайну. — Почему холст в раме у любой украденной картины оказывается чистым? Не станут же преступники каждый раз брать с собой холст, раму, печать?

— Ну, положим, заменить холст — не проблема. Это не займет много времени. — Индржиха злила заинтересованность Сандры. Злила и угнетала. Он стал бояться девушки, одержимой идеей спасения картин. Что осталось у этой девушки от прежней Сандры?

— Пани Гронкова была права! — торжествующе воскликнула Сандра, но в голосе ее прорывались рыдания. — Холсты смыты. Картин больше нет, они не существуют даже в частных коллекциях. — Она всхлинула. — Только изверг мог совершить подобное преступление! Ведь это все равно, что убить человека!

— Это мог сделать сумасшедший. — Индржих почувствовал, как его самого пробирает дрожь. — Какой-нибудь религиозный маньяк...

— Может быть. Но если я узнаю об этом заранее, я приложу все силы, чтобы воспрепятствовать его действиям!

— Каким образом, скажи на милость?

— Кое-что я уже придумала, — задумчиво ответила Сандра.

— Сандра. — Индржих обнял ее за плечи, ее одержимость пугала его. — Сандра, ты ли это?

— Не знаю. Скорее всего — нет. У меня теперь есть цель, понимаешь?

Он отпустил ее.

— Не буду тебе мешать. Надеюсь, ты справишься со своей задачей. А когда... — он замялся, — когда ты опять пойдешь к врачу?

В глазах Сандры мелькнула ирония.

— Через две недели, если ты имеешь в виду психиатра.

Он взглянул на нее.

— Когда мы встретимся?

— Когда я выполню задание, — ответила девушка. Индржих пожал ей руку: рука была горячая.

Сандра вернулась домой с непривычным чувством удовлетворения. Это ее удивило. Почему? «Не должна же я радоваться тому, что мои предсказания сбываются? Или мое прекрасное настроение объясняется разрывом с Индржихом? Но мы же любим друг друга, уже поговаривали о свадьбе. И вдруг...»

Как бы там ни было, она не чувствовала себя одинокой. Где-то внутри она ощущала присутствие союзника, невидимого существа, которое поддерживало ее во всех начинаниях. А вдруг так протекает болезнь? Какое-то странное чувство, однако нельзя сказать, что неприятное, скорее напротив. Ей не следовало ходить к психиатру. Надо было заявить в полицию о готовящейся краже, поверить своему внутреннему голосу, потому что она полностью доверяет ему, он не подведет, он тоже старается сохранить картины.

Но что с ней происходит? Внутри ее словно воцарилась тишина. Сандра напряжена, она ждет.

«Я поле», — раздалось отчетливо. Она узнала этот голос, это он звучал в ее сознании, когда она сидела в приемной у врача, а он уговаривал ее не обращаться к психиатру.

Поле? Ей сразу припомнился вечер, когда она рылась в книгах в поисках определения материи, частиц, поля. Одновременно она представила себе другое поле: «Зеленые хлеба» Ван Гога, картину, возможно, уже уничтожен-

ную неизвестным преступником. Поле? Она как бы шагнула прямо в картину: безбрежная ширь полей, воздух, наполненный влагой. Раздвигая шуршащие колосья, она продвигалась вперед, куда-то за пределы рамы, в бескрайнюю даль, по просторному широкому полю.

Сандра опустилась на стул.

«Я твое поле», — послышалось снова внутри ее, вокруг нее. Она погладила колосок, землю и вдруг ощутила чье-то прикосновение, словно поле хотело защитить ее.

Все ее существо внимало знакомому голосу. *«Ты сомневаешься, тебе трудно представить эту реальность: вы, люди, не располагаете в достаточной мере развитыми бессмысловыми ощущениями. Не уловив смысл, вы не способны представить реальный предмет, все, о чем вы не имеете представления, кажется вам ирреальным. Вы считаете: этого предмета, существа нет. А я все-таки существую».*

«Знаю, что ты существуешь, — прошептала Сандра, — знаю, что ты со мной».

«Хорошо, что знаешь. Я не обнаруживал себя, чтобы тебе это не было обременительно. Но ты не воспринимала мои советы, не выполняла мои приказания. Я же могу спасти ваши картины только с помощью человека. А поскольку я нахожусь в тебе, значит, мои действия будут исходить от тебя. Понимаешь?»

«Понимаю, поле».

Вокруг нее заколыхались колосья, почва превратилась в мягкую пуховую подушку.

«Спокойной ночи, нам обоим нужно отдохнуть, — промолвило поле, — моя энергия не безгранична. А перед нами ответственная задача. Утром я расскажу тебе о ней».

Она пробудилась от прекрасного сна, напоенная ароматом хлебов, счастливая, жаждущая выполнять приказания. «Поле! Можно мне обратиться к тебе?» Она доверчиво поверила в предсказания, услышанные ею во

сне; она не сомневалась, что все это могло ей присниться.

Поле!

Слегка обеспокоенная тишиной, наступившей внутри ее, Сандра спешила на работу. Она уже знала: сегодня вечером из Национальной галереи исчезнет Ван Гог. Картина «Зеленые хлеба».

Она посмотрела на Ироудека. Нет, он не помощник. Что он может предпринять? Скорее, Михал, ведь руководители галереи с его мнением считаются.

Сандра набрала номер мастерской художника.

— Когда? Что? Где? — Михал не понял. — Картину Ван Гога? Украдут служители? Чепуха, я их всех знаю. Это надежные люди.

— Я забегу к вам, можно?

— Заходи. Я заканчиваю копию «Композиции».

Ироудек молчал. Он решил не обращать внимания на Сандру и не вникать в ее рассказы о картинах. И она была признательна ему за это. Сандра волновалась: удастся ли уговорить Михала, убедить его, чтобы он поддержал ее план — предотвратить кражу картины. Об Индржихе она даже не вспомнила.

День выдался пасмурный, казалось, он никогда не кончится. Поле молчало. Сандра дважды ошибалась в расчетах, выполняя задание. Ироудек хмурился. Время кражи приближалось. Сумеет ли Сандра этому помешать?

Выслушав Сандру, Михал пожал плечами, но согласился помочь. Девушка позвонила домой, предупредила, чтобы мать не ждала ее к ужину. Галерея была закрыта, однако охрана встретила Михала с радостью, надеясь на его помощь.

Два служителя ходили вокруг картины «Зеленые хлеба». У обоих было такое ощущение, почти уверенность, что картину сегодня украдут, ее необходимо спрятать в безопасное место. Михал судорожно глотнул воздух. В подвал?

А куда же еще?

Сандра встала перед полотном Ван Гога, готовая защитить шедевр, если вдруг Михал согласится с этим предложением. И вдруг она поняла: ее поле стало чужим! Оно покинуло ее, перешло к другим людям. Видимо, оно осознало, как много значит искусство для человека. Быть может, здесь, в этом зале, происходит борьба полей. «Мое поле, будь сильным, не поддавайся уговорам, под- скажи, чем тебе помочь».

Тихо. Пусто. Только Михал поверил Сандре. Он выта- щил из портфеля выпуск «Вечерней Праги» и показал дежурным:

— Читали сообщение? Чистые полотна! А картины были вынесены в подвал! И с моей «Композицией» такое же приключилось. Просто уму непостижимо. Должно быть, орудует сумасшедший с целью лишить нас, людей, произведений искусства, понимаете? А служители тех музеев арестованы, — он ткнул пальцем в газету. — Почитайте-ка их показания: они оправдывались, будто действовали так, чтобы спасти картины.

Однако охранники галереи долго не поддавались на уговоры Михала, хотя в их словах уже не было прежней уверенности. Наконец они уступили: картина осталась на месте.

Михал взял с них слово, что они не прикоснутся к полотну, пригрозив, что сообщит в полицию, если они предпримут что-либо. Как ни странно, но он был уверен: если картина останется там, где висит, ее не украдут. Взяв Сандру за руку, он направился к выходу.

— Кража не совершится, — сказала она Михалу на прощание.

— Надеюсь, — буркнул художник, — надеюсь. Но ты... ты просто волшебница, Сандра.

Заключительное сообщение

Считаю своим долгом сделать следующее заявление, хотя вы меня и не вызывали. Я не воспользовался от-

пуском, но лишь ненадолго покинул своего испытуемого, причем для четко намеченной мною цели. Я слился с личностью художника, чтобы с его помощью сохранить картину, которой грозила опасность уничтожения.

Я поступил вопреки нашей программе, поскольку вы не сочли возможным согласиться с моими предложениями. Интеллигенция здешней планеты вправе оказывать вам сопротивление, ибо интересующие нас объекты необходимы им...

Мне удалось предотвратить исчезновение одной картины. С помощью моего испытуемого я постараюсь передать гласности суть происходящего эксперимента... Люди дорожат этими объектами, которые позволяют им гармонично развиваться, участвовать в процессе творчества. Человек без искусства — неполноценная личность. И хотя вам известны характерные особенности обитателей планеты, вы не слились с ними в единое целое, а без этого нельзя понять человеческую сущность. Я же составляю неделимое целое со своим испытуемым, потому я способен понять его переживания. Теперь я на стороне людей, заодно с ними, против вас. Я вполне осознанно повторяю: против вас, а не против нас. Я не отношу вас к нашему роду, коль скоро вы поступаете противозаконно.

Я надеюсь, что вы не решитесь на крайнюю меру и, прибегнув к современным средствам, не начнете стирать изображение с полотен прямо в галереях. Подобная акция вызовет всеобщую панику и тем самым приведет к существенным изменениям здешнего разумного общества. Уже сейчас обитатели этой планеты с трудом объясняют происходящую замену объектов: исчезновение картин и появление на их месте пустых полотен в рамах.

Я предполагаю, что меня ожидает, если вы расцените мое поведение как бунт и отключите меня от источника энергии. Но иначе поступить я не могу, я не позволю се-

бе действовать вопреки законам совести, я отказываюсь чинить препятствия прогрессу и естественному развитию человечества. Последствия такого вмешательства даже трудно себе представить.

Если вы сочтете мои требования обоснованными, одобрите мое поведение и действия, буду счастлив отправиться вместе с вами в обратный путь сразу же, как только вы мне прикажете.

Ответ

Мы отвергаем обвинение в противозаконных действиях, оно безосновательно. Твоя оценка изменений, происходящих в здешних существах, сильно преувеличена. Мы проверяли: эти изменения незначительны, существа функционируют вполне нормально. О регрессе не может быть и речи, ибо большая часть человечества (пользуемся твоей терминологией) не проявляет никакого интереса к картинам.

Твое поведение мы объясняли перенапряжением, что, впрочем, наблюдается и у некоторых других членов экспедиции в определенные периоды. Но твой отказ выполнить задание, к сожалению, убедил нас: дело не в усталости, а в изменениях, происшедших в твоём организме. Ты воспринял жизненные принципы и интересы существ, населяющих здешнюю планету, ты стал гибридом. Ты сам отторг себя от нашего общества, ибо в таком изменённом виде ты уже никогда не сможешь стать его полноценным членом.

Оставайся там, где ты есть, доживай свой век, питаясь собственной энергией. Мы не в состоянии разделить твою участь, даже если бы и захотели: тогда нам пришлось бы оставить здесь и остальных членов экипажа, никоим образом не заслуживших изгнания. К тому же их ещё можно использовать в дальнейших экспедициях. На данной негостеприимной планете нет более интересующих нас объектов исследований.

Твои действия способствовали тому, чтобы наше задание было завершено в ускоренном темпе. Полученных образцов, по всей вероятности, достаточно, чтобы сделать определенные выводы, хотя нам пока не удалось выявить функциональное значение собранных объектов. Мы, естественно, против того, чтобы вызвать всеобщую панику, и тебе, нам кажется, не стоило поднимать этот вопрос: разумеется, и нам известно, какие последствия могут повлечь на здешней планете подобные поступки. По возвращении мы сообщим твоим друзьям о судьбе, которую ты сам себе уготовил.

— В чем дело, Сандрочка, почему мы грустим? Или мы скучаем без краж?

Взглянув на Ироудека, Сандра даже не улыбнулась.

Он подошел к ней, дружески положил руку на плечо. Что она может ответить? Как должна вести себя? Ведь это в конце концов неприлично — все время ходить с заплаканной физиономией. Разве Ироудек в чем-то виноват?

— Что с вами? Вы ведь теперь знаменитость! Вот уже две недели о вас трубят во всех газетах — и у нас, и за рубежом, интервью в журналах: САНДРА СПАСАЕТ КАРТИНУ «ЗЕЛЕННЫЕ ХЛЕБА». Вас это не радует? Или вы расстались со своим приятелем?

Сандра отвернулась.

— Ах вот в чем дело. Ну, ничего, переживете, такое с каждым может случиться. Пройдет неделя-другая, и вы об этом и не вспомните.

Расстались с приятелем? Если бы.

«Меня покинуло поле, мое поле, вот уже две недели оно не дает о себе знать. А почему, собственно, оно должно давать знать о себе? Ведь кражи прекратились... Мне помогло поле, всем нам помогло поле. Я должна быть счастлива».

Но Сандра не испытывает счастья. Она тоскует, как если бы ее покинул человек, который постоянно находился рядом с ней, вернее в ней самой, и вдруг исчез, не попрощавшись, даже адреса не оставив.

«Поле, — шептала Сандра каждый вечер, — отзовись, мое поле. Многое я хотела бы узнать. Откуда ты, из какого мира?»

Она долго прислушивалась к пустоте...

«Ты так долго молчишь. Ты еще со мной?»

«Да, я с тобой», — раздалось внезапно, и она вздрогнула.

Поле!

«Сандра, — прозвучало тихо внутри ее, — эксперимент завершен, я исполнил свой долг. Кончилось и мое вмешательство. Не жди от меня никакой помощи, разве что одни неприятности. Наши законы не позволяют изменять живые существа, а я изменяю тебя, ты становишься непохожей на своих соплеменников. Мы больше не можем быть вместе. Чтобы сберечь картины, я обращался за твоей помощью и превысил свои права. Ибо я понял, вернее, ты помогла мне понять, что для вас имеет ценность. Ты должна снова обрести прежнее свое состояние, стать сама собой, а не каким-то раздвоенным существом. Вот почему я и не даю о себе знать. К тому же беседы с тобой резко сокращают запас моей энергии, впрочем, это не главное. Видишь, я искренен и откровенен. Мне хорошо. Ты понимаешь, меня, Сандра?»

Вместо ответа она заплакала.

«Поле мое, объясни, что значат слова: эксперимент завершен? Чей эксперимент? Ведь я ничего не знаю. А ты? Куда отправишься ты, когда покинешь меня?»

«Не беспокойся обо мне, Сандра, я существую по законам нашей планеты и по тем же законам умру. Как в свое время и ты, Сандра. Законы природы неумолимы, и мы должны считаться с ними».

Ее обдало легким ветерком; она подняла руку — ветер прошел сквозь пальцы.

«Я знаю, мое поле, мне будет тоскливо без тебя».

«Если ты хочешь, на какое-то время я останусь с тобой и сделаю это с великой радостью. Если ты вдруг надумаешь сделать мне приятное, позволь полюбоваться картинами, которые я могу обозревать только твоими глазами и восторгаться только благодаря твоему восприятию. Ничего подобного в жизни я еще не испытал. Ты выполнишь мою просьбу? Хотя бы иногда посещай музеи, прошу тебя. Прости, Сандра, что я не понял раньше...»

Ветерок затих, колосья застыли в неподвижности.

«Поле, — думала Сандра, — сколько времени ты еще сможешь побыть со мной?»

Она не торопила его с ответом.

«Разговор со мной лишает тебя сил, а я не хочу твоей смерти. Но останься подольше со мной, мы вместе походим по музеям. Я научу тебя смотреть картины — тому, чему я так мечтала научить Индржиха...»

Утром Сандра никак не могла решить, стоит ли ей идти на прием к психиатру? На всякий случай она положила талончик в сумку: идти — не идти?

Ноги заплетались; она тащилась в поликлинику вместо того, чтобы бодро шагать на службу. Но ей уже знакомо было такое состояние. «Поле, мое поле, ты хочешь, чтобы я шла к врачу? Почему?»

И все-таки она пересилила себя и пошла на работу. День прошел беспокойно, снова ошибка в расчетах. К счастью, Ироудек не из тех, кто устраивает скандалы. Что же ей делать? Вечерами ее мучает головная боль, которая не прекращается ни на минуту. «Ладно, завтра пойду к врачу, если ты этого хочешь. Но почему? Или это не твоя воля? Ты уже не со мной?»

Тихо, пусто до грусти. Тоска...

«Ты уже не будешь со мной, поле? Врач должен приглушить мою боль? Ладно, послушаюсь тебя. Но если ты так думаешь, то зря. Я всегда буду вспоминать о тебе с благодарностью, мое доброе поле. Никогда не забуду тебя...»

Та же приемная, молчаливые пациенты, та же медсестра.

— Прошу вас, девушка. — Бодрый голос, профессиональная улыбка.

— Я назначена на сегодня, пан доктор. — Она кладет талончик на стол.

— Так, так. Значит, вы — та самая знаменитая Сандра, что спасла картину Ван Гога и все остальные.

Сандра молчит, выжидая. «Зачем ты послало меня сюда, поле? По-твоему, я должна поддерживать пустую беседу?»

А психиатр продолжал:

— Интересный случай, в самом деле, чрезвычайно интересный. Когда вы были здесь в прошлый раз, все выглядело гораздо проще. Помните?

Она кивнула.

— Тогда я не сказала вам всего, пан доктор.

Он понимающе улыбнулся.

— Никто никогда и не выкладывает врачу все во время первого визита. — Он показал ей на кресло, она села. — Но раз уж я вами занялся, расскажите-ка мне обо всем подробнее.

Он вытащил из ящика стола номер журнала «Кветы», где было помещено интервью с Сандрой.

Сандра молчала.

Врач раскрыл журнал.

— Вы можете описать свои ощущения? Чем была вызвана ваша уверенность? Каким образом вы получили информацию?

— Мне нечего добавить, пан доктор. Все было именно так, как здесь написано. Просто однажды я узнала, что предстоит похищение картины Ван Гога.

— Вам сообщил об этом тот самый голос, о котором вы упоминали в прошлый раз?

— Не знаю. Собственно, это даже не голос.

Она колебалась, но сигнала открыть тайну от поля

не поступило. «Бедняжка поле, оно хочет, чтобы врач дал мне что-нибудь успокаивающее». Волна нежности мелькнула у нее в глазах, и врач насторожился.

— Знаете что? Давайте-ка попробуем гипноз. Ложитесь сюда.

Она послушно легла на кушетку. «Если поле не захочет, чтобы я говорила, оно даст мне знать». Сандра уставилась на блестящий шар, висящий у нее над головой, и стала вслушиваться в слова врача: отдохните, ни о чем не думайте, представьте себе то место, где вам хотелось бы быть. Вы спокойны, вас ничто не волнует. Шар то тускнел, то вновь становился блестящим, словно его окутывала серая пелена, веки тяжелели, слова, доносившиеся откуда-то издалека, становились все приглушеннее. Сандра вновь очутилась на поле, на мягкой теплой земле среди хрупких колосьев; ощущение счастья, почва под ногами дышит одновременно с ней и пульсирует в том же ритме, что и ее сердце...

Но вот солнце превратилось в лампу, а земля — в простыню. Врач внимательно и спокойно смотрел на нее. А Сандре хорошо: она до сих пор ощущает это двойное слаженное пульсирование. Она улыбнулась.

— Благодарю вас, пан доктор.

И она охотно рассказала о своих ощущениях: поле, похожее на то, что на картине в галерее, но в то же время совсем другое, чем «Зеленые хлеба».

— Вы хотели бы иметь эту картину?

Взгляд девушки выражает удивление.

— Зачем? Она у меня есть. Ведь ее не украли.

Доктор прикрыл глаза. «У вас есть эта картина, точно так же как у меня, как у любого другого посетителя галереи».

— Я имею в виду, хотели бы вы иметь ее у себя дома? Сандра не понимала.

— Но ведь... Она всегда в моем распоряжении...

— Ага, зрительная память. Воображение. Беспокой-

ство о судьбе произведения искусства, которым вы особенно дорожите. Не так ли? Между прочим, охранники тоже испытывали чувство беспокойства: страх, что произойдут кражи, обуял всех, весь мир был в тревоге. А вы — такая чувствительная, такая эмоциональная натура...

Говоря эти успокаивающие слова, врач не испытывал удовлетворения. Что, собственно, ему удалось выяснить?

— Голова болит? Чувствуете себя хорошо? — продолжал он задавать привычные вопросы.

— Вполне нормально.

И все же врач выписал рецепт.

— Вы и на сей раз не рассказали мне откровенно обо всем. Ну, как-нибудь загляните еще, — прощаясь, сказал он.

Сандра поблагодарила и поспешила уйти. «Ты со мной, поле, ты еще со мной, и мне этого достаточно. Для чего мне лекарства? Сразу же после работы мы пойдем с тобой на выставку современного искусства, хочешь? А в воскресенье поедem в Збраслав, я постараюсь научить тебя разбираться в скульптуре. Вечером мы вместе будем читать стихи».

Эпилог

Изгнание

Отовсюду изгнан. Один.

По распоряжению руководства все участники эксперимента своевременно покинули своих испытуемых, лишь я остаюсь. Если бы я не взбунтовался, я бы тоже сейчас возвращался вместе с ними... Мне предстояла еще долгая жизнь, интересная, плодотворная, полезная.

Но что осталось бы после меня?

После акции, которая могла бы изменить жизнь планеты, теперь уже моей планеты, которую они называли

негостеприимной, я бы испытывал постоянные угрызения совести, чувствовал бы себя виноватым. Разве я мог смириться с тем, что моя собственная жизнь интересная? Плодотворная? Полезная?

Обладай я большими запасами энергии, я бы остался здесь и ждал. Ждал того момента, когда смогу вернуться к себе на родину вместе с человеком. Хотя путешествие со скоростью, которая не вредна человеку, для нас слишком незначительно — оно продолжалось бы столетия, — все-таки я бы дождался. А сейчас я обречен на гибель: мне неоткуда пополнить свои запасы энергии.

Я должен погибнуть: вступив в контакт с представителями здешней интеллигенции, я израсходовал слишком много энергии. Но я об этом не жалею. Я сделал это ради человечества.

Я бы с удовольствием остался с тобой, Сандра, еще на некоторое время; я бы смог еще просуществовать за счет твоей энергии, утечку которой ты бы даже и не почувствовала — ведь ты постоянно рождаешь новую энергию. Но это всего лишь вторичная энергия, не та, которая дает мне возможность чувствовать себя самостоятельным существом. Я бы только воспринимал тебя, выслушивал, не в состоянии ответить взаимностью. Разве это жизнь? Это равноценно смерти.

И все-таки я бы остался, ты мне веришь? Но я не стану этого делать, ибо мое присутствие изменяет тебя. Ты относишься ко мне так, как могут относиться друг к другу только представители одного рода, вы нуждаетесь в постоянном общении, я должен говорить с тобой. А мои силы на исходе. Я постараюсь вернуть тебя в твое первоначальное состояние. Чтобы ты могла жить, как раньше. Вот почему я заставил тебя пойти к врачу, а его — дать тебе сеанс гипноза. Остатки своей энергии я израсходуя, сообщив тебе мою последнюю волю: **З А Б У Д Ь М Е Н Я**. Если

ты забудешь меня, не оставишь в своей памяти, я умру дважды. Но ты будешь жить, счастливо жить. Ты научила меня называть это совестью. Я не знаю, какая разница существует между понятиями «совесть» и «ответственность»; наш закон предполагает руководствоваться в своих действиях чувством ответственности. Я, не согрешу, выполнил его. Я вычеркну себя из твоей памяти. уничтожу все следы о себе в твоих воспоминаниях. И ты забудешь меня. Ты вернешься к тому человеку, которого покинула ради меня.

Я совсем близко, Сандра, и я чувствую свою обновленную гармонию. Освободившись от меня, ты, верно, улыбаешься в ожидании новой встречи. Мне не хватает твоих чувств, Сандра, я бы хотел видеть, слышать... Но я забуду, что означают эти слова. И сами слова забуду, энергия убывает, прощай, Сандра, твое поле погибает. Но оно не жалеет об этом, оно ни о чем не жалеет. Я познал, понял и пережил то, что мало кому из нас суждено. Пока будет теплиться во мне моя угасающая жизнь, я буду благодарен тебе: ты научила меня жить так, как живете вы, люди. Трудно. Несовершенно. Но как прекрасно это несовершенство! Перед человечеством открыты безграничные возможности, жаль только, что я уже не увижу, как оно их реализует...

Збинек Черник

Самое запутанное дело комиссара*

Домик комиссара стоял в стороне от других домов на окраине города. Уличное освещение в эту глушь еще не провели, всюду было темно, светилось только одно окошко на втором этаже — видимо, там комиссар работал. Улица была пуста. Шёнсберг вышел из машины, закрыл ее на ключ и направился к двери, нащупывая кнопку звонка. Ага, вот и она. Он позвонил. Из глубины дома раздался голос хозяина:

— Входи, Гарри, дверь открыта.

Комиссар — один из умнейших полицейских страны, гроза всех жуликов, бродяг и воров (ни одному из них не удавалось от него уйти) — был старым холостяком. Любитель одиночества, он не имел привычки приглашать подчиненных к себе домой, даже в силу служебной необходимости. Но сегодня он сделал исключение, позвонил Шёнсбергу и попросил приехать к нему, да не откладывая. Случилось, мол, нечто чрезвычайно важное.

Шёнсберг по деревянным ступеням поднялся на второй этаж в кабинет комиссара. Тот его уже ждал.

— Присаживайся, Гарри, — сказал комиссар. — Сожалею, что был вынужден вытянуть тебя из дома, но боюсь, что дело, о котором хочу тебе рассказать, не

* Пер. изд.: Černík Z. Komisařův velký případ: в сб. Železo přichází z hvězd. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

терпит отлагательств. Ты ведь знаешь, я служу в полиции три десятка лет, собственно говоря, именно сегодня исполнилось ровно тридцать лет, как я вступил в полицию — день в день. За это время никому и никогда не удавалось застать меня врасплох, не удастся и сейчас. (Это была своеобразная присказка, неизменно одна и та же, постоянно повторяемая. Комиссар начинал ею каждое дело, чем, откровенно говоря, несколько раздражал своих в общем-то верных и преданных сотрудников.) Но легкой работенки ждать нечего, это точно. Итак, к делу. Ты когда-нибудь слышал об опытах профессора Холма из Генетического института? Вряд ли, я так и думал. О них не принято открыто говорить, а тем более писать. И я бы ничего не знал, если бы... Вот именно, если бы. Сам-то я в этом деле не специалист, от биологии всегда держался подальше, поэтому прошу извинить за неточность. Ну, так вот. Этот самый Холм и его ассистент нашли способ воздействия на гены человека, благодаря чему сущность индивида может полностью измениться. Результаты опытов, как утверждают, поистине ошеломительные: речь идет о создании человека, скорее сверхчеловека, который способен делать все, о чем мы, простые смертные, можем лишь мечтать. Только представь себе: развитие этого мутанта — так сами ученые его называют — от младенческого возраста до возмужания происходит всего за каких-нибудь два года. Через два года он уже полностью сформировавшаяся личность, способная жить до двухсот лет! Но это еще не все. Ты только послушай, на что он способен. Я тут записал кое-что для памяти.

Комиссар открыл записную книжку и начал читать монотонным голосом, сопровождая текст комментариями:

— При ходьбе пешком мутант способен развивать скорость до пятидесяти километров в час (вроде как в сапогах-сорокоходах), потребность в сне у него минималь-

ная, час-другой в сутки, он превосходно переносит огонь, обладает способностью к регенерации (отрежешь ему ногу, а она снова вырастет!); раны, смертельные для простого смертного, у него моментально заживают, он может питаться любой пищей, даже человеком. И наконец, самое главное: мутант наделен способностью влиять на сознание других людей. Он может кого угодно убедить, например, в самом абсурдном и невероятном, а потом использовать это в своих целях. Причем, заметь, не имеет значения, общается ли он непосредственно с тем или иным человеком или делает это телепатически; расстояние значения не имеет. Ему ничего не стоит убедить убогую старушку-пенсионерку, что неделю назад она заняла у него полмиллиона, а старую деву — что он ее первенец; пешехода, которого чуть не сшиб грузовик, что никакого грузовика не было, и все в таком роде.

Комиссар с минуту помолчал, прокашлялся и продолжал:

— Сам понимаешь, с такими свойствами мутант — не только чудо века, но по целому ряду причин и огромная опасность для окружающих. Парочки таких «сверхлюдей» достаточно, чтобы переделать человечество, если, конечно, они этого захотят. Поэтому все опыты в Генетическом институте пока приостановлены. Но один мутант, единственный представитель своей суперрасы, успел появиться на свет божий. Несколько лет его держали в строгой изоляции, в эдакой тюрьме со всеми удобствами, но, несмотря на все строгости, ему удалось скрыться. И не далее как сегодня.

Шёнсберг неподвижно сидел на стуле, внимательно слушал шефа и молчал.

— По мнению профессора Холма, и это понятно, мутант будет вести себя с людьми агрессивно, — продолжал комиссар. — Дьявол сорвался с цепи, но тот хоть дневного света боялся. Мутант не боится ничего. К сожалению.

У комиссара был необычно обеспокоенный, даже расстроенный вид.

— В любом случае дело надо держать в секрете, — сказал он. — Писаки не должны ничего разнюхать, не то среди населения начнется паника. А мы обязаны принять все меры и задержать потенциального возмутителя спокойствия, пока он ничего не натворил. Дело это нелегкое, мутант — не обычный злодей или убийца, а человек по своему умственному развитию на ступень выше нас. Я хотел перед началом розыска посоветоваться именно с тобой. Знаешь, я тебе верю, считаю своей правой рукой...

Шёнсберг, который, не меняя позы, слушал комиссара не перебивая, сейчас как бы мимоходом заметил:

— По твоим словам, мутант обладает способностью влиять на сознание других людей. Тогда ответь, пожалуйста, на один вопрос. Что бы ты сделал, если бы этим мутантом оказался я?

Комиссар нетерпеливо от него отмахнулся:

— Брось ты эти шуточки, нашел момент!

— Шутки? — повторил Шёнсберг. — Я спрашиваю, что бы ты делал, если бы удравший мутант, этот, как ты выразился, единственный представитель своей суперрасы на Земле, внушил тебе посредством телепатии, чтобы ты набрал такой-то номер телефона и пригласил его к себе домой? Ты полагаешь, что разговариваешь сейчас со своим старым сотрудником Гарри Шёнсбергом, а на самом деле это не он. Мутант предпринял это для устрашения тех, кто собирался плести вокруг него интриги.

Слушая своего подчиненного, комиссар потерял дар речи. Впервые за тридцать лет безупречной полицейской карьеры, тридцать лет тяжелой, опасной работы, тридцать лет распутывания невероятно сложных дел, из которых он неизменно выходил победителем, хотя враги не раз пытались пристрелить его как зверюшку-вредителя, зажарить как кролика, утопить как котенка. Впервые за

эти тридцать лет ему показалось, что он недооценивал своего собеседника. На лице Шёнсберга он увидел усмешку победителя. Неужели перед ним и в самом деле сидит удивительный и опасный мутант? Чушь! Ведь Шёнсберга он знает столько лет! Знает ли?

Все это за долю секунды промелькнуло в голове комиссара. Так или иначе, позволить себе рисковать он не имеет права. Пистолет лежал в ящике письменного стола, стоявшего в углу комнаты. Скорее туда и как можно незаметнее! Внешне сохраняя спокойствие, комиссар сделал несколько шагов по направлению к столу.

— Сейчас ты идешь за пистолетом, — сказал Шёнсберг, — но позволь тебе напомнить, что мутант обладает способностью к регенерации (помнишь: отрежешь ему ногу, а она тут же снова вырастет) и что смертельные для простого смертного раны у него сразу заживают. Тебе придется согласиться, что на такого жалко пули.

— Ну, вот что, пора кончать игру. Начнем рассуждать здраво, — сказал комиссар, хотя отлично понимал, что ни о какой игре речь и не идет. Его сомнения сменились страшной уверенностью. Мозг напряженно работал. Нельзя терять ни минуты, преступно дать этому супермену возможность напасть первому, надо немедленно что-то предпринять!

Он рванулся к двери в соседнюю комнату и быстро повернул за собой ключ. Все произошло в одно мгновение.

— Спасен! — с облегчением выдохнул комиссар, но тут же понял, что ненадолго. Он оказался в глупейшей ситуации. Телефона в комнате нет, а единственная дверь ведет туда, откуда он только что счастливо сбежал. Помощи ждать неоткуда. Остается одна возможность: окно. Правда, в его возрасте это тяжело: стена совершенно гладкая высотой в несколько метров, ухватиться не за что. Кроме того, кругом темень и вообще, что и говорить, прекрасная картина — комиссар полиции покидает собст-

венный дом путем, который обычно избирают преступники! Но делать нечего, выбора у него нет. Вперед!

— Ты, конечно, хочешь выбраться через окно и удрать, — отозвался из соседней комнаты Шёнсберг, — но позволь тебе напомнить, что мутант ходит со скоростью пятьдесят километров в час (вроде сапог-скороходов), так что ты и шага не сделаешь, как я тебя схвачу. Напрасные хлопоты, признайся.

Хочешь не хочешь, а комиссар не мог не согласиться со столь веским аргументом. «А есть ли у меня вообще какие-либо перспективы выбраться отсюда?» Сейчас шеф полиции очутился в труднейшей ситуации. Он был как зверь в клетке. Впервые за тридцать лет своей карьеры комиссар не мог найти выход.

— Мутант обладает целым рядом и других исключительных свойств, — вновь раздался голос за дверью. — Так, например, потребность в сне у него минимальная — час-другой в сутки, он превосходно переносит огонь и... самое лучшее на десерт — мутант может питаться любой пищей, даже человеком.

Тут последовал звук, словно голодный великан прокусывает деревянную дверь. Мир завертелся перед глазами комиссара.

Когда он пришел в себя, перед ним стоял инспектор Гарри Шёнсберг, а рядом инспекторы Борн и Фитусси. На их лицах была ухмылка, а Шёнсберг тихонько хихикал.

— Ну и дрянь, — сказал он, с отвращением выплевывая щепки, — пришлось и в самом деле грызть дерево, чтобы выглядело правдоподобно.

— Перемена пищи еще никому не вредила, — загоготал Борн и обратился к комиссару: — Ты уже очухался?

Комиссар долго не мог произнести ни слова. Наконец он выдавил из себя:

— Что все это означает?

— Это означает, — весело ответил Борн, — что мы

пришли поздравить тебя с тридцатилетием службы в полиции. Что же касается того, что здесь произошло, так это всего лишь... шуточка, розыгрыш. Мы сказали себе: если за тридцать лет его никто не застал врасплох, почему бы не попробовать нам? И видишь, получилось.

— Но как же так? — спросил комиссар, все еще ничего не понимая. — Мутант ведь действительно существует. Заявление поступило от самого профессора Холма.

— Конечно, существует, но чудовище и не покидало своего убежища, сладко спит себе в теплой постельке в Генетическом институте. А профессор Холм приходится Гарри дядюшкой, вот мы его и взяли в компанию.

В этот момент в комнату вошел седовласый мужчина в очках.

— Холм, — представился он и подал комиссару руку. — Думаю, вы не сердитесь, комиссар. Что мне оставалось, когда ваши ребята ко мне пришли с довольно забавным предложением. Я пообещал, что поеду вместе с ними в вашей полицейской карете.

— Чертовы дети, — сказал комиссар, добрея.

Тем временем Борн вытаскивал бутылку шампанского, которым всегда отмечают все торжества.

— Какая-нибудь посуда в доме есть, шеф?

В кабинете зазвонил телефон. Комиссар вышел из комнаты и несколько минут с кем-то разговаривал, потом позвал Холма:

— Профессор, это вас.

Когда Холм вернулся, у него был обеспокоенный, даже подавленный вид.

— Удрал, — сказал он. — Мутант удрал. Теперь уже на самом деле.

Комиссар откровенно забавлялся.

Збинек Черник

Машина времени*

На лице полицейского чиновника изображалась досада. Еще бы! От этого поручения он не испытывал ни малейшей радости, если быть откровенным — ему вовсе не хотелось его выполнять. Подумать только: сотруднику полиции поручают дать заключение о какой-то экспериментальной установке, что-то вроде нового транспортного средства. Сам факт, что задание поручено сотруднику полиции, естественно, не вызывал недоумения, не будь такой детали: это транспортное средство якобы могло двигаться в четвертом измерении («Четвертое измерение! Такая глупость!» — говорил себе чиновник с раздражением, а прибор уже заранее вызывал у него подозрение.) К тому же эту чертову машину сконструировал не кто иной, как старый знакомый, профессор Холм. Своими выходками — открытиями и изобретениями — профессор не раз ставил полицию, мягко говоря, в затруднительное положение. Нет уж, тут определенно пахнет шарлатанством и надувательством!

— Так. Где эта ваша штуковина? — зловеще спросил страж закона и инструкций у служителя науки. — Попробуем ее на зубок.

Холм молча показал на улицу. У бордюра тротуара стояла развалина, в лучшем случае похожая на обломки отслужившего свой век автомобиля.

* Пер. изд.: Černík Z. Stroj času: в сб. Železo přichází z hvězd. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

Полицейский не поверил своим глазам.

— Вы что, серьезно предлагаете такое старье на экспертизу? — разгневался он. — Где фары, стоп-сигналы, указатели поворота, зеркало заднего обзора? А правила вы знаете?

— Простите, какие правила? — недоумевал профессор.

— Как какие? Правила дорожного движения, конечно!

— Гм, не сердитесь, но для четвертого измерения никаких правил еще не разработано. Видите ли, эта машина, я назвал ее, каюсь, несколько нескромно — холмобилем, относится к категории машин времени. Вы наверняка о них слышали или читали. В литературе ими занимался не один автор. Взять, к примеру, Герберта Уэллса, его-то уж вы наверняка знаете...

Однако факты, которые свидетельствовали бы о том, что чиновник знал Герберта Уэллса или какого-либо иного фантаста, не подтвердились. Поэтому Холм сократил свою речь.

— А я первый, кто сконструировал такую машину.

Полицейскому начинала надоедать вся эта история.

— Послушайте, — перебил он профессора, — не пытайтесь меня надуть разными вашими измерениями. Можете притащить их хоть целый ворох, а эту колымагу я не допущу на дорогу даже четвертой категории.

В конце концов он дал себя уговорить на одну пробную поездку. Чиновник с недоверием уселся на переднее сиденье рядом с Холмом.

— Где ремни безопасности? — сурово спросил страж порядка. — Тоже нет?

— Куда? — лаконично парировал профессор.

— Что — куда?

— Куда поедет? В будущее или в прошлое? И на какой срок?

Лицо официального представителя автодорожной ин-

спекции вдруг обрело черты человечности. Вполголоса он мечтательно пробормотал:

— Иногда мне приходит в голову мысль: было бы здорово вернуться назад лет на тридцать. В те времена я был парень хоть куда, частенько с друзьями ездил в кабачок «У зеленого дерева». Музыка, девчонки... Да что и говорить, в наше время такого уже нет.

Профессор потянул на себя рычаг переключения передач и слегка нажал на педаль, чтобы дать газ. Машина тронулась с места и понеслась, оставляя за собой облако черного дыма. Увидев такое «чудо», инспектор не сдержался, терпение его лопнуло, и он закричал:

— И такой развалиной мы должны разрешить вам пользоваться? Вы же отравите выхлопными газами весь город!

Но дым уже испарился. Откуда-то издалека доносились звуки старомодного духового оркестра, а вывеска на ближайшем доме оповещала, что перед ними кабачок «У зеленого дерева».

Для холмобиля открылась «зеленая улица». Началось его серийное производство, которое, однако же, не могло удовлетворить постоянно растущего спроса. Интерес к приобретению лицензии проявили и зарубежные фирмы, в том числе несколько американских, которые, запустив массовое производство модели, нашли выход из собственных экономических трудностей. В парижском автосалоне должен был вскоре экспонироваться первый холмобус, а туристские фирмы усиленно рекламировали коллективные путешествия в древние века. Короче, перед человечеством неожиданно открылись новые, поистине сказочные возможности. Но, к сожалению, всплыли и некоторые моменты, о которых раньше никто не догадывался.

Однажды профессор Холм получил повестку явить-

ся в полицию. На лестнице полицейского комиссариата он встретил того самого инспектора, что в свое время счастливо совершил поездку во времена своей молодости и посетил кабачок «У зеленого дерева». Чиновник, зло-радно ухмыльнувшись, приветствовал Холма:

— Пожалуйста, пожалуйста, рады вас видеть. Наш шеф, вероятно, напрасно вас побеспокоил, не правда ли? Пожалуйста сюда.

Шеф сидел за письменным столом и допрашивал какого-то подозрительного малого. Увидев профессора, он встал и пошел ему навстречу.

— А, профессор Холм. Добро пожаловать, присаживайтесь. Как дела? Как холмобили?

— Э... э...

— Ну, ну, не скромничайте. Должен вас поздравить. На сей раз вы придумали действительно сенсационную вещь. Я много читал об этом в газетах: «Перед человечеством открылись новые, неожиданные возможности». Святая правда, профессор, святая правда. Взять, к примеру, моего соседа. Раньше в отпуск он ездил на Черное море. А сейчас — что вы! В этом году отправился в тринадцатый век на рыцарские турниры. С семьей! Поистине сказочная вещь.

И вдруг выражение восхищения на лице шефа полиции сменилось нескрываемым бешенством.

— Вы в состоянии себе представить, какую кашу заварили этой своей чертовой машиной?

Холм и не пытался представить.

— Так я вам перечислю все по пунктам, уважаемый пан профессор, слушайте внимательно. Вы внесли в нашу жизнь полную сумятицу. Люди теперь путешествуют и в будущее, и в прошлое, стоит им только приобрести ваш холмобиль. Разыскали в прошлом аборигенов, теперь тащат их сюда, в наше время. А эти бедняги не способны ни на что и в конце концов садятся на нашу шею: мы вынуждены их содержать. Недавно для них пришлось

соорудить палаточный лагерь за городом. Живут там пришельцы из прошлого, сотни две набралось. Среди них один старый кельт, два римских консула, жители Карфагена, которые постоянно ссорятся с консулами, дело доходит до поножовщины, какая-то любовница Карла Великого, Джордано Бруно собственной персоной — его кто-то из наших сограждан спас от инквизиторов в самый последний момент перед казнью. Там разместился отряд солдат Кромвеля, какой-то поручик австро-венгерской армии и еще бог весть кто. Да, чуть не забыл: среди всей этой братии можно видеть и десяток каких-то кубообразных фигур, которые утверждают, будто они люди десятого тысячелетия нашей эры. Не пожелал бы я моим потомкам быть на них похожими! Но что поделаешь, наших потомков это, вероятно, ожидает. Главное, всех их нам, вероятно, придется депортировать обратно за свой счет.

Шеф полиции высморкался и продолжал:

— В других странах и того хуже. В Соединенных Штатах Америки происходят вооруженные столкновения между местным населением и эмигрантами из других времен, есть убитые. В Нидерландах профсоюзы угрожают всеобщей забастовкой в знак протеста против того, что предприниматели нанимают на работу выходцев из другого времени, разумеется, за более низкую плату. Швейцария ужесточила меры против въезда в страну, хотя результатов от этой акции пока нет.

Он еще раз высморкался, после чего продолжил свою обвинительную речь.

— Это не все. Наши современники удирают в другие времена и не желают возвращаться обратно. Так, король рецидивистов Бек перебрался на пятнадцать лет назад, и теперь мы не вправе его арестовать, ибо в то время, не поверите, он жил честно. Или возьмем случай с неким Капланом. Этот проходимец умудрился переместиться на двадцать пять лет назад, выбрав тот год, рассчитав

точнехонько день в день, когда его вторая половина упала с лестницы, сломав себе три ребра, обе ноги и левую руку, и была отправлена на несколько месяцев в больницу. А сейчас милая женушка осаждает нас, забросала требованиями: верните, мол, моего муженька обратно. Каплан же и слышать об этом не хочет, твердит, что такого счастья, как тогда, ему потом уже и не снилось. Вот так-то, уважаемый пан профессор. Пока все держится в тайне, но из достоверных источников нам стало известно: начались переговоры о прекращении производства холмоби́лей всех типов и об уничтожении всех уже действующих транспортных средств данной марки.

Профессора Холма уже ничем не удивишь. Он-то знает, что порой, казалось бы, счастливое изобретение приносит несчастье. Ученый предложил свою помощь официальным властям: ускорить перевозку эмигрантов в их собственное время, предоставив для этой цели свой холмобиль. Он сел за руль и отстартовал вместе с Джордано Бруно.

Но назад профессор не вернулся. Его исчезновение толковали по-разному. Кое-кто предполагал, что мог отказать двигатель, когда Холм высаживал знаменитого итальянца в соответствующую временную точку. Разъяренные инквизиторы, мол, сожгли и профессора. Но Холм не простачок, вряд ли он позволит себя сжечь. Правдоподобнее, что профессор попросту опередил свое время, оно стало для него тесным и он вынужден был его покинуть. А возможен и такой вариант: четвертое измерение стало доступным для всех, а профессор, будучи человеком любознательным, взял и отправился вместе со своим спутником в пятое, шестое или седьмое измерение. Кто знает?

Збинек Черник

Роковая ошибка профессора Гонзалеса*

Когда профессор Холм работал над чем-то серьезным, а в основном он именно этим и занимался, внешнее окружение для него переставало существовать. Погруженный в мир постоянных выкладок и размышлений, ученый забывал о пище, сне, забывал заскочить в кафе и поприветствовать кассиршу, внести деньги за квартиру, а друзей и знакомых, которых случайно встречал на улице, и вовсе не узнавал.

Однажды вечером, когда Холм возвращался с работы домой, по обыкновению погруженный в мысли, его отвлек голос пана Водички, соседа:

— Добрый день, пан профессор, добрый день.

— Добрый день, — вежливо ответил профессор, намереваясь продолжать путь.

Но сосед не позволил так легко от себя отделаться.

— Пан профессор, не желаете ли отведать яблочко?

— Что? — удивился Холм.

— Я говорю — яблочко отведать. В этом году урожай неплохой, а я один, мне все не переработать. Возьмите парочку на пробу.

— Гм, очень мило с вашей стороны. Пожалуй, от двух-трех яблок я не откажусь.

Холм начал потихоньку оттаивать.

* Пер. изд.: Černík Z. Osudný omyl patagonského profesora: в сб. Železo přichází z hvězd. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

Пан Водичка усадил профессора на скамейку, что стояла в саду, а сам побежал искать какой-нибудь кулек, чтобы отсыпать яблочек.

— Так что, пан профессор, все открытия выдумываете? — сосед изо всех сил старался поддержать разговор.

— Да как выходит, — смутился Холм.

— Знаете, пан профессор, я иногда прикидываю, ведут ли эти открытия и новинки к чему-либо хорошему? Будет ли от них, если правду сказать, какая-то польза? Не сердитесь на меня, пан профессор, я так попросту...

— Да что вы, продолжайте, — рассеянно ответил Холм.

— Взять, к примеру, ваши открытия. Помнится, как-то вы открыли, что смех продлевает человеческую жизнь, и люди повсюду стали хохотать так, что животы лопались, хотя вообще-то им было не до смеха. У меня тогда от гоготанья аппендикс прорвался, и я три недели провалялся в больнице.

Холм молчал.

— В другой раз вы изобрели своего мутанта, ну того, у которого оторванные руки и ноги снова вырастали, как хвост у ящерицы. Ну, он еще сожрал все премудрости мира и, кстати, не только премудрости. Голодный, он удрал из вашей лаборатории и слоупал ворота муниципального совета, швейцара и церковного старосту. Вот переполох-то был, помните?

— Ошибаетесь, пан Водичка, — прервал его Холм. — Вот этого пока не было. Мутант еще ждет своего рождения. Вы, видимо, читали сообщение об этом в какой-нибудь газете, где упоминалось и мое имя. А в остальном, сказать откровенно, — Холм доверительно наклонился к соседу и зашептал, — мне иногда кажется, что все вокруг только фикция и что мы, вы и я, только литературные персонажи, выдуманные герои. Впрочем, современникам и не понять многого из моих открытий и изобретений: в своих научных поисках я использую идеи,

до которых еще далеко нашей эпохе. Так что напрасно вы ломаете голову над всем этим.

— Да, но...

У пана Водички был такой вид, будто он не очень-то понял Холма. Он вручил профессору сумку с яблоками, и они распрощались.

Примерно через неделю пан Водичка вновь окликнул профессора Холма, возвращающегося с работы:

— Поздравляю, пан профессор, поздравляю!

Несколько растерянный Холм позволил ему пожать руку.

— Вот, читаю в газетах, — сказал пан Водичка, потрясая последним выпуском «Вечерних новостей»: — «Последнее фантастическое открытие Холма! Универсальный прибор, действия которого основаны на принципе превращения энергии в материю с увеличением массы получаемого вещества. Первые опыты проведены успешно: получена куриная ножка массой почти с грузовик, выращена муха величиной с кабана, малюсенькая пылинка достигла размера теннисного мяча». Вот здорово, пан профессор! Не могли бы вы и мне помочь: пусть яблоко вырастет покрупнее, вот как счетчик для газа, к примеру. Тогда моих запасов хватит мне до самой смерти.

— Вообще-то мог бы, — подтвердил Холм.

— Нет, пожалуй, не стоит. Мне бы не пришлось тогда возиться в саду, и я помер бы от скуки. Кстати, пан профессор, а это вы читали?

Пан Водичка показал на заметку под заголовком «Большое жульничество».

«Некий профессор Альфонсо Гонзалес из Патагонии утверждает, что открытие Холма — сплошной вымысел, Холм сознательно обманывает общественность и его надо за это судить».

Но это известие не слишком вывело Холма из себя.

— Видите ли, пан Водичка, коллега Гонзалес не очень-то жалуется меня, — разъяснил он. — Он ведь тоже довольно давно работает над созданием универсального прибора, увеличивающего массу, но пока очевидных успехов не достиг. Представляю, как он огорчился, узнав, что мне удалось смастерить аппарат. — С минуту Холм помолчал, а потом доверительным тоном продолжал. — Я кое в чем вам признаюсь, пан Водичка, но прошу держать это в секрете. Мой прибор в нынешнем виде способен увеличивать массу только вещества, то есть предмета, материально существующего. Вот увеличу вам яблоко, кусок хлеба или бифштекс с яйцом. Это делается очень просто: нажму кнопку — и готово. Со временем, надеюсь, мне удастся усовершенствовать аппарат, тогда можно будет приумножать вещи нематериальные.

— Нематериальные? — удивился пан Водичка.

— Вот именно, — увлеченно объяснял Холм. — Представьте, что нам будет подвластно увеличивать, например, любовь, дружбу, симпатию или, на худой конец, взаимопонимание.

— Неужели такое возможно? — восторженно воскликнул пан Водичка.

— Согласно утверждению литературы, а мы обязаны верить творениям великих писателей, все возможно. Вот ведь и мы с вами — герои литературных произведений.

— Да, уж это и впрямь открытие, пан профессор, — допустил пан Водичка, но потом заколебался. — Послушайте, но тогда возможно увеличивать и ненависть, зависть, ревность?..

Пан Водичка был не единственным, кто знал о планах Холма и понимал эффективность их реального использования. Узнал о готовящемся открытии и главный противник Холма — профессор Альфонсо Гонзалес из Патагонии. Причем узнал во всех деталях, до

мельчайших подробностей. У профессора Гонзалеса созрел дьявольский, хотя в некоторой степени и наивный план: выехать (разумеется, инкогнито) в Европу, проникнуть (разумеется, под покровом ночи) в лабораторию Холма и проверить на себе работу его аппарата — увеличить собственную массу, превратив себя в великана. Одновременно с увеличением массы его тела, по мнению Гонзалеса, возрастет и его злоба к преуспевающему коллеге. Запаса этой нематериальной субстанции — злобы — будет достаточно, чтобы стереть в порошок самого Холма. Дело пустяковое, детская забава, заранее торжествовал Гонзалес.

Минуло несколько недель. Как-то раз профессор Холм остановился у соседского сада и возбужденным голосом позвал:

— Пан Водичка, посмотрите, пожалуйста.

Он вытащил из кармана спичечный коробок, открыл его и... что это?! В коробке находилась крошечная кукла.

— Какая хорошенькая,— вздохнул пан Водичка,— это что, брелок для ключей?

— Нет,— ответил Холм,— это профессор Альфонсо Гонзалес из Патагонии.

Сосед вытаращил глаза.

— Паршивец, отъявленный мошенник, скотина!— донесся из коробка писклявый голосок профессора Альфонсо Гонзалеса из Патагонии, который, разумеется, говорил по-испански.

— Что он такое несет?— удивился пан Водичка.

— Не стоит переводить,— ответил Холм.— Пан профессор у нас еще не адаптировался. Придется преподавать ему манеры хорошего тона.

Позднее Холм охотно рассказал соседу, каким образом профессор Гонзалес оказался в спичечном коробке.

— Знаете, пан Водичка, прошлый раз, когда мы с вами беседовали, вы упомянули о ненависти, ревности и так далее. Вот я и решил, надо бы избавиться от плохих человеческих свойств, а хорошие приумножить. Я попробовал перестроить свой аппарат и, признаться, успешно. Теперь с его помощью можно не увеличивать массу, а уменьшать ее. Однажды ночью в мою лабораторию, конечно, без приглашения, явился профессор Гонзалес и влез в аппарат. Он-то был уверен, что прибор увеличивает массу. А оказалось наоборот! Но вот в чем загвоздка: до сих пор мне не удалось скорректировать процесс увеличения и уменьшения массы нематериального. Поэтому-то профессор Гонзалес, внешне превратившись в гномика, не уменьшил своей ненависти ко мне. Слышите, как он клянет меня на чем свет стоит?— усмехнулся Холм, прикладывая коробок к уху пана Водички.

Оттуда раздались звуки, напоминающие мышинный писк.

Соседи сидели на скамейке и молча любовались заходящим солнцем. Наконец пан Водичка произнес.

— Я, пан профессор, вновь подумал о том, что вы мне уже говорили. Что мы якобы литературные герои.

— Боюсь, что именно так,— подтвердил Холм.

— Тогда, выходит, в действительности нас нет?— усомнился пан Водичка.

Холм не мог этого опровергнуть.

— Это уж совсем никуда не годится. А смогли бы вы, пан профессор, выдумать такой аппарат, чтобы вернуть нас в реальную жизнь?

— В реальную жизнь?— переспросил профессор Холм.

— Да, чтобы мы превратились в настоящих людей, чтобы мы существовали на белом свете.

— Наверное, смогу,— задумчиво произнес Холм.— Но запомните, пан Водичка, в реальную жизнь возвратимся только мы с вами. А этого,— Холм потряс спичечным коробком,— оставим в его домике и в литературе.

Пан Водичка не возражал.

Иржи Чигарж

Долина*

Уже в полдень мы отклонились в сторону от основной трассы и окончательно заблудились, когда горы окутал густой туман. Дороги в горах не было. Приходилось ориентироваться лишь по гулкому пенистому течению горного потока да по едва заметной колее, проложенной в мягкой почве тяжелыми грузовиками, что перевозили экспедицию на Большой водопад месяц назад. Теперь туман клубился глубоко-глубоко под нами. Казалось, весь мир внизу покрыт мягкой белоснежной периной. А из нее вдруг кое-где да и вынырнет, как островок, зубчатый гребень гор. Наш джип полз все дальше по незнакомой местности. Нас обступили высокие вершины гор, покрытые льдом,— их мы раньше не видели и, уж конечно, напрасно искали на нашей примитивной карте. Никаких каньонов там и в помине не было. Смеркалось. В диком горном краю нас, членов исследовательской экспедиции, было двое — отец и я.

Машина свернула вправо, взбираясь вверх, где среди горных массивов проглядывал треугольник голубого неба. Неожиданно внизу показалось небольшое плато, защищенное с севера и запада скалой. Лучшего места для лагеря и не придумать.

* Пер. изд.: Čiháň J. Údolí: в сб. Železo přichází z hvězd. Mladá fronta, Praha, 1983.

© Mladá fronta, 1983.

Перевод с сокращениями.

Я остановил джип у низкорослых кустов можжевельника.

При свете последних лучей огромного фиолетово-красного солнца, которое озаряло заснеженные горные вершины над нами и окрашивало их в фантастические цвета, мы торопливо разбили палатку и соорудили пристанище. Между тем туман рассеялся. Когда мы взглянули вниз, у нас прямо-таки дух захватило — такой необыкновенный открылся обзор.

Под нами расстилалась огромная чашевидная долина, со всех сторон окруженная горами. Она напоминала большой амфитеатр. Лишь в одном месте, там, где отвесные скалы образовывали узкое ущелье, виднелся просвет. На дне этой глубокой чаши поблескивало почти круглое озеро. Вода в нем была необычного, удивительного цвета. В горах нам уже встречались озера ледникового происхождения, обычно темно-синие или холодно-зеленые. Эта же водная гладь, на которую мы взирали с высоты птичьего полета, отливала желто-зеленым оттенком. В воде причудливо отражались горы.

Приписав эту удивительную картину световым эффектам заходящего солнца, которые порой доводится видеть в природе в таких поистине сказочных проявлениях, мы несколько пришли в себя и уже спокойнее взирали на окружающий мир. С последними лучами солнца долина погрузилась в темноту, а вскоре и вершины вокруг нас растаяли во мраке. Сразу похолодало. Мы забрались в палатку и, наскоро перекусив, быстро заснули после утомительного трудового дня.

Когда мы проснулись, солнце стояло высоко над горизонтом. Озеро и при дневном освещении не потеряло своей необычной окраски. После завтрака я сказал:

— У меня огромное желание спуститься и взглянуть на воду вблизи.

Отец какой-то миг колебался, потом сказал:

— В самом деле, такого чуда я никогда не видел. Ну

что ж, времени у нас достаточно, можно и спуститься.

В пользу этого, как позднее оказалось рокового, решения у него имелся еще один веский довод: мы отправились вслед за основной экспедицией на четыре дня раньше запланированного срока, так что на базе нас никто не ждал, а к Большому водопаду мы успевали вовремя.

До озера было каких-нибудь пятьсот-шестьсот метров. Мы беззаботно спускались по склону, лавируя между островками кустов можжевельника и распутившихся темно-фиолетовых рододендронов и любуясь незнакомыми нам горными цветами. Неожиданно пестрая палитра цветущих растений исчезла и нашему удивленному взору предстала каменистая поверхность, по которой были разбросаны крупные валуны. Казалось, кто-то отсек гигантским ножом всю нижнюю часть долины вдоль берегов озера, выдернув из почвы каждую, пусть слабую, травинку, цветок, мох, кустик можжевельника. Что бы это могло быть?

— Такое впечатление, будто совсем недавно здесь смысла все подчистую лавина воды,— рассуждал я вслух и уже сделал шаг в сторону озера. Но не знаю, по какой причине — может, у отца появилось смутное предчувствие опасности или он уловил слабый запах сероводорода в воздухе,— только он схватил меня за руку и преградил мне путь.

— Остановись, Мартин! Давай-ка прежде оглядимся.

Медленно продвигаясь вдоль озера почти вплотную к самой границе унылой каменистой пустыни, мы обратили внимание, что растительность здесь пожелтела, словно ее опалили. И тут же натолкнулись на первое мертвое существо.

Им оказался козерог с огромными, спиралевидно закрученными рогами. Метрах в тридцати от него лежали останки какого-то другого животного поменьше. А вни-

зу, у самого берега, на воде раскачивался трупик какой-то водоплавающей птицы.

Я хотел поближе рассмотреть высохшее тельце мелкого грызуна, лежавшее почти на рубеже «мертвой земли», и нагнулся. Тотчас в легкие проник едкий запах, закружилась голова, и подкосились ноги — хорошо еще, что отец, который стоял сзади, успел меня подхватить.

— Не делай глупости, сынок,— услышал я его голос.— В этой долине полным-полно ядовитого газа. Потому-то здесь ничего не растет да и животные всюду только мертвые. Тебе лучше? Сядь-ка!

— Это от гнусного смрада,— выдавил я из себя.— Надо бы узнать, что это такое.

Мы пришли к выводу, что необходимо исследовать и воду из озера. Сделать это мы собирались с помощью приспособления, которым обычно пользовались гидробиологи для сбора планктона. Прибор состоял из плексигласового цилиндра, вмещающего до двух литров жидкости. На верху цилиндра имелись выпуклые клапаны; они герметично закрываются, стоит дернуть за веревочку, к которой привязан цилиндр. Этим прибором гидробиологи определяют наличие живых организмов в воде и химический состав воды на определенной глубине. Мы вернулись к машине, отец вытащил из кабины прибор, я запихал в маленький рюкзачок все необходимое для проведения химических анализов, после чего мы спустились к озеру. Отец осторожно забросил цилиндр на берег, к самой туше мертвого козерога. Немного подождав, он резко дернул за веревку. Клапаны, щелкнув, захлопнулись; отец медленно потянул цилиндр к себе.

Химический анализ газа не отнял много времени. Как оказалось, газ представлял собой смесь угарного и углекислого газов и сероводорода с преобладанием угарного газа.

— Видимо, здесь где-то из-под земли выбиваются га-

зы,— сказал я,— и стекаются к озеру, скапливаясь в этой чаше над поверхностью воды. Нечто подобное происходит в Долине смерти в Аризоне. Посмотри: оттуда, сверху,— я показал на противоположный берег, где виднелся узкий разрез ущелья,— газ проникает в долину и оседает в ней.

— Теперь остается набрать воды.

Отец забросил цилиндр метра на три от берега. Можно представить себе мое удивление, когда я, подхватив цилиндр, наполненный водой, коснулся рукой его стенок: они были теплые! Мы измерили температуру воды, термометр показал 18°С выше нуля! Вот так оказия: для высокогорного озера ледникового происхождения вода слишком горяча! Кроме того, в ней содержится большое количество газов.

Не переставая дивиться всему, мы начали обследовать берег и, как только обогнули крохотный заливчик, поняли, откуда в озеро проникают газы: в полутора десятках метров от берега вода словно кипела, слышался приглушенный гул, напоминающий бульканье.

— Смотри, вот где появляются газы! Они, пробуравив дно, проникают в озеро. Поэтому вода так насыщена окисями углерода и сероводородом,— воскликнул я.

— Взгляни-ка лучше туда,— отец указал на какие-то светло-серые шаровидные образования, что виднелись на отлогом, лишенном растительности склоне в самой южной оконечности озера. Издали они были похожи на гигантские грибы-дождевики. Подойдя почти вплотную, мы долго разглядывали загадочные творения.

Самые крупные шары расположились на довольно большом расстоянии от воды; чем ближе к берегу, тем они становились мельче. Ни у отца, ни у меня сомнений не возникало: перед нами живые организмы. Но какие? Разве в этой ядовитой атмосфере возможна жизнь?

— Кажется, нам придется здесь немного задержаться. Надо же выяснить, что это такое. Весь вопрос в том,

как добраться до этих шаров? Пожалуй, стоит попытаться доставить их сюда наверх и уже здесь досконально исследовать,— сказал отец.

И вдруг меня осенило.

— Акваланг и скафандр — вот что нам надо! Тогда мы без опасения можем вступить в зараженную зону. Воздух для дыхания будет поступать из баллонов, а в скафандр газам не проникнуть!

— Ты прав, это выход. Но сразу обоим идти не следует. Сначала попробую я, если произойдет неладное, ты меня вытащишь. Привяжи меня за веревку и тяни, как только я дам тебе знать. Понял?

— Что тут мудреного!— фыркнул я.— А сколько ты вешишь, небось, все девяносто килограммов? Так вот, первая попытка за мной, я килограммов на двадцать полегче!

Мы возвратились в лагерь, наскоро перекусили и приготовили снаряжение. Прихватив с собой несколько пробирок, полиэтиленовые сосуды и химические реактивы, мы отправились к месту, где нашли «дождевиков». По пути отец снова настаивал на том, чтобы первым отправиться в зараженную зону. Однако, пока он на берегу приводил свои аргументы, я поспешно натянул на себя скафандр, маску, ласты и перчатки. Ему оставалось только смириться. Опоясав меня концом длинной силовой веревки, он закрепил второй конец у себя на поясе. И вот я вступил на поверхность, где виднелись шаровидные образования, а воздух был наполнен ядовитыми испарениями.

Несколько минут я постоял не двигаясь, потом, повинуясь знаку отца, присел на корточки, а затем опустился прямо на землю. Дышалось мне легко. Через некоторое время, поняв, что все в порядке, я поднялся и медленно направился вниз, к «дождевикам». Мне оставалось пройти каких-нибудь несколько метров до ближайшего и самого крупного «гриба», как вдруг я ощутил сперва смутное, а с каждым шагом все усиливающееся

беспокойство. Вскоре меня охватил безумный страх. Я бросил взгляд на «дождевик»: мне почудилось, что он начал светиться. И те, что находились поблизости, тоже. Чувство опасности и страха усиливалось. Я повернулся и быстро зашагал к берегу. Неприятные ощущения столь же внезапно исчезли.

Тогда я решил проверить, что будет, если я вернусь. Но вновь, приблизившись к «грибам», я словно бы услышал предостережение «Не приближайся, беги обратно!» и почувствовал, что отец дергает веревку. Оглянувшись, я увидел, что он знаками призывает меня к себе. Я постарался успокоить его, помахал рукой и продолжал осторожно продвигаться вперед. Чувство страха перед какой-то неизвестной опасностью возрастало с каждым шагом. Веревка снова задергалась, я не реагировал, тогда отец стал с силой тянуть меня к себе. Сопротивляться было бессмысленно. Я повернулся и неторопливо стал карабкаться вверх. Потом отбросил тяжелый акваланг и стянул с себя маску.

Выслушав мой рассказ, отец покачал головой:

— Ты не поверишь, но и мне стало страшно. Будто кто-то нашептывал мне: «Убирайтесь-ка отсюда подобру-поздорову, вас подстерегает опасность!»

— Послушай, отец, при моем приближении «дождевики» засветились, в них появились ясные синеватые блики!

— Выходит, они прозрачные?

— Пойдем вместе, убедишься сам!

— Хорошо. Я захвачу с собой пару бутылок для пробы воды, исследуем ее под микроскопом.

Отец натянул на себя скафандр, и мы направились к воде. На камнях, раскиданных по берегу у самой кромки воды, мы заметили какой-то белесо-серый студенистый налет. Отец поскреб ближайший камень, аккуратно положил кусочек «студня» в полиэтиленовый сосуд, а другой сосуд наполнил водой из озера.

— Теперь двинемся к «дождевикам»,— прозвучал его голос, приглушенный шлемом.

Я кивнул.

Вблизи скопления «дождевиков» комья серого студенистого вещества были заметно больше. По мере приближения к этим удивительным «грибам» меня все сильнее охватывало необъяснимое чувство беспокойства. Я взглянул на отца. Он закивал, словно бы подтверждая, что и он испытывает те же ощущения. Мы остановились в нескольких шагах от «дождевиков».

— Не бойся, подойдем к ним поближе,— сказал отец.

— Но мне становится все хуже и хуже,— пожаловался я. — Дальше я не сдвинусь с места.

До самой крупной «шляпки» оставалось не более трех метров. Почему-то я не сомневался, что приказ «стоять на месте» исходит именно от нее. Только я об этом подумал, как искрение внутри «дождевика» стало постепенно ослабевать, а вместе с ним исчезали страх и неприятное чувство беспокойства. Казалось, это удивительное создание свыклось с нашим присутствием. Вероятно, и отец ощущал то же самое, потому что он сказал:

— Ну что ж, идем дальше!

И мы спокойно приблизились к «дождевику»-великану. Он и в самом деле был полупрозрачный, мутноватомолочного цвета. Свечение, в тот момент очень слабое, хотя и постоянное, возникало в самых различных местах: синеватые искры вспыхивали одновременно то тут, то там.

За этим «дождевиком» виднелись другие, правда уступающие ему по величине. На самом дальнем от берега участке возвышалась в одиночестве огромная «шляпка» — пожалуй, с меня ростом. Этот «гриб» светился не так ярко, как остальные: к его матовому свету примешивался желтоватый оттенок. Мы наблюдали, как свечение постепенно исчезало, а вся гигантская груша словно сморщилась. В тот же миг произошло чудесное превра-

щение: теперь «дождевик» напоминал исполинскую буханку хлеба, только что вынутую из печи, — он моментально осел. На наших глазах колосс буквально растекался; внизу появилась светло-серая густая жидкость, которая медленно поползла к озеру. Я успел зачерпнуть небольшое количество жидкости в пробирку.

Мы прошли по гряде «дождевиков» до самого озера. У воды они были гораздо мельче, но их было столько, что вода в этом месте превратилась в густой слизистый раствор. Комочки слизи, которые мы обнаружили метрах в десяти от берега, здесь слились в сплошную массу, которая узкой полосой тянулась по побережью у самой воды. А чуть выше из нее, словно шляпки гвоздя, появлялись пузырьки; чем дальше от воды, тем они становились больше. У нас на глазах из серой слизи выступали все новые и новые «шляпки», которые, постепенно увеличиваясь, становились похожими на «дождевиков». Свечение наблюдалось у наиболее крупных из них, причем мы подметили закономерность: чем больше шляпка «дождевика», тем интенсивнее она светилась.

Между тем солнце спустилось в горы и вскоре скрылось за вершинами; наступили сумерки, стало прохладно. Пришлось вернуться в лагерь. К микроскопическому исследованию образцов удалось приступить уже затемно. Протянув кабель от аккумулятора джипа в палатку к лампе микроскопа, отец углубился в работу. Я же занялся химическим анализом воды. Это не отняло у меня много времени, и я успел приготовить легкий ужин.

Как показал анализ, в озерной воде содержатся в сравнительно большом количестве бактерии-палочки. Бактерии же, но сферической формы были обнаружены и в жидкости, которую нам удалось собрать из-под шляпки крупных «дождевиков». Микроорганизмы кишели и в жидкости, взятой из тела «опавшего» крупного «дождевика». Все эти виды мы приняли, как позже оказалось ошибочно, за естественных паразитов «дождевиков».

Отец тщательно зарисовал форму обнаруженных нами бактерий и сфотографировал. К сожалению, работа осложнялась тем, что оба вида бактерий на воздухе погибали, поэтому отцу приходилось вновь и вновь наполнять пипетку жидкостью из бутылок с образцами воды. Но бактерии погибли и в бутылках, слизь растворилась, а на дно осела лишь едва заметная серая капелька. Кислород воздуха для слизи и бактерий оказался губительным.

Следующие два дня промелькнули незаметно. Мы с утра до вечера были на ногах. Чем дольше мы наблюдали за «дождевиками», тем больше увлекали нас эти загадочные организмы, то и дело преподнося нам сюрпризы. Мы называли их Головы, что, на наш взгляд, полнее отражало сущность этих удивительных творений природы.

— Они же не какие-нибудь безмозглые грибы, — заявил я.

Нас заинтересовал цикл развития Голов — с момента их зарождения до «увядания». Головы появлялись из серых слизистых комочков, сконцентрированных преимущественно у южного побережья озера. Комочки эти активно перемещались, можно сказать — выпрыгивали из воды на берег. Из них вырастали крошечные прозрачные Головки. По мере удаления от воды они быстро росли и меняли окраску — из нежных, молочного цвета организмов превращались в твердые, грязно-коричневого цвета. Уже в метре от воды Головы по размерам напоминали шарики для настольного тенниса, а в пяти-шести метрах достигали размеров футбольного мяча. Именно в таких «экземплярах» появлялось свечение. Крупные Головы искрились постоянно и одинаково по всей поверхности. Внешний раздражитель вызывал интенсивное свечение. Самая высокая Голова была ростом с человека.

Круглое, сверху слегка сплющенное тело покрывала прозрачная очень прочная эластичная пленка. Передвигались загадочные организмы крайне медленно, особенно крупные экземпляры. При достижении максимального размера передвижение Голов и вовсе прекращалось. Этот, последний, этап их жизненного цикла длился всего несколько часов, после чего организм умирал.

Как передвигались Головы по суше — от воды вплоть до склона гор, — мы долго не могли себе представить и в конце концов пришли к выводу, что они перекатывались, сантиметр за сантиметром.

Густая жидкость, вытекающая из тела погибшей Головы, снова попадала в озеро; в ней содержалось множество бактерий-палочек, которые мы сначала приняли за паразитов. Тщательно прослеживая их дальнейший путь, мы обнаружили, что в воде они свободно передвигаются около двух дней, а затем группируются у берега и образуют студенистые комочки, которые и составляют ядро нового поколения Голов.

Жизненный цикл этих таинственных организмов — с момента скопления бактерий до полного распада — длится, как мы полагали, около месяца. Жизнь прекращалась там, где отсутствовал доступ воды из озера на поверхность.

Микроскопический анализ тела взрослых Голов показал наличие множества темно-серых узелков-утолщений. В надежде изучить строение ткани мы решили впрыснуть в Голову красящее вещество. И тут нас ждал сюрприз. Во-первых, оказалось, что Головы питаются влагой, содержащейся в верхнем слое почвы, а во-вторых, — потрясающее открытие! — они обладают способностью общаться, причем не только между собой, но и с нами!

А произошло это так. Мы подготовили растворы с красящими веществами, которыми обычно пользуемся для органических структур. Сначала мы попытались подкра-

силь Головы кармином. Но капнув в почву, где находилась одна из крупных Голов, несколько капель раствора, мгновенно почувствовали мощный импульс-предупреждение — такое же чувство опасности мы испытали при первом приближении к «дождевикам». Одновременно нижняя часть Головы сильно заискрилась, и вся она резко отодвинулась от опасного места.

Однако, стоило нам капнуть на другие участки почвы разведенными фиолетовыми чернилами, никакой реакции не последовало. Более того, Головы не реагировали и на раствор фиолетового красителя; тело их тут же окрасилось в фиолетовый цвет. При этом мы успели заметить, что оно пронизано густой сетью сосудов и капилляров, образующих темно-фиолетовые узелки. Наиболее разветвленная сеть сосудов наблюдалась в верхней части тела. Краска, проникая по сосудам, достигала «темечка» Головы, и теперь на ее «макушке» красовалась как бы фиолетовая шапочка.

И еще одна любопытная деталь: сигналы-предупреждения мы ощущали только при первом приближении к загадочным существам. Уже на второй день мы воспринимали лишь слабые импульсы, а затем и они исчезли. Позднее, собрав о Головах почти всю возможную информацию, мы уяснили: эти удивительные организмы весьма быстро «осмыслили», что мы им не враги.

Нас, естественно, интересовало свечение Голов, и мы пытались определить его интенсивность с помощью особых чувствительных приборов. В состоянии покоя наблюдалось слабое свечение, и стрелки на приборах не отклонялись. Однако достаточно было небольшого возбуждения, к примеру прикосновения к оболочке тела или нескольких капель кармина, как появлялось интенсивное свечение и искрение. И тут же мы ощущали сигнал-предупреждение, а стрелка на приборе отклонялась. Значит, тела эти были наэлектризованы, причем сила тока превышала биотоки животных и человека.

— Сегодня захватим с собой магнитофон, — решительно сказал я накануне отъезда. — Вдруг одновременно со свечением Головы издают звуки? Возможно, слишком слабые, поэтому мы их не слышим. Если усилить звук, может, и удастся засечь что-либо.

Отцу мое предложение пришлось явно не по душе.

— Не лишнее ли это, сынок? Слишком буйная у тебя фантазия.

— А как ты объяснишь, что при искрении одной Головы, когда мы к ней приближаемся, начинают светиться и остальные? — спросил я.

— По-моему, они передают друг другу информацию посредством электрических импульсов. Почва под ними влажная, поэтому существует неплохая электропроводность.

Я не стал спорить, но магнитофон все-таки прихватил с собой, сунув в рюкзак еще несколько скальпелей, бутылки и флаконы с фиксатором — в них мы собирались складывать образцы тканей Голов различных размеров для гистологического и химического анализов в базовой лаборатории. По дороге к озеру отец спросил:

— Как, собственно, ты собираешься пользоваться магнитофоном?

— А помнишь, вчера, когда мы громко разговаривали, Головы ярко засветились. Вот я и подумал: что если мы снова устроим шум, а я включу запись. Может, удастся выяснить, что же происходит в Головах при искрении. Кто знает — вдруг мы узнаем, как они реагируют на наше общение с ними: когда мы непосредственно их касаемся или вводим карминовую краску в почву.

— Ладно, попытка не пытка, — сдался отец. — Но имей в виду — долго задерживаться нельзя, дел по горло, до обеда мы должны успеть собрать все образцы. К двум часам пополудни нужно упаковать вещи и двинуться в путь. Ты ведь знаешь, сегодня вечером нас ждут у Большого водопада!

«Запись» отняла добрый час. Мы громко переговаривались между собой, дотрагивались до Голов снизу и сверху, разбрызгивали карминовую жидкость. Чего только не придумывали, чтобы заставить Головы ярче светиться! Все это время магнитофон был включен. Как только пленка кончилась, я сразу решил ее прослушать. Увы, мой прогноз не оправдался. Даже нажав на клавишу громкости до отказа, мы различили только собственные громкие голоса и какое-то едва слышное попискивание.

— Хватит, Мартин! Продолжать этот спектакль бессмысленно, — решительно сказал отец. — Не теряй времени, приступим к сбору образцов. Начнем, пожалуй, с самых маленьких.

Сбор крохотных Головок — с булавочную головку, горошинку или шляпку гвоздя — не составил труда: их мы снимали скальпелем со слизистых комочков или пинцетом подбирали с земли, после чего укладывали в сосуды с фиксатором. Когда дошла очередь до крупных Голов, то здесь нас ожидала неожиданность: Головы воспротивились нашему вмешательству. Едва мы попробовали на одной из них сделать надрез, как Голова тут же интенсивно заискрилась, а за ней и все остальные. В то же мгновение мы ощутили мощный сигнал-предупреждение: «Оставьте нас в покое! Убирайтесь!» Мы думали, что крохотный надрез на теле Головы не причинит ей особого вреда, ранка зарубцуется. Однако стоило нам взять срез с одной из них, величиной с футбольный мяч, как она, ярко вспыхнув — за ней тотчас заискрились и остальные, — обмякла, из нее вытекли струйки жидкости и устремились в озеро. Сигнал опасности был столь недвусмыслен, что мы, побросав все, бросились прочь. И только отбежав метров десять, пришли в себя, с трудом переводя дух. Взглянув на Головы, мы увидели, что искрение исчезло, а с ним и наш безотчетный страх.

— Ну, хватит, отец! — заявил я. — Не прикасайся более ни к одной крупной Голове! Бог с ними, с образцами!

— И все же хорошо бы добыть их, — настаивал отец. — Я не сомневаюсь, что ткани взрослых Голов отличаются от малюток. А что представляют собой узелки, в которых появляется искрение? Будь что будет, но образцы мы должны добыть комплектно!

— Мне страшно, отец! По-моему, Головы опасны. Вспомни, как они встретили нас в первый раз: они же отгоняли нас от себя! И сегодня, когда мы попытались сделать надрез на крупном экземпляре, история повторилась: Головы гнали нас прочь! Вряд ли нам удастся произвести над ними такую экзекуцию. И вообще: тебе не кажется, что она смахивает на убийство?

— По-твоему, я делаю все это с радостью? По-твоему, мне не страшно? Но рискнуть мы обязаны. Решим так: обвяжемся веревкой, закрепим ее за какой-нибудь большой валун. Если Головы прикажут нам убираться вон, бежать без оглядки, веревка нас удержит. Понятно? Речь идет о последнем образце!

Тот образец и в самом деле оказался последним. Последним, который успел сделать отец при жизни.

Он шел, не ведая ни о чем, держа в одной руке скальпель, а в другой полиэтиленовую бутылку и медленно приближаясь к крупной Голове, возвышающейся не-вдалеке. Она уже начала искриться. Я словно бы услышал строгий, безоговорочный приказ: «Берегись, не подходи, беги подальше! Тебе грозит опасность!»

Однако у отца хватило мужества вонзить скальпель в глубь этого огромного шара. Надрезав ткань, он отсек от нее кусочек и, быстро опустив в пробирку, закупорил сосуд, бросив его в походную сумку. Уже тогда, когда отец погрузил скальпель в ее тело, Голова вспыхнула

ярким светом. Тотчас заискрились и соседние экземпляры. И вот уже я увидел, как отец, словно слепой, не разбирая дороги, бросился наутек, подальше от Головы.

Я тоже побежал изо всех сил, не зная куда, подгоняемый мучительной болью — казалось, кто-то резанул меня чем-то острым. Скорей, только бы подальше от этого проклятого места — эта мысль возобладала над разумом; в голове у меня стало пусто. Сквозь забытие я почувствовал резкий удар в живот, меня что-то зацепило за пояс и потянуло назад, острая боль пронзила все тело. От удара в голову я упал, искры посыпались из глаз. И я потерял сознание.

Мне было безумно плохо. Единственное, что я различал, — нестерпимую боль в голове, это ощущение затмевало все другие. Я то пробуждался, то снова впадал в беспамятство. Издалека до меня доносился чей-то грубоватый голос. Но слова словно уплывали, я не мог их разобрать. Время от времени пытался открыть глаза: какое-то разноцветное мелькание, проблески света, но тут же снова проваливался в пропасть тьмы, теряя сознание.

Когда я очнулся окончательно, то понял, что теперь мне лучше, хотя голова по-прежнему болела, острая боль отдавала в левый висок. Приоткрыв глаза, я увидел неясный свет, но ни повернуться на бок, ни шевельнуться не мог. Я лежал возле палатки, надо мной склонился какой-то мужчина. Врач. За его спиной, на плато, виднелся зеленовато-серый вертолет. Моя левая нога выше колена была туго забинтована.

— Где я, каким образом здесь очутился? — с трудом выдавил я из себя. — Что с отцом?

— Мы с пилотом перенесли тебя сюда. Ну и дела тут! — Врач нахмурился. — Мы пролетали как раз

в тот момент, когда вы как безумные неслись от воды. Казалось, за вами черти гонятся!

— Где отец?

Врач опустил голову. Потом печально взглянул на меня. В глазах у него блеснули слезы. Тяжело вздохнув, он положил руку мне на плечо. Я понял все.

— Какое несчастье! Отец, боже мой! Почему, ну почему он не послушал меня?

— Смерть наступила мгновенно. Веревка, которой он был обвязан, за что-то зацепилась, и он упал. При падении у него треснуло стекло на шлеме, и он оказался беззащитным перед ядовитыми газами. У меня у самого подкосились ноги, когда мне пришлось вместе с пилотом тащить твоего отца поближе к палатке. Не будь со мной этого молодца, остался бы и я там на веки веков. Ты не знаешь, что это за газ?

— В основном угарный, — машинально ответил я, не вникая в его слова. Только сейчас до меня дошел весь ужас трагедии. Какими словами передать мою боль, отчаяние и беспомощность? Обессиленный, застывший от горя, я долго сидел, еще не осознавая до конца всей остроты потери.

— Отца не вернуть, друг, мужайся!

Я взглянул в ту сторону, откуда слышался голос: рядом со мной прямо на земле сидел врач, участливо поглаживая меня по плечу.

— Надо поскорее собраться и отправиться домой, — продолжал он. — Боюсь, с научными исследованиями придется распрощаться надолго. Время в мире неспокойное — того и гляди, война начнется. Экспедиция уже возвращается с водопада. Я ведь летел назад, забрав кое-какие приборы, а по пути намеревался сообщить вам эту неприятную весть. К счастью, я заметил ваш джип в долине и разыскал вас в этом заброшенном краю. Давай-ка сложим все необходимое, я заберу тебя и отца — и, не откладывая, на аэродром. Джип и ос-

тальное имущество прихватят другие. Наша задача — побыстрее упаковать приборы и образцы — и в путь. Куда же запропастился пилот?

Мы нашли его в долине; он стоял неподвижно, не сводя глаз с Голов. Врач посигналил. Пилот обернулся и направился к нам.

Я хотел привстать, но при первом же движении острая боль прожгла меня насквозь, на глаза навернулись слезы.

— Мартин, не двигайся! У тебя вывихнута нога, перелом бедра и колена. Мы управимся сами, сложим все необходимое — и баста. Но объясни все-таки, что тут у вас произошло?

Я рассказал ему обо всех наших приключениях, коротко коснувшись опытов, проведенных над Головами, и изложил суть наших наблюдений. Я увлеченно распространялся об удивительных особенностях Голов, когда заметил, что возле нас оказался пилот, пристроившийся рядом с врачом.

— Пора бы заводить вертолет, через пару минут мы отправляемся, — сердито сказал врач, а когда пилот отошел, добавил: — При нем об этих вещах лучше помалкивать.

Я огорчился, словно предчувствуя, что с этим человеком еще придется встретиться.

Врач поднялся и тоже направился к вертолету. Вместе с пилотом он начал укладывать приборы, собирать бумаги, записи, образцы. Потом, свернув палатку, они сложили оставшиеся вещи в джип. Пока оба наводили порядок в лагере, я машинально протянул руку к магнитофону, на который мы с отцом попытались записать «голоса» Голов. «Бедный отец, — подумал я в отчаянии, — почему он не последовал моему совету? Зачем отправился за этим последним образцом!»

Еще раз мысленно обращаясь к событиям послед-

них дней, я бездумно нажимал на кнопки и поворачивал ручки. Вдруг из магнитофона донесся тихий звон, словно кто-то негромко постукивал ложечкой по хрустальному бокалу. В этот звук влился иной, более высокого тона. Казалось, звенит серебряный колокольчик.

— Доктор, брось все и беги скорей сюда! Послушай! Они же переговариваются, ты только прислушайся!

— Кто разговаривает? — подбежал запыхавшийся врач.

Я усилил звук. Теперь уже отчетливо слышались нежные, мелодичные звуки, тихий перезвон.

— Головы! Головы разговаривают! — возбужденно восклицал я. — Понимаешь, я машинально вертел ручки магнитофона. Видимо, ненароком переключил скорость вращения пленки. Мы-то записывали на скорости в 19 оборотов, поэтому ничего не слышали. Похоже, это звуки высокой частоты, не воспринимаемые человеческим ухом. Но если уменьшить скорость вращения пленки, их можно слышать!

Мы еще долго прислушивались к мелодичному перезвону, пока я не выключил магнитофон.

Спустя несколько минут вертолет оторвался от земли, взяв курс на аэродром, откуда мы вылетели в Прагу.

Возвратившись в столицу, мы занялись обработкой собранных материалов. Результаты наших исследований и лабораторных экспериментов были опубликованы на страницах специальных изданий.

Я неоднократно консультировался с геологами и географами относительно геологического прошлого открытой нами с отцом долины. Они подтвердили, что долина и окружающий ее мир существовали около тысячи лет, причем практически не претерпев изменений. Что же касается горного массива, то он неоднократно испытывал на себе последствия катаклизмов. Этот

район не единожды подвергался землетрясениям, о чем свидетельствует современный ландшафт. Надо полагать, и возникновение Голов, этих загадочных творений природы, можно отнести к той же эпохе. Если это и в самом деле так, то их филогенетическое развитие происходило бурным темпом.

Тщательное исследование собранных нами образцов, как мне казалось, однозначно объяснило причину столь интенсивного прогресса. Наша теория, фантастическая и революционная по тем временам, вызвала много шума, она завоевала немало сторонников, но нашлись и противники, причем в достаточном количестве.

Сравнив строение тканей Голов разных возрастных категорий, мы пришли к выводу, что Головы наследуют все признаки своих предков, в том числе и приобретенные: опыт, знания, информацию, полученные сородичами за кратковременный период жизни. Однако передача наследственности у них осуществлялась не генами. Их тела состояли не из отдельных клеток, как у высших организмов; каждая особь представляла собой одну гигантскую клетку. Внутренняя структура и взаимосвязь отдельных частей этой клетки-великана оказались гораздо сложнее, чем у всех доселе известных одноклеточных организмов или тканей высших животных.

Роль ядра клетки с хромосомами, генами и другими органеллами выполняли у Голов мельчайшие серые тельца, в которых возникало искрение. Они же выполняли функцию нервных центров. Этих серых узелков в каждой крупной Голове насчитывалось, по данным отца (что стоило ему жизни!), несколько миллионов! В них возникало не только искрение, но и те звуки, которые нам удалось записать на магнитофонную ленту. Что до меня, то я уверен, что именно оттуда исходили таинственные сигналы, заставлявшие нас кидаться нау-

тек. Думаю, что посредством этих органов Головы обменивались информацией.

Наше сообщение, весьма скупое на описание подробностей, в первый момент вызвало сенсацию, а вслед за тем острую полемику. Один научно-популярный журнал выступил с нападками на нас, утверждая, будто все, нами изложенное, — не что иное, как чистый вымысел, мистификация, на худой конец, неудачная шутка. Но шум вокруг нашего открытия быстро утих: началась война, иные, более важные и первоочередные проблемы вытеснили научную дискуссию.

Мы вновь направились в долину спустя семь лет. Нас было трое: я и два моих ассистента, остальные должны приехать через два дня. Ими руководит врач — единственный, кроме меня, участник предыдущей, предвоенной, экспедиции.

Я с трудом дождался момента, когда джип по непролазной дороге перевалил через последний горный хребет. Привал сделали на том же плато, где когда-то мы с отцом разбили лагерь. Выйдя из машины, я окинул взглядом долину. «Ее не узнать», — подумал я. Озеро уменьшилось почти вдвое, берега заросли растительностью, в самой высокой скале чернело глубокое отверстие — словно из нее вырвался необузданный фонтан воды, сметая все вокруг. Внизу, у озера, виднелись какие-то развалюхи из ржавого железа. По берегу тянулись остатки колючей проволоки, а на скале возвышалась скособочившаяся деревянная сторожевая вышка.

— Вот так новости! С исследованиями все конечно! — сказал я в сердцах. — Напрасно мы здесь расположились.

Мы спустились к озеру. Цвет воды в нем не изме-

нился, но само озеро стало гораздо меньше. На поверхности воды, это было заметно даже с берега, вскипали пузырьки. Когда я наклонился, намереваясь рукой определить температуру воды, у меня закружилась голова.

— В воде явно содержится сероводород и другие газы. Они поступают сюда из глубокого ущелья напротив. Но Голов я не вижу. А раньше они находились именно в том месте, где мы сейчас стоим, — я показал на поросший травой и цветами склон.

— Не все потеряно, Мартин, — прервал мои сетования Гонза. — Посмотрите-ка на тот камень!

И в самом деле — на камне виднелся едва заметный сероватый слизистый налет. Позднее такой же налет встречался нам и в других местах вдоль берега.

— Сбегай в лагерь за реактивами, Владя, — послал я младшего ассистента. — Да прихвати парочку бутылок для сбора воды. Рассмотрим-ка все это под микроскопом. Может, в озере еще остались зародыши Голов.

Владя возвратился навьюченный, как верблюд. Он приволок не только реактивы, флажки, фиксаторы и цилиндр для сбора планктона, но и стол с микроскопом. Импровизированную лабораторию мы собрали прямо на берегу. А через несколько минут Гонза исследовал химический состав воды, я же уткнулся в микроскоп, рассматривая слизистый налет. Не успел я хорошенько навести фокус, как услышал голос Гонзы:

— Похоже, что состав воды тот же. Ничего не изменилось, так бы я сказал.

А вскоре под микроскопом я ясно уловил движение. Палочки бактерий, вот они и сгруппировались! Первая и вторая стадии возникновения Голов! Значит, они существуют!

Мы тщательно обследовали все южное побережье озера, но Голов нигде не было. В одной крошечной мелкой заводи между двумя заболоченными участками почвы наткнулись на обилие слизи. Мне это напомнило

место, где из слизистых комьев возникали крохотные Головки.

Наконец мы добрались до ущелья в скале. Здесь нам во всей полноте открылась картина катастрофы: по всему краю некогда невысокого каньона зияли глубокие воронки. Тут явно кто-то похозяйничал! Скорее всего разбой произошел несколько лет назад. Скала поросла зеленовато-седым лишайником и мхом, а ущелье покрылось сочной высокогорной травой. Только в самом низу, почти вплотную к озеру, куда просачивались газы, почва оставалась голой. Острые камни — видимо, вырванные взрывом обломки скалы — лежали словно обнаженные тела. Но настоящее опустошение царило наверху. Под крутой скалой проход сужался, в некоторых местах он был не более полутора метров. Как только я заметил этот участок, в моей голове зародился план. Правда, до поры до времени я о нем и словом не обмолвился. Только вечером когда мы разбили палатку и развели костер, мне стала ясна дальнейшая программа действий.

— Послезавтра сюда придут остальные, — задумчиво произнес Гонза. — То-то они огорчатся! Столько планов! Какое варварство — уничтожить уникальную форму жизни!

— Знаете что, друзья, — начал я, — а не завалить ли нам ущелье камнями, чтобы вновь образовалась запруда, в которой собирался бы газ? Чем не условия для появления Голов? Если нам удастся замуровать эту дыру в скале, у Голов появится необходимая жизненная среда!

— Здорово придумано, — вскочил Владя, но тут же добавил: — На это уйдет уйма времени, а в нашем распоряжении один-единственный месяц.

— Ты забываешь, что через день сюда придут полтора десятка новых работников. Разве они не помогут нам?

Следующие два дня с утра до вечера мы не знали отдыха. Снова и снова обшаривали каждый метр поверхности вдоль берега. Напрасно. Ни следа Голов. Отбирая и исследуя пробы воды и слизи, мы обдумывали, как лучше провести защитные мероприятия. Наконец на перевале появились три вездехода, груженные провиантом, и члены экспедиции. В нескольких словах я обрисовал картину бедствия, постигшего долину, и предложил план ее восстановления.

Если не считать врача, вся группа состояла из молодежи. Они с энтузиазмом согласились с нашим предложением: ведь от этого зависит судьба редчайших организмов, некогда обитавших на Земле. Когда мы расселись вокруг костра, вперед выступил наш доктор.

— Я могу рассказать, что здесь произошло, — печально начал он.

Мы все только рты пооткрывали от удивления.

— Значит, ты был в курсе, доктор? Когда же тебе это стало известно? — не сдержался я.

— Ты ведь понимаешь, что, когда мы прилетели, необходимо было выполнить кое-какие формальности, обменять деньги, закупить провизию. И знаешь, кого я там встретил? Бывшего пилота вертолета, помнишь? Мы разговорились о том, о сем, и мне бросилось в глаза, что он от меня что-то утаивает. Стоило мне завести речь о долине, как он переводил разговор на другую тему, юлил, недоговаривал. И только за ужином, когда я напоил его так, что язык у него развязался, удалось выудить из него все.

— Что он рассказал? Не томите, доктор, — раздались голоса.

— Видите ли, я предполагал худшее. Пилот сказал, будто уничтожена вся долина, ни одного «гриба», ни капли воды не осталось. Но все же долину не удалось начисто смести с лица земли. А во всем виноват этот проходимец. Ты ведь помнишь, Мартин, дело было перед са-

мой войной. Раззвонил он о долине, так что и до оккупантов в конце концов дошли слухи. Когда они стали допытываться — а они умели это делать! — он не только рассказал обо всем, но и показал дорогу.

Оккупанты решили продолжить исследования самостоятельно. Весь тот район, примерно два десятка квадратных километров, они объявили закрытой зоной, обнесли его колючей проволокой, понастроили сторожевых вышек. Вслед за тем организовали экспедицию.

А три дня спустя среди окрестных жителей поползли удивительные слухи. Водитель и грузчик, отвозившие продукты изыскателям, возвратились назад, перепуганные до смерти: по их словам, лагерь был пуст, а все члены экспедиции мертвы.

Разумеется, тут же выслали войска и комиссию для расследования. Заключение комиссии гласило: все члены экспедиции покончили жизнь самоубийством — видимо, в припадке умопомешательства. Трупы нашли под скалой неподалеку от мест, где росли Головы.

Врач замолчал, внимательно глядя на меня. Мне живо вспомнилась трагическая смерть отца. Остальные, не поняв, чем вызвана пауза, просили рассказчика продолжать.

— Из найденных дневниковых записей и протоколов было ясно, что работа экспедиции осуществлялась строго по плану. Трагедия разыгралась в день, когда намечалось провести биохимические анализы тканей Голов.

Вопреки выводам комиссии оккупационные власти пришли к заключению, что все происшедшее — тщательно законспирированная акция партизан. А партизан в горах и в самом деле хватало. И тогда был издан приказ: уничтожить долину. Туда послали роту саперов, получивших четкое задание: разрушить до основания ущелья, с корнем выдрать Головы и сровнять озе-

ро с землей. К счастью, этот чудовищный замысел до конца осуществить не удалось, — закончил наш доктор, — но последствия его вы видите сами.

Пять последующих дней мы весьма успешно выступали в роли строителей пирамид, а не научных сотрудников. Проем ущелья в самом его узком месте засыпали глиной и камнями, доведя уровень грунта до прежней отметки. Котлован над поверхностью воды стал постепенно заполняться газом. Каждое утро мы проверяли, насколько поднялся уровень газа, — это можно было легко проследить по пожелтевшей траве и увядшим цветам. А днем, запасаясь аквалангами, спешили убедиться, нет ли чего нового на берегу.

Но все оставалось по-прежнему, нигде ни единого признака возрождения Голов, если не считать утешительного факта: серая слизь на берегу день ото дня становилась гуще. До возвращения оставалась неделя. Мы уже начали сборы в обратный путь, когда появились первые признаки, сначала едва заметные, а затем все более явные, особенно в маленькой заболоченной запруде: количество бактерий в озере резко увеличилось.

Накануне отъезда мы с Гонзой в скафандрах и с аквалангами отправились на озеро. Нас ожидало чудо!

На берегу, у самой воды, из серой слизистой массы то тут, то там начали появляться едва различимые Головы. Мы наблюдали за ними целый день, даже утром рано перед отъездом успели спуститься к озеру. Головки не увеличивались в размере и не распространялись на склон, послушно оставались на месте. Но одна крохотулька все-таки превратилась в маленький комочек, который, однако, вскоре распался. Капельки светло-серой жидкости скатились в воду. Я успел собрать в пипетку несколько капель.

Изучив их под микроскопом, я чуть не подпрыгнул от радости: жидкость кишела бактериями! Следовательно, круговорот жизни возрождался, как многие столетия назад. Сколько же придется ждать, пока появятся крупные Головы?

Нам более не пришлось побывать в тех краях, но из сообщений, регулярно получаемых от друзей, мы знаем, что за последние десять лет наблюдается немалый прогресс. Головки растут и постепенно взбираются все выше по склону. Самые крупные из них уже достигли размера теннисного мяча. Теперь-то развитие не приостановить!

Кто знает, может, наши правнуки доживут до тех дней, когда возрожденные Головы откроют секреты природы, над которыми человечество бьется веками, и их ответы дадут ключ к разгадке не одной удивительной тайны.

Несколько слов о современной чешской и словацкой фантастике

Исторически чешская и словацкая фантастика не так глубоко уходит корнями в прошлое, как это можно видеть у других народов, в частности, русского, французского, английского, немецкого. Это объясняется тем, что политическую самостоятельность Чехословакия получила лишь в 1918 г.: население Чехии находилось в зависимости от габсбургской монархии почти 300 лет, а словацкий народ был лишен национальной независимости фактически тысячелетие. Поэтому не удивительно, что формирование словацкой фантастики происходило лишь в 20-х годах нынешнего столетия. Что же касается чешской литературы, то там проникновение фантастических тем отмечалось уже в начале прошлого века (Вацлав Родомил Крамериус, Йозеф Иржи Колар). В середине XIX в. среди чешских писателей и журналистов были популярны имена Якуба Арбеса и Святоплука Чеха, которые в своих произведениях нередко обращались к фантастике, точнее, к сатирическому мотиву в фантастике. Романы, написанные С. Чехом в 80-е годы о приключениях пана Броучека, хорошо известны не только в Чехословакии, но и далеко за ее пределами.

В начале текущего века появляются новые имена чешских фантастов, среди которых в первую очередь надо назвать Карела Чапека, по праву считающегося основоположником чехословацкой фантастики. Творчество Чапека хорошо известно советскому читателю. Он

неоднократно издавался в СССР. Вероятно, многие знают, что именно Чапек ввел в обиход слово «робот». Продолжателем своеобразной манеры письма, сочетающего в себе элементы фантастики и реальности, которая была характерна для Арбеса, можно считать Яна Вайсса. Его произведения также известны советскому читателю.

Вторая мировая война и оккупация Чехословакии немецкими фашистами прервала развитие научно-фантастического направления в чехословацкой литературе, но затем фантастика получила в стране «право гражданства». В послевоенный период завоевали популярность приключенческо-фантастические романы крупного ученого, академика Франтишека Бегоунека, а также произведения Яна Вайсса. В 50-е годы с большим интересом читаются в Чехословакии рассказы Владимира Бабулы, популяризатора советской науки и техники.

В 60—70-е годы наиболее читаемым писателем-фантастом в Чехословакии стал Йозеф Несвадба, которого, наряду с Арбесом, Чапеком, Вайссом, относят к классикам чешской фантастики. Произведения Й. Несвадбы неоднократно переводились и на русский язык (сб. «Мозг Эйнштейна» и др.). После продолжительного (почти двадцатилетнего) перерыва писатель вновь вернулся к фантастике, хотя в основном его произведения выходят за рамки этого жанра литературы.

Последнее десятилетие оказалось наиболее плодотворными для развития чехословацкой фантастической литературы. Появилось много новых имен. Особым уважением читательской аудитории пользовался Людвик Соучек (1926—1978). Его перу принадлежит 14 книг. В 1985 г. посмертно вышел из печати сборник его рассказов, в котором представлены и не опубликованные при жизни произведения.

К тому же поколению чешских фантастов относятся Вацлав Кайдош и Ярослав Зика. В последние

10—15 лет одним из ведущих писателей-фантастов становится Ярослав Вейс, журналист по профессии, популяризатор науки и техники. Его сборники фантастических произведений («Эксперимент для третьей планеты», 1976; «Шкатулка Пандоры», 1979; «Море времени», 1985) известны не только в ЧССР, но и в других странах. Именно Я. Вейс основал в 1979 г. Клуб фантастов при математическом факультете Карлова Университета в Праге, целью которого была пропаганда фантастики как жанра литературы. Вместе с Войтехом Кантором, ответственным за специальную серию «13» в издательстве «Млада фронта» (Прага), Вейс обеспечил издание сборников этой серии, включив в них произведения молодых авторов-фантастов (Черник, Чигарж и др.). Новое поколение фантастов ЧССР в своих произведениях опирается не только на традиции национальной фантастики, но и использует опыт прогрессивных зарубежных авторов. Среди самых молодых чешских писателей-фантастов заслуживают упоминания Любомир Махачек, в известной мере придерживающийся манеры письма Чапека, Ладислав Салаи, пишущий юморески, Людмила Фрейова и Яна Моравцова — мастера психологического повествования и др.

Словацкая современная фантастика еще достаточно молода. Старшие ее представители — Ярослав Ленчо и Иван Изакович — вступили на литературный путь в 60-е гг., а их популярность как писателей-фантастов относится к 70—80-м гг. Рассказ И. Изаковича «Одиночество» получил премию Словацкого литературного фонда, переведен на языки почти всех социалистических стран. В последнее десятилетие растет известность представителей словацкой прозы, в частности, Яна Фекете и Альты Вашовой. Сборник Я. Фекете «Музыка для космоса» (1982), куда включены и рассказы научно-фантастической тематики, во многом посвящен проблемам экологии: писатель призывает задуматься

над тем, чем может обернуться для человечества бездумное, безжалостное загрязнение окружающей среды нашей планеты промышленными отходами. А. Вашова работает в жанре романов (ее книга «Близнецы из Гемина» имела большой читательский успех).

Пока еще рано подводить итог творчеству чехословацких писателей-фантастов последних десятилетий. Талантливых авторов немало, вопрос лишь в том, не изменят ли они этой теме. Кроме того, термин «научная фантастика» предполагает отражение в литературе прогресса технической мысли и перспективных идей. Среди же чехословацких писателей, работающих в области фантастики, много гуманитариев, которые в силу своего образования нередко стремятся обойти молчанием технические вопросы. Их в большей степени интересует поведение человека, поставленного в необычные условия.

Ондржей Нефф

Коротко об авторах

Ярослав Вейс (род. в 1946 г.) — по профессии журналист, редактор журнала «Пионер», популяризатор науки и техники. В 1976 г. вышел первый сборник его научно-фантастических произведений «Эксперимент для третьей планеты», удостоенный премии АН ЧССР. В 1979 г. Вейс опубликовал сборник рассказов «Шкатулка Пандоры», получивший широкую известность и за рубежом; в 1985 г. вышел новый сборник «Море времени». Вейс пишет также радиопьесы и занимается переводами с английского языка.

Ярослав Велинский (род. в 1946 г.) — родом из г. Усти-над-Лабем. Специального литературного образования не имеет, но много пишет — в его активе пьесы для театра, детективные произведения. В 1969 г. вышел из печати фантастический роман Велинского «Записки из Гарта».

Зденек Вольный (род. в 1946 г.) — один из самых популярных современных писателей-фантастов ЧССР. Работал редактором в издательстве «Праце» (Прага), сейчас — главный редактор журнала «Заграничная литература» (Прага); занимается литературной деятельностью и переводами с английского языка. В последние три года появилось несколько сборников его произведений; большинство включенных в них рассказов относятся к жанру фантастики.

Ярослав Зика (род. в 1922 г.) — профессор-химик в Карловом Университете (Прага), член ученых советов многих зарубежных учебных заведений и научных учреждений; несколько лет работал экспертом ЮНЕСКО. Последние годы сотрудничает с чехословацким телевидением и радио (ведет серию передач «Человек и химия»). Зика известен как автор произведений, близких по тематике к научной фантастике.

Иван Изакович (род. в 1934 г.) — словацкий писатель, автор нескольких романов и телеспектаклей. Роман «Чужие миры», вышедший в 1975 г., завоевал признание читателей и получил высокую оценку прессы. Известен как переводчик русской и советской литературы (Чехов, Брюсов, Серафимович, Булгаков, Симонов и др.).

Вацлав Кайдош (род. в 1925 г.) — по профессии врач-хирург, известен также как специалист по иглоте-рапии (в его переводе на чешский язык издательство «Мир» выпустило совместно с пражским издательством «Авиценум» книгу профессора Е. Д. Тыкочинской «Ос-новы рефлексоиглоте-рапии»). Автор исторических ро-манов и научно-фантастических рассказов, за которые неоднократно был удостоен наград как в ЧССР, так и за рубежом (в Швеции и в СССР). Его рассказы пере-водились в Советском Союзе, ГДР, Швеции и других странах.

Душан Кужел (род. в 1940 г.) — окончил фило-софский факультет Университета имени Я. А. Комен-ского в Братиславе, где изучал словацкий язык и исто-рию. Работал учителем, а затем редактором ряда издательств (крупнейшего словацкого издательства «Смена» в Братиславе, специализирующегося на вы-пуске литературы для молодежи, издательства «Сло-венски списовател»). Автор трех сборников рас-

сказов. В настоящее время сотрудничает на радио и телевидении.

Ярослав Ленчо (род. в 1933 г.) — видный словацкий прозаик, перу которого принадлежит много произведений для детей и молодежи. Занимается научной фантастикой, выпустил сборник «Мечь потустороннего мира» (1971).

Любомир Махачек (род. в 1947 г.) — окончил философский факультет Университета в г. Оломоуц. По специальности психолог. Автор четырех сборников рассказов, из них два посвящены научной фантастике. Известен его роман «Начать любить» (1980).

Яна Моравцова (род. в 1937 г.) — по специальности филолог-славист (окончила философский факультет Карлова Университета в Праге), переводчик с русского и испанского языков. Автор нескольких романов и книг для детей. В 1973 г. Моравцова была признана победителем конкурса, проводимого Чешским литературным фондом и журналом «Творба». В 1973 г. опубликовала сборник рассказов «Клуб неопытных», в который включены произведения из области фантастики.

Йозеф Несвадба (род. в 1924 г.) — медик по образованию, психиатр. Как писатель хорошо известен в Советском Союзе. Его рассказы из сборников «Смерть Тарзана» (1958), «Мозг Эйнштейна» (1960), «Путешествие в обратном направлении» (1962) переведены во многих странах, в том числе в СССР.

Ондржей Нефф (род. в 1945 г.) — окончил Карлов Университет в Праге. Известный критик и профессиональный журналист, работает редактором воскресного приложения к газете «Млада фронта». Научной фантастикой занимается с 1975 г. Автор рассказов, пове-

стей, критических статей о развитии фантастики в ЧССР (сборник «Что-то не так», 1982). В настоящее время работает над книгой по истории мировой фантастики.

Мартин Петишка (род. в 1951 г.) — окончил Карлов Университет в Праге по специальности славянская филология и театроведение. Автор сборников стихов, фантастических рассказов (книга «Самый большой скандал в истории человечества», 1985). Псевдоним Эдуард Мартин.

Ладислав Салаи (род. в 1951 г.) — словак по национальности, но пишет по-чешски. Известен как автор стихов, песен, рассказов, участник фестиваля политической песни в Соколово (ЧССР). Л. Салаи — выпускник профтехучилища, работает обходчиком железнодорожных путей. Его стихи публикуются на страницах крупнейших чехословацких газет («Руде право» и др.). Салаи выпустил два сборника научно-фантастических рассказов (1984, 1985).

Людвик Соучек (1926—1978) — один из старейших фантастов Чехословакии, автор ряда произведений («Дорога слепых птиц», «Братья черной планеты», «Туннель в послезавтра» и др.). Врач по профессии, Л. Соучек как писатель проявлял интерес к научно-фантастической тематике, а также посвятил себя популяризации науки.

Ян Фекете (род. в 1945 г.) — окончил Педагогический институт в Банска-Бистрице по специальности словацкий язык и история. Учитель средней школы; на литературное поприще вступил в 1963 г., автор книг для детей, рассказов и стихов. С 1976 г. посвятил себя научной фантастике. В 1982 г. — победитель конкурса Словацкого литературного фонда (роман «Музыка для космоса»).

Людмила Фрейова (род. в 1926 г.) — преподаватель средней школы, известна как автор статей на темы воспитания молодого поколения. С 1977 г. в издательствах «Млада фронта», «Альбатрос» начали выходить сборники ее научно-фантастических рассказов.

Збинек Черник (род. в 1951 г.) — один из самых молодых авторов сборника. Окончил философский факультет Карлова Университета, работает редактором в издательстве «Одеон», переводит с английского и шведского языков, пишет сценарии для Чехословацкого радио.

Иржи Чигарж (род. в 1929 г.) — молодой писатель-фантаст. Больше известен в специальной печати как автор научных статей и публикаций в области биологии, зоологии, природоведения.

Содержание

Кир Булычев. НАСЛЕДНИКИ ЧАПЕКА	5
Ярослав Вейс. ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО. <i>Пер. с чешск.</i> А. Першина	18
Ярослав Вейс. СЕРДЦЕ. <i>Пер. с чешск. Г. Матвеевой</i> . .	34
Ярослав Вейс. ДА, КСТАТИ, НА ЧЕМ ЖЕ Я ОСТАНО- ВИЛСЯ?.. <i>Пер. с чешск. Г. Матвеевой</i>	58
Ярослав Велинский. ЭПИДЕМИЯ. <i>Пер. с чешск. Е. Вих- ревой</i>	67
Зденек Вольный. ОГОНЬ ИЗ ЧИСТОГО ЗОЛОТА. <i>Пер.</i> <i>с чешск. А. Першина</i>	73
Зденек Вольный. ЖЕНА И АНКЕТА. <i>Пер. с чешск.</i> <i>А. Першина</i>	84
Ярослав Зика. РЕШЕНИЕ. <i>Пер. с чешск. И. Зино</i> . . .	93
Иван Изакович. ОДИНОЧЕСТВО. <i>Пер. со словацк.</i> <i>А. Машковой</i>	108
Вацлав Кайдош. КУРУПИРУ. <i>Пер. с чешск. Г. Мат- веевой</i>	120
Душан Кужел. НЕКРОЛОГ. <i>Пер. со словацк. Г. Мат- веевой</i>	163

Ян Ленчо. ПОПЫТКА УНИЧТОЖИТЬ ПЛАНЕТУ. <i>Пер. со словацк. Г. Матвеевой</i>	175
Любомир Махачек. ДОМАШНИЙ ПОМОЩНИК. <i>Пер. с чешск. И. Герчиковой</i>	189
Яна Моравцова. ЦВЕТОК. <i>Пер. с чешск. И. Герчиковой</i>	199
Йозеф Несвадба. ГОЛЕМ-2000. <i>Пер. с чешск. А. Машковой</i>	206
Ондржей Нефф. ЛЕНТЯЙ. <i>Пер. с чешск. Т. Осадченко</i>	248
Ондржей Нефф. ЗАПАХ ПРЕДКОВ. <i>Пер. с чешск. Т. Осадченко</i>	265
Мартин Петишка. ДЕРЕВО. <i>Пер. с чешск. А. Машковой</i>	274
Ладислав Салаи. ЛЕТАЮЩИЙ ПОЕЗД. <i>Пер. с чешск. И. Герчиковой</i>	296
Людвик Соучек. КЛЯТВА ГИППОКРАТА. <i>Пер. с чешск. Г. Матвеевой</i>	304
Людвик Соучек. В ИНТЕРЕСАХ ГАЛАКТИКИ. <i>Пер. с чешск. Е. Элькинд</i>	322
Ян Фекете. СУДЬБА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ МИШКО САМАРИТАНА. <i>Пер. со словацк. И. Герчиковой</i>	339
Людмила Фрейова. НЕВИДИМЫЕ ПРЕСТУПНИКИ. <i>Пер. с чешск. А. Машковой</i>	346
Збинец Черник. САМОЕ ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО КОМИССАРА. <i>Пер. с чешск. А. Першина</i>	387
Збинец Черник. МАШИНА ВРЕМЕНИ. <i>Пер. с чешск. А. Першина</i>	394

Збинек Черник. РОКОВАЯ ОШИБКА ПРОФЕССОРА ГОНЗАЛЕСА. <i>Пер. с чешск. А. Першина</i>	400
Иржи Чигарж. ДОЛИНА. <i>Пер с чешск. Г. Матвеевой .</i>	407
Ондржей Нефф. Несколько слов о современной чешской и словацкой фантастике	434
Коротко об авторах	438

Литературно-художественное издание

ДЕНЬ НА КАЛЛИСТО

Сборник научно-фантастических произведений

**Старший научный редактор И. Я. Хидекель
Младший редактор И. Б. Ильченко
Художник К. А. Сошинская
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технический редактор Е. В. Алехина
Корректор Н. А. Гиря**

ИБ № 6753

**Сдано в набор 11.03.86. Подписано к печати 11.09.86. Формат
70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Объем 7,0 бум. л. Усл. печ. л. 18,20. Усл.
кр.-отт. 36,87. Уч.-изд. л. 19,73. Изд. № 9/5791. Доп. тир. 100 000 экз.
Зак. 2963. Цена 2 руб.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

**Ордена Трудового Красного Знамени Калининский
полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.**

**В 1986 году
издательство «МИР»**

**в серии «Зарубежная фантастика»
выпускает следующие книги:**

**Герберт Франке
ИГРЕК МИНУС.
Сборник научно-фантастических произведений.
Пер. с нем.**

**НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ.
Сборник научно-фантастических произведений
Пер. с англ. и нем.**

**В конце 1986 г.
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МИР»**

**планируется выпуск сборника
«Французская фантастическая проза»
(т. 23 межиздательской серии
«Библиотека фантастики»).**

**В сборник включены произведения извест-
ных французских писателей: Веркора, Ф. Кар-
сака, П. Буля, Ж. Клейна, А. Моруа и др.
Объем сборника 30 л.**

Зарубежная



фантастика

2 руб.



Издательство «Мир» Москва